

ПОБЕДА КОВАЛАСЬ В ТРУДЕ И В БОЮ

***ЛЫСЬВА
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ***

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Лысьвенская библиотечная система»
Центральная библиотека

ПОБЕДА КОВАЛАСЬ В ТРУДЕ И В БОЮ

**ЛЫСЬВА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Сборник статей

Лысьва

Победа ковалась в труде и в бою : Лысьва в Великой Отечественной войне : сборник статей / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Лысьвенская библиотечная система», Центральная библиотека ; составитель Е. И. Завьялова. – Лысьва : ..., 20.... – 387 с.

Сборник статей посвящён подвигу наших земляков в грозные и тяжёлые годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. На полях сражений и в тылу они ценой невероятного мужества выстояли и спасли свое Отечество от фашизма.

Книга предназначена для учащихся, педагогов, краеведов, всех, кто интересуется историей своей малой родины.

Выражаем благодарность редакции городской газеты «Искра» за предоставленные материалы.

Составитель Е. И. Завьялова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном мире тема подлинной Великой Отечественной войны, победы советских солдат, жертв тысячи людей очень актуальна. Важно знать правду от тех, кто видел эту войну своими глазами.

В годы Великой Отечественной войны более 17 тыс. лысьвенцев ушло на фронт. Они боролись с врагом на передовых, не жалея себя. Более 7500 человек не вернулись домой.

Неоценим и трудовой подвиг лысьвенцев. Женщины и подростки, работавшие на заводе № 700, отправляли сотни тысяч единиц военной продукции на фронт в виде снарядов, бомб, касок, броневых нагрудников, котелков, бытовых предметов и др. Эвакогоспитали обеспечивали лечение раненых солдат. Уральский городок не только кормил бойцов Красной армии, но и обувал-одевал их. За вклад в Победу правительством СССР коллектив завода № 700 награждён орденом Ленина (1942 г.) и орденом Великой Отечественной войны I степени (1945 г.), город – орденом Знак Почета (1985 г.). Межгосударственным Союзом Городов-Героев Лысьве присвоено звание город Трудовой Доблести и Славы (2016 г.).

В Лысьве чтут память героев. Материалы с воспоминаниями ветеранов войны и труда на протяжении многих лет собирали учащиеся школ, специалисты муниципального и школьных музеев, журналисты местных средств информации.

Огромную работу по патриотическому воспитанию проводит МБУК «Лысьвенская библиотечная система». К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне совместно с редакцией газеты «Искра» и обществом краеведов реализован проект «Победа ковалась в труде и в бою». В ходе работы оцифровано более 400 документов из местной периодики и краеведческих сборников. Наиболее интересные статьи, заметки, очерки профессиональных журналистов о ветеранах войны и труда вошли в сборник «Победа ковалась в труде и в бою: Лысьва в Великой Отечественной войне».

Сборник состоит из двух разделов «На огненных рубежах войны» и «Летопись трудового подвига». В первом разделе

ле материал расположен по родам войск: «А мы с тобой, брат, из пехоты...», «Артиллерия – бог войны», «Боевой путь танковых бригад» и т.д.

Во втором разделе - по темам: «Орденосный завод № 700», «Тыловые эвакогоспитали», «Будни швейной фабрики», «Деревня в годы войны», «Культурная жизнь», «Войной изломанное детство».

Издание снабжено именным указателем. В него включены имена лиц, которым посвящены очерки и статьи в сборнике.

Книга предназначена для учащихся, педагогов, краеведов, всех, кто интересуется историей своей малой родины.

Екатерина Завьялова

НА ОГНЕННЫХ РУБЕЖАХ ВОЙНЫ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НОВИКОВ

ОН ПЕРВЫМ ИЗ ЗЕМЛЯКОВ СРАЗИЛСЯ С ВРАГОМ ИЛИ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ

Когда-то о его подвиге говорила страна...

Любимец солнца (весной на его лице щедро высыпали веснушки), невысокого роста, с волнистыми русыми волосами, он щеголял в зелёной фуражке с околышем. «Хочу стать пограничником!» – весело, но гордо отвечал на расспросы односельчан. И он им стал. Потому что привык держать слово. Перед друзьями, когда вытаскивал из полыньи девчонку-одноклассницу. Перед Родиной, когда, опустошая ящики с патронами, встречал врага - один против

сотни отлично подготовленных немцев.

Он, конечно, не мог знать, что через много лет за право называться его именем будут бороться школы, пионерские дружины. Парень 21 года от роду знал другое: где-то там, за тысячи километров, – его семья, друзья и ученики, мальчишки и девчонки, для них он был примером. И уберечь их от смрада войны он пытался до последнего дыхания. Он – это земляк Алексей Новиков...

Ему было 11 лет, когда отец перевёз его в село Кын: здесь была самая ближняя средняя школа – за семь километров от родной деревни с обидным названием Грязнуха. Учился вдумчиво, с интересом, много читал и любил делиться прочитанным. Наверное, поэтому решил связать свою жизнь с педагогикой – поступил в Пермский педагогический техникум. Единственный из всей группы имел значок – серебряную подкову (посещал кружок «Юный конник» при ипподроме): уже тогда серьёзно готовился к армии.

Один учебный год отработал в Юрьевской школе Свердловской области учителем начальных классов и преподавателем географии. Коллеги вспоминали: «В его глазах после урока было столько тепла и света, что от души хотелось его обнять!».

В январе 40-го его призвали в армию. Посчастливилось, как и мечтал, – в пограничники, на 15-ю заставу Брестского погранотряда, что на Западном берегу реки Буг. Посчастливилось...

«Передайте: бился до последнего...»

22 июня 1941-го с утренней зорькой враг обрушил на Брест воздушный удар. Младший сержант Новиков с Ставницким в эту ночь были на посту, как раз у самого выгодного для переправы через Западный Буг места – дубовой рощи. Было отчетливо видно, как на том берегу суетились фигурки, спускавшие на воду понтоны и лодки. Одна лодка едва достигла середины Буга, как гребцов осадили огнём из винтовок и пулемётов. Фрицы замешкались, но продолжали переправу.

Только к полудню, когда территория заставы превратилась в руины и, казалось, враг подавил все огневые точки, немцы начали переправу в открытую. Неожиданно взмахнул застрочил одинокий пулемет – это Новиков, осмотревшись, занял оборону в дупле дуба-исполина.

...От многочасового стояния в замкнутом пространстве затекло всё тело. Лёгкие раздирали от спёртого воздуха, смешанного с гарью и дымом, в горле першило, до боли хотелось пить. Сегодня Алексей впервые увидел смерть – осколком мины убило Ставницкого. Но он успел принести командиру коробку с патронами. Теперь эта коробка – единственная его ценность. А на том берегу – туча кровожадной саранчи. Ждать подмогу? Откуда?! «Да как же это?! На нашу землю... Она же наша, слышите, вы?!...».

Пограничник прижался к пулемёту – за мать с отцом, за невесту Марусю, за Ставницкого!..

Около полусуток держал оборону пограничник. В то время как на соседних участках войска противника продвинулись вглубь на 30-40 километров, здесь, у Дубицы, они никак не

могли переправиться через Буг – кто-то невидимый настойчиво нажимал на спусковой крючок пулемёта в самый неподходящий момент. Ликвидировать последнюю огневую точку гитлеровцам удалось только к вечеру, зайдя с тыла. Боец в дупле был тяжело ранен. Немецкий офицер приказал доставить солдата в польский монастырь Яблечно. Там его пытались допросить, но безрезультатно.

Умирая, младший сержант успел шепнуть ссохшимися губами послушнику монастыря Александру Мамчуру: «Новиков... Алексей... Передайте, что бился до последнего...». Его похоронили в монастырском саду. Фашисты в первые дни войны не щадили никого, но, люди говорили, на могиле этого солдата офицер приказал дать почётный залп и сказал: «Так надо воевать!»...

С. Лямзина

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 11.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ КИЧИГИН

...А НА МОРЕ БОЛЬШЕ НЕ БЫВАЛ

На 22 июня 1941 года у рулевого сигнальщика морского погранотряда Сергея Кичигина была увольнительная на берег. К обеду, нагладив свои и боцмана клёши, он собрался уже выходить в город, когда по радио передали выступление Молотова о вероломном нападении фашистов на Советский Союз. В тот же день, к вечеру, по приказу командования их катера пришвартовались к причалу Молотовска (Се-

веродвинск).

Но в полной мере они с товарищами осознали, что мирная жизнь действительно закончилась, на третий день, попав под обстрел немецкого самолёта.

Ленд-лиз. Сегодняшнее поколение вряд ли даже знает, что это такое, а в военное время это слово было знакомо всем,

от мала до велика. Караван за караваном шли торговые суда союзников в наши северные порты с экономической помощью.

И четыре года в навигацию Сергей Кичигин с друзьями нёс вахту по их охране от нападения немецких подводных лодок и авиации. А зимой, когда катера поднимались на причал, чем только не приходилось ему заниматься! «Натаскивал» мотодожь в учебном батальоне. Перед самой победой помощником дежурного по столовой был. Но чаще всего их направляли на погрузочно-разгрузочные работы в архангельский порт.

Сергей Фёдорович любил вспоминать, что с самим И. Д. Папаниным довелось ему как-то заморский ром пить. Знаменитый полярный исследователь, контр-адмирал в годы войны был начальником Главсевморпути и часто бывал в порту.

Но самым ярким эпизодом осталось в памяти Сергея Фёдоровича участие в десанте на полуостров Рыбачий в 1943 году. Этот стратегический пункт, захваченный немцами, нужно было вернуть во что бы то ни стало. Задачу свою десант выполнил, но ценой больших потерь. За участие в этой операции старшина первой статьи Сергей Кичигин награждён медалью «За боевые заслуги».

...Да, думать не думал парень из Большой Лысьвы, призванный осенью 39-го года в армию, что домой вернётся лишь через 10 лет. А на море он больше ни разу не бывал. «За 10 лет, – говорит, – так наболтало в водах Белого и Баренцева – на всю жизнь хватило!».

О. Павлова

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 3

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЧУРАКОВ

ОТ ЗАСТАВЫ ДО БЕРЛИНА

Стрелок-радист самолёта ЛИ-2 старший сержант Николай Чураков за всю войну такое видел впервые. Огромное полукольцо света от сотен прожекторов и тысяч фар вырывали из покрова ночи и густого черного дыма развалины фашистского логова – Берлина.

Николай взглянул на часы. Стрелка показывала пять утра 2 мая 1945 года.

...Для рядового 82 погранполка Николая Чуракова война началась с горящего леса в устье реки Лотто, что впадает в Туломну, текущую из Финляндии по Кольскому полуострову. С октября 1940 года служили там, на далёкой заставе, 60 лысьвенцев.

22 июня 1941 года красноармеец Чураков, налегая на вёсла лодки, чувствовал себя так, словно не заместитель начальника заставы с женой едут в отпуск, а он сам. Щebetание птиц в прибрежных кустах и теплые лучи солнца увели думы молодого солдата далеко на Урал.

Голос младшего лейтенанта и смех его жены вернули Николая к действительности:

– Что, красноармеец Чураков, размечтался? Дом вспомнил?

Николай, налегая на весла, выправил потерявшую направление лодку и прислушался к какому-то непонятному гулу, доносившемуся со стороны границы.

– На полигонах что-то затеяли, – также вслушиваясь в шум, заметил младший лейтенант. – Завтра вернешься на заставу и все выяснишь,

Но вернуться не пришлось. Через день красноармеец Чураков уже стоял в строю пограничников, с боем отошедших от границы.

– Финны продвинулись до 70 километров и заняли высоту, что в устье Лотто. По данным разведки у них пять наших станковых пулеметов и ротные миномёты. Задача: освободить советскую землю и вернуть оружие. – Говорил начальник соседней заставы, небольшой, но очень подвижный лейтенант Тарасов.

Со стороны высоты тянуло гарью. Сквозь горящий лес, наполненный разрывами мин и посвистыванием пуль, вместе с другими бежал в атаку Николай. Подробности боя как-то не сохранились в сознании, их затмило чувство гордости за первую одержанную победу – возвращение частицы нашей земли и пулемётов. Эта маленькая победа, одержанная горсткой пограничников, явилась предвестником той большой победы, что увидел в небе над Берлином старший сержант Чураков.

...8 апреля 1942 года до двух тысяч финнов пытались перерезать железнодорожную ветку, идущую на Мурманск. Двое суток Николай Чураков и его товарищи находились в непрерывном бою, но вылазку финнов отбили.

...Чураков полз по оттаявшей за день по-весеннему пахнувшей земле, своим дыханием заслонявшей привычные запахи войны. И среди рытвин, гари и железа видел свежие зеленые травинки.

– Провод, – шёпотом доложил подползший разведчик.

Вырезав кусок, отползли и растворились в наступившей темноте. На фоне тусклого неба блеснули лучи карманных фонариков, и Чураков ясно различил две тёмные фигуры с автоматами, идущие к месту обрыва.

– Не брать, – предупредил Николай разведчиков. Было видно, как силуэты людей повозились с обрывом и, перебирая в руках провод, пошли дальше.

– Давай. – И вскоре один из разведчиков вновь приполз с обрывком провода.

Как и рассчитывал Чураков, на обрыв вернулся один, его-то и накрыли бесшумно.

Появившийся второй фашист испортил все дело. Данная по нему очередь вызвала такой шквал миномётного огня, что разведчикам пришлось долгое время тащить по земле труп своими же убитого немца.

– Да, бросьте вы его, – наконец, не выдержал Николай, отдувая окоченевшие на утреннем морозе пальцы. Однако документы убитого оказались очень ценными.

Через два дня в захлебнувшейся атаке Н. Чураков был ранен. После госпиталя – Челябинск. На этот раз – авиашкола стрелков-радиостов.

Прошли шесть месяцев упорной учебы. И вот этапы боевого пути – Западная Белоруссия, Варшава, Берлин. Последний вылет 5 мая 1945 года.

– В день 30-летия начала Великой Отечественной войны, – говорит Николай Андреевич, – хочется назвать фамилии лысьвенцев, принявших на далекой заставе Кольского полуострова первый удар. Это Аркадий Скурихин, Виктор Касьянов. Иван Рыжов, Михаил Елиозаренко, Николай Сыропатов,

братья Усть-Качкинцевы. Пали в боях Павлик Борисов и Николай Хорошавцев. Не дожили до наших дней Саша Русских и Николай Палкин.

С. Голышев

Искра. – 1971. – 22 июня. – С. 2.

АЛЕКСЕЙ АНИСИМОВ

КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ

«Гранитным линкором» назвали в военную пору Рыбачий. Его гарнизон, отрезанный от Большой земли, 1150 дней и ночей героически сражался в тылу вражеских дивизий. Отсюда, со скалистых сопок, советские воины расстреливали фашистские транспорты, направляющиеся в Петсамо, высаживали дерзкие десанты, вели смертельные дуэли с вражескими батареями и самолетами, отвлекая значительные силы противника, рвавшегося к Мурманску.

Земля Рыбачьего полита кровью тысяч советских бойцов. Отсюда ушел в бессмертие отважный североморский разведчик Александр Юневич, вызвавший огонь на себя. Здесь совершил свой подвиг Иван Лоскутов, воспетый Константином Симоновым в поэме «Сын артиллериста». На подступах к полуострову хозяевами ворот Печенгского залива были прославленные батарейцы Фёдора Поночевного. Именно здесь находится отрезок западной государственной границы Советского Союза, который в дни минувшей войны так и не удалось перейти фашистам.

Сведения, оставшиеся о героическом подвиге пограничников и моряков Северного флота, скупы. Известно, что одним из первых принял бой с фашистами взвод старшего сержанта Андрея Большакова. Дрались они с исключительным мужеством. В конце концов, в живых остались только двое – командир Андрей Большаков и пулемётчик Карим Гайфулин. Выручил их взвод лейтенанта Гречина, с бойцами которого Гайфулин и Большаков еще целый день отбивали атаки врагов.

Известно, что затем оборону заняло подразделение лейтенанта Москаленко. До 2 августа 1941 года фашисты не жа-

лели усилий, чтобы перейти рубеж, но он оставался неприступным. Враг потерял в этом квадрате советской государственной границы более 300 человек. Жестокие потери понесли пограничники. Но не отступили.

Сводка Политуправления войск НКВД скупо повествует: «Подразделения Озерковского погранотряда с подразделениями частей Красной Армии, несмотря на численное и техническое превосходство врага, стойко обороняют полуострова Средний и Рыбачий. Противник, понеся большие потери, за три месяца войны не продвинулся вперёд ни на шаг». Это сообщение относится к сентябрю 1941 года.

Широко известно, что морякам-защитникам Рыбачьего посвящена знаменитая песня «Прощайте, скалистые горы». А вот о другой, в частности, об истории ее создания знают немногие. Рассказал о ней участник боёв у погранзнака А-36 Г. Тиунов:

– Бойцы погранотряда дрались с врагом насмерть, до последнего патрона. Я хорошо знал Степана Бабичука, грудью закрывшего амбразуру вражеского дота. Моим другом был крутолобый запевала из небольшого уральского городка Лысьва Алексей Анисимов. Его окопчик, сложенный из плиток, был в трёх шагах от моего.

В один из ноябрьских вечеров 1941 года он крикнул мне:

– Ты за фрицами посмотри, а я в землянку схожу. Неотложное дельце есть. Заодно и сухарик прихвачу.

Лёша выбрался из окопчика, но отполз недалеко, наступивший вражеской миной.

Вернувшись с вахты, я увидел в землянке Афанасия Мартынова, веселого молодого сибиряка, прекрасно игравшего на баяне. Отбивая ногой такт, напевая, он набрасывал на разграфленную нотную бумагу не совсем тогда понятные мне знаки.

А утром сквозь сон я слышал, как Афанасий строго наказывал связному:

– На бригадном КП будешь – передай и этот мой пакет. Его ждут: здесь песня.

А ещё через месяц, в канун Нового года, нас сменили и отвели на отдых в глубь полуострова. На праздничный концерт в бригадную землянку, в которой размещался клуб, мы

с Афанасием Мартыновым запоздали и не без труда в неё протиснулись.

– Песня о погранзнаке, – объявил ведущий. – Музыка Афанасия Мартынова. Слова – защитников высоты с пограничным знаком.

И еще не смолкли аплодисменты, как матросские голоса повели песню.

*Про знак пограничный сложили мы песню.
Он гордо на сопке стоит,
Как памятник нашей отваги и чести.
Заслуженный в грохоте битв.
Здесь хмурые скалы покоя не знают.
И в зареве гребни высот.
Здесь лихо дерётся пехота морская
И ночи, и дни напролет.*

Сложенная в перерывах между боями, в горькие дни первого года войны, эта немудреная песня волновала, тревожила, заставляла сжимать кулаки. Её спокойный и в то же время воинственно-грозный напев напоминал каждому о погибших товарищах, утверждал мужество как высший принцип жизни.

*Взбужают тельняшки,
и чёрные ленты
Всё яростней бьют по плечу.
И раненный трижды встает Антипенко,
На доты идёт Вабичук.
У этих каменьев сражался Гайфулин
И старший сержант Большаков.
Летите, матросские мины и пули,
И насмерть разите врагов.*

Сурово сдвинув брови, воины пели, словно давали клятву:

*Стоит погранзнак. и пылают зарницы,
А ветры о славе поют.
Граница страны, дорогая граница.
Матросы тебя берегут.*

Стоял сплошной грохот жёстких ладоней. Песню исполнили дважды.

– Ты знаешь, кто мне подал мысль написать музыку к песне? – спросил меня после концерта Мартынов. – Алеша Анисимов. Ведь слова-то её он написал.

И я тогда понял, за каким сухариком торопился в тот роковой для него вечер в землянку Алексей: он хотел хоть краешком уха услышать мотив к песне, слова которой были написаны им, пареньком из Лысьвы.

Вскоре песню услышал фронт. Пели её матросы-десантники на холодной норвежской земле. Её можно было слышать в городах побеждённой фашистской Германии, куда бросала военная судьба защитников Советского Заполярья. Поют ее воины-североморцы и по сей день.

Что касается пограничного знака А-36, то в августе 1973 года участники похода по местам революционной, боевой и трудовой славы установили и торжественно открыли неподалеку от него (со времен войны здесь оставался полуметровый столбик) памятник «Пограничный знак СССР», о котором и сложена песня в легендарном 1941 году.

В. Засухин

Звезда. – 1985. – 17 янв. – С. 2.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕЖАНИН

ПОГРАНИЧНИК. ТАНКИСТ. РАЗВЕДЧИК

Владимир Александрович Лежанин до призыва поработал токарем на металлургическом заводе и электриком в горэлектросетях. В армию ушёл в 1938 году и служил в погранвойсках под Мурманском. Владимир Александрович утверждает, что его 82-й пограничный отряд был единственным подразделением, не отступившим от границы с начала войны и до её конца.

Однако дослужить там ему не довелось. Из пограничников была сформирована специальная дивизия и переброшена под Елец. В сражении за Сталинград Лежанин воевал механиком-водителем танка, а на Орловско-Курской дуге стал разведчиком. В конце войны его тяжело ранило, и день Победы он встречал на больничной койке, загипсованный по грудь.

Долечиваться привезли в лысьвенский госпиталь, находившийся в школе № 10.

Там он пролежал целый год, а потом ремонтировал это здание, чтобы в нём вновь могли учиться дети.

В. Кучумов

Искра. – 2005. – 14 апр. – С. 2.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КУЛИКОВ

НА ОХРАНЕ МОРСКИХ ГРАНИЦ

Владимир Петрович Куликов до войны успел закончить машиностроительный рабфак и поступил в 1939 году в Пермский сельхозинститут. А весной следующего года был призван в армию и отправился на охрану морских границ Дальнего Востока. Сторожевой корабль «Боровский» стал его домом на шесть лет. Приписанный к порту Петропавловска-Камчатского корабль курсировал вдоль побережья – от Владивостока до Берингова пролива, - гоня японских браконьеров, задерживая суда нарушителей, уничтожая оставленные ими сети.

– С началом войны к этому «улову» добавились и морские мины, – вспоминает Владимир Петрович. – Большею частью наши, которые в шторм отрывало с мест заграждений и уносило. Этих «беглянок» мы искали и расстреливали. Был случай противостояния с японским эсминцем у мыса Лопатка, который подошёл к нам после задержания их рыболовного судна. Но к нам подоспел крейсер, и японец убрался восвояси без стрельбы. Огнём наш корабль поддерживал войска при освобождении Курильских островов.

С орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией» Владимир Петрович летом 1946 года вернулся в Лысьву.

В. Кучумов

Искра. – 2005. – 31 марта. – С. 3.

«А МЫ С ТОБОЙ, БРАТ, ИЗ ПЕХОТЫ ...»

НИКОЛАЙ САМОЙЛОВИЧ СТОЛЯРОВ

ЗА НАМИ СТОЛИЦА РОДНАЯ

Наша Пермская 379-я стрелковая дивизия прибыла под Москву в конце ноября 1941 года. Пехота расположилась в лесу, а наш артполк сразу выдвинули на передовую, где он отбивал фашистские атаки. Это было у города Дмитрова северо-западнее Москвы.

О том, что под Москвой готовится огромное наступление наших войск, мы догадывались давно. На отдельных участках Западного фронта шло передвижение частей. А надо сказать, что передний край находился всего в 25-30 километрах от столицы нашей Родины.

Ночью на прифронтовых дорогах было особенно оживленно. Двигались пехотинцы, артиллерия, танки, неслышно скользили по снежному насту лыжные батальоны. Люди были одеты в новенькие полушубки и шапки, валенки и меховые рукавицы.

Получив приказ Верховного Главнокомандующего, политсостав пошел знакомить с ним солдат.

– Наконец-то! Дадим фашистам жару! – слышалось среди солдат.

Морозная лунная ночь с 5 на 6 декабря прошла на переднем крае относительно спокойно. Гитлеровцы изредка стреляли трассирующими очередями и методично пускали в воздух ракеты, освещавшие мертвенно-синим светом подступы к окопам.

Часов в пять утра 6 декабря то там, то тут в ближних тылах наших частей послышалось урчание прогреваемых танковых моторов. Едва начался рассвет, как весь передний край Западного фронта одновременно вспыхнул ярким пламенем. Грохот тысяч орудий и минометов слился в протяжный прерыв-

вистый вой. Морозное небо чертили оранжевые пунктиры ракет, выпущенных «катюшами».

Передовые позиции фашистов покрылись взрывами. Все мы, находившиеся на переднем крае, крепко сжимали винтовки, карабины, пистолеты, с нетерпением ожидая, когда послышится:

– За Родину! Вперед на врага!

Огневая обработка позиций гитлеровцев продолжалась полчаса: следовало беречь снаряды и мины для дальнейшего боя.

Вдруг все стихло. В наступившей тишине было даже слышно дыхание рядом стоящего товарища. Но тишина длилась не больше минуты. В тот же миг на снежном поле как из-под земли появились тысячи советских солдат и офицеров. С криками «Ура!», «За Родину!», «За партию!» они устремились вперед.

В ряды стрелковых частей вклинились наши танки и рванулись к фашистским позициям. Противник ошеломленно молчал. Это длилось несколько минут. Постепенно гитлеровцы приходили в себя.

Затрещали их пулеметы, заплясали разрывы немецких снарядов. В воздухе появились шестерки и девятки немецких бомбардировщиков, которые принялись бомбить нашу пехоту и огневые позиции артиллеристов.

У нас еще не было опыта в наступлении. Наши стрелки и командиры шли цепью, во весь рост, без перебежек и переползаний. В результате среди атакующих появились «окна», а на снегу убитые. Но порыв воинов был стремительным.

В первый день наступления 6 декабря Красная Армия под Москвой продвинулась на всем протяжении Западного фронта.

Успешным был этот день и на полосе 30-й армии, в которую входила наша дивизия. В полках дивизии находилось несколько сот лысвенцев. Это парторг 934-го арtpолка Я. И. Чепурных, артиллерист И. А. Мусихин, минометчик Г. И. Чебулаев, тракторист В. П. Пикулев, связист Г. А. Торопов, солдат Д. П. Лысков и многие другие.

Наша дивизия за первые сутки боя продвинулась на запад больше пятнадцати километров. Мы освободили село Захарово, железнодорожную станцию Решетниково, село Завидово.

Дивизия наступала от Москвы в сторону северо-запада. На десятый день боев нас повернули на юго-запад, и мы с хо-

ду освободили от фашистов станции Шаховскую, Погорелое Городище на железной дороге Москва-Минск.

Наступление шло день и ночь. Солдаты измотались. Спали на снегу или хвое, когда выкраивался хотя бы свободный час. Нельзя было узнать порой своего земляка – так лица заросли бородами и закоптели от порохового дыма и костров.

По дороге нам встречались тысячи брошенных фашистами автомашин, повозок, орудий и танков.

20 декабря Московская область была полностью освобождена от немцев, и мы вступили на территорию Калининской области. Враг был отброшен от Москвы больше, чем на сто километров.

В первых числах января 1942 года по приказу командующего Калининским фронтом, ныне маршала Советского Союза товарища Конева наша часть на несколько дней была выведена из боев на отдых. Два-три дня мы брились, мылись в банях, отсыпались. А отдохнув, вновь пошли на запад. Враг еще бесчинствовал на нашей земле.

Н. Столяров

Искра. – 1971. – 4 дек. – С. 3.

МУСРАИМ ИШМЕТОВ

О ПОБЕДЕ МЫ УЗНАЛИ НЕ СРАЗУ

Я получил закалку в пулемётной роте 707-го стрелкового полка 215-й стрелковой дивизии. Это было под Ржевом. 29 августа 1942 года мы пошли в наступление, чтобы освободить деревню Коровино. Занять-то эту деревню заняли, но потери были огромные. От батальона (более 700 бойцов) осталось не более 40-50 человек, от 10 пулемётов – один, мой, и из 7 человек расчёта – я один. Трёх убило, двоих ранило, один пропал без вести...

Ночью немцы вынудили нас отступить. В группе не осталось ни одного офицера, командование

принял сержант. Командир полка подполковник Зуев не сумел держать связь с передним краем и обеспечить нас подкреплением. Многие из-за этого полегли...

Рано утром бросили в наступление второй батальон. Снова потери. Погиб комиссар батальона – только и успел крикнуть: «Встать! За мной! За Родину, за Сталина!» Но немцы не выдержали нашего натиска, отступили.

Земля-матушка была изрыта снарядами, трупы погибших лежали, как снопы. Ночью нас сменила другая часть – в ней были в основном «старики». Молодых «пожалели» – направили на штурм Ржева.

«Занять Ржев не позднее 7 сентября», – таким был приказ Сталина. На его выполнение были брошены все силы. Дважды форсировали Волгу бродом. Первая переправа проходила под усиленным артобстрелом – в воде погибло почти полбатальона. Не совсем успешной оказалась и вторая попытка, но плацдарм мы все-таки заняли.

Командиры разъясняли нам, что на каждый километр фронта есть 8 «катюш», свыше 300 стволов орудий и миномётов. Но как, оказывается, это было мало! К тому же не было ни танков, ни авиации. Позже мы узнали, что они были направлены под Сталинград.

10 сентября меня ранило. А Ржев освободили только в феврале 1943 года...

После госпиталя я попал в лыжный батальон 113-й гвардейской дивизии. В марте из Калужской области нас перебросили под Харьков. Здесь немцы сосредоточили более 30 дивизий – хотели взять реванш за Сталинград. В одном из боёв меня снова ранило – еле выбрался. Снова госпиталь, а после – новое распределение – в пограничный полк НКВД. Подразделение было «мирным», но я записался на снайперские курсы, и вскоре попал на стажировку в распоряжение 5-й ударной армии, расположенной на одном из небольших плацдармов за Днестром, в Молдавии.

Здесь немецкие снайперы не давали головы поднять нашим солдатам. А у нас на всю армию был один снайпер! Мы прибыли втроём, и уже вчетвером охотились за фашистскими

стрелками. Снайперское дело вообще рискованное: или ты, или тебя... Один из нас был убит, другого ранило...

После стажировки вернулся в свою часть. Перед нами стояла задача следовать за фронтом, вести борьбу со шпионажем, дезертирством, предотвращать диверсии...

Румыния, Болгария, снова Румыния – за пределами Родины шли бои, а кровушка-то лилась наша! Соппротивление немцев ослабевало, бойцы все чаще говорили о победе. В этот период как никогда раньше развелось дезертиров. Уставшие от постоянного ожидания смерти, иные бойцы старались «потеряться», чтобы избежать новых боёв. В задачу нашего погранполка входило прочёсывание населённых пунктов, задержание мародёров и дезертиров.

Идём по посёлкам, расспрашиваем жителей: не видели ли они бродивших советских солдат. В одном из хуторов обнаружили двух сержантов и двух лейтенантов. Оказывается, они здесь жениться успели и даже в церкви обвенчались! Неплохо устроились – танцплощадку оборудовали, в саду самогон гнали! При обыске у них нашли печати, штемпели, бланки...

А о победе мы не сразу узнали. Прочёсывали деревни - связи нет, новости не поступают. В одной из деревенок молодые люди нам говорят: «Война закончилась! – Как узнали?! – По радио передавали уже несколько раз...» Нам не верится. Пошли к главному по деревне, он нам: «Да, да! Это правда!» и приглашает в дом. Попросил жену приготовить закуску, а сам куда-то с кувшином подался... Вот тут мы и подняли чарку за долгожданную победу!

Из небольшого городка Мюрццуслага нас в спешном порядке отправили на запад. Расположились на берегу реки Мур в городишке Юденбург. За рекой американцы под руки с «фрауленами» прогуливаются – для них война кончилась, а для нас, увы...

Было известно, что в американской зоне находится владовский корпус численностью более пятидесяти тысяч человек. Наше командование сконцентрировало здесь большую ударную силу, сюда же направили и наш погранполк. 18-20 мая владовцы сдались американцам, а они передали их нам. Привозили их на автомашинах. Нашей заставе пришлось со-

проводить первый эшелон пленных. Среди них не только бывшие белогвардейцы, донские и кубанские казаки, но и солдаты Советской Армии – уральцы, сибиряки, представители многих республик. На душе от этого было тяжело...

А со мной случилась неприятность – опухла раненая рука. В санчасти сделали операцию, а потом отправили в Венгрию, в Секешфехервар, где сделали повторную операцию, и на санпоезде направили в Румынию, в Галацкий госпиталь. Пошёл на поправку, и снова служба, теперь уже в железнодорожной комендатуре. Опасность налёта бандитских групп не миновала, и нам приходилось сопровождать пассажирские поезда, курсируя от Бухареста через Трансильванию до Арад, Тимишоара и обратно.

Из армии демобилизовался лишь в апреле 1947-го. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и многими юбилейными наградами.

М. Ишметов

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 2.

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ УСТИНОВ

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ВЕНЫ

Война застала Василия Яковлевича Устинова в Свердловской области, работал в шахте, имел бронь на отправку в армию. Но в августе 1942 года его призвали. После формирования на станции Раздольной в Подмосковье в августе 1942 года 384-й стрелковый полк стремительным маршем был брошен под Сталинград. Василий Яковлевич вспоминает, как батальон на катерах переправили через Волгу, выгрузили. И сразу сверху, с обрыва, немцы встретили их пулеметным огнем, гранатами. А нашим и ответить нечем – по гранате на человека, и винтовки приходились не на всех. Казалось, все не успеют даже вступить в бой. Помогла артиллерия. Из-за Волги «катюши» подавили огневые точки противника. Мы получили возможность вступить в бой.

Битва за Сталинград шла более пяти месяцев. Ветеран вспоминает:

– В августе-сентябре 1942 года бои были исключительно тяжелыми: налет авиации противника, артиллерийская подготовка, на позиции раздаются свист снарядов, мин, шквал пулеметного огня – кажется, все уничтожено, некому подняться, чтоб отразить атаку. Но смотрим: то тут, то там выползают бойцы. Выстояли, собрались с силами – и снова в бой при поддержке артиллерии и танков. Схватка шла буквально за каждую улицу, сквер, дом...

Стрелковый полк, в котором воевал В. Устинов, сражался на улицах Сталинграда и на территории тракторного завода. Бои шли беспрестанно, потери были огромны с обеих сторон.

– Бывало, ползешь на новую позицию, – рассказывает ветеран, – хоронишься от снайперов (не обедал: некогда, свою норму – сухарь – давно съел), переползаешь убитых, и, о радость! – нашел сухарь. Тут же сжевал, и снова на месте, в окопе, снова готов в бой...

На девятый день непрерывных боев Василий Яковлевич был ранен в руку, а после лечения в медсанбате оставлен как легко раненый при штабе.

– Однажды, – вспоминает Василий Яковлевич, – привезли в штаб тяжело раненного в ногу командира: санитаров нет – все на позиции, перевязочных средств тоже нет. Спасая командира от кровотечения, по его совету, перетянул рану проволокой. Из штаба потащил его на переправу к Волге волоком на плащ-палатке, хоронясь от снайперов за подбитыми танками и развалинами. Погрузил командира на бронекатер и помог добраться до госпиталя «Гусиный Яр», где лечился и сам, раненая рука не заживала полтора месяца.

К концу 1942 года силы немцев под Сталинградом стали ослабевать, а Красная Армия была технически оснащена уже лучше. С нашей стороны к этому времени в битве участвовали воины Сталинградского, Юго-Восточного, Донского и Юго-Западного фронтов. Со стороны немцев здесь действовали 22 дивизии шестой и четвертой танковых армий.

В конце 1942 года войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в наступление. Началась невиданная в истории битва: штурмовики, следуя на бомбежку

и обратно, закрывали небо и солнце. Затем начались артподготовка и шквал огня из всех видов орудий: трассы пуль, свист снарядов, мин, в небе – светящиеся снаряды «катюш» с незабываемым воем, стоял грохот, смог закрывал солнце. Казалось, после этого не останется никого живого. Так началось уничтожение 330-тысячной окруженной группировки противника, была пресечена попытка прорыва фронта немецкими дивизиями.

В январе и 2 февраля 1943 года шестая армия Паулюса в количестве 91 тысячи человек была взята в плен.

2 февраля 1943-го Сталинград был освобожден. Еще сейчас перед глазами ветерана незабываемые картины прошлого: до основания разрушенный город, на улицах, по обочинам дорог валяется искореженная техника. И через коридор закопченных, запыленных защитников города безмолвно движутся колонны пленных: румыны, венгры, немцы, особо выделялись войска СС.

Затем Василий Яковлевич попал на четвертый Украинский фронт. В одном из сражений под Одессой был ранен, получил сильный, ожог от своих же зажигательных снарядов. После госпиталя уже в составе третьего. Украинского фронта прошел через Румынию, Болгарию. Венгрию, Югославию. Доброжелательно встречало население советские войска. В Югославии Василий Яковлевич однажды видел делегацию во главе, с Тито, когда стоял часовым в дозоре.

Закончил он войну в столице Австрии – Вене. В памяти остались удивительно зеленый красивый город и выстрелы из всех видов оружия – салют. Так пришла Победа...

Василий Яковлевич Устинов награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Белграда» и юбилейными медалями.

А. Дедова

Искра. – 1995. – 14 февр. – С. 3.

ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ БЕЛОНОГОВ

РОТНЫЙ СНАЙПЕР

Виктора Белоногова ранило в ногу, когда он конвоировал пленных испанцев из «Голубой дивизии». Эта дивизия стояла под Ленинградом.

В госпитале Виктор, отдавшись размышлениям, вспоминал, как в августе 1941 года он покидал Лысьву. Их эшелон шел до Тихвина под сильнейшими бомбежками. Затем последовал марш-бросок по берегу Ладожского озера и погрузка на катера. На удивление солдатам и защит-

никам Ленинграда, озеро удалось проскочить незаметно для фашистов.

Солдаты укрепились на Пулковских высотах. Вторая ударная армия Ленинградского фронта располагалась в окопах и блиндажах, заливаемых болотной водой и грязью. Местность едва прикрывалась мелким и чахлым кустарником.

После госпиталя и месячных курсов Белоногов вернулся в роту снайпером. Ротой по-прежнему командовал лейтенант Басов, по-прежнему был жив и невредим ротный балагур и весельчак сержант Оськин.

В одну из ночей немцы заменили примелькавшийся всем огромный валун бронированным макетом точно такой же формы и окраски и посадили в него снайпера. Виктор Белоногов, пытавшийся сам укрыться за этим камнем, едва не поплатился жизнью и в горячке выпустил по макету не одну обойму патронов, прежде чем понял обман.

Оськин первый узнал про конфуз Виктора с бронированным камнем. Эта история быстро распространилась среди солдат.

Белоногов уже имел на своем счету семь убитых фашистских снайперов, научился распознавать хитрости гитлеровцев. Это он ночью обнаружил залезшего в живот трупа окоченевшей лошади гитлеровского снайпера и уничтожил его. Вот

Оськин и посмеивался над Белоноговым, когда тот отправлялся в очередную операцию на ничейную землю:

– Виктор Дмитриевич, захвати с собой ПТР, а то фрицы не только камень, но и дохлую лошадь заменят бронированным макетом.

В одну из ночей лейтенант Басов объявил о наступлении на Воронью гору. Только теперь Белоногов понял, для чего солдаты долбили мерзлую землю, подготавливая скрытые подходы для атаки. В то время это называлось хозяйственными работами.

...За спинами солдат грохнула артиллерия, рассекая ночное небо, помчались к немецким окопам эрсы. Виктор выскочил из окопа. Бежать было трудно: сказывался полуголодный паек, который получали находящиеся в блокаде бойцы, свинцовыми казались вещмешок и автомат. Рядом, тяжело дыша, бежали солдаты роты.

В полутьме Белоногов увидел развороченные блиндажи и окопы первого эшелона фашистской обороны. Траншеи были завалены трупами. «Славно поработала наша артиллерия», – с одобрением подумал Виктор.

Но второй эшелон обороны уже огрызнулся огнем. Перепрыгивая через трупы фашистов, Виктор покачнулся и упал. «Подвела раненая нога», – подумал он. Но это было не так. Осколок вновь попал в ту же ногу, что была когда-то ранена.

С орденом Отечественной войны второй степени и медалью «За оборону Ленинграда», с гвардейским значком вернулся в Лысьву Виктор Дмитриевич Белоногов.

С. Голышев

Искра. – 1971. – 11 сент. – С. 3.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПЛИШКИН

ОРДЕНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

В сентябре вместе с другими молодыми рабочими Иван ушел добровольцем на фронт.

После небольшой подготовки началась боевая служба. Сначала под Ленинградом испытал тяжесть блокады, потом Волховский фронт, затем – Центральный. Упорные бои под

Смоленском и Ржевом. На груди молодого бойца появился орден Красной Звезды.

Плишкину предложили поехать в военное училище. Согласился. Вскоре он снова был на фронте, но уже в звании младшего лейтенанта. Шло освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Потом Украина. За умелое командование взводом при освобождении Луцка Ивана Васильевича наградили вторым орденом Красной Звезды.

На Сандомирском плацдарме части, в которой служил И. Плишкин, приказали форсировать Вислу. На рассвете лодки и плоты двинулись к противоположному берегу. В числе первых взвод Плишкина форсировал реку и сразу же пошел в атаку. Впереди бежал командир взвода. Бои были упорные. Немцы не выдержали.

За эти бои у И. Плишкина на груди появился орден Отечественной войны второй степени.

Началось освобождение Чехословакии. Особенно упорно фашисты сопротивлялись в Дукельске, важном опорном пункте. Но и тут враг был обращен в бегство. У Ивана Плишкина прибавился еще один орден Красной Звезды. Позднее он получил чехословацкую медаль за Дукельский перевал.

Под Прагой Иван Васильевич получил тяжелое ранение. После госпиталя пришлось вернуться в Лысьву.

И. Демаков

Искра. – 1965. – 9 мая. – С. 2.

И. ИСУПОВ

ОГНЕННЫЕ ДНИ

Не буду рассказывать о днях отступлений, тяжелых боях и потерях. Многие фамилии выветрились из памяти. Но оборона Волгограда навсегда запомнилась.

Мне пришлось командовать ротой автоматчиков, которая подчинялась непосредственно командиру полка. Стояли мы в северной части города, в районе тракторного завода. Были

в моей роте два белоруса – Холод и Пятницев. Это были богатыри в полном смысле слова. Кажется, оба колхозника. У Холода были не кулаки, а настоящие кувалды. Оба эти бойца очень охотно ходили в разведку и всегда приводили «языка». Дрались они, как львы.

Немцы особенно усиленно рвались к Волге на нашем участке. Атаки следовали одна за другой на протяжении пяти дней. Пять дней гремели вокруг нас взрывы, горела земля. Фашисты применяли излюбленную тактику: пускали вперед танки, а следом за ними шла пехота. Но наши бойцы научились отсекать пехоту противника от бронированных чудовищ и уничтожали ее.

Но и наша рота быстро таяла. Особенно тяжелый был пятый день. На самом берегу стояли огромные резервуары с нефтью. Их разбило бомбами, и реки огня потекли в Волгу, солдаты задыхались от дыма. Снаряды и мины падали в эту горящую нефть, рвались и пылающие брызги летели на людей.

С горсткой солдат, согласно приказу, я начал отходить к воде. Пули рыли вокруг песок, косили бойцов.

Мы поплыли к острову, что находился на середине Волги. Вода, окрашенная заревом пожаров, казалась кровавой. По ней плыли трупы, торчали верхушки мачт и пристройки затопленных катеров и барж.

Каким образом, я и сейчас не понимаю, но среди плывущих бойцов роты, оказались девять гитлеровцев. То ли они увлеклись погоней, то ли решили проявить лихость. Обнаружив около себя врагов, солдаты, несмотря на то, что обессилили и окоченели в холодной воде, пришли в ярость и утопили всех девятерых. Особую активность в этом проявили Холод и Пятницев.

Через два месяца фашисты были окружены в Волгограде и разгромлены.

И. Исупов

Искра. – 1963. – 3 февр. – С. 3.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЖУКОВ

ОН ЗАСЛУЖИЛ МИРНОЕ НЕБО

...Высадили нас, сибиряков, из вагонов – и сразу бросили на передовую. Оружия толком не было, еды тоже, так и приходилось отбиваться от немцев. Помню, в лютовую зиму, голодные, оборванные, наткнулись как-то на одну деревню.

Думали, хоть один дом найдём целым, чтобы погреться. Всё вокруг разбито, даже ни одной трубы. Кругом трупы людей, коров. А есть-то хочется! Вот и пришлось отдирать с коров застывшее мясо. Откуда ни возьмись фрицы, мы бежать, но сил-то нет. Из 52 человек осталось только 13. Добрались до своих окопов, там солдаты дали нам сухарей и напоили. Но тут в небе появились немецкие самолёты. Тогда я и получил первое ранение...

У Александра Ивановича Жукова остался след от немецкого железа: он показал кисть почти сухой правой руки. Из госпиталя вышел только в конце 1942-го, на фронт больше не взяли.

Р. Жолобова

Искра. – 2010. – 11 марта. – С. 6.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИКИРЕВ

СРАЖАЛСЯ ЗА ОТЕЧЕСТВО

Михаил Чикирев встретил День Победы в госпитале в Будапеште.

Помнит, как все плакали от радости, обнимали друг друга. Солдаты, у которых было при себе оружие, стреляли в открытые окна...

Рядовой Чикирев тоже радовался, правда, неизвестно чему больше: долгожданной победе или тому, что выжил и удалось сохранить пробитую осколками снаряда ногу...

...После окончания восьми классов Михаила Чикирева призвали в армию. Год проучился в офицерском пехотном училище в Оренбурге, в 42-м его вместе с сокурсниками направили на передовую.

– Фронт каждый день требовал: «Давай людей, давай!» – вспоминает ветеран. – Нас даже недоучили: сформировали в бригады, посадили в эшелоны и отправили на карело-финскую границу. С боями прошли 850 км до линии Ман-

нергейма, форсировали Свирь в Ленинградской области – большую холодную горную реку. Половина из наших трех батальонов, а это почти 2,5 тысячи человек, полегла на ее берегах.

В 1944 году 18-я бригада, в которой воевал Чикирев, получила задание освободить военнопленных из концлагеря вблизи финской границы. Там находились 12 тысяч человек, в том числе и русские. Войска с трудом преодолевали болота, но все же опоздали – всего на 20 минут. Немцы угнали пленных и взорвали лагерь, все полыхало огнем...

Позже его часть получила приказ возвращаться в Могилев. Там была сформирована парашютно-десантная бригада.

Так рядовой Чикирев попал в Венгрию. Под Будапештом пришлось переправляться через Малый Дунай. Был март 1945-го. За освобождение Венгрии солдат получил медаль, а вот в Австрии ангел-хранитель от него отвернулся. Под Баденом брошенная фашистами граната разнесла блиндаж. Погибли 12 человек, и из тех, кто в нем находился, выжил один Михаил.

– Засыпало землей, думал, что ослеп, – вспоминает ветеран. – А потом кто-то стал выкапывать меня из-под завала: видимо, увидели сорванную каску. Еще минута – и я бы задохнулся. Вытащили на плащ-палатке под прицельным огнем. Удивляюсь, как выжил: ногу разворотило осколками.

Очнулся Михаил в госпитале. Сначала лежал в Бадене, потом его перевели в госпиталь под Будапештом. Раненых было очень много. Насмотрелся всякого: раненым каждый день отпиливали и кидали в печку руки и ноги.

Молодого бойца Чикирева, который никак не шел на поправку, уговаривали: «Давай, сыночек, отпилим...».

– Я плакал и не соглашался, – рассказывает ветеран. – Сделали вторую операцию – и пошел на поправку. Семь месяцев пролежал в госпиталях, там и День Победы встретил. Помню, нас кормили американской тушенкой. Советское правительство тогда поставило условие: на какой территории идут военные действия, та и снабжает армию.

Польшу немцы объели до последней крошки, а американская тушенка обошлась России-матушке золотом...

Когда общаешься с живым свидетелем того, что уже стало историей, невольно хочется выведать больше, хотя и понимаешь: вопросами причиняешь боль. Трудно вспоминать пережитое, беречь старые раны на сердце, которые никогда не заживут. Но еще больнее, когда видишь, как извращают эту историю, как в бывших союзных республиках рушат памятники советским воинам-освободителям.

– Думаете, австрийцы радовались Дню Победы? – спрашивает меня ветеран и сам отвечает. – Да только мы, русские, и радовались! Австрийцы не больно хорошо к нам относились, показуха одна была. А после 9 мая еще целый месяц шли бои в Венгрии, Польше, Чехословакии, наши выбивали из лесов уцелевшие отряды противника. Вот бандеровцам этим сегодня памятники ставят, а знаете, сколько они наших сгубили? Засядут в укрытие – и обстреливают наши эшелоны с боеприпасами. А пуля-то не выбирает – всех косит. Сколько мальчишек молодых полегло, и повоювать-то не успели...

После госпиталя Михаила Чикирева направили на охрану аэродрома в Будапеште. Там он тоже видел многое. Как дыры от пуль в крыльях замазывали: звездочку приклеят – и снова самолет в бой, как жгли списанные Яки ...

Е. Кожевникова

Искра. – 2010. – 20 февр. – С. 1, 4.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ШОЛОХОВ

ДЯДЬКОВО

Районный центр Дядьково 298 полк намеревался взять с ходу, но плотный минометный и ружейно-пулеметный огонь заставил остановиться. Все подразделения сгрудились в небольшом сосновом бору.

Заместитель командира полка по политчасти майор Шолохов поспешил на командный пункт, наспех оборудованный на небольшой возвышенности среди молодого леса. Здесь он застал командира полка и начальника штаба.

– Лобовая атака, – докладывал начштаба, – не даст нужного результата, просто понесем напрасные потери.

Шолохов посмотрел в сторону городка. Он был разделен довольно большим прудом на две неравные части, большая раскинулась на противоположном берегу. Туда вела единственная дорога через плотину.

– На этой плотине, – продолжал начальник штаба, – немцы, несомненно, пристреляли каждый столб и каждый камень. Разведка выяснила, что огневые средства противник расположил в подвалах и первых этажах домов.

– Что же ты предлагаешь? – спросил командир полка майор Гопко.

– На мой взгляд, город можно взять с меньшими потерями, если форсировать пруд вплавь, – высказал свою мысль Александр Андреевич.

– Я так же думаю, – поддержал начштаба. – Тот берег обрывистый и высокий, а дома от обрыва довольно далеко. Все это образует большое «мертвое пространство», которое немцами не простреливается.

– Значит, так и решаем, – согласился командир полка. – Первому батальону пройти лесом в верховья пруда и оседлать дорогу. Форсировать будет третий батальон, а второй и рота автоматчиков его поддержат.

Начальник штаба пошел отдать приказ. Заторопился и Шолохов.

– Ты куда, Александр Андреевич? – спросил Гопко.

– Пойду в третий батальон. Надо перед штурмом переговорить с коммунистами.

– Это правильно, – согласился командир полка. – Операция предстоит сложная.

Перебегая от одного укрытия к другому, Шолохов добрался до окраины городка. Солдаты третьего батальона скрытно от противника уже подносили к берегу доски. Им помогали местные жители, давно ожидавшие избавления от немецкого ига.

Около небольшого домика, утопающего в саду, Шолохова окликнула старушка. Едва передвигая ноги, она подошла к калитке.

– Дай, сынок, на тебя взглянуть, давно наших солдатиков не видела. Вон ты какой, даже погоны нацепил.

– Теперь бабуся, вся наша Армия погоны носит.

– Значит, и у сына моего погоны. Давно уж от него весточек нет. Случайно не доводилось встречать? Печкин его фамилия, а зовут Петром. Не встречал?

Глаза старушки испытывающе и с тревогой смотрели на Шолохова.

– Не приходилось. Да вы не волнуйтесь, придет ваш сын, бабуся.

– Дай-то бог! А доски для чего таскаете?

– Надо на ту сторону перебраться.

– Вон оно как. Так ты скажи, сынок, пусть солдаты мой дом разберут. Авось пригодятся брёвнышки. Мне все равно недолго осталось жить, переберусь к сестре.

– Спасибо, мамаша. Обойдемся без вашего домика. До свиданья.

Подготовка к форсированию пруда подходила к концу. Александр Андреевич собрал коммунистов. Уставшие от тяжелой работы, они валились на свежую зелень, покрывшую землю. Шолохов с сожалением заметил, что многих ветеранов полка уже нет. Одни погибли в боях, другие – отправлены в госпитали с тяжелыми ранениями (с легким никто не хотел уходить).

Коротко рассказав об обстановке, Александр Андреевич объяснил стоящую задачу.

– За нас, товарищ майор, можете не сомневаться, – заверил парторг – Будем на том берегу первыми.

После собрания к Шолохову подошел боец Ивушкин.

– Разрешите обратиться, товарищ майор.

– В чем дело?

– Могу я подать заявление о вступлении в партию?

– Конечно, можете.

– А примут?

– Думаю, что примут. Можешь рассчитывать на мою рекомендацию.

– В таком случае сразу после боя заявление напишу. Ну, а если погибну, так считайте, товарищ майор, коммунистом.

– Не надо раньше времени говорить о смерти. Нам с вами предстоит до Берлина дойти.

В назначенное время из лесу по немцам ударили пушки. В это же время в воду полетели доски. Ухватившись за них, поплыли бойцы третьего батальона. Над водой торчали лишь головы да вытянутые руки с автоматами и винтовками. Заметив плывущих бойцов, гитлеровцы открыли по ним огонь. Не всем бойцам довелось добраться до «мертвого пространства». Однако и там продолжали взрываться мины, посылаемые минометами. Они поднимали столбы воды и щепки.

Командир полка приказал еще раз повторить артиллерийский огонь, на этот раз более интенсивный, а по плотине послал второй батальон и роту автоматчиков. Немцы не выдержали атаки. Прекратив сопротивление, гитлеровцы бросились спасаться глухими лесными дорогами. Их преследовали больше десятка километров.

Потери атакующих оказались незначительными. Среди живых Шолохов не нашел Ивушкина. Не было его и среди раненых. Вероятно, воды пруда скрыли славного бойца. Вечером Александр Андреевич сел выполнять самую тяжелую работу – писать письма родственникам погибших. Написал и матери Ивушкина, сообщив, что ее сын погиб смертью храбрых.

Н. Максаров

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 3.

ФЁДОР СТЕПАНОВИЧ НОВОСЕЛОВ

ПИСЬМА ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

«Ни приметы, ни следа...» – это и о моем отце Фёдоре Степановиче Новоселове, без вести пропавшем на рубеже 1941- 42 годов.

25 июня 1941 года, третий день войны. 385-й стрелковый полк поднят по тревоге и отправляется на фронт. По финской войне отец знал цену заверениям о победе малой кровью и на территории врага. Но надеялся, что смерть обойдёт его стороной. Однако тревога за судьбу жены и сына не оставляет его. Идёт посадка в эшелоны, времени – считанные минуты, за которые нужно успеть передать близким что-то самое важное и найти для этого единственно верные слова...

Через военное лихолетье, голод, через десятилетия, наполненные большими и малыми заботами, переездами, чудом уцелел пожелтевший от времени листок бумаги, вырванный из ученической тетради в клеточку, где отец красным карандашом написал письмо-исповедь, письмо-завещание.

«Лиза! Я тебя любил и ценил. Не вспоминай плохим. Фёдор. Вова! Вспоминай папу. Еду на операцию. 25.06.1941 года».

Дальнейшая судьба отца известна только по его шести письмам – из госпиталя, с места формирования и с фронта.

Вот они:

29-й день войны. 20 июля 1941 года г. Чкалов (ныне Оренбург), госпиталь.

Здравствуйте, дорогие мои, Лиза и Вова! Шлю вам письмо, последнее писал из Вязьмы. Нахожусь в Чкалове. Ранение легкое в правое плечо, но рука болит сильно.. Выздоровею, я им, фашистам, отомщу за свои страдания, только бы попасть поскорей на фронт... Напиши мне, кто взят в армию

из знакомых. В следующий раз письмо буду писать правой рукой. Крепко целую – Фёдор.

44-й день войны, 4 августа 1941 года, г. Чкалов, госпиталь.

Здравствуй, моя милая Лиза! Здравствуй, дорогой мой сын Вова! Письма от вас не могу дождаться, да и вряд ли дождусь, потому что на днях буду выписан и, разумеется, поеду на фронт.

Трудно сказать, скоро ли я снова встречу лицом к лицу с врагом, но для меня это существенной роли не играет, только бы скорее вступить в бой. Правда, рука ещё побаливает, не могу держать даже карандаш, но всё это не имеет значения, так как для командира война – головой, а всё, что нужно сделать руками, сделают бойцы...

За 12 дней нахождения в бою я вряд ли спал 24 часа. За это время был в бывшей Латвии и бывшей Польше. Нам приходилось сдерживать его бешеный натиск с первых дней войны. Поставленную задачу выполнили хорошо.

Перед боем я подготовил себя, внушил себе презрение к смерти, подавил страх, и никакие взрывы бомб, снарядов, мин, непрерывная стрельба не могли меня привести в растерянность. Благодаря этому смело людей повел в атаку, победил врага, спас жизни бойцов и свою, вывел людей из окружения. Правда, был такой момент, что оставались патроны единицы, было по две гранаты. Я приказал биться до последней гранаты, а у кого нет гранат, до последнего патрона, но живыми в плен не сдаваться, и, если бы пришлось, я первый должен был показать пример и на это твёрдо готов был. Но благодаря хладнокровию, вернее, осмысленным действиям, враг был атакован, и разбит. Дней 20 после ранения мне снились атаки. Теперь вижу во сне тебя и Вову. Я в жизни был для тебя метеором - появлялся на короткое время и исчезал, но думаю, что ты сумеешь воспитать у Вовы любовь к отцу, сумеешь найти во мне хорошие черты, привить их сыну и воспитать в нём жгучую ненависть к врагам Родины... Желаю счастья.

Крепко целую. Фёдор.

Правая рука не действует, но обстановка на фронте такая, что командир и без руки должен идти в бой.

62-й день войны. 22 августа 1941-го, г. Харьков.

Здравствуйте, дорогие мои Лиза и Вова! Вот уже несколько дней добираюсь до фронта. Завтра или послезавтра получу назначение. В Харькове сфотографировался, если будут добросовестные, то пришлю.

С 7 июля по настоящее время нахожусь все время с политруком Тереховым, и, возможно, уйдем вместе в бой. Адрес его жены: г. Молотов, Красные казармы, зовут ее Мария Петровна. Если долго не будет от меня сообщений, может быть, от нее узнаешь кое-что. Рука болит, силы в ней нет, но я не беспокоюсь, у меня одна цель: победить или умереть, другого выхода нет. Пока все. Крепко целую. Федор.

74-й день войны. 9 сентября 1941 года, г. Тамбов.

Здравствуйте, дорогие мои Лиза и Вова!

Шлю вам горячий привет. Вместо фронта попал в глубокий тыл. Командую батальоном и очень скоро попаду на фронт. Когда поеду, сообщу телеграммой. Я думаю, что сумею ещё получить от тебя письмо, если медлить с ответом не будешь. А то ты, Лиза, бываешь тяжела на подъём. Впрочем, сейчас обстановка другая, чем раньше, поэтому ты узнаешь драгоценность не только дня, но и минут. Чувствую себя хорошо, вот только правая рука болит. Ручку теперь держу, но больше ничего держать нельзя. Врачи обещают через четыре месяца привести в прежнее состояние, только думаю, что рану придется залечивать, когда будет новая. Гадать сейчас о дальнейшей жизни нет смысла. Я лично готов к самой худшей мысли и ты должна привыкнуть.

А мои мысли и чувства каждый час только о тебе и Вова. Для меня ты и Вова – вся моя жизнь, моя радость, моя дума, мои самые лучшие чувства. На нашей великой и родной земле живёте ты и мой сын, моя мать, мои сестры. Да разве можно думать о том, что случится дальше? Нет, не нужно. Победить или умереть! Скорая встреча с врагом мне теперь совсем не страшна. Положение на фронте теперь значительно лучше, и воевать легче, чем нам пришлось с первых дней. Жди домой с победой над фашизмом. Пусть Вова лучше учится, баловаться ему не разрешай. Служу в части 1086. Ваш Фёдор.

А лучше напиши письмо на Тамбов, гл. почтамт, до вос-
требования.

148-й день войны. 22 ноября 1941 года. Действующая
Красная армия. Почтовая полевая станция 1408 в/ч 1086.

Здравствуй, Лиза, здравствуй Вова!

Дорогие мои длительное время по обстоятельствам
службы я не мог вам написать письмо. Время сейчас такое,
что жизнь людей решается не днями, а минутами. Я, видимо,
родился под счастливой звездой, продолжаю жить хорошо.
Усиленно готовлюсь для решительной схватки с врагом. Я не
сомневаюсь, что победа будет за нами, независимо от того,
буду я жив или нет. Я надеюсь, Лиза, что сумеешь воспитать
единственного нашего сына Вову. Напиши мне, как работа-
ешь, как протекает твоя жизнь, есть ли в Лысьве театр. Где
сейчас Гребёнкин, как он работает. Пишут ли тебе из дома,
сообщи им мой адрес. А главное сообщи о моем любимом сы-
не Вова, как он учится, как проводит свободное время, как
воспринимает последние события. Пиши обо всем...

Крепко целую. Ваш Федор.

176-й день войны. 20 декабря 1941 г. Действующая
Красная армия.

Давно я не мог написать вам письмо. Давно не получал
от вас писем. В течение месяца был в походе. И почти в тече-
ние месяца гнали фашистов, уничтожали их беспощадно. Ло-
зунг т. Сталина выполняем на отлично – ни одного захватчика
не должно быть на русской земле. Гоним его уже 400 км. Се-
годня отдыхаем.

Во многих жестоких боях я был, враг цепляется за каж-
дую деревню, за каждый дом. А грабит всё, начиная с продук-
тов, пшеницы, кончая детскими пелёнками. Те деревни, кото-
рые он оставил, большинство сжёл.

Страшно смотреть на эти пепелища, на женщин и детей,
оставленных без крова и пищи. Общественный актив переве-
шан. Некоторые были на виселице более месяца. Мороз про-
ходит по коже, когда видишь все эти ужасы и слышишь о гнус-
нейших преступлениях. В отношении пленных применяли пыт-

ки. Красноармейцы нашей части попали к ним в лапы, завтра мы нашли трупы обгоревших бойцов. Да разве может быть - пощада бешеным собакам?! Нет!

Самочувствие в бою у меня хорошее. Бой для меня теперь - искусство, я смотрю, как лучше поражать врага, как лучше его обойти, окружить и уничтожить. Конечно, бой - не прогулка, смерть гуляет вокруг, ежесекундно унося с собой то одного, то другого боевого товарища. Но, видимо, я родился под счастливой звездой. Несколько раз рядом со мной рвались мины, засыпало землей, оглушало и ослепляло. Почти четыре часа лежал, прижавшись к земле в воде, дальше путь был преграждён огненным дождём, вправо и влево двигаться нельзя, назад путь закрыт своей совестью и честью перед Родиной. При этом положении всякие мысли приходят в голову. Но одна мысль не оставляет - не погибнуть безрассудно, дать больше пользы для Родины. Не хвалясь скажу, что я был всё время впереди своего батальона, под пулями и снарядами, в моей смелости никто не сомневается. Какое приятное совпадение: я с 1932 г. по 1933 г. служил в полку у Голикова в Саратове, а теперь служу в армии генерал-лейтенанта Голикова. Я его ещё не встречал, если встречу, то напомним о себе.

Он меня знал, и очень хорошо.

Очень много интересных эпизодов теперь у меня из боевой жизни. Много есть о чём рассказать. Но всего не напишешь. Вернусь домой, попью густого чая, лягу на диван, Вова сядет около меня и Лиза тоже, и буду я вам рассказывать долго-долго обо всем пройденном боевом пути мной, моими товарищами. Надеюсь, Лиза и Вова, будет это прекрасное время.

Привет всем родным и знакомым. Крепко-крепко целую Лизу и Вову.

Ваш Фёдор.

Это письмо отца было последним.

В. Новосёлов

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 5.

СОЛДАТСКАЯ НАСТОЙЧИВОСТЬ

Стоял жаркий августовский день. Мы шли по польской земле, освобождая ее от фашистской нечисти. Позади осталась пройденная с боями родная советская земля.

И вот нам, минометчикам, дан новый приказ:

– Взять польский город Дембицу!

Бой разгорелся жестокий. Враг оказался еще очень сильным. Сперва он обрушил на позиции батальона мощный артиллерийский огонь. Наша корпусная артиллерия, видимо, еще не подошла, поэтому вражеские батареи подавить было некому.

От огня вражеской артиллерии ряды нашего батальона сильно поредели, а тут еще немцы пошли в контрнаступление. Слабый огонь наших стрелков едва ли мог остановить фашистов.

И тогда в бой вступили наши минометы. Первые же мины легли точно по цели. Фашисты залегли, но ненадолго. Вскоре они опять пошли в атаку. И в этот ответственный момент мне доложили:

– Кончается боезапас.

Быстро созрело решение: бросить два огневых взвода на отражение атаки стрелковым оружием. Так и сделали. На какое-то время гитлеровцев остановили. Но вот мины кончились, минометы замолчали. Раздавались лишь сухие выстрелы карабинов да редкие очереди автоматов.

Увидев, что не стало заградительного огня, фашисты снова пошли в наступление. Наши изрядно поредевшие стрелковые роты начали отходить. Положение создалось критическое. И тогда ко мне подбежал командир первого огневого взвода:

– Лейтенант! – крикнул он. – А если попробовать трофейные мины? Их много!

Накануне наш батальон захватил немецкую автомашину полную боезапаса для минометов. Бойцы сгрузили ящики в ближайший овраг, а машину куда-то угнали. В самом деле, почему не попробовать, хотя трофейные мины несколько меньшего диаметра?

– Давайте! – согласился я. Бойцы бросились за минами. Через несколько минут дали первый выстрел. Из ствола миномета вырвалось большое пламя, а вылетевшая мина упала недалеко и цели не достигла.

– Увеличить дополнительный заряд.

Теперь мины стали накрывать цель. Фашисты не выдержали и стали отходить.

Этот бой длился три часа. Мы остановили врага. Наши минометчики действовали хладнокровно, проявили большую солдатскую находчивость. Особенно командир первого огневого взвода. Это был пожилой, большой храбрости человек, которого убило в конце боя.

Но вот где-то сзади «заиграли» «катюши», загудел воздух от пролетающих над головами снарядов нашей корпусной артиллерии, в пехотные батальоны пришло подкрепление. Раздалось волнующее:

– Вперед, за Родину!

И наша матушка-пехота пошла в наступление. Город освободили. В этом бою меня ранило. Полтора года провалялся по госпитальным койкам. За это время Великая Отечественная война окончилась, я вернулся в родную Лысьву, поступил на работу. Но оказывается, что за этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. И эта награда нашла меня ровно через двадцать лет.

П. Пирожников

Искра. – 1966. – 8 мая. – С. 2.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КАРАКУЛОВ

В ЧАСЫ ЗАТИШЬЯ

Младший лейтенант Н. А. Каракулов остановился: дороги больше не было, и он понял, что они вышли на ничейную зону. Шестеро молодых парней, у которых он не знал еще даже фамилий, топтались на снегу. Утренний морозец пробирался под шинели и полушубки, а густой туман делал их лица серыми и расплывчатыми, как и расплывчаты были мысли Каракулова, получившего задание, собрать трофеи

на ничейной зоне и найти ПТР, оставленный когда-то при отходе. Пока шли по дороге, Каракулов мысленно старался восстановить ход прошедших суток. Еще при посадке на станции в Ельце, проходившей при сильнейшей бомбежке, они, выпускники Кыштымских курсов, думали, что фронт их встретит таким же разрывом бомб и снарядов, трескотнёй пулеметов. А прибыв вчера на так называемый Курский выступ, Каракулов увидел окопную жизнь – открытые блиндажи, землянки и очень небольшое количество людей, именуемых 102-й стрелковой дивизией 70-й армии. На фронте царило временное затишье.

Едва скинул вещмешок, как вызвал представитель штаба полка. Мельком взглянув на его петлицы с одним «кубарем», спросил:

– Прибыли?

– Назначен на должность командира пулеметного взвода. Младший лейтенант Каракулов, – вытянулся перед командиром Николай Андреевич.

– Раньше в боях бывал? – майор снова мельком окинул взглядом плотную фигуру младшего лейтенанта.

– Нет, товарищ майор, – и добавил: – На Урале в Лысьве организовывал госпитали. Потом был на курсах.

– Очень хорошо, – перебил майор и уткнулся в свои бумаги. К чему относилось это «очень хорошо», Каракулов так и не понял. Он тут же получил свое первое фронтовое задание без какого-либо инструктажа. Удивительнее всего было то, что он, старший этой группы, шел без оружия.

По знаку младшего лейтенанта бойцы рассыпались по полю. Сам он тоже перешагивал через чужие трупы, валявшиеся в самых невероятных позах. Собирали автоматы, гранаты с длинными ручками и маскировочные халаты, которые тут же натягивали на себя.

Внезапно туман рассеялся и послышался быстрый перестук дятла. В ту же секунду Каракулов упал между трупами, сообразив, что бьет немецкий пулемет, и он находится на фронте, а не дома на охоте.

Чувство ответственности за подчиненных заставило его приподнять голову и осмотреться. Длинная пулеметная оче-

редь, к счастью, никого не задела, и солдаты уже отползли к спасительной лощине, ранее не видимой из-за тумана.

Нагруженные трофеями шли весело, забыв про опасность. Сейчас только Каракулов как следует разглядел своих бойцов. Один держал пару автоматов, у другого из кармана торчали длинные ручки гранат и банки с консервами.

Раскрасневшиеся на утреннем холодке лица были юны, а брови покрылись инеем. У одного на верхней губе явно пробивалась чернота волос. У остальных подбородка еще не коснулась бритва.

Вдруг черноусый резко повернулся и вскинул трофейный автомат. Каракулов повернулся туда же. Из тумана неслышно выплыла фигура в маскхалате.

– А, трофейщики! – сказала эта фигура, оказавшаяся молодым бойцом со снайперской винтовкой. Боец легко спрыгнул в лощину, предупредил:

– За мной не ходите, местность простреливается.

И направился в близлежащую деревню.

Каракулов всё же повел своих людей в эту деревню, и вскоре все оказались в расположении своей части.

Рота скрытно передислоцировалась. Бойцы очутились во фланге немецких блиндажей.

Закончив укрепление дзота, Караулов, принявший пулеметную роту и с гордостью носивший наган с одним патроном, припал к амбразуре, рассматривая расположение немцев. Фашисты были совсем близко.

Не подозревая о существовании новой огневой точки русских, они беспечно обедали. Каракулову видно, как разливают из термоса суп, режут хлеб.

– Вы уже обстрелянные, товарищи бойцы, а я только на полигоне стрелял, – сказал Каракулов своим солдатам, – так что разрешите обновить огневую позицию.

Уже знакомый по походу за трофеями паренек с готовностью подал патроны:

– Прошу, товарищ младший лейтенант.

Едва немецкий офицер показался из хода сообщения, как Каракулов нажал на гашетку автомата. Сражение было

коротким. В сводках Информбюро об этом сообщили всего в трех словах: бои местного значения.

С. Голышев

Искра. – 1965. – 26 сент. – С. 3.

П. ШИШИГОВ

ЭТО БЫЛО 20 ЛЕТ НАЗАД

В августе 1942 года, когда стало известно, что фашисты рвутся к Волге. Нашу воздушно-десантную бригаду «переделали» в стрелковую дивизию и спешно перебросили за Дон.

Закрепиться прочно на правом берегу Дона мы не смогли. Под натиском бронированных чудовищ наша часть была сброшена в реку. Началось медленное отступление. Это были тяжелые дни, часть потеряла много бойцов. После переформирования, которое проходило на левой стороне Волги, нашу дивизию ночью погрузили на автомашины и повезли к Волгограду.

Я командовал ротой, которая в основном состояла из бывших фронтовиков и выздоровевших после ранения солдат.

Переправлялись через Волгу ночью у переправы «62» – номер армии генерала Чуйкова. Часть солдат погрузилась на баржу, а часть разместилась на катере, который тянул ее.

Противоположный берег полыхал багровыми заревами пожарищ, густой дым тянулся от элеватора, возвышающегося черной громадой возле воды.

Едва катер отвалил от левого берега, как вокруг него заплясали водяные столбы взрывов: фашисты открыли стрельбу. Маневрируя между островом и берегом, мы с большим трудом пристали к городу.

Позиция нашего батальона находилась в районе завода «Баррикады», а моя рота занимала окопы, которые находились на улице с трамвайными путями. К сожалению, не помню ее названия. Одна сторона этой улицы была советской, а вторая принадлежала фашистам. Если хорошенько размахнуться, то можно было добросить гранату до немецких окопов.

Тяжелые бои перемежались с днями томительного затишья. Дрались за каждый дом. В одну из атак немцам удалось нас выбить из окопов, но через пять дней мы вышибли их и вернули свои позиции.

В дни затишья особенно активно действовали разведчики и снайперы. Днем невозможно было высунуть и носа из окопов.

Помню, однажды, прихватив с собой снайперскую винтовку, я забрался на чердак двухэтажного дома. Оттуда хорошо просматривались немецкие окопы. Проходит час, другой... Время обеда. Вижу, над краем траншеи двигаются вершинки касок – немцы пошли за обедом. В одном месте у траншеи был поворот и вход в блиндаж. Замечаю, как немец, на секунду приподнявшись, нырнул с котелком в землянку. Спешно ставлю прицел и навожу перекрестие оптической трубы на вход.

Через некоторое время этот же фашист появился с полным котелком. Жму на спусковой крючок. Немец рухнул. Из тёмного проема входа возникли руки, которые начали спешно вытягивать в блиндаж убитого. На мгновенье мелькнула грудь. Жму на крючок. Из двери вываливается второй фашист.

Наш передний край то и дело бомбили фашистские самолеты. Чтобы лётчики по ошибке не начали бомбить окопы своих же солдат, немцы при приближении бомбардировщиков пускали красные ракеты. Комбат посоветовал мне выпустить такие же ракеты. Я так и сделал. Стервятники покружились и улетели, не сбросив ни одной бомбы. Взбешенные гитлеровцы открыли по нашим траншеям минометный огонь, издали прилетел тяжелый снаряд, и грохнул в штаб батальона. Меня контузило.

Никогда не забыть, как два солдата тащили меня под обстрелом к Волге, где в береговой круче были вырыты пункты медицинской помощи. Вначале ранило одного из них, потом – второго. Но они продолжали меня тащить.

О разгроме фашистов я узнал уже в госпитале.

П. Шишигов

Искра. – 1963. – 3 февр. – С. 3.

ПОЛИКАРП ИВАНОВИЧ ШЕСТАКОВ

ПОГОВОРИМ, ДЕД...

Ты работал в проектно́м отделе чертежником, когда началась война. Призвался, попал в пехотное училище, откуда вышел старшим лейтенантом. Гитлеровские войска́ были на подступах к Москве. Там, в Подмоскovie, 1 января 1942 года начался твой фронтовой путь, девятнадцатилетний Николай (Поликарп) Шестаков.

*Удар в штыки – накал металла!
И чтоб не дрогнула рука,
Коли врага не как попало,
А что б сразить – наверняка!
Пехота! Святая пехота.
Родная стрелковая рота.
И ротный...
Он смотрится просто.
В атаке ОН – выше всех ростом.*

На третий день ожесточенных боев погиб командир роты. Его место занял ты, старший лейтенант Шестаков. Лиха хватил, получил позднее четыре звезды на погоны. Так и прошел войну – командир мотострелковой роты, воинское звание – капитан. Кто такой командир роты? Тот, кто находится в эпицентре огня, кто поднимает роту в атаку. Это характер, это твердая рука, это смелость – иначе за тобой не пойдут – на врага, на смерть. Ротные сменялись часто: неделя, две, месяц – много, и в судьбе командира два исхода – либо смерть, либо ранение. Тебе повезло – ты не был убит. После тяжелого ранения разрывной пулей оказался в госпитале, откуда в сопровождении санитаря приехал в Лысьву. Здесь Нина Шардина вышла за тебя замуж. А ты снова мобилизовался, прошел Высшую школу усовершенствования офицеров – и на фронт. Войну закончил уже в Манчжурии в 1945 году. Награжден медалями «За победу над Гер-

манией», «За победу над Японией», кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны.

Вернулся домой уже в 1946-ом.

А. Башарин

За передовую металлургию. – 2004. – 18 мая. – С. 2.

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ ЕЛИСЕЕВ

... И К НЕПОГОДЕ НОЮТ РАНЫ

Я перелистываю страницы книги украинского писателя Петра Клименко «Кровью святою», где описан боевой путь 745 Станиславского стрелкового полка красной знаменной ордена Богдана Хмельницкого 141 Киевской стрелковой дивизии. Один из ее героев, лысьвенец Алексей Кириллович Елисеев, сидит передо мной, рассказывая о былых сражениях. 16 боевых наград у фронтовика, в том числе

3 ордена Отечественной войны, ордена Красной Звезды и Красного Знамени, и каждая из них – свидетельство героизма и мужества. В голосе его чувствуется волнение. Он считает, что лучшие годы жизни его связаны с армией.

– Я работал на металлургическом заводе, был секретарем комсомольской организации метизного производства и восемнадцатилетним пареньком вместе со своими земляками Иваном Санниковым, Николаем Князевым и Алексеем Шутовым прибыл, когда пришло время служить, в Ленинград. Меня направили на подводную лодку «Ленинец». Четыре года в Морфлоте были для меня хорошей закалкой. Затем закончил военное училище имени Энгельса, вернулся в Лысьву.

Обстановка в стране уже была тревожная. События на Халхин-Голе, на озере Хасан, война с финнами – все это вызывало беспокойство. Правительство приняло решение о переподготовке офицерского состава. И вот я на курсах в Горьком, которые успешно закончил, получил звание «Капитан-лейтенант морского флота». Мы должны были ехать домой, а в воскресенье началась война. Я получил назначение в город

Алатырь в Чувашии старшим инструктором политотдела 745 дивизии, где мы вплотную занялись её формированием. Трижды приезжал в нашу дивизию К. Е. Ворошилов, маршал Советского Союза, который проводил учения, знакомил с военной обстановкой.

– Ворошилов разговаривал с нами по-отечески, понимая, какие испытания выпали стране, народу. «Я надеюсь, что вы не подведете мою седую голову», – сказал он в одной из бесед и снял фуражку. Скоро наша дивизия приняла боевое крещение, участвуя в битве под Воронежем. Операция длилась 220 дней и ночей. Затем был Дон, форсирование реки под непрерывным огнем фашистов, которые возлагали на Дон стратегические надежды.

– Бои были тяжкие, за каждую пядь земли, на пределе человеческих сил и возможностей, – вспоминает Алексей Кириллович.

– Люди проявили неслыханное мужество, стойкость. Помню снайпера Веру Петровскую, на счету которой было 100 убитых немецких офицеров. А один наш солдат из пулемёта сбил бомбардировщика...

Алексей Кириллович рассказывает о Корсунь-Шевченковской операции, тщательно разработанной и исполненной, о форсировании Днепра и освобождении Киева, которые потребовали мобилизации сил и боевой техники дивизии, военного искусства командиров и солдат.

Фронтальная судьба берегла уральца – вместе с полком дошел он до Чехословакии. В Карпатских лесах в 1944 году был тяжело ранен, долго лечился. Победу встретил в Воткинске, где по предписанию медиков, будучи признанным к ограниченной службе, обучал солдат.

...Наша беседа подходит к концу. Прошу майора А.К. Елисеева вспомнить самый памятный день войны.

– Много их было, очень много! – говорит он. – Довелось пережить такое, что не забывается, не стирается с годами, хотя живу уже девятый десяток. Да и осколки в области шеи не дают забыть...

*Н. Лобанова
Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 6.*

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФАБРИЦИУС

СОЛДАТУ БЫЛО 19...

Служил Георгий Петрович Фабрициус в составе 401-го артиллерийского полка 88-й стрелковой дивизии, а когда началась Великая Отечественная, полк был переброшен на Кандалакшу.

– Самый трудный фронт в начале войны был Карельский, – рассказывает Георгий Петрович. – Особенно тяжкие бои шли на Кестеньском направлении, куда я попал на передовую. Одних только снарядов было выброшено на наши позиции больше, чем на Ленинград. Болота, непроходимые леса, сопки, скалы – сама природа северного края определила напряжённость схваток с фашистами, которые называли этот район Долиной смерти. Советские войска остановили, конечно, это страшное нашествие, хотя численность и вооружённость гитлеровских формирований значительно превосходили наши.

Гитлеровское верховное командование поставило задачу – захватить Мурманск и перерезать Кировскую железную дорогу – магистраль, связывающую мурманский незамерзающий порт с центром страны. Фашисты не ожидали такого сопротивления: в течение трёх месяцев наши части стойко отражали атаки, проявляя массовый беспримерный героизм на всех позициях.

Военная специальность у девятнадцатилетнего солдата была артиллерист. У 76-миллиметровой пушки – семь человек, семь отчаянных ребят, которые в каждом бою держались как настоящие герои, хотя порой вынести это сверхчеловеческое напряжение было очень трудно.

– С неба бомбы падают, мощные артобстрелы не прекращаются, а на ёлках – невидимые «кукушки»-снайперы, кото-

рые хладнокровно целились в «живую мишень». Действительно, это было настоящее пекло, – говорит Георгий Петрович. – Артполк нёс большие потери, но каждое утро всё начиналось сначала: эта выматывающая, тяжкая работа, жестокие бои, военные операции, в которых приходилось участвовать и мне.

– То, что вы немец, мешало вам в те годы?

– Даже проблем не возникало! Родина моя – Поволжье, где я вырос, учился, закончил партшколу. Никто из наших ребят-немцев не перешёл на сторону врага. А знание языка очень помогало. Постоянно участвовал в допросах пленных в качестве переводчика. Сбитых фашистских лётчиков приводил в часть, и они не подозревали, у кого находятся под конвоем. В разведку постоянно отправляли. Иногда ходил на задание, переодевшись в гитлеровскую форму. Переделки были, конечно, тяжкие, но «языков» в штаб доставляли.

Вспоминает он некоторые эпизоды с юмором – хоть и война была, а даже в окопах, на передовой солдаты подтрунивали над собой, рассказывали байки.

– Да, кругом смерть, неизвестно, жив будешь или нет, а молодость брала своё. Даже плакаты рисовали юмористического содержания, к деревьям прикалывали: «Боец, не упади в траншею, а то свернёшь себе шею».

В июле 1941-го Г. П. Фабрициус был тяжело ранен. Хирурги, оперируя его, удивлялись мужеству солдата – жив остался чудом, как говорится. После длительного лечения его комиссовали, признав негодным к строевой службе.

Н. Лобанова

Искра. – 2000. – 14 марта. – С. 2.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА ШАПИЛОВА

ПРОШЛОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Случилось это тридцать лет назад. Вместе с другими девушками-добровольцами Зоя выехала на фронт. При проходах были горячие речи, была музыка, были и слезы.

Зюю Михайловну Шапилову назначили на зенитную батарею охранять московское небо от гитлеровских стервятни-

ков. Начинали с землянок. Долбили, долбили девушки землю, а она не хочет поддаваться. И все же землянки построили, сделали ровики для орудий и приборов, а потом все внимание отдали небу. Немало самолетов с крестами на крыльях упало на землю, подбитых зенитчиками.

Но стоило прозвучать отбою тревоги, как все свободные от дежурства девчата собирались в землянках около железных печек. Говорили о близкой победе, вспоминали тех, кто уже не вернется никогда домой, мечтали о будущем. Потом кто-то запевал:

*Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза...*

Песню подхватывали другие, и вот она уже вырывается из землянки и теряется в морозном воздухе.

Запомнился Зое Михайловне еще один момент. Как-то подошел лейтенант Захаров и сказал:

– Знаешь, Зоя, давно я к тебе приглядываюсь и вижу, что ты достойна быть коммунистом.

Зоя даже растерялась. Но уже через несколько дней партийная организация приняла Шапилову в свои ряды.

*Н. Тишковская
Искра. – 1972. – 4 мая. – С. 3.*

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЖЕЛТОВСКИХ

В БОЮ И ТРУДЕ

Через пять дней после начала Великой Отечественной войны я уже был на формировании добровольческой артиллерийской части в одном из военных лагерей. Часть эта формировалась исключительно из коммунистов-добровольцев. У каждого из нас было единое стремление: скорее на фронт, бить ненавистных захватчиков.

На фронт нашу часть бросили тогда, когда враг в районе Валдая и озера Ильмень пытался отрезать Ленинград от Мо-

сквы. Фашисты не жалели сил для осуществления своего замысла, бросали в этот район и пехоту, и танки, и авиацию.

В первые же сутки, приехав на фронт, наша артчасть отбила семнадцать атак противника. Тысячи немецких солдат и офицеров остались на поле боя.

Когда на этом участке фронта враг был обескровлен и перешел к позиционной войне, нашу часть перебросили на Калининский фронт. И здесь враг от наших «катюш» нёс громадные потери.

Помню, на занятую нами высоту в декабре 1942 года фашисты много раз посылали танки в контратаку. Наших пехотинцев в результате боев осталось очень мало, своими «катюшами» мы не могли рисковать, они после залпа уходили перезаряжаться в тыл.

Не хотелось отдавать врагу отбитую у него высоту, которая господствовала над окружающей местностью. Тогда я вызвался остаться на высоте вместе с нашей пехотой. Замаскировался в траншее и во время очередной атаки уничтожил гранатами два немецких танка. За это по представлению командования был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

В дальнейшем мне приходилось участвовать во многих боях. Когда был убит командир орудия – я встал на его место и продолжал вести бой с противником. Был во взводе управления. Приходилось быть связистом и разведчиком в артчасти, при необходимости уничтожать танки противника из противотанкового ружья. Участвовал в боях за города Невель, Ржев, Великие Луки, Минск, Даугавпилс и Ригу. Закончил войну на немецкой земле.

Начал я войну младшим сержантом, а после взятия Риги мне присвоили звание старшего сержанта.

Наш дивизион после взятия Минска был награжден орденом Красного Знамени.

*В. Желтовских
Искра. – 1965. – 9 мая. – С. 4.*

ХОТЕЛА БЫТЬ ПЕДАГОГОМ – ПРИШЛОСЬ СТАТЬ ЗЕНИТЧИЦЕЙ

В молодости подруги В. Г. Протасовой говорили:

– Ты, Вера, прирождённый педагог – выдержанная, спокойная, добрая...». И она действительно хотела им стать: училась в педучилище, мечтая о том, как будет работать с детишками, учить их уму-разуму. И вдруг война...

Подруги одна за другой уходили на фронт, подумывала об этом и она. Готовилась к тому, что пойдёт медсестрой или связисткой, а попала в зенитный полк, и ей пришлось осваивать военную специальность прожекториста, о которой она раньше и не слышала. Прошла курсы, старалась понять все тонкости зенитного дела, с опаской представляя, как будет действовать в боевых условиях.

В августе 1943 года полк был переброшен на оборону Харькова. Город стоял в развалинах. Жители со слезами и радостью встречали военных, рассказывая о прошедшем ночью бое, после которого немцы отступили из города.

Прожектористы получили приказ привести технику в боевую готовность. И сразу же зазвучал сигнал тревоги. В небе появились немецкие самолёты. Первый налёт и первые неудачи: немцам удалось сбросить несколько бомб на территорию вокзала, повредить часть железной дороги. Но атака отбита. Через час немецкие истребители возвращаются вновь, но на этот раз их усилия тщетны: зенитчики не пустили их близко к городу.

Вера была старшим прожектористом. Не отрываясь от локаторов, слушала, откуда доносится гул самолётов. Она и сейчас иногда слышит этот ужасный рёв моторов, несущих смерть...

Новый приказ: двинуться на оборону Полтавы. Пешим строем, с карабинами, противогазами, вещмешками преодо-

левали километр за километром, делая короткие привалы. Казалось, не будет конца этому тяжёлому марш-броску. И вот Полтава. Полк располагается в разгромленном фруктовом саду, и снова все сначала: окапываться, устанавливать технику, устраиваться...

Киев, Харьков, Полтава, Кременчуг, Крюков, Черкасск – сколько их было, разбитых и разрушенных городов, на военном пути Веры Гавриловны! Горек ратный труд, но на всех дорогах войны она оставалась выдержанной и ответственной, подавая пример сослуживцам. Фронтовые заслуги этой женщины отмечены многими медалями, но главной наградой для себя она считает значок «Отличник ПВО».

В. Брек

Искра. – 2000. – 27 апр. – С. 2.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕЛИВАНОВ

ОТ КИЕВА ДО БЕРЛИНА И ПРАГИ

Моя фронтовая служба прошла в составе 32-й гвардейской миномётной бригады (знаменитые «катюши»), боевой путь которой протянулся от Киева до Берлина и Праги. Много воспоминаний связано с той тяжёлой порой.

Едва исполнилось 17 лет, как 1 января 43-го я отправился в Красную армию. Три месяца подготовки в Москве, и я – орудийный номер ракетного миномёта, так называемой «катюши» (их ещё называли «андрюшами»). Только один залп дивизиона (а их в бригаде четыре) за 8-10 секунд посылал на врага 144 снаряда по 96 килограммов каждый. Устоять перед таким ударом не могли ни техника, ни укрепления, а тем более живая сила противника.

Помнятся тяжёлые бои на Украине за Львов, Тернополь и на Сандомирском плацдарме (Польша). Весенняя распутица: не дороги, а сплошное чернозёмное месиво. Порой машины продвигались вперёд только благодаря силе

солдатских плеч. А мы ещё и давали залпы по врагу, подвергаясь артобстрелам и бомбёжкам. В Тернополе вели уличные бои, приходилось бить прямой наводкой. В одном из боёв меня контузило.

Новый 1945-й встречали на Вислинском плацдарме. Стояли в лесу на кратком отдыхе. Устроили ёлку, осветив её лампочками от аккумулятора автомашины. Были Дед Мороз и Снегурочка, скромное фронтовое угощение и общий весёлый настрой: все понимали, что война близится к завершению. А 12 января началась историческая Висло-Одерская операция.

Уже через десять дней мы в составе 34-го стрелкового корпуса форсировали Одер, заняв небольшой плацдарм на западном берегу. Отстояли его, расширили, дав возможность навести понтонный мост для переброски наших войск. И всё это под обстрелом и бомбёжками! А потом новый бросок на 50 километров (сколько их было, этих бросков!) на новый участок фронта, где срочно нужна была наша помощь. «Катюш» уважали и пехота, и танкисты.

8 марта мы влились в 10-й танковый корпус и после артподготовки (она всегда начиналась «музыкой» гвардейских ракетных миномётов) нанесли удар по противнику. Затем форсировали реку Нейсе. Танкисты при нашей поддержке устремились на город Нойштадт – соединиться со вторым Украинским фронтом. Сделали это довольно легко, но сами оказались в сложном положении – отрезанными от основных сил. Снарядов ни у нас, ни у танкистов почти не было, обстановка оказалась критической, но держали город трое суток, пока не подошла подмога.

Особо памятны дни наступления на Берлин. Началось оно 24 апреля. Трудно описать зрелище, когда «говорят» тысячи орудий и миномётов. Море огня! За несколько минут до окончания артподготовки началось форсирование Тельтовканала. К утру по наведённому понтонному мосту вместе с 3-й гвардейской танковой бригадой переправились и мы.

Бои шли днём и ночью. Фашисты сопротивлялись отчаянно, цепляясь за каждую улицу, за каждый дом. Особенно надоедали снайперы и фаустпатронщики. Приходилось по-

сылать через улицу наши шестипудовые «гостинцы» прямой наводкой. 2 мая Берлин был взят. Сколько молодых ребят отдали свои жизни в эти последние дни войны! А накануне 1 мая наш дивизион вместе с танкистами устремился к Праге. В её пригороде 8 мая и застала нас Победа. Ликованию не было предела!

Нелёгко труд солдата на войне. Много из того, что выпало на его долю, пришлось пережить и мне. Единственное, чего не испытал – горечи отступления. Вспоминая то время, удивляюсь: как мы всё это перенесли? Тяготы, лишения, кровь, потеря друзей... Но привыкаешь ко всему. Мы верили, что война кончится и всё будет нормально. Думали только об одном – о победе.

После войны моя армейская служба продолжалась до 1947 года. Вскоре был направлен в органы госбезопасности.

С. Селиванов

Искра. – 2005. – 5 мая. – С. 2.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ КУЛИКОВ

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДЛИЛСЯ ТОТ КОШМАР

Фёдора Ивановича Куликова в армию призвали в 1938 году и отправили на Дальний Восток в район озера Хасан. К началу войны с немцами он был сержантом в должности помощника командира взвода, а их армия была тут же перебросена на Северо-Западный фронт. Через год сражений с окруженной 16-й немецкой армией в районе Старой Руссы обескровленную 364-ю отдельную сибирскую дивизию сняли с фронта на переформирование. Через три месяца - снова на фронт. На этот раз Волховский.

– Как сейчас помню дорожные указатели к фронту, на которых углём были сделаны надписи: «Вас ждёт Ленинград!», – вспоминает Фёдор Иванович. – И 18 января 1943 года в районе городка Синявино, второй год занятого немца-

ми, на площади в 400 квадратных километров началось форменное светопреставление. По синявинским высотам была артиллерия Волховского фронта с одной стороны, с другой – Ленинградского, с третьей – орудия Кронштадта и корабли с Невы. Четыре часа длился этот кошмар. Но, когда началось наступление, немцы огрызались как ни в чём не бывало. Они там столько дотов успели понастроить, которые прикрывали друг друга, что наших полегло – немеряно. Ранено и меня 2 февраля, а 10-го, наконец, Синявино взяли. Только от фронта и нашей дивизии практически ничего не осталось. Навстречу машине с ранеными бесконечной колонной двигались свежие войска.

В. Кучумов

Искра. – 2005. – 25 янв. – С. 5.

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ЕФИМОВ

СРАЖЕНИЙ НЕ ЗАБЫТЬ

Мне пришлось со своими однополчанами защищать Ленинград, а потом гнать подлого врага не только из-под стен этого легендарного города, но и из-под Нарвы, из Эстонии, Польши.

Разве забудешь эти сражения, когда с болью в сердце теряешь своих товарищей!

Артиллерийская часть, где я служил, была очень слаженной, мастерски владела своим мощным огнем. Бывало, ранят какого-нибудь солдата, а он не хочет отходить от орудия. А если его направляли в госпиталь, то обязательно возвращался в свою часть. Так у нас было с командиром дивизиона капитаном Сухоруковым, который четыре раза выходил из строя, но всегда стремился вернуться к своим артиллеристам.

Очень трудные бои мы вели за город Данциг. Здесь нашим артиллеристам пришлось здорово поработать. И, отдав нашего «горячего огонька», немцы драпанули.

Все время своей нелегкой службы я находился на передовой. От контузии лишился слуха. За все жаркие бои имею

шесть правительственных наград и благодарности от Верховного главнокомандования за освобождение 35 городов.

М. Ефимов

Искра. – 1965. – 7 мая. – С. 3.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕРЕЖНЕВ

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

В августе 1943 года мне пришлось служить в действующей армии Волховского фронта наводчиком в расчете батальонных минометов при стрелковом полку. По приказу командования фронта наша дивизия была срочно переброшена в район реки Волхов, под Новгород.

Всю осень и начало зимы мы усиленно готовились к преодолению вражеских оборонительных полос, умению блокировать отдельные огневые точки, дзоты и доты. Очень часто занимали оборону на переднем крае, где тщательно вели разведку немецких укреплений.

Особенностью боевых действий нашего фронта являлась лесисто-болотистая местность, которая не позволяла применить технику. И когда на Курской дуге окончательно были разгромлены лучшие танковые и моторизованные гитлеровские орды, все воины Волховского фронта горели одним желанием: быстрее снять блокаду с города Ленина.

Подготовка к прорыву обороны под Новгородом велась очень тщательно и скрытно. Постепенно стягивались в ударную силу все виды артиллерии, минометы, танки и т. д. По замыслу командования наступление должно было начаться одновременно двумя фронтами: Волховским из-под Новгорода и Ленинградским. К 14 января 1944 года на каждый наш миномет было заготовлено более 1000 мин, и все эти боеприпасы доставили к огневым позициям на своих плечах минометчики.

Всего артиллерии и гвардейских минометов – «катюш» на нашем участке ко дню прорыва было в три раза больше, чем под стенами легендарного Волгограда.

Перед нашей дивизией была поставлена задача прорвать фронт и отрезать пути отхода немцев из Новгорода.

И вот долгожданный час наступил. 14 января ровно в 8 часов тишину зимнего утра разорвал грохот залпов артиллерии – «бога войны». Казалось, огненному смерчу, обрушившемуся на вражеские позиции, не будет конца. На каждый квадратный метр падал один снаряд – такая была плотность артиллерийско-минометного огня.

Несмотря на снег и холод, мы в одних гимнастерках четко работали у своих минометов, выпуская одну мину за другой, приговаривая: «За Ленинград», «За нашу Родину», «За слезы и кровь наших отцов, матерей и девушек», «За юность, испорченную войной», « За все страдания нашего народа».

Кульминационным пунктом артподготовки и началом для атаки были залпы гвардейских минометов – «катюш».

Наш стрелковый батальон прорвал оборону врага, и в брешь устремились полк, а затем дивизия и корпус.

Словно радовалась нашему прорыву и природа: утром шел небольшой снег, а к полудню, разорвав тучи, ярко засветило январское солнце.

Мчались танки, специальные лыжные батальоны из уральцев и сибиряков в белоснежных маскхалатах. Окончательная ликвидация блокады Ленинграда началась.

После преодоления главной оборонительной полосы гитлеровцев бои начались за отдельные спорные пункты. В ходе операции погода испортилась: пошел дождь, дороги раскисли. Но, несмотря на трудности, наш полк успешно выполнял свою главную задачу. Мы взяли несколько населенных пунктов, успешно захватили немецкий обоз, на одной из железнодорожных станций освободили эшелон советских граждан, которых немцы готовили к отправке в фашистскую Германию.

Оседлав железную дорогу около разъезда Наша, мы приготовились достойно встретить отступающих немцев из Новгорода. Они отходили по полотну целыми колоннами, и это им дорого обошлось.

За боевые действия в районе Новгорода наша дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени, а мою грудь украсила медаль «За отвагу».

Н. Бережнев

Искра. – 1964. – 26 янв. – С. 3.

БОЕВЫЕ ДНИ

Не изгладится из моей памяти героизм воинов при защите Волгограда, хотя прошло 20 лет.

В ночь с 18 на 19 ноября 1942 года наше соединение реактивных минометов, проделав 45-километровый марш, подошло к Дону. Все части к 6 часам утра заняли позиции для атаки.

Залп был очень дружным. В течение трех часов орудия всевозможных калибров молотили огневые точки фашистов как переднего края, так и в глубине обороны. Однако наступление нашей пехоты фашисты встретили сильным ружейно-пулеметным огнем. Гитлеровцы создали круговую оборону около населенных пунктов. Характерно, что немцы, организуя контратаки, гнали вперед себя румынских солдат или оставляли их для заслона во время перехода на другие рубежи.

Советские гвардейские полки под командованием майоров Н. Жигайло, А. Кравченко и Т. Ермолаева в результате непрерывных атак в лоб и с флангов заняли станицы Клецкую, Евлампиевскую и другие. 23 ноября в районе Калача наши части соединились с танковым корпусом генерала Родимцева, действовавшего с южного направления. Таким образом, огромная группировка фашистов в Волгограде оказалась окруженной.

В ходе боев по окружению гитлеровцев частью, в которой находилась моя батарея, было уничтожено 3 батареи, более 300 автомашин, а около хутора Евлампиевского мы захватили аэродром с 18 самолетами.

Под хутором Вертячим в степи наши солдаты увидели стог сена. Не помню сейчас, что их толкнуло разворошить его. Но только под сеном они обнаружили 45 трупов советских солдат и офицеров. Трупы были в одном белье, у многих оказались выколоты глаза, вырваны ноздри, вывернуты руки. Член военного совета нашего соединения тут же собрал около копы митинг. Бойцы поклялись отомстить гитлеровским палачам.

Получив новую задачу от командования фронта, советские войска стали расширять коридор, стремясь не допустить

прихода новых сил противника. А по разведывательным данным фашисты имели намерение прорваться к окруженной волгоградской группировке.

29 ноября 1942 года мы приняли бой с танками и пехотой противника. Бой разгорелся в долине реки Чир. 28 танков гитлеровцев спустились под обрыв левого берега, а на правом берегу находилась батарея старшего лейтенанта, сибиряка Безносова. Она и вступила в единоборство с машинами противника. В результате горячей схватки оказались выведенными из строя все орудия и половина расчетов, однако противнику не удалось прорваться. Огнем батареи Безносова были подбиты 12 танков, которые долго горели, освещая ночную степь.

За этот бой командир соединения тут же, на поле, наградил орденом Отечественной войны первой степени Безносова и рядового бойца, фамилию которого, к сожалению, не помню.

В. Гладких

Искра. – 1963. – 22 февр. – С. 3.

И. НЕЧАЕВ

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Война уже подходила к концу. Отступая, фашистские войска еще делали кое-где попытку остановить победное шествие наших войск.

Неподалеку от Штеттина вдоль берега курсировали военные немецкие корабли и обстреливали советские войска. 22 апреля 1945 года вечером наше артиллерийское подразделение получило приказ уничтожить эти корабли. Батарея быстро заняла огневые позиции на берегу моря. Лейтенанты Жуков и Кириллук доложили о готовности орудийных расчетов.

Уже перевалило за полночь, когда командир орудия Голдных доложил мне:

– Товарищ капитан, на горизонте появились корабли противника.

Расчеты изготовились к бою. К берегу подходили один большой корабль и шесть катеров. Они открыли артиллерий-

ский огонь по нашей батарее. Снарядом противника на одном из орудий были выведены из строя наводчик и замковый. К орудию становится командир отделения Голодных. Удачным попаданием он вызвал пожар на корабле, а через несколько минут тот скрылся под водой. Катера вынуждены были уйти.

Задача, поставленная командованием перед артиллеристами, была выполнена.

И. Нечеев

Искра. – 1963. – 22 февр. – С. 3.

С. КОНЬКОВ

ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ

Мне с самого начала войны довелось побывать на переднем крае, видеть потери, ощущать радость побед.

Наша дивизия летом 1943 года действовала в направлении Смоленска. Мы вели упорные бои за небольшой город Духовщину. Он являлся ключом к Смоленску. Артиллерийский дивизион под командованием капитана В. В. Царицынского обеспечивал артиллерийским огнем наступление.

Местность, как почти везде на Смоленщине, была болотистая, с оврагами и мелкими речками. Перед нашими частями протекала река Царевич. На ее берегу укрепились немцы, где они построили блиндажи в 3-4 наката.

Они считали, что наши снаряды не в состоянии их разрушить. Однако огонь был так силен, что его не могли сдерживать никакие укрепления.

Немцы переправились через Царевич и бросились в отступление. В одном из блиндажей мы обнаружили немецкий генеральский мундир. Гитлеровский вояка убежал от советских воинов в одном белье.

Наши части в том бою захватили автомашины, мотоциклы и штабные документы. Как потом выяснилось, к нам в руки попал штаб немецкого корпуса.

Гитлеровцы решили во что бы то ни стало отбить штаб. Нам приходилось отражать по 15-18 контратак в сутки. Земля

сплошь была перепажана снарядами и бомбами. Однако советские воины не отступили ни на шаг.

Вскоре могучим ударом Красная Армия вышибла фашистов из Смоленска, затем был полностью очищен от фашистов Витебск. Наступлением на этом участке фронта руководил заместитель Верховного командующего Маршал Советского Союза т. Василевский.

Наши части в том бою захватили автомашины, мотоциклы и штабные документы. Как потом выяснилось, к нам в руки попал штаб немецкого корпуса.

Гитлеровцы решили во что бы то ни стало отбить штаб. Нам приходилось отражать по 15-18 контратак в сутки. Земля сплошь была перепажана снарядами и бомбами. Однако советские воины не отступили ни на шаг.

Вскоре могучим ударом Красная Армия вышибла фашистов из Смоленска, затем был полностью очищен от фашистов Витебск. Наступлением на этом участке фронта руководил заместитель Верховного командующего Маршал Советского Союза т. Василевский.

После Витебска отступление фашистов было таким быстрым, что нам иногда приходилось в день совершать по 30-40 километров, чтобы снова войти в соприкосновение с частями противника.

С. Коньков

Искра. – 1961. – 21 июня. – С. 2.

АШОТ МЕЛКУМЯН

ПО ПРИКАЗУ РОДИНЫ

Это случилось на завершающем этапе знаменитой Висло-Одерской наступательной операции Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

Отдельный артиллерийский дивизион резерва фронта поддерживал вышедшую на оперативный просмотр танковую армию генерала П. С. Рыбалко. Дивизион вместе с танкистами углубился на 250 километров в тыл врага и в три утра с ходу по шоссейному мосту переправился через Одер,

разгромил заслон и захватил небольшой плацдарм. Артиллеристы успели установить орудия и вскоре вступили в напряженный бой. Атаковали их курсанты Берлинского специального офицерского училища, спешно переброшенные сюда на самолетах.

Заместитель командира дивизиона по политчасти майор Ашот Мелкумян находился в батарее, которая первой вступила в бой. Артиллеристы с приданной им ротой автоматчиков отразили шесть атак. Гитлеровцы готовились возобновить наступление. В это время из второй батареи сообщили, что фашисты там усиленно атакуют.

– Мелкумян, вы правильно решили. Берите взвод автоматчиков и торопитесь туда, – бросил командир дивизиона майор Теремецкий.

Огневые позиции второй батареи находились за селом, вблизи моста. Минут через пятнадцать смельчаки были на месте. Командир батареи капитан Дениженко доложил обстановку.

Гитлеровцы минут сорок назад неожиданно из леса открыли по нашим позициям ураганный минометный огонь. Батарея ответила шрапнелью. Вскоре фашисты пошли в атаку. Трижды их прижимали к земле. Все же врагу удалось приблизиться метров на сто. Расчеты заняли круговую оборону...

С приходом Ашота со взводом автоматчиков положение батареи улучшилось. Комбат и артиллеристы повеселели. Новую атаку отбили увереннее. Но гитлеровцы упорствовали, бросали в бой все новые и новые силы, накрывая батарею плотным минометным и пулеметным огнем.

– Капитан Дениженко, я пошел к другому орудию...

– Переждать бы... – кивая на вражеский огонь, прокричал командир батареи.

Улучив короткую паузу в обстреле, Ашот выскочил из укрытия, быстро побежал. «Во всех расчетах надо побывать. Фашисты во что бы то ни стало попытаются захватить мост и сбросить дивизион в Одер», – подумал замполит и ткнулся в землю: воздух рванули оглушительные разрывы. Над головой с неприятным кошачьим шипением пролетели крупные осколки, а следом за ними веерообразным полукругом рассыпались

возле него мелкие. Ашот поднялся и опрометью побежал вперед. Четыре раза свист вражеских мин заставлял его расплываться на земле. Наконец он достиг расчета и спикировал вниз головой в укрытие.

Мины и снаряды врага рвались почти рядом. Частые воздушные волны толчками прижимали людей к земляной стенке. В наступившей паузе майор стряхнул с себя землю и, осматривая артиллеристов, спросил:

– Ну как, держимся?

– Порядок, товарищ майор. Враги подкрались хитро, да осеклись, – ответил высокий сухопарый сержант. – Сейчас снова полезут, ироды. Видать, настрого приказали им сбросить нас в реку.

– Атаки их мы должны отбить, чего бы это ни стоило. И мост удержать обязаны! Это – приказ Родины! – Ашот едва успел произнести эти слова, как над батареей раздались новые взрывы снарядов и мин. На людей посыпалась земля, воздушная волна сильно ударила по ушным перепонкам...

Мелкумян ловко вымахнул из укрытия и, энергично прыгая через воронки, под сильным обстрелом стал добираться до следующего расчета. Тяжелую картину увидел он. Несколько минут назад прямым попаданием снаряда убило сразу четверых. У оставшихся ефрейтора и двух солдат лица и шинели почернели от копоти. Сами они были мрачны, подавлены.

– Жаль товарищей, понимаю вас, но падать духом нельзя... Сейчас, наверное, снова пойдут в наступление. Оружие в порядке? Гранаты соберите. Если успеете, поправьте бруствер. Схватка будет жаркая. Вас осталось мало. Драться каждому за троих придется. Мост мы должны удержать любой ценой!

– Удержим, товарищ замполит! И за них, – ефрейтор кивнул в сторону убитых, – они тройне заплатят...

Ашот заглянул еще к автоматчикам, перекинулся с ними несколькими словами и побежал в соседний расчет. Налет застал его в небольшой воронке. Кругом грохотало, земля тряслась, на голову, спину, ноги летели комья. И только стихло, Ашот снова двинулся в путь. Свалился в укрытие он прямо на руки солдат. Успел вовремя. Семиминутный налет был самым

мощным. Гитлеровцы пошли в атаку. Используя свой артиллерийский и минометный огонь, они совсем близко подползли к нашим позициям и стали бросать гранаты.

– Мост отстоим во что бы то ни стало! – прокричал Ашот и щекой прижался к ложу автомата.

Его приход поднял настроение у гвардейцев, прибавил им силы. Дружно заработали их автоматы. Ашот видел, как закачалась вражеская цепь, но взметнувшиеся всплески пламени перед ним и прогремевшие взрывы гранат ослепили и одновременно воздушные волны от них прижали его к земле.

– Стреляй, стре-е-ляй! – прокричал он громко и, высушившись из-за бруствера, почти в упор снял двух гитлеровцев. Еще две-три минуты короткими очередями фашисты вели огонь. Когда рассеялся дым, вокруг Ашота никого не было. И только с левого фланга, где окопались автоматчики, неслись крики, одиночные выстрелы. Он понял; туда ворвались гитлеровцы, там сошлись врукопашную.

Выскочив из укрытия, пригибаясь, побежал к автоматчикам. Воздух рванули короткие очереди.

– Идут, идут снова! Возвращайтесь обратно, товарищ майор! – донесся до Ашота голос старшего лейтенанта Струкова.

Мелкумян с людьми еле успел спрыгнуть в укрытие, как новое подразделение гитлеровцев пошло в атаку. Потом еще и еще. Но результат был один – враг не прошел.

Спустя час, по мосту подошел танковый батальон с десантом автоматчиков. Плацдарм и мост дивизион удержал!..

Родина высоко оценила подвиг артиллеристов. Командиру второй батареи капитану Дениженко было присвоено звание Героя Советского Союза, большая группа бойцов и офицеров получила ордена и медали. Командир дивизиона Теремецкий и его замполит Мелкумян были награждены орденами Красного Знамени.

Ашот Мелкумян с этим дивизионом прошел до Берлина. А потом вместе с другими вернулся к мирному труду.

Н. Никольский

Искра. – 1969. – 8 мая. – С. 2-3.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ АСТРАХАНЦЕВ

ЕГО НАГРАДЫ

Я беседую с бывшим фронтовиком, старшим сержантом запаса Николаем Ивановичем Астраханцевым о его боевой молодости. Я прошу бывшего воина рассказать об истории наград.

– Вначале войны я был «на броню», – начал свое повествование Н. И. Астраханцев. – Не раз подавал просьбу направить меня на фронт. Наконец, желание сбылось. Попал в противотанковую артиллерийскую истребительную гвардейскую бригаду. Войну начал у Ленинграда и дошел до Берлина.

Фашисты любой ценой стремились захватить город Ленина, стянули вокруг него отборные войска. Но только ничего у них не вышло. Стояли мы под Старой Руссой. Фронтовики знают, что представлял собой этот город Ленинградской области. Немало моих товарищей у его стен сложили головы.

Однажды ночью наша рота выбила гитлеровцев с высоты и закрепилась. Перед бригадой командование поставило задачу – любой ценой удержать выгодную позицию.

На рассвете, едва заалел восток, немцы начали бешеный артиллерийский обстрел наших позиций. Кто-то умело корректировал огонь фашистских батарей.

Осторожно из укрытия осмотрел из бинокля деревья и заметил на елке наблюдательный пункт. Всего один выстрел из орудия понадобился, чтобы сбить наблюдателя. Ну, потом отправил на тот свет три вражеских пулемета вместе с расчетами. Вот за это мне дали медаль «За отвагу».

Вскоре немцев погнали на запад. За успешный прорыв неприятельской обороны на реке Висле Николая Ивановича наградили второй медалью «За отвагу».

– В Польше мы гнали фашистов по 60 километров в день, – вспоминает ветеран. – За участие в освобождении Познани меня командование наградило орденом «Отечественной войны II степени».

Наступила весна 45 года. Сбылась мечта советских воинов – они вплотную подошли к Берлину. Энтузиазм у сол-

дат был небывалый. Второго мая гарнизон немецкой столицы капитулировал. Много воинов за операцию было тогда удостоено высоких наград, в их числе был и Н. И. Астраханцев: на его груди засиял орден Красной Звезды.

*Л. Горшкова
Искра. – 1971. – 8 мая. – С. 3*

ЯКОВ СЕРГЕЕВИЧ ОСТАНИН

МИНОМЕТЧИК

Яков Сергеевич открыл глаза. Он увидел переплет рамы, за окном – островерхие крыши домов, покрытые черепицей, и синее небо. Запах лекарств перебивал свежий воздух, льющийся в открытую форточку: по ту сторону окна шла весна.

Взгляд Якова Сергеевича упал на соседнюю койку. На ней сидел черноволосый детина в пижаме. Пустой рукав куртки был заложен за пояс.

– Ну что, коллега, господь бог не создал запасных частей для человека. Будем жить с чем остались – и парень шевельнул пустым рукавом. До Якова Сергеевича не сразу дошел смысл сказанного.

– А тебя здорово доктор штопал! – продолжал словоохотливый сосед. – Два часа, говорят, возился.

– Мы где? – спросил Яков безрукого.

– В самом Тильзите. Тут одного безногого на носилках по коридору несли, о тебе справлялся: «Капитан двигается?», а я ему отвечаю: «С помощью носилок». Он сказал, что вы вместе воевали, он тебя вынес из-под обстрела, сам остался без ноги.

– Минченко! – почти вскрикнул Яков Сергеевич.

Значит, Минченко жив. Не мог знать тогда Яков Сергеевич Останин, что связной уже написал письмо его семье в Лысьву, успокаивая жену и сына, что капитан лежит в госпитале с легким ранением.

Мысли Якова Сергеевича перенеслись в далекий уральский городок, где он работал землеустроителем при горисполкоме.

Началась война. По комсомольской путевке Останина направили в школу политруков, а в декабре сорок первого года он бил фашистов под Москвой.

Останин прошел с боями от Москвы до немецкого города Тильзита. Стал командиром минометной роты.

И вот роковой для него день – 6 апреля 1945 года. Пехота стремительно продвигалась, и минометчики еле поспевали за ней.

Капитан Останин со связным занял полуразрушенный дом. Прильнув к стереотрубе, Яков Сергеевич увидел, как метались по раскисшей дороге фашисты. А за ними в 200-300 километрах катилась волна нашей пехоты.

– Батарея...! – начал подавать команду капитан. 82-миллиметровые минометы ударили пристрелочными дымовыми минами. Затем последовали новые залпы, и в воздух взлетели колеса фашистских орудий, кувыркнулись в кюветы, словно спичечные коробки, бронетранспортеры. Стена взрывов преградила путь отступающим гитлеровцам.

А вдали пылал Кенигсберг. «Вот он, опорный пункт фашистских разбойников северо-восточной Пруссии. Отсюда тевтонские рыцари в средние века совершали нападения на славян», – вспоминал страницы из учебника истории Останин, глядя на горящий город. Сейчас по Кенигсбергу били орудия всех калибров. До слуха иногда доносилось русское «ура», но гул канонады заглушал все.

Весеннее солнце припекло. Сбросив на руки Минченко шинель, капитан расстегнул ворот гимнастерки, на которой блеснули ордена Отечественной войны и Красной Звезды. В стеклах стереотрубы замелькали встречные вспышки огня немецких батарей.

«Подавить!» – решил Яков Сергеевич и уже приготовился отдать команду, как страшный скрежет и оглушительный удар вырвали из-под ног капитана пол, стены дома качнулись. Это было последнее, что помнил Яков Сергеевич.

За бой под Кенигсбергом Родина наградила его новым орденом – Боевого Красного Знамени.

С. Голышев
Искра. – 1970. – 10 марта. – С. 2.

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

...Шел 1944 год. Советская Армия, освободив от гитлеровцев свою территорию, шла дальше, приближаясь к логову врага. Ивану Алексеевичу Щербакову, в то время молодому лейтенанту, особенно запомнилась небольшая безымянная высота на территории Румынии,

Батальон, которому был придан артиллерийский взвод Щербакова, занимал небольшую, но очень выгодную для боя безымянную высоту. Привлекла она и немцев, а поэтому атаки гитлеровцев повторялись одна за другой. Противник нес огромные потери, но продолжал штурмовать сопку.

От летнего зноя и непрерывной стрельбы стволы орудий так раскалились, что к ним нельзя было прикоснуться. А Иван Щербаков продолжал командовать;

– Шрапнелью... огонь!

Раненых становилось все больше. Которые могли двигаться, подавали снаряды. Тяжелораненые, изнемогая от жары и ран, стиснув зубы, молча переносили мученья.

Иногда удавалось восстановить связь со штабом полка, и тогда телефонная трубка хрипела:

– Ни шагу назад!

И батальон упорно держался. Иван видел, как таяли ряды защитников высоты, но ни один из бойцов и словом не обмолвился об отходе.

Под вечер новая атака. По склону вверх поползли танки со свастикой на башнях.

– По танкам огонь!

На этот раз выстрелов Щербаков не услышал: какая-то огромная сила сбила его с ног и швырнула к противоположной стенке ровика. Очнулся Иван в каком-то доме. Тишина, кругом люди в белых халатах. К нему подошел доктор.

– Как дела, молодой человек?

– Доктор, я не чувствую ног.

– Не волнуйся, ноги целы, еще на свадьбе будешь плясать. Только теперь Иван заметил, что на нем нет гимнастерки.

– Где мой партийный билет?

– Сестра, принесите Щербакову партбилет, – сказал хирург.

Получив знакомую и дорогую книжечку. Иван успокоился.

За время пребывания в госпитали Щербаков не раз во всех деталях вспоминал свою небольшую жизнь: учеба и работа в ФЗУ, служба в армии. Газета «Боевой штурм» 30 апреля 1935 года писала:

«Щербаков – командир отделения, член ВЛКСМ. Он ударник, по боевой и политической подготовке имеет хорошие и отличные оценки. Сдал полностью нормы на значок ГТО первой ступени и зимние нормы ГТО второй ступени».

В финскую кампанию Иван Алексеевич командовал отделением связи. Войну с Германией начинал политруком лыжного батальона, потом, после учебы, командовал артиллерийским взводом. Теперь госпиталь. Как-то хирург Герсовский зашел в палату необычно возбужденный.

– Поздравляю вас с награждением орденом Красной Звезды и желаю быстрого выздоровления.

Хирург пожал руку Щербакова, а у того от счастья даже закружилась голова. Едва слышно ответил:

– Спасибо, доктор!

Домой приехал после войны, пошел на завод.

Л. Горшкова

Искра. – 1971. – 10 апр. – С. 3.

АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ КОРЯКИН

ЗА ОХРАНУ ЗНАМЕНИ

Вечерело. Надоедливый сентябрьский дождик выматывал нервы шоферу и расчету 122-миллиметрового миномета. Сержант Шапкин, наводчик Рязанцев и заряжающий Александр Федорович Корякин – все что осталось от боевого расчета. Серой полоской тянулась Висла. Сержант с наводчиком, подняв воротники шинелей, ухитрялись дремать в кузове грузовика.

Корякин уснуть не мог. Свыше года непрерывных боев от Киева до предместья Варшавы прошел он со своим мино-

метом, теряя боевых друзей, перелопачивая землю. Какой только не видел земли: черноземной, глинистой, песчаной, мерзлой, талой, утрамбованной, липкой и сухой, с надоедливой пылью.

Сколько он перебросал ее лопатой, готовя позиции для миномета! Сколько пота выжала из него эта земля! Но она же и укрывала от пуль и осколков.

Впервые познакомился с землей Корякин под Киевом, в Дарнице. Необстрелянный солдат стоял тогда у командного пункта на охране полкового знамени. Вначале над расположением полка долго кружила «рама» – двухфюзеляжный фашистский самолет-разведчик. Потом началось. Завыли сирены, засвистели бомбы. Самолеты пикировали. Навстречу им били пулеметы и зенитки.

На глазах Корякина перевертывались орудия, рушились блиндажи, осыпались окопы и фонтанами взлетала земля. Ему казалось, что вся фашистская авиация нацелена на тот квадратный метр земли, где стоял он. А за его спиной возвышалось в чехле красное полотнище из шелка – святыня полка. Знамя!

Пыль, дым и гарь плотным кольцом окутывали Александра.

Пригибаясь под свистящими осколками, пробрался к нему начальник штаба:

– Стоишь, солдат?

Корякин молча мотнул головой.

– Держись! – и исчез в траншее.

И снова остался солдат Корякин один на один с фашистской авиацией.

Сколько прошло времени, он не знал, и не мог определить. А только наступившая тишина и неожиданное стрекотание кузнечика даже испугало. В этом аду остался жив кузнечик и он, стоящий у знамени солдат. Так казалось Александру.

– Больше часу молотили гады! – проговорил появившийся в ходе сообщения начальник штаба и тут же отдал кому-то распоряжение:

– Полковое построение!

Не мог знать тогда Корякин, что полковое построение было назначено для него. А понял это только в строю.

– Рядовой Корякин!

Александр вышел из строя и замер, вслушиваясь в слова приказа.

– За мужество и стойкость, проявленные при охране полкового знамени, – доносилось до него, – представить к правительственной награде, ордену Красной Звезды!

– Служу Советскому Союзу! – ответил Корякин.

То была первая награда.

Сейчас при толчках машины на груди Корякина позванивали медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

А сегодня они ловко выскочили из окружения. Панское поместье оказалось отрезанным от основных сил, и расчет за ночь подготовил позицию, намереваясь утром принять бой. Но едва забрезжил рассвет, как со стороны леса послышалось урчание моторов. Сержант Шапкин поднял бинокль. Глаза зряжающего и наводчика впились в командира.

– КВ! – радостно вскрикнул командир, опуская бинокль.

Вслед за танками замелькали конские гривы – на рысях шла кавдивизия.

– Наши!

С. Голышев

Искра. – 1969. – 22 февр. – С. 3.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРОТАЕВ

ОН ШТУРМОВАЛ РЕЙХСТАГ

Алеше не было и десяти, когда умер отец, а на руках у матери осталось пятеро. Со временем четверо стали учителями. Был учителем и Алексей Александрович Коротаев, но преподавательскую деятельность оборвала Отечественная война. Коротаева направили в миномётное училище. Учиться долго не пришлось. Уже вскоре он оказался под Сталинградом.

Здесь и получил первое боевое крещение.

После ликвидации немецкой армии, окруженной под Сталинградом, путь Коротаева, как и тысяч других солдат Советской Армии, устремился на запад, Сталинград-Одесса-

Житомир-Люблин-Берлин. Таков боевой путь Алексея Александровича.

Штурм рейхстага Коротаеву помнится до мельчайших деталей. Да и как можно забыть бетонированные каналы, превращенные в крепости, дома, ставшие огневыми точками, пушки и танки противника. Все было направлено на то, чтобы остановить наступающие советские войска. Но враг просчитался. Над рейхстагом – логовом врага – заалел советский флаг победы.

Алексей Александрович служил в минометной батарее гвардейского полка. Сначала, был рядовым, а потом командиром орудия.

Много сохранилось воспоминаний о боевых буднях. Если бы Алексею Александровичу попытаться изложить их на бумаге, то получилась бы не одна книга.

О войне Алексею Александровичу напоминают орден Отечественной войны первой степени, полученный за участие в штурме рейхстага, орден Красной Звезды, заслуженный при взятии Люблина, медаль «За отвагу», врученная после форсирования Донца.

И. Якушев

Искра. – 1969. – 22 февр. – С. 3.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ МАКСИМОВ

«БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ»

С сержантом Мамонтовым мы лежим за громадным валуном и рассматриваем противоположный берег реки Великой. Самой реки не видать – она под заснеженным мартовским льдом.

– Тебе не терпелось увидеть фронт? Он перед тобой, – говорит сержант.

Но я фронта не вижу. За рекой бугристое поле с островками леса. У подножья холма по-воробьиному притулились несколько домиков деревеньки. Ни бетонных дотов с узкими глазницами бойниц, ни надолб.

Над всем этим холодное небо, сыплющее колючей крупкой, да ветер, уныло посвистывающий, в дулах наших автоматов, закинутых за спины.

Уловив в моем молчании недоверие, Мамонтов вздыхает:

– Эх, серость тыловая. Да перед нами полк с танками, артиллерией и минометами! Вон у ложка столбики проволочного заграждения. Там немецкий передний край.

Вчера вечером в нашу землянку первого орудия спустился комбат, невысокий лейтенант с худым лицом большого язвенной болезнью и объявил, что на послезавтра назначено наступление. Командиру орудия надо, как только рассветает, ознакомить наводчика с целями. Командир орудия – Мамонтов, наводчик – это я.

– Артподготовка назначена на 6-00. В ней будут участвовать эрэсы.

– Катюши! – воскликнул я.

Комбат сморщился и твердо поправил:

– Эрэсы! Или МТВ – минометы тяжелого вооружения.

Слово «катюши» командир батареи почему-то не переваривал. Наш полк тоже имеет сокращенное название – ИП-ТАП, что означает: истребительной противотанковый артиллерийский полк.

– Еще его зовут «Прощай, Родина!» – заметил мне подносчик снарядов Сидоров, крупный и неуклюжий, как медведь. И мрачно пояснил: – Из нашего полка выбывают обычно только в землю, так как пушки стоят на прямой наводке, перед носом у фрицев.

В батарее я всего несколько дней. До этого находился во втором эшелоне. И в полку все убеждены что я «тыловая серость».

– Видишь со сломанной вершиной березу? Под ней белый стожок. Там пулеметное гнездо. Запоминай. Да не высывай башку. Хочешь, чтобы фашист шестую дырку в ней просверлил?

Заметив мою недоверчивую ухмылку, сержант пообещал:

– Минут через десять я это тебе докажу. А теперь смотри вправо. Обломок бревна торчком стоит. Видишь? Левее его метров пять – крупнокалиберный пулемет.

Через десять минут Мамонтов, содрав с меня шапку, одевает ее на ствол автомата и высовывает из-за валуна. Из шапки летят клочья ваты, я из-за реки доносится запоздавший стук пулемета.

– Зашивай теперь! – дырявая шапка летит ко мне.

Оттолкнувшись ногами от камня, Мамонтов, как на салазках, скатывается на спине вниз. Я, выйдя из столбняка, следую его примеру.

На языке у меня вертится куча вопросов: как Мамонтов узнал про немецкие пулеметы? А где наша линия фронта? Но я не решаюсь проявить свое невежество.

Мое любопытство удовлетворяет Толя, паренек с мечтательными девичьими глазами, второй подносчик снарядов.

– О расположении огневых точек нам сообщает разведка, – объяснил он. – А наша линия фронта под берегом. Там же и посты боевого охранения.

Поздним вечером вёрткий, как таракан, виллис приволок наше орудие со снарядами к берегу. Из темноты раздавался голос Мамонтова:

– Лопаты взяли из кузова? Следите за лопатами и ломami.

На фронте ломы, лопаты и кирки ценятся наравне с оружием. Можешь потерять шапку, ботинки – старшина выдаст, но лопаты и лом... Эти инструменты – твоя жизнь. Голыми руками в землю от осколков и пуль не зароешься.

За короткую мартовскую ночь мы должны на полметра зарыть пушку в землю и подготовить для себя узкую и длинную щель укрытия. Руки деревенеют от ударов кирок и ломов о мерзлую землю, мышцы изнаывают от усталости. Но отдыхать нельзя. Дорога каждая минута. Восток уже синее.

А немцы что-то чувят. С их переднего края то и дело взлетают разноцветные ракеты. Иногда загораются осветительные. И мы застываем, упав на землю.

До утра не больше часа. Огневая позиция готова. Мы валимся – кто у лафета, а кто – в яму и замираем, словно проваливаемся.

– К орудию!

Этот крик Мамонтова не враз пробуждает сознание.

– К орудию! Быстро!

Уже взошло солнце. За нашей спиной разноголосый гул канонады. А за рекой пляшут разрывы. Холодное кольцо панорамы холодит бровь. В делениях стекла мелькает знакомая задымленная береза. Бью по лапке спуска. Орудие подпрыгивает от выстрела.

Из-за стены дыма и земли больше ничего не вижу. Стреляем беглым огнем. Вскоре вокруг нас лишь пустые гильзы да ящики. Два ящика со снарядами Мамонтов приказал не трогать: вдруг заговорит какой-нибудь уцелевший пулемет или танки появятся. Мы лежим на бруствере и смотрим вниз за реку. Вдоль противоположного берега в снежной траншее сидят наши солдаты и тоже наблюдают за работой артиллерии. «Когда столько народу успело перейти реку и отрыть окопы?» – поражаюсь я.

А над нашими головами целый снарядный концерт.

– Музыка войны, – философски замечает Толя.

– Будь она проклята! – буркает Сидоров.

Снаряды малого калибра издают высокий звук, средний калибр воем баритоном, крупнокалиберные басят. Снижаясь, они забавно чужаются, точно отдуваясь от усталости после долгого пути.

– Ребята! – восклицает Толя. – А ведь отсюда до Пушкинских Гор всего 20 километров. Это же рядом с селом Михайловским! В этих местах жил Александр Сергеевич Пушкин.

Толино открытие всех озадачивает. Но мы не успеваем оценить его сообщение, как за нашими спинами возникает раскатистый рев. Он съедает все звуки. Я вижу, как из-за зубчатой стены леса вылетают ярко-оранжевые пунктиры.

– Катюша заиграла! Сейчас все! – довольно пробубнил Сидоров.

Ревущий гул уже над нашей головой. Я смотрю в зенит в надежде увидеть хотя бы один реактивный снаряд – бесполезно. В тот же миг сотни черных гремящих столбов вырастают по всей линии немецких окопов. Вздрагивает земля. С игрушечной легкостью кувыркается ствол березы в два обхвата, волчком вертятся в воздухе орудийное колесо и какие-то бесформенные клочья.

Наступила относительная тишина. Фашисты почти не отвечали огнём. Наши разрывы уже пляшут за немецкими окопами. И среди этой тишины мы вдруг расслышали:

– Поднимайсь!

– Вперед, славяне!

Мы увидели, как пехотинцы с неторопливой деловитостью вылезли из снежных траншей в пошли цепью, всё ускоряя и ускоряя шаг.

– Пошли! Пошли, ребятки! – ласково бормотал Лёня, и глаза его влажно блестели.

– Давай, орелики! – орал Сидоров вниз солдатам, хотя, его никто не слышал. Мамонтов спешно закуривал.

У одного из солдат огненной птицей затрепетал флаг. И при виде этого флага мы благоговейно стихли, сознавая все величие момента. Ведь позади этих солдат территория уже освобожденная от фашистов. Опять наша!

А вскоре пришел виллис и помчал наше орудие за реку вслед за наступающими частями.

Нас обгоняли повозки, грузовики, автомобили. Над уцелевшим домом деревеньки трещал по ветру флаг. Тот самый.

На другое утро из сообщения Совинформбюро узнали, что на 2-м Прибалтийском фронте шли бои местного значения.

К. Максимов

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 4.

Л. РАЧЕВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ

В ряды Советской Армии я был призван в конце 1941 года. До этого, бывало, явлюсь по повестке с вещмешком к военкомату, жена и дети провожать придут, но меня снова отправляют домой.

Наконец, призвали. Попал в артдивизион 128 отдельной стрелковой бригады. Со мной в эту часть попало десять лысьвенцев, среди них Миклин, Ведерников, Махнев. Бригада наша

была сформирована в основном за счет вышедших из госпиталей воинов. Тут были русские и украинцы, татары и грузины.

2 мая 1942 г. погрузились в эшелон и поехали на Западный фронт. Участвовали в прорыве немецкой обороны. Затем – Брянский Фронт. Бои, бои... Гибель товарищей...

В середине 1943 года я попадаю в только что сформированный самоходный артполк. Едем в Донбасс на 4-й Украинский фронт, и в районе Горловки сразу же вступаем в бой, доходим до Каховки.

Затем нас перебрасывают в распоряжение 2-го Украинского фронта, говоря военным языком, придают 5-му Гвардейскому Донскому казачьему кавалерийскому полку. Наши самоходные установки действовали на манер кулака. Пробьют брешь в немецкой обороне, и в нее устремляется пехота. А нас на другой участок направляют.

Довелось участвовать в освобождении Мариуполя, Барвенково, уничтожали фашистскую группировку под Корсунь-Шевченковским. За это нашей части было присвоено наименование Корсунь-Шевченковской.

Затем выметали гитлеровцев из Венгрии. Запомнились бои под Будапештом.

В марте 1945 года наши войска окружили большую группировку немцев в этом городе. Фашисты стремились выручить ее. Кроме того, спасти подземные авиационные заводы Мессершмитта в районе венгерской столицы. Немецкие танки то там, то тут врывались в наши части и тылы. Но их отгоняли.

Как известно, Будапешт расположен по обоим берегам Дуная. Наши самоходки стояли на западном берегу в небольшом леске. Снегу уже не было. Погода стояла пасмурная.

Неожиданно из-за туч вынырнул немецкий самолет и из него посыпались листовки. В них содержалась угроза утопить нашего командующего фронтом Толбухина в Дунае. Что, кроме улыбки, могла вызвать подобная угроза?

Следует отметить, что переправа через Дунай была только одна, да и ту наводили преимущественно ночью.

И вот началась танковая атака немцев. Машины шли в сопровождении автоматчиков. Наши самоходки открыли огонь.

Когда огонь затих, мы услышали за своей спиной звуки канонады. Это советские войска уничтожали окруженную в Будапеште группировку. Как известно, наше командование вначале предложило немцам добровольно сложить оружие, чтобы прекратить кровопролитие. Но Фашисты не пожелали этого сделать и убили наших парламентариев.

Гитлеровцы еще раз попытались прорваться к осажденным, но вновь наши самоходки отбросили их.

Ночью через Дунай перешли войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. Врага погнали на Запад.

День Победы мы встретили на австрийской территории.

Л. Рачев

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 2.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СИКЕЕВ

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Было около четырех часов утра, когда к противоположному берегу Вислы поплыл самодельный плот с расчетом полковой пушки. Вокруг клубился густой осенний туман.

Командир орудия, двадцатилетний старшина Александр Сикеев знал, что в шести километрах слева находится разрушенный польский город Сандомир. А впереди деревня Карманейка с костелом посреди площади. Старшина знал и задачу расчета, который входил в состав батареи капитана Назарова, а эта батарея входила в 66-ю армию, прошедшую с боями Белоруссию и сейчас освобождающую польскую землю от фашистов. Предстояло удержать плацдарм.

Черноволоксы наводчик Саша Веремеев и ездовой Климов энергично работали шестами, рыжий балагур Потапов и заряжающий Мужзаханов гребли досками.

В тумане звуки разносятся далеко. Фашисты почуяли неладное, и вокруг плота заплясали разрывы. Солдаты только поживались, окачиваемые ледяной водой, поднятой немецкими минами.

У старшины от холодной воды заныла левая рука, пробитая полгода назад пулей. В нахлобученной до самых глаз

каска и грязной шинели Сикеев ничем не отличался от расчета орудия, хотя носил под ватником три медали «За отвагу» и орден Красной Звезды. С 1941 года месил старшина фронтую грязь, и вот вышел на границу.

Едва плот коснулся песчаного берега, как старшина прыгнул в воду.

– Взяли! – И пушка, увязая в болотистом грунте, поползла вперед.

Всё радовало сердца солдат: и то, что батарея, под огнём форсируя Вислу, не имела потерь, и то, что через головы били наши тяжелые минометы, поддерживая десант. Сикеев даже забыл про ноющую рану и, быстро сориентировавшись в тумане, приказал толкать пушку в сторону кладбища. Людей батарея оставила на другой стороне.

– Лошадок жалко, братцы, – сокрушался ездовой Климов, ухватившись за колесо.

– От конюха всегда навозом пахнет, – успел поддеть своего друга Потапов, проваливаясь чуть не до колен в болото.

На востоке засветлело, и при этом слабом свете расчёт увидел фигуру автоматчика, который спешил к пушке. Он попросил старшину дать «огоньку» по доту, из которого бил фашистский - снайпер. Из дота, расположенного на кладбище, блеснул огонек, и на глазах расчёта убежавший автоматчик ткнулся лицом в землю.

– Давай, Сашка! – крикнул наводчику старшина. Пушка подскочила, и черный конус взрыва вырос у дота.

– Добавь! – приказал старшина, и снаряд влетел прямо в амбразуру. Из нее забило багровое пламя.

– Молодцы! – закричали автоматчики, поднимаясь с земли.

Левее кладбища сквозь редяющий туман старшина ясно различил разрушенную деревню, а рядом – большую копну сена. Чем-то она старшине показалась подозрительной.

– Саша, пощупай ее! – показал старшина на копну наводчику.

На выстрел из копны блеснуло огнем, на глазах изумленного расчёта сено разлетелось во все стороны, и показал-

ся силуэт башни фашистского танка. Артиллеристов от взрыва обдало тугой волной воздуха и комьями грязи.

– Давай! – помогая заряжающему, кричал старшина, зная, что от быстроты зависит поединок. От очередного выстрела их пушки башня замаскированного тигра подпрыгнула на месте. Запылало сено.

Из-за деревни показались медленно ползущие «тигры» и «фердинанды». Расчёт вдруг утратил ощущение времени. Вокруг орудия все гремело, стонало, взлетало. Солдаты, как автоматы, стреляли и стреляли по ползущим танкам и самоходкам. В один из таких моментов яркий блеск огня ослепил Сикеева, воздушная волна сдавила грудь. Он ухватился руками за лицо и повалился на спину.

...После боя капитан Назаров, командир батареи, сидя на обгорелом бревне, писал донесение о том, что орудие старшины Сикеева в бою возле Сандомира уничтожило дот и два танка, и расчёт представляется к правительственным наградам.

В медсанбате, придя в себя, Сикеев узнал, что из орудия расчёта уцелели только двое, а наводчик Саша Веремеев потерял обе ноги.

С. Голышев

Искра. – 1970. – 3 окт. – С. 3.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ НЕВОЛИН

СО СВОИМ ОРУДИЕМ

...Солдатская казарма. За окнами – пышная дальневосточная природа. Шумят кронами ели и кедры, зеленеет на сопках орешник. По утрам в казарме раздаётся басовитый голос батарейного старшины:

– Подъём! Строиться на зарядку!

Целыми днями идёт огневая подготовка, изучение материальной части орудий и уставов – обычный день солдатской службы. А там, на западе, советские люди отражают натиск фашистов. Командиру орудия сержанту Александру Неволину тоже хочется на фронт, бить захватчиков своими руками, рас-

стреливать из своего орудия. Он пишет рапорты, но ответы сухие: «Здесь тоже нужны войска».

О намерении сержанта в батарее знали все. Да и не он один рвался на запад. Рвались сержант Пронин, младшие лейтенанты Туктаров и Алиев, командир батареи лейтенант Бобков.

Однажды командир батареи вызвал Неволина. Там уже находились офицеры батареи и несколько сержантов.

– Товарищи, – начал лейтенант, – есть возможность попасть на фронт. Давайте внесем в фонд обороны все наши сбережения и попросим на эти деньги сделать пушки. С ними и отправимся бить фашистов

Через несколько дней собрали около 40 тысяч рублей и выслали их в Москву, в наркомат обороны. Вскоре пришла ответная телеграмма, в которой говорилось, что их просьба удовлетворена. Через несколько дней сержант Неволин прощался с товарищами. Получив в Москве новые орудия, батарея лейтенанта Бобкова жарким августовским днем прибыла на фронт. Едва только ночь опустилась на землю, батарейцы заняли рубеж. Отрыв со своим расчетом орудийный окоп и замаскировав пушку, Неволин стал обходить расчёты.

Завтра бой, надо с людьми поговорить, наверняка к нему, парторгу батареи, будут вопросы. Да и надо с солдатами ближе познакомиться. Люди все новые. Как они завтра будут действовать – зависит успех боя.

Едва солнце осветило опаленные взрывами холмы, на батарею раздалась команда:

– Батарея, к бою!

Лязгнули затворы орудий. Снаряды нырнули в стволы.

– Первое, огонь!

Несколько минут пристрелки, и батарея начала залповый огонь. Телефонист передал: цель накрыта, Приехавший с НП командир батареи рассказал, что залпами пушек сделаны проходы в проволочных заграждениях противника. Наша пехота заняла окопы, выбив оттуда фашистов.

На батарею был заведен журнал боевых действий. Почти каждый день в нём записывали лаконичные, но многозначные слова: «Подавлен огонь батальонных минометов», «уничтоже-

но четыре станковых пулемёта», «разбита 75-миллиметровая пушка», «истреблено до 30 солдат противника».

Лучше других в батарее воевал расчёт гвардии старшины Александра Неволина. Его солдаты отличались высокой слаженностью, выучкой, сметкой и быстротой действий.

Однажды, скрытно выдвигая орудие на прямую наводку, Неволин заметил идущие вдали бронированные немецкие транспортёры. В их кузовах сидели солдаты.

– К бою!

Александр Степанович приник к панораме. Надо спешить, но, в то же время, промахов не должно быть. В сетке панорамы показался первый приземистый бронетранспортёр. Неволин вынес перекрестие вперед и нажал на спуск.

Чуть впереди транспортёра вспыхнуло облачко взрыва. Ругнулся: лишковато упреждение. Сделал поправку. Снова выстрел. Транспортёр окутался черным дымом. А перекрестие уже ловит второй транспортёр, который начинает разворачиваться. Но тщетно. Фашисты не успевают уйти: от меткого выстрела оседает и этот транспортёр.

Командир орудия Неволин приказал сменить позицию. И вовремя. Вскоре на место, где стояла пушка, с визгом полетели неприятельские мины.

Так воевал парторг батареи – крепко, по-уральски. На груди Александра Степановича засеребрился сначала один орден Славы, затем – второй. Фронтовики хорошо знают заслужить эти награды не так просто.

Временами приходилось очень тяжело. И этой главной тяжестью были потери товарищей по оружию. В одном из декабрьских боёв фашисты смертельно ранили командира батареи старшего лейтенанта Бобкова. Его похоронили с почестями. Батарейцы, на могиле поклялись отомстить врагу за смерть комбата.

С суровым лицом стоял тогда в строю и Александр Степанович. Ему было всех больней видеть мертвым командира, своего товарища по дальневосточной службе. Он привык его видеть веселым, подтянутым, жизнерадостным...

– Ну, погодите... – прошептал тогда старшина сквозь зубы, мысленно обращаясь к врагу.

И расчет его орудия продолжал громить фашистов. За год войны он уничтожил 15 вражеских пушек, несколько бронетранспортёров и автомашин, более 150 гитлеровцев.

Боевой артиллерист закончил войну в звании офицера и, как многие тысячи фронтовиков, вернулся к мирному труду.

Ю. Халтурин

Искра. – 1965. – 26 марта. – С. 2.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ МИКРЮКОВ

ЭТО БЫЛО ПОД КРАСЛАВОЙ

В 1941 году кровавый ураган войны, ворвавшись на нашу землю, загромыхал сотнями тысяч орудий, зловеще лязгнул тысячами гусениц танков, загудел моторами самолётов. В этом грозном вихре испытывались не только крепость советского общественного и государственного строя, но и доблесть и мастерство нашей армии.

По зову ленинской партии советские люди взяли в руки оружие, сели за рычаги танков и штурвалы боевых самолетов. Вместе со всеми на суровую фронтовую дорогу вступили тысячи сынов трудовой Лысьвы.

Лысьвенцы приняли первые тяжелые удары фашистской армии под городом Краславой Латвийской ССР. Почти все они входили в состав первого дивизиона 436 легкоартиллерийского полка 112 стрелковой дивизии. Командовал дивизионом лысьвенский рабочий коммунист Николай Федорович Микрюков.

Дивизион лысьвенцев, поддерживая 416 стрелковый полк, завязал жестокий бой. Фашисты бросили 18 штурмовую дивизию «СС», усилив ее большим количеством танков и самолётов.

В течение трех дней шли непрерывные бои. Город трижды переходил из рук в руки. Солдаты и офицеры, которыми командовал капитан Микрюков, проявили исключительное мужество, наносили тяжелые потери врагу. Они отбили более десятка танковых атак. 5 июля 1941 года военный совет 22 Уральской Армии объявил дивизиону и другим частям благодарность.

В результате сильного огня противника дивизион потерял почти весь конский состав. Многие километры под огнём гитлеровцев, в жару изнуренные солдаты и офицеры дивизиона на себе, катили пушки.

Восемнадцать суток непрерывно дрался дивизион. Он потерял почти всю материальную часть, погибло большинство личного состава. В конце июля дивизия, и в том числе остатки дивизиона, истекая кровью, дрались до последнего солдата в окружении врага. Немногим удалось вырваться из бронированных клещей.

Среди прорвавшихся находился и капитан Микрюков. Его снова назначили командиром дивизиона, но уже в составе 186 дивизии. Он яростно бился с фашистами на полях Подмосковья. Морозной декабрьской ночью 1941 года майор Микрюков повел солдат в атаку. В этом бою он героически погиб. Его последними словами были:

– За Родину! Вперед!

Иссечённое автоматными пулями тело майора Микрюкова Николая Федоровича с почестями захоронили севернее деревни Кувшиново, что на Калининчине.

*П. Зороастров
Искра. – 1967. – 8 мая. – С. 3.*

ВАЛЕРИЙ БЕЗМАТЕРНЫХ

НАВЕЧНО В СТРОЮ

Старший лейтенант Василий Леликов, комсорг части, удивлялся: как уживались в его друге два человека? Один – нежный, любящий, мечтательный и другой – решительный и бесстрашный.

Младший лейтенант Валерий Безматерных командовал взводом истребительной противотанковой артиллерии. Выше среднего роста, гибкий, ладный. Когда пройдет мимо – залюбуешься. А скинет шинель, снимет шапку, проведет рукой по черным, как смоль, волосам и улыбнется, становится как-то тепло в любой самой неуютной землянке.

На фронт Валерий ушел добровольцем, едва ему исполнилось восемнадцать. Когда директор ремесленного училища узнал, что Валерий и его друг Сергей Евдокимов подали в горвоенкомат заявления с просьбой взять их на фронт, он всполошился. Комсорг, да еще какой, настоящий вожак и любимец «ремесленников» покинет РУ! Где он отыщет еще такого?

Конечно, на фронт Валерий сразу не попал. Послали слушать курс военных наук в артиллерийское училище. Здесь быстро заметили способного, всегда собранного курсанта-уральца. Его вызвал начальник училища и сказал:

– Оставайся при училище, сам будешь учить курсантов.

– Нет, – решительно ответил Валерий. – Я хочу на фронт.

Шел 1944-й. Фашистская армия уползала с нашей земли. Но, отступая, разрушала и зверствовала. Бои были жестокими и упорными.

... Валерий сидел за столиком и писал домой. Уже середина октября, а здесь, в Брест-Литовске, тепло и дождей нет. На Урале сейчас холодно и пасмурно. И все-таки так хотелось домой, в родную Лысьву.

«Добрый день, дорогие и горячо любимые папочка и мамочка, братишки Сережа и Гена. Шлю вам свой фронтовой привет. Жив, здоров, сейчас на колесах. Скоро придется встретиться с немцами в решительной и последней схватке. Побывал в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Белоруссии и еще предстоит побывать кое-где».

Валерий сложил в треугольник письмецо, написал адрес. Ему вспомнились завод и ремесленное училище, друзья детства, с которыми ходил по холмистым лесам, бегал купаться на заводской пруд.

В школе Валерий отлично учился, занимался спортом, сдавал нормы на оборонные значки.

Часть, где служил Валерий, с боями шла по Восточной Пруссии. По-фронтовому, скромно отпраздновали встречу нового, 1945, года. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, но Валерий, как и все бойцы, видел, что конец войны не за горами. Еще усилие, и враг будет окончательно разбит.

После упорных боев взяли город Эльбинг, погнали врага дальше. А он огрызнулся с отчаянием смертельно раненого зверя.

3 февраля, когда Валерию исполнилось двадцать лет, в шести километрах западнее Эльбинга завязался жестокий бой. Пехота пошла в наступление. Противотанковые пушки, которыми командовал младший лейтенант Валерий Яковлевич Безматерных, поддерживали ее. Били по пулеметным гнёздам, по надвигающимся цепям ненавистных зеленых шинелей и не заметили, как оказались отрезанными от основных сил.

– Занять круговую оборону! – приказал Безматерных солдатам. Вот запольхала громадина фашистского танка – потом завертелся на месте и замер второй танк. А немцы все наседали на два оборонявшихся расчёта.

Два танка и одиннадцать бронетранспортёров подбили артиллеристы в этом жестоком бою, сотни три немцев осталось лежать на поле.

Уже восемь контратак отбили солдаты. Всё меньше становилось их у Валерия Безматерных.

Вдруг рвануло так, что земля закачалась под ногами. Прямым попаданием вражеского снаряда разбило одну из пушек, уничтожило весь расчёт. Валерий под пулями пробрался ко второму орудью и продолжал неравный бой.

Снаряд угодил и в эту пушку.

...Забыв о закуренной папиросе, старший лейтенант Василий Леликов, комсорг части, слушал рассказ раненого бойца, который был в последнем бою с его другом Валерием Безматерных.

На поле боя нас, двух тяжелораненых, подобрали немцы и повезли в дом, где находился штаб их батальона. Меня положили в одну комнату, а младшего лейтенанта сразу потащили в другую, к переводчику, немецкому офицеру. «Какая часть? Откуда прибыли? Большие ли потери?» – спрашивал немец. Но ответов не было. Фашист нервничал, кричал. Я слышал, как раздавались удары. Ну, думаю, бьют, гады. Допрос шел долго, но младший лейтенант молчал, так им ничего и не сказал.

В это время послышалась автоматная стрельба. К нам на выручку шли бойцы подразделения, бравшего деревеньку. За стеной раздался выстрел, потом топот убегающих немцев.

В дом вошли два советских автоматчика. Они помогли мне подняться, а потом все прошли в ту комнату, где проводился допрос командира.

То, что мы увидели, трудно передать. На полу в луже крови лежал изуродованный труп младшего лейтенанта. Я еле узнал Валерия. А комсомольский билет его лежал на столе. Вот он, возьмите.

Боец протянул Леликову книжечку с силуэтом Ленина.

Весть о подвиге комсомольца-героя облетела бойцов части. Они не давали пощады гитлеровцам и мстили за смерть храброго комсомольца.

Правительство посмертно наградило младшего лейтенанта Валерия Яковлевича Безматерных орденом Отечественной войны, а имя его навечно включено в список части, в которой он служил.

О. Шардина

Искра. – 1967. – 19 мая. – С. 3.

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАШЛЯЕВ

НА ТИССЕ

Вашляев Геннадий Васильевич родился в Кировской области в 1922 году. Семья переехала в Лысьву, и здесь он в 1936 году окончил семилетку. Учился в ФЗУ, работал токарем на Лысьвенском металлургическом заводе. В армию ушел добровольно 23 июня 1941 года и был зачислен в пехотное училище. Став офицером, воевал на Донском, 1-м и 2-м Украинских фронтах. Был командиром роты

361-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Награждён орденом Красной Звезды и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 года. После де-

мобилизации работал заведующим отделом Лысьвенского горкома партии, затем – на хозяйственной работе. Умер в мае 1956 года.

В темную по южному ночь первого ноября 1944 года лейтенант Геннадий Вашляев вывел своих солдат к реке Тиссе. Их было сто – смелых, боевых, находчивых и умелых. Этих людей отбирал из различных рот сам командир батальона капитан Субелиани.

Возглавить ударную группу командир батальона доверил самому боевому из командиров рот – лейтенанту Вашляеву. И капитан Субелиани верил, что Геннадий Вашляев справится с этим нелегким боевым заданием.

Знал комбат, что находчивостью, смелостью и отвагой молодой офицер прославился еще в боях в районе Корсунь-Шевченковский. Тогда, командуя взводом, Геннадий Вашляев со своими бойцами сумел быстро пробраться в тыл к фашистам и перерезать дорогу, по которой гитлеровцы перебрасывали к фронту подкрепления. Почти трое суток отважные советские воины держали под контролем шоссе. Против них враг бросал танки, бронетранспортёры, автоматчиков. Одна атака следовала за другой. А когда противник попытался взять советских воинов в кольцо, Геннадий Вашляев, используя складки местности, вывел взвод из-под удара. Но стоило фашистам возобновить движение по шоссе, как все начиналось сначала. Советские воины вновь открывали огонь, и фашистские машины взлетали на воздух.

Дерзкие и умелые действия солдат взвода Геннадия Вашляева так и не позволили фашистам получить подкрепления и боеприпасы.

...Геннадий Вашляев и лейтенант Шепилов осторожно выбрались на берег Тиссы. Как и накануне, противник непрерывно освещал реку ракетами и время от времени обстреливал противоположный берег.

– Что ж, начнем? – обратился Вашляев к Шепилову.

– Пора. Все готово, каждая боевая группа задачу свою знает.

– Тогда времени терять не будем.

Солдаты осторожно начали спускать на воду сделанные из брёвен и досок небольшие плотики. Они отплывали в темень, в неизвестность, к противоположному берегу.

Расчет Вашляева оказался точным: течение отнесло плоты к отмели, где начиналась небольшая лощина. Но стоило советским солдатам ступить на берег, как по ним ударил пулемет.

Обнаружили!

– За мной! – крикнул Вашляев и повел свою группу солдат лощиной в тыл фашистам. А тем временем отделение сержанта Карпенко, оставшись на берегу, вступило в перестрелку с вражескими пулеметчиками.

...Вот и укрепления противника. Около дотов и закопанных в землю танков копошились спросонья фашистские солдаты. По ним ударили автоматные очереди. Но экипаж одного из закопанных в землю танков всё же успел развернуть башню и начал отстреливаться. Двумя противотанковыми гранатами с ним было покончено.

Загремели выстрелы слева. Там, в небольшой деревне, уже действовал со своими солдатами лейтенант Шепилов.

В деревушке находилось до роты вражеских автоматчиков. Бой за нее начал принимать затяжной характер. И Геннадий Вашляев снова решил зайти гитлеровцам с тыла. Каждый дом, каждое строение приходилось брать с боем. Особенно упорное сопротивление фашисты оказали в центре деревни. Но и тут помогли противотанковые гранаты.

Теперь нужно было начать вторую часть операции, перерезать дорогу, идущую вдоль берега, и не дать возможности противнику использовать ее для переброски подкреплений.

Чтобы держать под контролем дорогу, Геннадий Вашляев занял небольшую высоту. Не успели солдаты отрыть небольшие окопчики, как на дороге показалась колонна машин с гитлеровцами. Вот она поравнялась с высотой, и тут же по ней ударили автоматы, полетели гранаты. Однако две последние машины с фашистами успели развернуться и умчаться обратно.

«Теперь держи ухо востро», – подумал про себя Вашляев. Он понимал, что враг постарается сбить их с высоты. И

чтобы избежать ненужных потерь, оставил ее, повел свою группу навстречу противнику. Его предположение оказалось правильным. Не успели советские воины пройти двух километров, как фашисты начали обстреливать высоту из орудий и минометов.

– Сейчас последует атака, – определил Вашляев и приказал, солдатам залечь возле шоссе.

Ждать пришлось недолго. Вскоре снова показалась колонна вражеских солдат. Советские воины пропустили их. Но когда фашисты начали разворачиваться для атаки высоты, бойцы Вашляева ударили по атакующим с тыла.

Бой был коротким. Понесся большие потери убитыми и ранеными, фашисты отступили.

Плацдарм был завоеван.

Через час за Тиссу начали переправу основные силы дивизии

(Очерк из сборника «Отчизны верные сыны»).

За передовую металлургию. – 1965. – 31 марта. – С. 2.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАБАНОВ

МОЙ ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Мне довелось пройти большой путь от Орловско-Курской дуги до Берлина и Праги. Расскажу, за что я получил первый орден.

Наша 149-я дивизия вместе с другими соединениями первого Украинского фронта вступила на территорию Львовской области. Стрелковые подразделения и батарея, в которой я служил, после упорного боя овладели Старыми Бродами. Впереди виднелись Броды, еще находившиеся в руках немцев. Туда убегала железнодорожная насыпь, остановившая наступление наших войск. Солдаты несколько раз бросались в атаку и каждый раз отходили, оставляя на насыпи десятки убитых. Два фашист-

ских пулемета, установленные на той стороне в мощных дотах, не давали продвинуться. Батарея не раз пыталась уничтожить их, но этому мешала насыпь.

Командиры стрелкового батальона и батареи оборудовали наблюдательный пункт в подвале домика железнодорожника. Тут же находились и мы с разведчиком Алексеем Бурковым.

Нашего капитана вызвал к телефону командир полка и приказал любыми путями уничтожить доты и продолжать наступление. Если не прорваться, то соседний полк окажется в безвыходном положении. Мы с Бурковым забрались на чердак, сделали окошечко в черепичной крыше и стали осматривать местность. Потом спустились вниз.

– Разрешите заняться уничтожением дотов, – обратился я к капитану. – С чердака очень удобно.

– Пушки что ли туда потащим? – рассердился присутствовавший при этом командир батареи.

– Не пушки, товарищ старший лейтенант, а противотанковое ружье. Меня в школе научили им пользоваться.

– Где ружье возьмём? – спрашивает командир батальона. У меня ни одного не осталось.

А Бурков и отвечает:

– Вон там, за железнодорожной насыпью около убитого солдата валяется противотанковое ружье.

Я вызвался сходить за ним. Офицеры переглянулись, а потом говорят:

– Действуйте.

Подполз я к насыпи.

Потом вскочил и бросился через полотно дороги. Тут пулеметы ударили, но было уже поздно. Я успел скатиться в канаву. Немцы потеряли меня из виду. Прячась за каждый бугорок и кустик, не поднимая головы, медленно пополз. Подобрался к убитому, снял с него сумку с патронами, ухватился за длинный ствол тяжелого ружья. Немцы, вероятно, почувствовали что-то неладное, дали очередь из пулеметов. Фонтанчики пыли пробежали совсем рядом и потухли. Значит, фашисты не видят, и я пополз в обратный путь. Через насыпь снова перебежал бегом.

Вместе с Бурковым забрались на чердак. Длинный ствол ружья высунул через окошечко в крыше.

– Лёшка, я буду бить по дотам: а ты корректируй.

– Давай, – отвечает Бурков, – бей гадов. Вон сколько они наших уложили.

Навёл я свое ружье в амбразуру дота и выстрелил. Бронбойно-зажигательная пуля ударилась в бетон.

– Низко! – кричит Бурков.

Снова выстрелил.

– Высоко! Измени прицел, – снова подсказывает Лёшка.

Немецкие пулеметчики нас заметили и открыли огонь.

Я снова нажал на спуск. Стреляю и зло шепчу:

– Это вам за тех кто погиб здесь, за того солдата, которому принадлежало ружье.

– Есть! – закричал Бурков, – Давай, Николай, по второму!

Теперь навел ружье по второму доту и выстрелил. На этот раз пулемет замолчал с первого нашего выстрела.

Мы с Лёшкой спустились вниз.

– Товарищ капитан – докладываю я, – можно идти во весь рост – путь свободен.

Через несколько минут наши подразделения устремились к городу, где все сильнее разгорался бой.

Н. Балабанов

За передовую металлургию. – 1965. – 12 мая. – С. 2.

АРСЕНТИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕЧАЕВ

У БЕРЛИНСКОЙ РАТУШИ

Нечаев Арсентий Алексеевич родился в 1910 году в Минске, а вся жизнь его связана с Западным Уралом. В рядах Советской Армии служил с 1932 по 1934 год и с 1939 по 1945 год. Во время Великой Отечественной войны был диром батареи в 48-й гвардейской тяжелой гаубичной бригаде. Член КПСС с 1944 да. Награждён орденами Красного

ни и Отечественной войны II степени. Был четырежды ранен, из них три раза тяжело. Звание Героя Советского, Союза присвоено 15 мая 1946 года.

Свежие газеты в Березовский райисполком принесли в полдень. Арсентий Алексеевич Нечаев выбрал из пачки газету «Красная Звезда» и развернул ее.

Минул год, как окончилась война. Нечаев стал сугубо гражданским человеком, но фронтовая привычка - читать военную газету – не исчезла. Как-никак, а 8 лет были отданы Советской Армии и почти половина из них проведена в боях и походах на фронтах минувшей войны.

Нечаев бегло просмотрел передовую статью, взглянул на снимок, запечатлевший тактические учения, затем его внимание привлек Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нём говорилось о присвоении звания Героя Советского Союза офицерам, сержантам и рядовым Советской Армии. В середине списка он прочитал:

«Капитану Нечаеву Арсентию Алексеевичу».

– Что это? Неужели мне присвоили это звание? Нет, не может быть. Это какому-нибудь однофамильцу. Мало ли Нечаевых Арсентиев Алексеевичей в нашей стране. А среди них наверняка есть и капитаны.

Снова и снова перечитывал он эту строку из Указа. Вспомнился ему последний бой с фашистами.

...Это было в мае 1945 года. В те дни войска 1-го Белорусского фронта, куда входила и 48-я гвардейская артиллерийская бригада, обошли Берлин с запада и тем самым замкнули кольцо окружения фашистской столицы, – Берлина. Начались упорные бои за каждый пригород, за каждую улицу.

С отчаянием обреченного на гибель зверя фашисты сопротивлялись, стремились отстрочить час падения города. Они сражались с фанатическим остервенением. Советские же воины, не зная усталости и страха, безудержно шли вперед, чтобы как можно быстрее выполнить приказ Родины – водрузить Знамя Победы над рейхстагом.

В тот майский день батареи Нечаева продвинулись далеко вперед и оказались в районе городской ратуши. Справа и слева рубежи еще удерживали фашистские подразделе-

ния. Ценой больших потерь им удалось окружить советских артиллеристов.

Начались вражеские контратаки. Они следовали одна за другой. Вокруг батареи все чаще и чаще начали рваться фаустпатроны, ударяли пулеметные и автоматные очереди. Однако артиллеристы батареи Нечаева продолжали удерживать рубеж. Меткими выстрелами они уничтожали одну за другой вражеские огневые точки, картечью сметали автоматчиков противника. Отважно сражались советские воины, но после каждой контратаки их становилось все меньше и меньше.

Взрывом вражеского фаустпатрона оторвало щит и повредило замок у первого орудия. Погиб и весь расчёт. Вскоре от взрыва собственных снарядов, в которые угодил фаустпатрон, превратилась в груды лома и вторая гаубица.

Наступил критический момент, когда в батарее осталось только одно орудие, а в живых двое – капитан Нечаев и наводчик.

Гвардейская батарея продолжала жить. Ни фаустпатроны, ни яростный свинцовый ливень пулеметов и автоматов не сломили боевого духа капитана и наводчика.

Тогда фашисты подтащили орудие и открыли из него огонь по советской гаубице. От первых же ее снарядов погиб наводчик. В последнюю минуту своей жизни он загнал снаряд в казенник, но не успел выстрелить. Взрывной волной Нечаева отбросило в сторону и контузило. Он плохо слышал, что делается вокруг, а все его тело словно пронзили тысячи раскаленных иголок.

Видя, что советское орудие молчит, фашисты осмелели, бросились к нему. Пулемётные очереди и дикие выкрики гитлеровцев вывели из оцепенения капитана Нечаева. Превозможная адскую боль в голове, он подполз к гаубице. Вид его был ужасным: лицо почернело от копоти и пыли, гимнастерка во многих местах превратилась в клочья. Но мысль работала чётко. «Только бы успеть. Только бы успеть. В казеннике – снаряд», – вспомнил капитан.

И вот его рука дотянулась до шнура и дёрнула его. Снаряд разорвался в гуще атакующих фашистов. Около двух десятков их осталось лежать на площади перед ратушей. Остальные дрогнули и отошли.

Воспользовавшись затишьем, Арсентий Нечаев подтащил новый снаряд, зарядил гаубицу и стал ждать очередной атаки.

Вскоре фашисты вновь зашевелились. Из слухового окна особняка, стоявшего неподалеку, ударил тяжелый пулемет фашистов. Советский офицер повернул ствол гаубицы в его сторону, поставил неторопливо нужный прицел и выстрелил. Крыша особняка рухнула, похоронив под собой пулемет и его расчет. Остался последний снаряд. Тащил его Нечаев к гаубице, как многопудовую ношу. Он чувствовал, как силы покидают его. С большим трудом дослал снаряд в казенник ствола, закрыл замок и тут же упал без сознания.

Очнулся капитан от взрыва и ударов осколков и пуль о щит. Он приподнялся и увидел, что гитлеровцы вновь пошли в атаку. Их было уже немного, не как раньше.

– Ну, гады, получайте, процедил капитан сквозь зубы и выстрелил.

Столб дыма и огня взметнулся в центре атакующих гитлеровцев. Но тут же что-то с силой ударило Арсентия Нечаева по ногам, потом появилась режущая боль, и он упал на лафет гаубицы. Словно в неясном и сумбурном сне, через толщу ваты, до него донеслось едва уловимое русское «ура», топот солдатских сапог. А потом он почувствовал, как чьи-то осторожные руки подняли его и понесли.

Очнулся Арсентий Алексеевич только в госпитале. Это было 9 мая 1945 года – день долгожданной победы...

(из сборника «Отчизны верные сыны»)

За передовую металлургию. – 1965. – 14 апр. – С. 1-2.

НИКОЛАЙ АНДРИЯНОВИЧ КУРГАНОВ

МАМА ПЛАКАЛА, А ОН СМЕЯЛСЯ...

В параде Победы 24 июня 1945 года принимали участие четверо лысьвенцев, в том числе – Николай Андриянович Курганов.

Родился он в Усолье Пермской области в 1922 году. Когда в мае 41-го его призвали в армию, мама плакала, а он

смеялся от радости, что предстоит повидать новый мир. И это ему удалось.

После учебы Николай Андриянович был направлен служить в артиллерийский полк ОМСДОН (отдельная мотострелковая дивизия особого назначения им. Ф. Дзержинского). Наводчик Курганов на фронт попал в декабре 42-го, а в феврале 43-го уже участвовал в освобождении Новгорода.

В декабре 43-го дивизия занималась выселением калмыков. Потом было выселение чеченцев и ингушей. В феврале 44-го в Кабардино-Балкарии выселяли балкарцев, не трогая кабардинов. В составе 2-го Украинского фронта полк Курганова освобождал Крым (Евпаторию), после чего был там оставлен для выселения крымских татар. Летом 44-го Николай Андриянович опять в Чечено-Ингушетии (Грозный) – боролся с бандитизмом и отселял курдов от турецкой границы.

Снова фронт, освобождение Румынии и Венгрии (Медяш, Плоешти, Сидиятор). Фронт уходит дальше, а дивизия остается. Надо было отбирать трудоспособных мужчин и женщин (румын и мадьяр) на восстановление разрушенного Сталинграда. В начале 45-го дивизия через Москву перебрасывается в Литву для выселения семей бандитов.

День Победы Николай Андриянович встретил в Москве, и буквально со следующего дня четыре полка дивизии начали тренировки к параду Победы.

Врезался в память голос Левитана, транслировавшийся на всю страну: «Внимание! До начала парада Победы осталась одна минута. Из ворот Кремля на белом скакуне появляется герой главных победоносных сражений нашей армии маршал Жуков, принимающий парад...»

Демобилизовался Николай Андриянович только в 1949 году. Была еще Польша периода Потсдамской конференции, где дивизия охраняла железнодорожные составы с вывозимым с заводов оборудованием.

В. Кучумов

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 5.

АЛЕКСЕЙ МИКЛИН

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Сорокового размера ботинки носил Алексей Миклин до войны, а сейчас носит – тридцать третьего.

– Такая солидная вышла мне усушка-утруска за войну, – невесело шутит он.

Впрочем, если быть точным, то не за всю войну. Алексей Миклин еще в начале сорок второго брал город Белый в яловых сапогах сорокового размера. В них же он в составе кавалерийского корпуса проделал глубокий рейд по тылам врага, в ходе которого была восстановлена Советская власть в 27 районах Смоленщины и Брянщины.

Скучновато, правда, кавалерийский корпус чувствовал себя в тылу врага без танков. Всё-таки это было уже не то время, когда действовала Первая конная! Борясь с немецкими танками, кавалеристы спешивались и забрасывали их гранатами и бутылками с горючей смесью. А потом решили отремонтировать несколько немецких танков. Нашлись и трактористы, и слесари. Слесарной специальностью с фабзайцевских лет владел и он, Алексей Миклин. Вот и пригодилась она. Сразу уверенней почувствовали себя конники, когда стали действовать в танковом сопровождении.

Но враг, конечно, не был намерен долго терпеть в своём тылу конников. Сюда были посланы свежие войска. Они стали теснить конный корпус. Ему приходилось все чаще перебазироваться, иногда действовать отдельными подразделениями, скрываться в лесах.

Однажды под вечер дивизия, в которой служил Алексей, вышла из леса на дорогу, ведущую в деревню Петраково. Но тут пришлось столкнуться с врагом. В завязавшейся перестрелке Алексей был ранен. На перевязку попал не скоро: откуда ни возьмись, налетело около 30 самолётов. Стали бом-

бить и обстреливать из пулемётов. Помнит Алексей, как испуганные кони дыбились, помнит бомбовые разрывы, а как убило коня и самого сбросило наземь – уже не помнит.

Очнулся на следующее утро. Деревенские женщины, услышав стон, погрузили лейтенанта на большие санки и притащили в Петраково, там передали армейским санитарам.

Рана была не столь опасной, а вот ноги оказались обмороженными. Натекшая в валенки кровь за ночь обледенела – и вот, пожалуйста. Ни оттирание снегом, ни смазывание гусиным салом не дали результатов. Пришлось дивизионному врачу отнять часть стоп.

Немецкие войска принимали все меры к тому, чтобы разбить и ликвидировать конный корпус. Кольцо становилось всё уже. Несколько раз прилетали советские самолеты с намерением вывезти раненых, но немецкие стервятники не давали им сесть.

После тяжелых боев корпус получил приказ перебазируется. Раненых решили передать в партизанский госпиталь, который находился в болотистых Кучеровских лесах.

Когда в июле сорок второго немцам удалось разбить местный партизанский отряд и окружить госпиталь, Алексей Миклин с трудом вскочил на коня. Удалось уйти на несколько километров, но тут конь стал тонуть в болотной трясине. Алексея схватили фашисты.

Так он оказался в плену. Содержался в лагерях Данцига, Каунаса, Варшавы, Ченстохова.

Мысль о побеге не покидала Алексея, но в памяти были свежи воспоминания о том, как группа военнопленных в Ченстохове готовила побег с помощью подкопа из кухни. Замысел был раскрыт, и несколько пленных фашисты расстреляли на глазах у остальных.

Руки бывшего слесаря просили работы. В часы, когда все уходили на копку котлована, Алексей, всё ещё плохо державшийся на ногах, из куска железа с помощью камня смастерил нож. Потом из солдатских алюминиевых котелков стал делать портсигары. Друзья сумели приобрести подпилочек и ножницы, Это было бесценным богатством! Инструменты могли пригодиться для осуществления мечты о побеге.

И действительно,годились.

В 1944 году Миклина перевели в Стерлиц, что расположен неподалеку от Варшавы. В это время над лагерем часто кружили советские самолёты, сбрасывали листовки и обстреливали из пулеметов сторожевые вышки. В один из таких налётов перепуганная охрана оставила вышки. Заметив это, Алексей с ножницами кинулся к проволоке. Ему удалось перерезать ограждения в нескольких местах. Группа пленных выбежала за пределы лагеря.

Помня о товарищах, Алексей нашел в себе силы вернуться в барак и крикнуть:

– Кто хочет бежать – выход из лагеря свободен!

За ним устремилось несколько десятков пленных. Но не удалось далеко уйти. Только исчезли советские самолёты, охрана открыла по убегающим огонь из пулемётов. Многие смельчаки полегли на ржаном поле, окружавшем лагерь.

– Бегите в разные стороны, – крикнул Алексей тем, кто еще остался в живых.

Сам он шел вместе с пленным татаринком. Они познакомились только накануне. Новый знакомый оказался земляком со станции Калино. Как-то получилось так, что Алексей даже не спросил имени у нового знакомого, а называл его просто земляком. С ним они и ползли по ржи к ближайшей ложине, окруженной мелким леском. Немного впереди бежал худой и костистый пленный.

С вышки их заметили, начали поливать свинцовым дождём.

– Может, вернуться, Алексей? – прошептал земляк, припав к земле.

– Пойдём только вперёд! – упорно твердил Алексей.

А когда человека впереди скосила свинцовая струя, земляк, не глядя на Алексея, повернул обратно.

– Ты что? – зло зашипел Алексей. – Друг ты мне или враг? – в руках его тускло блеснули ножницы.

Вскоре они заползли в ложинку. По ней можно было пойти в полный рост.

На полянке беглецы наткнулись на сторожку лесника. Несколько минут наблюдали. Потом подползли к дому. На их еле слышный стук вышел старый поляк.

– Далеко ли партизаны? – спросил Алексей. – Как попасть к ним?

– Отсюда они не так далеко, но прямо к ним не пройдёшь. Надо в обход, через большой лес.

Старик дал им булку хлеба и кусок сала, сказав на прощанье:

– Только быстрее отсюда уходите, а то немцы заметят.

Через трое суток им удалось добраться до большого леса и встретить партизан. Среди них было несколько русских. Тут только Алексей Миклин вздохнул с облегчением.

Санитарка, осматривавшая Алексея, покачала головой: ноги его были истерты в кровь.

Это было в мае. А в августе местность, где базировался партизанский отряд, была освобождена наступающей Советской Армией. Алексея отправили долечиваться в Киев.

Осенью он приехал в родную Лысьву.

В. Комаров

Искра. – 1965. – 7 апр. – С. 2,4.

БОЕВОЙ ПУТЬ ТАНКОВЫХ БРИГАД

ВАСИЛИЙ ЕГОРОВИЧ ЛАТЫШЕВ

ПЯТЬ СЫНОВЕЙ ИЗ ДЕВЯТИ ВОЕВАЛИ

В октябре 1943 года призвали в армию Василия Егоровича Латышева и направили в 19-й учебный танковый полк, размещавшийся в районе Перемышля.

Там паренёк с Урала учился ровно год. В октябре 1944 года в составе 14-й танковой бригады командир орудия среднего танка Василий Латышев на Сандомирском плацдарме за рекой Вислой получил боевое крещение. И здесь же узнал, что его отец погиб при бомбардировке переправы одной из рек в прифронтовой полосе.

В январе 1945-го войска Первого Украинского фронта и Сандомирского направления перешли в наступление и один за другим освободили города южной Польши. Танковая бригада, в которой воевал наш земляк, участвовала в освобождении Кракова. Танки его части проходили недалеко от Освенцима, где размещался известный лагерь смерти. В феврале они вышли к границе Германии. Бои на территории врага были тяжёлыми и кровопролитными. В одном из них Василия ранило. Его отправили в полевой госпиталь в небольшом немецком городке. На молодом бойце раны быстро затянулись, и вскоре парень уже ехал в другую танковую часть.

Весной 1945 года его танковый корпус делает маршбросок на помощь восставшим чехам, в Прагу. Бои шли ожесточённые. На счету Василия были и подбитые немецкие танки, и подавленные артиллерийские батареи, не говоря уже об уничтоженных врагах.

За мужество и находчивость он награждён медалями «За отвагу», «За освобождение Праги». А позднее его грудь украсили орден Отечественной войны I степени и множество юбилейных наград.

Война закончилась, но ещё долгих пять лет пришлось служить уральцу. Только в октябре 1950 года его уволили в запас.

Я подробно рассказал лишь об одном представителе династии Латышевых. Дед Василия Симон родом из деревни Ольховка Лязгинского сельсовета, имел большую семью: девять сыновей (Егор, Кузьма, Гурьян, Исак, Фёдор, Дорофей, Андрей, Артём и Александр) и двух дочерей (Афалия и Мария). Пять сыновей сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Егор и Александр погибли, Кузьма, Гурьян и Дорофей вернулись. Дорофей попал в плен, когда его часть с боями выходила из окружения. Вернувшись домой, он был осуждён за то, что находился в плену, и несколько лет провёл в заключении.

В. Волков

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 3.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЕТЕРИН

СЛАВНОЙ ДОРОГОЙ

Парад Победы. В Москве, на Красной площади, перед Мавзолеем В. И. Ленина проходят победители в Великой Отечественной войне. Идут пехотинцы, артиллеристы, танкисты, моряки. И с ними, твердо отбивая строевой шаг, идет танкист гвардейской танковой бригады 2-го Украинского фронта лысьвенский парень механик-водитель гвардии старшина Дмитрий Тетерин.

Молодым пареньком еще до начала войны он получил профессию шофера. И в первые же тяжелые годы ушёл добровольцем на фронт. А там учеба – и он механик-водитель знаменитого Т-34.

В жарких атаках под Курском и Белгородом он получает боевую закалку, становится обстрелянным танкистом.

При форсировании Десны танкисты полка, в котором служил Тетерин, проявили смекалку. Брода не было. Иссле-

довав дно реки, они сделали прокладки из пропитанной маслом пакли, которыми заткнули все щели в танках, задраили люки и успешно перебрались на другой берег. Фашистских захватчиков гнали до города Богодухов.

В одном из боев за деревню Яблоневка экипаж Т-34 в составе командира младшего лейтенанта Иванова, механика-водителя Дмитрия Тетерина, башнёра Байкова и стрелка-радиста Левицкого уничтожил восемь орудий, склад боеприпасов и более ста фашистов.

Впереди Киев. Танкисты, развернув башни орудиями назад, пошли через сосновый бор в направлении совхоза «Виноградник». В этом районе танкисты соединились с Чехословацкой бригадой. Однако им пришлось отступить под сильным нажимом немцев. Оборону заняли в сосновом бору.

– Нас, – рассказывает Дмитрий Васильевич, – стали преследовать тринадцать немецких танков с пехотой. Вскоре они оказались в нашем тылу и тоже заняли оборону. Командир экипажа сообщил по радиации о положении дел и попросил у командира бригады помощи. К нам подошло несколько танков.

Три наших машины с автоматчиками остались в засаде. Вскоре немцы под давлением советских войск начали отступать. И вот тринадцать танков врага напоролось на нашу засаду. Мы им дали здесь жару. Все машины противника были сожжены. Наш экипаж уничтожил семь танков гитлеровцев.

Дмитрий Тетерин участвовал в боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. День Победы он встретил в Праге. Но война не окончилась для этого славного танкиста. Вскоре он со своей грозной машиной отправился громить японских самураев.

Возвращается старшина в родной город, а на груди у него горят орден Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и пять медалей. Кроме этих наград, ему объявлено восемнадцать благодарностей от Верховного главнокомандующего.

С. Казанцев

Искра. – 1965. – 9 мая. – С. 2.

НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ

Во время Великой Отечественной войны мне довелось служить механиком-водителем на танке Т-34 в пятом гвардейском Сталинградско-Киевском, Портартурском танковом корпусе. Само название говорит, где пришлось побывать танкистам этого воинского соединения.

Расскажу о битве на Орловско-Курской дуге, которую историки по праву окрестили огненной дугой.

Задолго перед сражением наша часть усиленно готовилась. Стояли мы в Ивнетских лесах. Ремонтировали технику, смазывали все узлы механизмов. Погода стояла отличная. Весна. Среди зелени, пренебрегая войной, пели курские соловьи.

Мы уже знали, что немцы должны применить новые танки «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд», у которых лобовая броня 18 сантиметров, что наша 76-миллиметровая пушка, которой были вооружены Т-34, в «лоб» новые танки не возьмет. Лобовую броню способен пробить подкалиберный снаряд, но беда в том, что после трех выстрелов ствол пушки выходил из строя – его надо было менять.

Учения шли непрерывно днем и ночью. Отрабатывалось взаимодействие танков и пехоты.

И вот наступило 4 июля. В ночь на 5 июля наши танки вышли на исходную позицию под населенным пунктом Томаровкой. До утра вместе с пехотинцами вырыли капониры и загнали туда, машины, только башни торчали над землей.

5 июля рано утром земля загудела от артподготовки. Как известно, наша артиллерия начала эту подготовку раньше немцев и сумела подавить огневые точки до того, как они открыли стрельбу. Весь горизонт был наполнен пульсирующим багровым светом.

Начали артподготовку и фашисты, в воздухе появились сотни немецких самолётов, которые бомбили наш передний край. Поползли немецкие танки. Они шли эшелонами – впереди двигались «тигры» и «Фердинанды», сзади них – средние танки.

В наушниках слышалась команда выводить танки в контратаку. Командиром нашей машины был лейтенант И. Абашев, радист, который сидел рядом со мной, – И. Вареня, а вот фамилию стрелка-башнёра я, к сожалению, забыл.

Командир бригады гвардии подполковник Кошелев приказал маневрировать, заходить фашистским танкам с боков и бить по бортовой броне. В смотровую щель мне видно, как колыхается земля, мелькают угловатые башни немецких машин. Наша Т-34 вздрогнула от выстрела. Я понял, что Абашев поймал в прицел немецкий танк и нажал спуск. Дым, грохот, скрежет. Запылали первые хваленые «тигры».

Бой шел весь день. В машине мы задыхались от жары, пыли, от газа. К исходу дня в нашей бригаде от 60 машин осталось всего семнадцать танков. Но и у немцев были огромные потери. Против нас сражались такие фашистские танковые дивизии, как «Мёртвая голова», «Великая Германия», «Адольф Гитлер» и другие. Все они были разбиты.

Гитлеровцы бросали против наших танков авиацию. В воздухе стоял рёв и гул. Одни самолёты, отбомбившись, уходили, вторые спешили им на смену. Случалось, что немцы и своих бомбили.

Когда, у наших танкистов кончались боеприпасы, машины шли на таран. Выскочив из разбитых танков, экипажи схватывались врукопашную с гитлеровскими танкистами. Кто смотрел фильм «Огненная дуга», тот может хорошо представить, как это происходило.

На третий день нам не повезло: немецкий снаряд угодил в венец башни, ее заклинило, и нас отвели под Прохоровку на ремонт. Венец быстро заменили и опять ринулись в бой.

Особенно упорное сражение разгорелось под самой Прохоровкой. С обеих сторон участвовала не одна тысяча машин. Много ребят полегло под этим населенным пунктом и под Поньярями. До самого августа гремели бои. Наконец, немцы выдохлись. Наступил перелом. 12 июля наши войска погнали фашистов на запад. Были освобождены Белгород, Орёл и много других населенных пунктов. Москва салютовала в честь этого события.

Экипаж нашего танка уничтожил два «тигра», четыре средних танка, пять пушек и около ста гитлеровцев. Все мы были награждены орденами.

Сам имею ордена Боевого Красного Знамени, два – Красной Звезды и орден Отечественной войны второй степени, медали.

Д. Тетерин

Искра. – 1972. – 9 сент. – С. 3.

А. ЛЕУХИН

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Особенно мне запомнилось форсирование Днепра. Это было в октябре 1943 года. Девятый гвардейский танковый корпус, в котором я служил, с боями вышел к Днепру в районе города Лоева. Немцы укрепились на правом берегу и усиленно обстреливали переправу. Но это не охладило наступательный порыв гвардейцев. 22 октября передовые части полка форсировали реку, вклинились в оборону врага и взяли несколько населенных пунктов.

Немцы бросили в наступление более двадцати танков и пехоту. Командир нашего батальона лейтенант Лебедин приказал бойцам залечь в окопах, пропустить «тигры», а пехоту уничтожить. Так мы и поступили. Враг понёс большие потери в живой силе, но и нас здорово потрепали. На следующий день прибыло подкрепление. Наступление продолжалось. Мы брали один населенный пункт за другим, углубляя и расширяя фронт. Фашисты в панике отступали, бросая многочисленную технику. В этих боях меня ранило.

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в Москве. Видал военный парад на Красной площади, вместе со всеми радовался за нашу любимую Родину и ее непобедимые Вооружённые Силы.

А. Леухин

Искра. – 1965. – 9 мая. – С.3.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРГЕЕВ

ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

Сергеев Николай Александрович родился в 1913 году в деревне Выломово неподалеку от города Лысьвы. Работал в эмальцехе Лысьвенского металлургического завода. Кадровый офицер Советской Армии. С первых дней Великой Отечественной войны участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Был награжден орденом Красного Знамени. Командовал 20-м гвардейским танковым полком 3-й гвардейской механизированной бригады 1-го гвардейского механизированного корпуса, которым командовал гвардии генерал-майор Руссиянов. Погиб в бою за хутор Астахов 16 декабря 1942 года. Звание Героя Советского Союза присвоено 31 марта 1943 года.

В Волгограде, в музее обороны города экспонируются документы о боевом подвиге нашего земляка-героя.

Майор Сергеев получил приказ: танковым тараном взломать оборону противника, обеспечить ввод механизированной бригады в прорыв...

Командир полка внимательно изучал систему обороны противника. Четыре усиленных пехотных батальона, одиннадцать артиллерийских батарей, самоходные артиллерийские установки – вот что сосредоточил противник на небольшом участке перед фронтом наступления наших танкистов.

Майор не новичок в боях, видел всякое. И все же тревожно на душе. В том, что приказ будет выполнен, у Сергеева сомнений не было. Но какой ценой? Ведь от того, как он, командир полка, организует атаку, как будет руководить завтра боем, – во многом зависит успех выполнения приказа.

Сергеев положил в планшет карту с нанесенной обстановкой и вышел на улицу. Вечерело. Кроваво-красным пламенем пылал закат. Снег казался розовым. Декабрь, а на дворе тепло. Снег мягкий, сырой, словно в марте.

Улица села безлюдна. Кое-где стоят, прижавшись к строениям, танки. Остальные – в глубокой степной балке за селом. Тишина. Молчит советская артиллерия, молчат и батареи врага. Это затишье – перед грозой. Майор смотрит на запад. Там хутор Астахов, превращенный врагом в сильный опорный пункт обороны. Именно на него пойдут завтра танки Сергеева.

Тепло. А на Урале сейчас, наверное, беснуется пурга, свирепствуют морозы. Как там родные? Велика Родина, много на ее просторах городов и сел. Но ближе всего Сергееву никому не известная деревушка Выломово. И в этом нет ничего удивительного. Для каждого человека Родина начинается с чего-то малого, для других не заметного. И куда бы судьба ни забросила человека, сохранит ей в сердце сыновью любовь к местам, где когда-то бегал босоногим мальчишкой, рос, мужал.

Утро выдалось хмурым. Неторопливо плыли серые облака, роняя на землю хлопья снега. Танки еще ночью вышли на исходный рубеж. Сергеев еще раз проверил готовность подразделений к бою, как понят экипажами боевой приказ, уяснены задачи.

Время летело быстро. До начала артиллерийской подготовки остались считанные минуты. Но вот майор услышал звук авиационного мотора: тягучий, неприятный, словно огромный шмель, запутавшийся в тенётах. Это со стороны противника шёл разведчик, прозванный солдатами «рамой». Появление разведчика не сулило ничего хорошего.

Было ясно, что враг настороже. Самолет сделал «горку» и повис над землей, словно привязанный. И сейчас же заговорили немецкие батареи: одна, другая, третья. Снаряды ложились где-то впереди. Шквал огня перемещался то влево, то вправо. Артиллеристы врага били по площади, без определенных целей. Видимо, самолет не смог обнаружить замаскированных танков.

Где-то далеко в нашем тылу ухнуло орудие большого калибра. Ещё одно. На их грозный голос отозвались ближние батареи. Началась артиллерийская обработка переднего края обороны немцев. Теперь важно не упустить момент: как толь-

ко огонь батарей будет перенесен в глубину, танкистам пора в атаку. То и дело майор Сергеев поглядывает на часы.

И вот наступила эта долгожданная минута. Майор в своей командирской машине. Он бросает в эфир короткое слово «Вперёд!», и из укрытий рванулись в атаку все боевые машины полка.

– Вперёд! Вперёд! – повторял Сергеев. Ему казалось, что механик-водитель слишком медленно ведёт машину.

Думалось Сергееву, что ничто не могло удержать напуска стальной лавины гвардейцев. Они уже уничтожили две батареи пушек среднего калибра, шесть противотанковых орудий, до батальона вражеской пехоты. Но это не сломило сопротивления гитлеровцев. Они сосредоточили по полку огонь многих артиллерийских батарей. Боевые порядки танкистов бомбили семнадцать бомбардировщиков. Действовавшие совместно с танкистами пехотинцы нагнулись на сильную огневую завесу.

Атака захлебнулась. Дрогнули стрелковые подразделения, откатились и танкисты. При атаке противотанковой батареи подожжена машина майора. Ноги его обгорели. Но любой ценой нужно было восстановить положение и Сергеев, пересев на другую машину, снова поднял стрелков и танкистов в атаку.

Командирский танк Сергеева, словно ураган, пролетел через первую траншею обороны немцев. За ним устремились остальные экипажи. Гвардейцы огнем и гусеницами уничтожали всё, что встречали на своем пути: пулеметные гнёзда, блиндажи, пушки и миномёты врага.

Бой шел уже в глубине обороны противника. Здесь танкисты обнаружили гаубичную батарею, и майор вместе с другими экипажами атакует ее. Два расчета нашли свою гибель под гусеницами командирского танка.

Всё время танк майора находился впереди атакующих, и гитлеровцы сосредоточили огонь оставшихся батарей по машине. Вот перед глазами Сергеева ярко, как молния, сверкнул огонь. Танк взорвался...

Гвардейцы выполнили приказ командования: они пробили брешь в обороне противника. Механизированная бригада овладела хутором Астахов. Она погнала врага на запад.

(Очерк из сборника «Отчизны верные сыны»).

За передовую металлургию. – 1965. – 5 мая. – С. 2.

НИКОЛАЙ СИДОРОВИЧ ЯРОСЛАВЦЕВ

ГВАРДИИ СТАРШИНА

В 1941 году восемнадцатилетним пареньком ушёл он на фронт. С первых дней и до конца войны Николаю Сидоровичу Ярославцеву довелось служить в гвардейских танковых частях механиком-водителем Т-34. По званию он гвардии старшина.

То, что мне рассказал Ярославцев, хватило бы на целую повесть-книгу.

...Конец ноября 1942 года. Легендарная битва на Волге. Гитлеровская армия Манштейна спешит на помощь к Паулюсу, зажатому нашими частями в тиски. Гвардейский отдельный танковый полк под командованием гвардии майора Воинкова всё время находится в боях. Полку давно уже требуется перестройка, отдых, но танкисты, нося в сердцах клятву, данную под знаменем полка, – не дать фашисту топтать земли у Волги – ожесточённо дрались.

Уже несколько суток не смыкал глаз водитель танка Николай Сидорович Ярославцев. Только закончился бой – начал приводить в порядок машину. Но не успел все как следует осмотреть – команда:

– По машинам!

Ярославцев все делает без суеты и необыкновенно быстро. Лицо его осунулось и похудело от переутомления. Командир танка лейтенант Пётр Родин невольно дивился выдержке Николая Сидоровича:

– И как ты, старшина, выносишь...

Немцев не слышать. Вдруг Ярославцев вздрогнул: шедший впереди танк командира полка вспыхнул ярким пламенем. Коротко бросил:

– Товарищ лейтенант! Командир полка горит!..

И тотчас заметил, что с левого борта, развернувшись фронтом, идут на нашу колонну шестнадцать немецких танков.

Николай Сидорович быстро развернул машину и направил свой танк навстречу фашистам. То же сделали остальные советские танки. Немцы не ожидали такой дерзкой атаки. Они, очевидно, были намерены бить их по одному в борта.

Броня столкнулась с броней, воля надвинулась на волю. Лязг, скрежет, грохот... Земля горит. В танковом бою побеждает самый проворный и находчивый.

Ярославцев помнит, как их танк мял, подбивал и давил гитлеровцев. Не уцелело ни одного фашистского танка. Но и с нашей стороны были потери. Те, что остались, устремились прямо на немецкие траншеи. В их числе был и танк Николая Сидоровича.

– Коля, дави их, гадов, – кричал в упоении Родин.

У лейтенанта была любимая присказка: «Жми! Умирать, так с музыкой!». И теперь он без нее не обошелся.

– Жмём, товарищ лейтенант! – отвечает Ярославцев.

Танк Ярославцева утюжил фашистскую траншею. Она уже была завалена в нескольких местах, но неожиданно снаряд заклинил башню. Второй снаряд сбил гусеницу. Танк загорелся, и в тот же миг вспыхнула одежда на водителе и радисте, к тому же Николая Сидоровича ранило в шею.

– Вот так пришлось гореть в первый раз, – проговорил Ярославцев.

– Но, как видишь, не сгорели. Справились с пожаром на танке и себя потушили. А ведь кругом были немцы.

И, предупредив мой вопрос, он прибавил:

– Никто из нас не отчаивался. Переждали до ночи, хотя фашисты не раз пытались взять нас вместе с танком. А ночью выбрались, потом и танк вытянули.

– Что дальше?

Опять воевали! С этим же экипажем почти через год под Каховкой вновь горели.

П. Ершов

Искра. – 1965. – 1 мая. – С. 4.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ КАРЯГИН

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Мне довелось участвовать в боях в составе Пермской танковой бригады. Особенно запомнился январь 1945 года в районе Сандомира. Если кто помнит сводки тех лет, то должен знать, какие жестокие сражения разыгрались в районе этого города.

Наши войска прорвали фронт.

В прорыв вместе с другими была брошена Пермская танковая бригада. Шли весь день, а вечером остановились в населенном пункте.

населенном пункте.

Я был механиком-водителем у командира взвода разведки. Утром получили приказ: нащупать противника. Взвод в составе трех танков свернул с шоссе и направился к холмам. По нашим предположениям там должны были сосредоточиться фашисты.

Прошло 15-20 минут, нас обстреляли, и мы, радировав об этом в бригаду, открыли по вспышкам ответный огонь.

Вскоре нас догнали остальные танки бригады. Развернутым строем стальные громады двинулись на гитлеровцев. Светало. На холмах стояли закопанные по башню фашистские танки. Начался танковый бой. Взлетала земля, стоял оглушительный грохот и лязг.

Наш танк вёл непрерывный огонь из пушки и обоих пулеметов. Вокруг было столько фашистской пехоты, что командир взвода не удержался от соблазна, и, высунувшись по пояс из башни, стал стрелять в гитлеровцев из пистолета.

Но вот замолчала наша пушка. В пылу боя я не заметил, как вражеский снаряд ударил в башню. Оказался убитым командир и тяжело ранены оба башнера, кроме того, вышло из строя орудие и заклинило башню. Пришлось выводить танк из боя.

Бригада, сбросив немцев с холмов, ворвалась в деревню. Нам пополнили экипаж. А днём последовал приказ: выбить немцев из соседней деревни и двигаться дальше. Батальон построился в колонну, в голове которой оказалась наша машина.

Проскакиваем деревню и по открытой местности мчимся на фашистов. В 300 метрах вижу фашистский танк «Пантеру», который направил на нас, орудие. Раздумывать некогда. Исход один – идти на таран. Прибавляю скорость, но подпустив нас на сотню метров, «Пантера» дважды бьет в упор. Разбита башня, заглох мотор, едкий дым и языки пламени тянутся из моторного отделения. Убит командир и радист, выскочили из пылающего танка башнёр и я. Однако порыв подхвачен. Следом мчатся шесть наших танков, а за ними остальные. Населённый пункт захвачен.

Дорогой ценой платили мы за победу, но утешал итог боя: на каждый подбитый наш танк приходилось два фашистских.

Д. Карягин

Искра. – 1963. – 22 февр. – С. 3.

ЛЕОНИД АНТОНОВИЧ ГОРБУНОВ

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА

Весной сорок четвертого советские войска с боями продвигались на запад. Командир отдельного мотострелкового пулемётного батальона танковой бригады капитан Горбунов получил приказ – прорвать оборону противника и захватить высоту, расположенную недалеко от Витебска. Высота имела важное стратегическое значение. Возвышаясь над равниной, она позволяла держать под огнем территорию на многие километры вокруг.

После ожесточённых двухдневных боев батальон занял высоту. Не успели наши бойцы окопаться и занять оборону, как немцы пошли в контрнаступление. Атаки следовали одна за другой. Порой они заканчивались рукопашными схватками, и каждый раз враг отходил на исходные рубежи.

На второй день, после десятой вылазки, противник бросил в бой авиацию. Налёт был непродолжительным, но массированным. Затем наступило затишье – предвестник бури. Капитан Горбунов, оставив на «КП» своего заместителя майора Лазарева, вышел из землянки. Кругом чернели свежие воронки, в воздухе пахло гарью. Он направился в расположение батальона. Надо было выяснить обстановку. В это время началась одиннадцатая атака.

Охватив подковой высоту, надвигалось два десятка вражеских танков, за ними бежали автоматчики. Не выдержав натиска врага, отступил правофланговый сосед. Начала отходить пятая горбуновская рота.

– Стой! Назад! – раздался голос комбата.

Он стоял на краю траншеи с высоко поднятым в руке пистолетом, как бы преградив путь к отступлению. Немцы заметили командира и открыли огонь снарядами с горючей смесью.

– Комбат, горишь! – услышал он предостерегающие крики солдат.

Капитан только сейчас заметил, как языки пламени ползут по полам шинели. Он сбросил шинель, снял начавшую тлеть меховую куртку и спрыгнул в траншею.

– Товарищ комбат, разрешите открыть огонь по танкам, – подбежал командир взвода ПТР старший лейтенант Никитин.

– Не разрешаю. В лоб их всё равно не возьмешь. Будем расстреливать, когда подойдут ближе.

И эта вражеская атака захлебнулась. Под мощным огнём батальона отступили автоматчики. Бойцы танковой роты старшего лейтенанта Смирнова подбили два танка и один танк расстреляли из противотанковых ружей солдаты старшего лейтенанта Никитина. «Тигр» застрял в болоте. Остальных накрыли огневым валом подоспевшие «катюши».

Еще в начале боя на «КП» произошла паника. Отступающие бойцы пятой роты сообщили майору Лазареву о смерти комбата. Тот доложил командиру бригады. Узнав об этом, капитан лично явился к своему генерал-майору.

– Горбунов! Жив! – встретил капитана генерал-майор Давиденко. – Давай докладывай, друг!

Зазвонил телефон: командующий армией просил доложить обстановку.

– Обстановка та же, что была на 15-00, – ответил генерал-майор.

– Не верю, – послышалось в трубке.

– Только что доложил комбат, он еще у меня, – последовал ответ.

– Явитесь оба ко мне.

Командующий армией крепко обнял и расцеловал комбата. Затем достал из сейфа орден Красного Знамени и приколот на грудь Горбунова.

Наступление наших войск продолжалось. Гитлеровские захватчики повсеместно изгонялись с оккупированной территории. Капитан Горбунов получил очередное задание – занять одну из центральных улиц Орши, не дать немцам разрушить мосты и обеспечить проход танкам.

Пользуясь ночной темнотой, он вывел батальон на окраину города и развернул в боевой порядок. А когда забрезжил рассвет, повел солдат в бой. Стремительный натиск, внезапность, умелое взаимодействие подразделений и боевой техники сделали свое дело. Батальон захватил два десятка автомашин с боеприпасами и 250 пленных. По уцелевшим мостам улицы Фридриха Энгельса двинулись наши танки. Впереди был Минск.

Чтобы прикрыть отступление, немцы оставили заслон в деревне Симаново. Уничтожить заслон поручили батальону Горбунова. Бой подходил к концу, еще огрызались уцелевшие «фердинанды», а на поле боя появился командующий бронетанковыми механизированными войсками генерал-лейтенант Нецвитайло. Предупрежденный об этой встрече капитан Горбунов вышел навстречу.

– Молодец! – похвалил командующий. – Воюешь не числом, а умением. Родина тебя не забудет!

У капитана засиял на груди орден Александра Невского.

Кончилась война. Леонид Антонович Горбунов вернулся к мирному труду.

В. Горшков

Искра. – 1965. – 24 марта. – С. 2.

МЧАЛИСЬ ТАНКИ, ВЕТЕР ПОДНИМАЯ

Освободить город Ленина от блокады мне пришлось с отдельной танковой бригадой, где я командовал взводом из моторизованного батальона. Батальон этот был придан бригаде. Во время атаки солдаты размещались на броне машин и, таким образом, вторгались в расположение противника.

Наша бригада получила задание – взять станцию Волосово, предварительно освободив пять населенных пунктов, среди которых значилось село Большие Губаницы – крупный узел шоссейных дорог.

Бой начался с утра и продолжался весь день. Ночью наступило затишье, а потом – вновь бой. Особенно жаркое сражение разгорелось за Большие Губаницы. Командовал нашей отдельной бригадой полковник Хрустицкий. Это был волевой и смелый командир. За прорыв блокады зимой 1943 года бригаде было присвоено звание гвардейской, тогда же и вручили нам знамя.

Так вот, наш полковник, как только увидел, что фашисты открыли по мчавшимся танкам шквальный огонь, вырвался на своей машине вперед.

– К лицу ли нам, гвардейцам, робеть перед фрицами! – воскликнул он.

Водитель его танка был мастер своего дела. Ловко лавируя между разрывами, машина комбрига налетела на вражескую батарею я, подминая гусеницами гитлеровцев, расстреляла из пушки фашистские орудия. Затем танк помчался ко второй батарее, к третьей. После его «визита» остались лишь исковерканные немецкие противотанковые пушки и трупы. Потом неуязвимый танк принялся расстреливать огневые точки.

Однако фашисты всё же умудрились его поджечь.

Впоследствии Хрустицкому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Наша бригада с задачей справилась: станция Волосово была очищена от фашистов. Её мы взяли относительно легко,

ибо немцы не ожидали такого стремительного продвижения наших войск.

И. Скурихин
Искра. – 1964. – 26 янв. – С. 3.

ВАСИЛИЙ ИОСИФОВИЧ МАКАРОВ

ОН БЫЛ ЛЫСЬВЕНСКИМ РАБОЧИМ

Макаров Василий Иосифович работал на Лысьвенском металлургическом заводе кочегаром. Здесь на заводе он вступил, в члены Коммунистической партии, был избран секретарём партийной организации. В 1929 году Василий Иосифович призван в армию. Окончив танковое училище, стал кадровым советским офицером.

Война застала Василия Иосифовича на западной границе Советского Союза, в Белоруссии. В то время он был начальником штаба танковой части. С тяжелыми боями вынуждены были отходить танкисты в глубь страны. Но вот наступил перелом в войне. Советские войска начали гнать врага с родной земли.

В июне 1944 года гвардии подполковника Макарова назначили командиром танковой бригады. Под его руководством гвардейская Краснознаменная ордена Кутузова танковая бригада участвует в освобождении многих городов и сел Украины и Белоруссии, а затем вступает на землю братской Польши. И всюду, в любой сложной обстановке, гвардии подполковник Макаров умело командует бригадой, проявляет личную храбрость.

За образцовое выполнение заданий командования, мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии подполковнику Василию Иосифовичу Макарову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

День окончательной победы над фашистской Германией был совсем близок. Наши войска неудержимо продвигались к Берлину. И там, на подступах к столице гитлеровской империи, 18 апреля 1945 года Василий Иосифович пал смертью храбрых.

Имя Василия Иосифовича вечно будет жить в памяти народа.

За передовую металлургию. – 1965. – 8 мая. – С. 3.

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ ЗЫКОВ

ВЕТЕРАН

Когда-то от станка ушел на военную службу Николай Филиппович Зыков, поручив его молодому парню.

– Следи, как за собой. Неисправный принимать не буду, – наказал на прощанье Николай выпускнику ремесленного училища.

Служить направили в мотомеханизированный полк во Львов. Радовало то, что рядом был товарищ детства Л. А. Седов, с которым вместе проводили время, учились, занимались в кружках художественной самодеятельности.

Близилась служба к концу, и солдат Зыков собирался домой.

Но черная туча войны обрушилась на страну. В кровопролитных боях пришлось отступить. Особенно жаркие схватки завязались на подступах к Киеву. Полк бросали туда, где было трудней.

В одном из боев Николая тяжело ранило. Разрывной пулей пробило бок, сломало ребра, задело желудок. Так бы и погиб, если бы дружок Леонид Седов не вынес на руках.

Очнулся в госпитале, а война только начиналась. Николаю Зыкову довелось вынести все тяготы боевой жизни. После окончания войны вернулся в родную Лысьву.

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 2.

ПЛЕЧО ТОВАРИЩА

Судьба Василия Терентьевича – это типичная судьба миллионов людей, рождения двадцатых годов, у которых юность прошла в суровые огненные годы.

Свой трудовой путь он начал слесарем в инструментальном цехе металлургического завода. Отсюда его призвали в Красную Армию. Это было за год до начала Великой Отечественной войны.

Служба в части особого назначения. Война. Трехмесячная учеба на водителя танка, а затем – фронт.

Машины второй гвардейской танковой бригады ринулись в атаку с исходного рубежа едва только засинел рассвет. Предстояло перерезать шоссе Витебск-Орша и овладеть селом – крупным опорным пунктом фашистов.

Бригада выполняла роль клина. Вслед за ней должен был двинуться целый корпус. Впереди мчались, вздымая снежные вихри, «Т-34», а за ними вместе с пехотой катились лёгкие двухместные танки. Стрелок легкого танка Иван Титов, припав к прицелу, видел, как у немцев тревожно заплясали разноцветные ракеты, замельтешили оранжевые вспышки выстрелов. «В яму бы не врезаться в такой темноте, – думал Титов. – Впрочем, водитель у меня молодец. Уралец. Не теряется».

В наушниках вдруг затрещало, и тревожный голос командира роты предупредил:

– Внимание! На шоссе – «фердинанды».

«Фердинанд» – немецкая самоходка. От её снарядов горели средние танки. А много ли надо лёгкому? Титова закачало из стороны в сторону. Это значит, водитель, услышав предупреждение, начал маневрировать.

Первый удар снаряда пришёлся в башню. Отлетевшими осколками брони Титова ранило в голову и обе руки. Мотор заглох. Водитель нажал на стартёр, машина дёрнулась, но новый, еще более страшный удар потряс танк. Его внутренность наполнилась дымом, засвистело пламя. Водитель с силой откинул наружный люк и, задыхаясь, стал стаскивать с сиденья

тело Титова. Вместе с командиром он вывалился на снег и пополз по изрытой взрывами земле, освещаемый пламенем горящей машины. От дикого лязга, грохота и треска звенело в ушах, пыль, смешанная со снегом и копотью, душила. У шоссе кипел бой. Водитель с трудом дотащил сержанта до опушки леса, наткнулся на санитаров.

– Жив?

– Вам виднее.

– Жив!

Василий Терентьевич был дважды ранен. Как-то командир соединения обратил внимание на чёткий почерк старшины Грачёва, да ещё узнал, что он по профессии слесарь. И старшина очутился в технической части. На морозе и под дождём, под вражеской бомбежкой приходилось «лечить» повреждённые машины. Переносить все фронтовые лишения Василию Терентьевичу помогла физкультурная закалка: до войны он был страстным лыжником. Ни одно соревнование не обходилось без него. Не раз завоевывал первое место.

Вместе с третьим Белорусским фронтом старшина Грачёв дошел до Кенигсберга, а День Победы встретил на берегу Балтики. Итог его боевых дел – орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и освобождение многих городов.

Звенящим веселыми ручьями апрельским днем 1946 года Василий Терентьевич сошёл на деревянную платформу станции Лысьва и с волнением огляделся. Дымили трубы родного завода, звали к себе истосковавшиеся по мирному труду мужские руки. Где-то там его инструментальный цех...

К. Максимов

Искра. – 1965. – 21 марта. – С. 3.

НИКОЛАЙ ДАВИДОВ

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

После мелкого и нудного дождика, продолжавшегося два дня, наконец-то проглянуло ласковое солнце. Раньше всех вылез из-под брезента наш повар Иван Лупинос. Бряцая своей нехитрой кухонной посудой, он разбудил Кузьму Ивановича

Рыкова – балагура и общего любимчика всей разведывательной роты.

– Чего гремишь, – заворчал тот на повара. – Пусть ребята отдыхают. Может, сегодня опять выпадет трудная работа.

Только теперь Кузьма Иванович заметил, что рядом с ним остался лишь автоматчик Поройков.

– Ванюша, где наши Михаил с Nikolay?

– Хватился. Они давно вместе с ротным ушли в разведотдел. Фашисты вон как драпают. Надо и нам спешить, а то еще догнать не сумеем.

Действительно, противник на нашем участке стал подозрительно поспешно отходить, тогда как рядом немцы отбивались довольно яростно. Почему бы это? Что нового затевают фашисты?

Эти вопросы интересовали и нас с Михаилом Давыдовым – моим однофамильцем – пока мы ожидали командира роты капитана Лозницу, который уже длительное время находится у начальника разведотдела танкового корпуса.

– Что нового, товарищ капитан? – спросил я Лозницу, когда мы возвращались в роту.

– Не торопись вперёд батьки в пекло. Машины в порядке?

– Будьте спокойны, – вступил в разговор Михаил. – Порядок полнейший.

– Готовьте побольше пулеметных лент. В бронетранспортеры подкиньте дополнительно по ящику крупнокалиберных патронов.

Бывало на заданиях в разведке находились по целому месяцу и ни разу не стреляли – разведчики предпочитают бесшумное оружие, – а тут капитан приказывает запастись патронами. Вероятно, предвидится серьезное дело. Вскоре вся рота была на ногах. Лупинос предложил скромный солдатский завтрак.

– Товарищи, – сказал капитан Лозница, – нам приказано в составе небольшой группы на броневике, двух транспортёрах и мотоцикле пройти в тыл противника и выйти на берег Вислы, чтобы разведать замыслы и систему обороны противника. Лейтенанту Краснолуцкому и командиру машины Михаилу Давыдову необходимо любыми путями взять солидного «языка». Задача ясна?

– Ясна!

– Через полчаса выступаем. Солдаты, которым предстояло принять участие в разведке, занялись подготовкой.

– Товарищ капитан, – не удержался Кузьма Иванович, – лучше бы «языка» брать ночью.

– Ночных у нас и без того достаточно. Нужен обязательно дневной.

Вскоре отряд двинулся в путь. Вместе с офицерами нас было семнадцать человек. Несколько десятков километров проскочили почти незаметно. Вдруг с головной машины поступил сигнал остановиться.

Впереди по огромному полю двигался большой немецкий обоз.

– Товарищ капитан, – доложил разведчик командиру роты, – обоз сопровождает около ста пятидесяти солдат. Оружия в руках не видно, наверно, сложили в повозки. В обозе шесть пушек.

– Надо захватить обоз, – глаза капитана окинули нашу маленькую группу. – Машина лейтенанта Краснолуцкого зайдёт слева и выйдет навстречу немцам. Броневику ударит справа. Наш бронетранспортёр пойдёт прямо.

Через несколько минут машина Краснолуцкого скрылась в кустарнике, ушел на исходный рубеж и броневику. В нашу машину сел капитан Лозница. Все с волнением ожидали сигнала. Вот и ракета, пущенная Краснолуцким. Наш водитель Кузьма Иванович дал газ. Бронетранспортёр на огромной скорости помчался по полю. Пулемёты с трех сторон открыли огонь по фашистам. Напуганные кони, перевертывая телеги, бросились в разные стороны. Не ожидавшие нападения немцы растерялись, многие пытались укрыться во ржи, которая спокойно колыхалась от легкого ветра. В дело вступили наши автоматчики.

Лупинос и Поройков окружили группу фашистских солдат. Те безропотно подняли руки.

Вскоре бой затих. Пленных стали сгонять в кучу. Их оказалась 73 человека. И только теперь мы заметили легковую машину, которую обозники тащили на буксире. В машине Кондрашин и Хакимов нашли насмерть перепуганного майора интендантской службы.

– Товарищ капитан, – сообщил радист, – связь налажена.

Командир роты доложил обстановку. Из штаба корпуса пообещали немедленно выслать на подмогу танки, а пока предложили укрыться вместе с пленным.

Мы занялись набивкой пулемётных лент. Кузьма Иванович и тут не растерялся. Он привлек к этому делу пленных немцев. По дороге в это время прошло до десяти грузовых машин.

Вскоре увидели, как из лесу вышли четыре танка. Наконец-то! Но радость оказалась недолгой. Танки были немецкими.

– Крупнокалиберные зарядить бронебойными, – приказал командир роты. – Приготовить противотанковые гранаты! Усилить наблюдение за пленными.

Из лесу донесся орудийный выстрел. Один из танков закрутился на месте, от него повалил дым.

– Наши преследуют! – радостно крикнул солдат Трипольев.

На огромной скорости выскочили две «тридцатьчетверки». Загорелся еще один немецкий танк, на него налетел третий и потерял гусеницу. Лишь четвёртый успел удрать. наших танков тоже оказалось четыре. Пленных посадили на них и под конвоем бронетранспортёров доставили в штаб корпуса. Вскоре стало известно, что немцы подтягивают к Висле крупные силы. Наша разведка помогла принять необходимые меры и занять плацдарм, получивший название Сандомирского.

Н. Давыдов

Искра. – 1965. – 11 апр. – С. 3.

ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СИВЦЕВ

СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО

О младшем сержанте Павле Алексеевиче Сивцеве, командире автоматного-десантного отделения, я и хочу рассказать.

В конце марта 1943 года сформировался Уральский добровольческий корпус, а в конце мая отправился на фронт. Лысьвенцев, как вспоминает т. Сивцев, было более 130 человек.

26 июля батальон, в котором находился Павел Алексеевич, получил первое боевое крещение, а на другой день его бомбили с утра до вечера. Фашистские самолёты шли волнами по 60-70 машин. При бомбёжке погибли Белых, Реутов, Федосеев, Тудвасев, Палкин, Сабер и другие лысьвенцы. Получил легкое ранение Андрей Солодянкин. Александра Неворова тяжело ранили.

После бомбёжки уральцы пошли в атаку на врага и провалили линию обороны. Продвинулись километров на пятнадцать. Дошли до реки Жиздра и вступили в бой, не давая врагу опомниться. Ночью форсировали Жиздру, погнали врага дальше и заняли село.

31 июля Сивцева ранили. Вот как рассказывает об этом сам Павел Алексеевич.

– ...Это случилось на рассвете. Мы атаковали фашистов в населённом пункте. Наше отделение взяло в плен десять гитлеровцев, которых отправили к командиру батальона.

Отделение в пылу схватки оказалось в тылу врага. Меня в это время ранило осколком в спину, а пулей – в левую руку. Я свалился в покинутую немцами землянку. Помню, один солдат вытащил меня из землянки и стал оказывать помощь, но был убит. Оставшись один, я пополз в сторону своих. Немцы открыли автоматный огонь. По канаве с трудом добрался до группы солдат нашего батальона. Рассказал им о пулемётных точках немцев. Один молоденький солдат снял рубашку и перевязал меня. Вскоре его грудь пробили две фашистских пули. Но раненый, он еще принес мне воды и после этого ушёл в санчасть. Остальные солдаты группы вели бой. Я три дня находился один.

Когда меня обнаружила похоронная группа, я уже был без памяти и меня понесли хоронить. Только стон, слабый мой стон спас меня. Люди поняли, что я еще жив. Солдат и мальчишки, которые помогали хоронить убитых, отправили меня в санбат...

...После тяжелого ранения тов. Сивцев уже не смог стать в боевой строй и после долгого лечения был направлен домой.

А. Радыгин

Искра. – 1965. – 7 мая. – С. 3.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД ЛЬВОВОМ

Ишмухаметов Ахмадулла Хозеич родился в 1919 году в Лысьве в семье рабочего. Работал бухгалтером Лысьвенского горкомхоза. В 1939 году он призывается в ряды Советской Армии. На второй день Великой Отечественной войны принимает участие в боях. Воевал на Западном, Калининском, Брянском, 1-м Украинском фронтах. Был четырежды ранен, дважды тяжело. Награждён орденом Красного Знамени. На фронте в 1942 году вступил в члены КПСС. Командовал 1-м мотострелковым батальоном 29-й гвардейской мотострелковой Унечской бригады, входившей в состав гвардейского Добровольческого Уральского танкового корпуса. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 сентября 1944 года. После войны в 1945 году по болезни уволился в запас. Умер в 1952 году. Похоронен в Свердловске.

Двое суток мотострелковый батальон под командованием майора Ишмухаметова, действуя в качестве передового отряда, вел ожесточённые бои с противником на рубеже Ольшаница, Новосюлки, гора Гурка. Сломив здесь сопротивление врага, батальон преодолел и вторую полосу обороны гитлеровцев на участке Кшивица, Якторув. Итог этих боёв – уничтожено около трёхсот немецких солдат и офицеров, четыре блиндажа, три дзота, захвачено два танка, шесть пулемётов, много автоматов и винтовок.

Впереди был Львов – древний украинский город. Части 10-го гвардейского Добровольческого Уральского танкового корпуса получили приказ овладеть этим городом.

Каждый квартал, каждый дом в городе гитлеровцы превратили в опорные пункты. Из пулемётов простреливались все улицы и переулки, каждый метр земли. Но фашистский

гарнизон был обречён. Ничто не могло остановить наступление уральцев-добровольцев.

Под прикрытием танков майор Ишмухаметов первым вошел со своим батальоном на южную окраину города. Начались бои за каждый дом, за каждую улицу.

Особенно ожесточенной была схватка за трёхэтажное здание. Из подвалов, из каждого этажа, с чердака этого дома фашисты поливали весь перекрёсток шквалом свинца. Не помогла и «тридцатьчёртерка». Ее подбили фаустпатроном. Теперь танк стоял на перекрёстке, его нужно было спасать.

«Как быть? Бросить в атаку одну из рот? Но она попадет под сильный пулемётный огонь, погибнет немало людей», — думал в те минуты командир батальона.

И он нашёл выход. Ишмухаметов приказал открыть по левой стороне здания сильный пулемётный огонь, чтобы отвлечь внимание фашистов от подбитого танка. Гитлеровцы перебросили часть сил туда, полагая, что слева начнется атака. Этого и ждал майор. Он тотчас приказал двум пулемётчикам подползти под танк и уничтожить вражеский пулемёт, который держал под обстрелом танк. Двое гвардейцев сделали больше, чем приказал командир: уничтожив пулемёт, они одним рывком достигли здания и забросали подвал и первый этаж гранатами.

Пользуясь замешательством, которое возникло у противника от этих неожиданных взрывов, еще несколько автоматчиков, посланных Ишмухаметовым, бросились к зданию и проникли в него.

Через час советские солдаты овладели опорным пунктом противника, но дальше продвинуться не могли: фашисты бросили против гвардейцев танки. Четыре «пантеры» и «тигр» с автоматчиками на броне начали ожесточенный обстрел здания.

Ишмухаметова ранило в голову. Кровь залила лицо. Но он и не думал покидать поле боя. Ему наскоро сделали перевязку, и он продолжал руководить боем.

Когда вражеские танки подошли совсем близко, в ход пошли противотанковые гранаты, трофейные фаустпатроны. Вспыхнул танк. Пущенный ещё один фаустпатрон разнёс гусеницу второй «пантеры», и она завертелась на месте. Затем гвардейцы подожгли третий танк. Остальные подались обратно.

Затишье продолжалось недолго. Гитлеровцы выкатили орудия и начали бить по гвардейцам прямой наводкой. Через дворы соседних зданий гвардейцы зашли фашистским артиллеристам с тыла и уничтожили их.

Три дня продолжался бой за Львов. Он не утихал ни днём, ни ночью. И как бы ни было трудно Ахмадулла Ишмухаметов настойчиво вёл солдат на штурм вражеских опорных пунктов. Об этих днях, о героизме и отваге нашего земляка повествует «Наградной лист», подписанный командиром 10-го гвардейского Уральского Добровольческого танкового корпуса генералом Беловым.

«В уличных боях в городе Львове – читаем мы в «Наградном листе», – гвардии майор Ишмухаметов личным примером воодушевлял бойцов и офицеров батальона на захват важных опорных пунктов, показывал образцы героизма».

В боях на улицах города Львова за три дня батальон уничтожил 900 вражеских солдат и офицеров, захватил пленных 30 солдат из полка СС, одного немецкого шпиона с радиоприёмником, 10 пулемётов, один танк. В первый же день боёв в городе Львове батальон уничтожил 4 пушки, 4 танка типа «пантера» и танк типа «тигр», а также 10 пулемётных точек противника. Освобождено из плена до пяти тысяч человек.

23 июля 1944 года батальон занял центр города Львова, водрузив Красное знамя на одном из домов.

...Красное знамя – знамя нашей победы – звало уральцев на новые подвиги во имя любимой Родины.

(Очерк из сборника «Отчизны верные сыны»)

За передовую металлургию. – 1965. – 7 апр. – С. 4.

А. ЯРЫГИН

БАЛТИЙЦЫ В БИТВЕ ЗА ГОРОД ЛЕНИНГРАД

Фашисты, заняв в начале сентября 1941 года левый берег Невы, готовились к броску через реку, к завершению блокады Ленинграда. Они спали и во сне видели осуществление своего зловещего плана: удушить великий город железным кольцом блокады.

Командование Ленинградского фронта, чтобы сорвать коварный замысел врага, приказало 4-й отдельной морской бригаде сосредоточиться в районе деревень М. Манушкино, Озерки и в ночь на 25 сентября форсировать реку в районе Невской Дубровки захватить шоссе и удерживать захваченный рубеж.

В ночь на 25 сентября части морской пехоты были сосредоточены на правом берегу.

Враг периодически вел пулеметный огонь по правому берегу и освещал Неву ракетами. В первый бросок были назначены роты боцманов и юнг, многим из которых не было и 17 лет. Переправа началась. Немцы, заметив форсировавших реку матросов, открыли интенсивный артиллерийский, миномётный и пулемётный огонь. От взрывов снарядов и мин вода в Неве словно кипела.

Но никакая сила не могла остановить порывистого боевого духа моряков. Зацепившись за берег, боцманы и юнги с кличем: «За Ленинград!» За Родину!» бросились в атаку. Фашисты не выдержали стремительного натиска матросов. Разбитые и отброшенные от Невского берега, они не хотели мириться с поражением.

Получив подкрепление, немцы неоднократно переходили в контрнаступление, чтобы разбить «черных дьяволов», как звали они моряков, и сбросить их в Неву. Перед началом контрнаступления немцы вели ураганный артиллерийский и миномётный огонь. В небе появлялись вражеские бом-

бардировщики и сбрасывали десятки бомб на боевые порядки героев-моряков.

Когда пьяные эсэсовские головорезы выходили из леса, поливая из автоматов землю свинцовым дождём, матросы подпускали их на 50-60 метров, с криками «полундра!», «бей гадов!», бросались в контратаку. Противник нёс большие потери и, не выдержав дружного натиска матросов, поворачивал свои спины к десантникам и утекать на свои исходные позиции. Немцы по несколько часов подряд обстреливали и бомбили небольшой участок, по фронту до одного километра и в глубину 500-600 метров. Две тысячи снарядов и бомб в час падало на израненную землю.

В боях на «Невском пятачке» особенно отличились старшины и матросы: Ивашкевич, Белоголовцев, Соколов, Васин, юнги Перепишь, Раб, младший лейтенант Громов и многие, многие другие, грудь которых украшают ордена и медали, полученные за храбрость и отвагу.

Когда был тяжело ранен и контужен командир батальона, комсомольцу Николаю Ивашкевичу было приказано командовать батальоном. Моряки под его командованием стойко отражали атаки противника, уничтожив не одну сотню фашистских головорезов. Будучи ранен в шею осколком мины, Ивашкевич оставался на боевом посту. В одном из боев был смертельно ранен младший брат Ивашкевича. За храбрость и отвагу Ивашкевич был награждён орденом Красной Звезды. Вот что писала мать Ивашкевича из города Горького своему сыну: «Поздравляю тебя, мой дорогой орденосец, с наградой! Молодец! Гони вшивых гадов, бей их! Мсти им за гибель брата и моего любимого сына».

Славные ратные дела совершал с группой бойцов старшина первой статьи Белоголовцев, уничтожив несколько огневых точек противника и не один десяток фрицев. Матрос Соколов подвергся нападению нескольких немцев. Не потеряв самообладания, уничтожил в рукопашном бою четырех немцев, остальные позорно бежали. Младший лейтенант Громов с группой бойцов, вырвавшись вперёд, уничтожил две огневые точки противника, много автоматчиков и одного снайпера.

Более двух месяцев бригада в жестоких боях защищала отвоёванный, важный для Ленинградского фронта клочок земли. Матросы и командиры с честью выполнили приказ командующего, за что бригада получила благодарность от Военного Совета фронта.

А. Ярыгин

За передовую металлургию. – 1965. – 8 мая. – С. 3.

АННА ВАСИЛЬЕВНА КАЛИНИНА-НЕКРАСОВА

«ШЛИ ПО ВОЙНЕ ДЕВЧАТА ПОХОЖИЕ НА ПАРНЕЙ...»

Анна Васильевна Калинина-Некрасова вспоминала:

– Родилась я в хлебосольном селе Калининцы Кировской области. Кстати, более половины жителей носили фамилии, образованные от названия села. Жили дружно, помогали друг другу в сенокосную и уборочную пору. Мы с подружками мечтали стать агрономами, а я ещё думала выучиться на ветврача. Поступили в Кировский сельскохозяйственный техникум. На втором курсе нас, весь курс парней и девчонок, пригласили в военкомат и сказали: «Вы нужны фронту! Здание техникума отдано под госпиталь...».

Так, в мой 19-й день рождения, нас повезли по Тихвинской железной дороге в направлении Ленинграда. На Ленинградской прифронтной полосе нас расформировали, определили в боевые войсковые части. Я оказалась в списке моряков. Пришлось не только осваивать метание гранат и стрельбу из винтовки, но и знакомиться с азами медицины. Мы, девчата, обслуживали боевые самолёты «РАО» (было такое понятие – «ротно-аэродромное обслуживание»). Летом и осенью маскировали их ветками и листьями деревьев, зимой укрывали плетёнками из марли, сетками, делали дымовые завесы... Часто посылали в прифронтную госпиталь – помогали делать перевязки, стирали бинты. А вокруг шла бомбёжка,

снаряды разрывались на кромке Ладожского озера. На глазах умирали раненые однокурсники, парни, которым не было и девятнадцати...

Тяжело вздохнув, Анна Васильевна взяла в руки пожелтевшую фотографию:

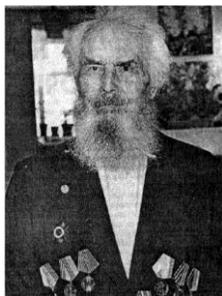
– Мне запомнился солнечный день Восьмого марта 1945 года. До окончания войны оставались считанные дни, когда командир части майор Александр Катун вручил мне и моим фронтовым подругам благодарность от Верховного Главнокомандующего Советского Союза И. В. Сталина и медаль «За отвагу и мужество при обороне Ленинграда». Тогда же каждому солдату-краснофлотцу подарили фотопортреты с дарственной надписью «За самоотверженный труд и добросовестное выполнение служебных обязанностей в дни Отечественной войны». Было много цветов, боевые сто граммов, гречневая каша, звучали вальсы «Амурские волны», «На сопках Манчжурии», песни Утёсова, Руслановой...

А. Кириллова

Искра. – 2010. – 10 апр. – С. 5.

ДОРОФЕЙ АНИСИМОВИЧ ПЕПЕЛЯЕВ

«...А Я ОСТАЮСЬ СО СВОИМ ЛЮБИМЫМ У-2»

В войну я служил в 393-м авиаполку в должности авиатехника. У нас не было ни истребителей, ни бомбардировщиков, ни тяжёлых транспортных самолётов – только маленькие У-2, позднее переименованные в ПО-2 – по имени конструктора, создавшего этот учебный биплан, – Поликарпова.

Авиаполк всегда находился на подмосковном аэродроме в Клязьме при генштабе нашей армии. Экипажи посылали туда, где планировалась крупная операция. Так, в марте 1943 года группу из четырёх экипажей У-2 направили на Курскую операцию, которую потом назвали «Курская дуга». Потом мы перелетели на 150 км западнее Курска и разместились в одной деревеньке. В мае три экипажа были отозваны в полк, а нас с пилотом Григорием Осадчуком оставили обслуживать оперативную группу, координирующую действия наших войск на Курской дуге. Вернулись мы в свой полк только в августе 1943-го.

В нашу задачу входила транспортировка офицеров связи на передовую из штабов и с фронта к месту службы, а чаще всего мы перевозили разного рода документы, пакеты-конверты с приказами, директивами вышестоящих начальников в действующие войска. Иногда приходилось возить и крупных военачальников. Структурно мы составляли боевую единицу, экипаж-пилот и авиамеханик – это был экипаж нашего боевого самолёта. А в случае, если предстояло везти какие-то документы, то на второе сиденье садился механик, чтобы в полёте следить, не летит ли за нами немецкий мессершмитт. Немцы знали: если летит У-2, то обязательно везёт или важ-

ного человека, или важнейшие бумаги, поэтому они всегда преследовали нас. Но наши ребята никогда не боялись мессершмиттов, потому что их всегда можно было обнаружить на большом расстоянии по звуку мотора, который сильно отличался от «голосов» всех других самолётов. Услышав его, наш лётчик всегда мог сманеврировать и увернуться. Маневренность У-2 была отличной, и при атаке противника ему не составляло труда увильнуть в любую сторону. Скорость у нас была 120, а у «мессера» – 550 км в час. Мы не имели права подниматься выше 100 метров, а он не имел права снижаться ниже 500 метров, в этом и было наше преимущество. Мы мгновенно могли изменить курс, и он, пролетев несколько километров, терял нас из виду, а в случае новой атаки всё повторялось снова.

Полёты иногда были длинными. Пилот рулит, а я, сделав своё дело, блаженствую на заднем сиденье. Пилот, видя это, обычно просит сменить его.

Ну как другу не помочь? Справившись о курсе или об ориентире, берёшь управление (мы ведь и этому были обучены) – сидишь и «пилишь», а друг, блаженно раскинув руки, отдыхает. Но посадку на месте назначения он, конечно, выполнял сам.

Потом он уходит с пакетом, а я остаюсь со своим любимым У-2 и в сотый раз проверяю его «здоровье». Нередко приходилось вылетать на выручку своим самолётам, если из-за неисправности пилот делал вынужденную посадку и сообщал, что сидит в таком-то квадрате и просит техпомощи. Такие случаи бывали, и не раз.

Так, в 1942 г. в глухой деревушке не то в Калужской, не то в Тульской области сел наш пилот и попросил помощи. Собрав всё необходимое, отправился на указанное место, нашёл его. Неисправность была незначительной, я быстро справился с ней, и мы собрались в обратный путь.

А около нас находились старик с огромной бородой и несколько ребятшек. Старик подошёл и говорит: «Дорогие воздушные люди, вот парнишка, у него отец где-то воюет, а мать погибла, когда здесь хозяйничали немцы. Жить ему не с кем и нечем. Возьмите его с собой...».

Я подошёл к мальчику (ему было годика четыре), спрашиваю: «Полетишь с нами в Москву?» Он согласился, я снял с себя лётную куртку, завернул его, посадил на заднее сиденье, пристегнул ремнями, и мы полетели. В полку парнишку приняли с радостью, только командование выразило недовольство – лишние заботы, которых и без того хватает...

В то время собирали всех сирот и группами отправляли на Урал и в Сибирь. Отправили и нашего «сына полка».

Был случай, когда наш пилот перевозил офицера связи на передовую и при посадке на какой-то полянке угодил в небольшую ямку, подломил шасси и правую нижнюю плоскость. Мне довелось восстанавливать их, и на помощь мне прислали солдата, знакомого со слесарным делом.

Я снимал повреждённые детали и узлы, а по утрам, когда немцы ещё спали, ко мне прилетал наш пилот, забирал поломанное и привозил исправное. В Курске были полевые мастерские, и у них были запчасти, сварка и всё, что требовалось. Потом прислали мне в помощь старичка-столяра, и он отремонтировал нижнюю плоскость. Так мы собрали наш У-2, отремонтировали.

Прилетел наш командир эскадрильи, и мы вернулись на базу. Было это в 1943 году на Курской дуге. Командир эскадрильи - он был с нами – написал на меня наградной лист и отправил в наградную службу. Я знал, что меня представили к ордену Отечественной войны II степени. Но орден я не получил, т. к. этот лист надо было подписать командиром полка, который был далеко от нас в то время.

Д. Пепеляев

Искра. – 2000. – 22 февр. - С. 1-2.

Я. ПЕРЕВОЩИКОВ

ПОД СВИСТ БОМБ

В июле 1941 года мы, курсанты второго курса военно-морского авиационно-технического училища были выпущены досрочно. В числе новоиспеченных авиамехаников по эксплуатации самолётов был и я.

С группой выпускников меня направили на Ленинградский фронт в эскадрилью, находящуюся на аэродроме под Ленинградом. Занимались подготовкой самолётов «И-16» к боевым операциям.

Лётчики, авиамеханики и мотористы работали сутками. Пилоты делали по пять-шесть вылетов в день. С линии фронта самолёты приходили часто с пробоинами. Приходилось их ремонтировать тут же, на аэродроме, под обстрелом врага и бомбёжкой. Очень много лётчиков и механиков погибло в это время.

А спустя полгода нас перебросили на Южный фронт. Был сформирован новый штурмовой авиаполк (позднее ему присвоили звание гвардейского). В этом авиаполку я воевал до конца войны.

Вспоминается лето 1942 года. Станица Майская. Немцы оккупировали Крым. Нашему штурмовому авиаполку поручили штурмовать фашистские войска, находящиеся в Крыму, и их боевые корабли в портах и в Черном море.

Как и под Ленинградом, лётчикам-штурмовикам приходилось ежедневно делать по пять-шесть вылетов в день. Снова жестокие бомбёжки, гибель товарищей.

Бывало, не успеешь заправить машину бензином и боевым снаряжением, как противник совершит налёт на аэродром, сбросит бомбы, улетит. Ты выскочишь из укрытия и, если машина цела, опять готовишь к вылету.

После, освобождения Крыма и Севастополя авиаполк перебросили в Прибалтику. Наши штурмовики бомбили корабли врага в портах Либавы, Клайпеды и Лиенаи.

Из числа лётчиков нашего авиаполка были удостоены высокого звания Героя Советского Союза Кузнецов, Тургенев, Ефимов, Благодаров, Пысин и другие. Горжусь тем, что мне довелось обслуживать машину Героя Советского Союза Кузнецова.

*Я. Перевощиков
Искра. – 1970. – 6 янв. – С. 2.*

АРСЕНИЙ ПАВЛОВИЧ НИКИТИН

ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Никитин Арсений Павлович родился в 1913 году в Лысьве. В 1930 году окончил ФЗУ и работал мастером инструментального цеха на Лысьвенском металлургическом заводе. Здесь он вступил в ряды Коммунистической партии. В 1934 году был принят в Оренбургскую школу лётчиков. Закончив её в 1937 году, получил назначение в одну из авиачастей на Дальнем Востоке. В августе 1941 года выехал на фронт и участвовал в боях под Ленинградом, Волгоградом, на Кавказе, в Прибалтике и под

Берлином. От рядового летчика прошел путь до заместителя командира 338-го бомбардировочного авиационного Рижского полка. Награждён многими орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 мая 1946 года.

* * *

«Наградный лист», составленный командиром полка Героем Советского Союза Масленниковым, подводит как бы итог боевой работы гвардии майора Никитина за годы минувшей войны. 218 боевых вылетов ночью совершил Арсений Павлович. Общая продолжительность этих вылетов составляет 2164 часа. Девяносто суток в полёте!

Около 350 тонн бомб сбросил он на голову врага. Но не только бомбы сбрасывал летчик Никитин. Он со своим экипажем разбросал над городами и селами, занятыми оккупантами, около шести миллионов листовок, в которых рассказывалась правда о положении на фронтах, в них был призыв к борьбе с фашистской коричневой чумой.

Лучший экипаж, эталон полка – таким была пятерка отважных, возглавляемая гвардии майором Никитиным. В состав экипажа входили штурман корабля Герой Советского Союза Черепнёв, техник авиационной бортовой гвардии стар-

ший техник-лейтенант Радуга, воздушный стрелок-радист гвардии старший лейтенант с Шерстенёв, воздушный стрелок гвардии старшина Поликарпов. О самом командире корабля Никитине командир полка пишет, что он отлично владел техникой пилотирования, летал в любых метеорологических условиях дня и ночи. Арсению Павловичу поручались самые ответственные и сложные задания – подсвет цели, наведение экипажей на цель, разведка погоды, фотографирование боевых порядков противника и т. п. И еще командир полка отмечал, что гвардии майор Никитин «хороший организатор, растуший командир». Арсений Павлович командовал эскадрильей, которая в полку была на первом месте по боевой работе и дисциплине. За время его командования эскадрильей совершила 1300 успешных боевых вылетов.

«Неутомимый, инициативный, энергичный командир-руководитель, – так отзывается подполковник Масленников о комэске Никитине. – Наряду с выполнением боевой работы он много вкладывает труда по подготовке молодых лётчиков и командиров кораблей, которые сейчас летают самостоятельно в сложных метеорологических условиях ночи. За умелую подготовку молодого лётного состава т. Никитин в апреле 1944 года Военным Советом премирован именными часами».

Став заместителем командира полка по лётной части, он за короткий срок подготовил восемь командиров кораблей и двенадцать лётчиков для работы в ночных условиях. Дорисовывая облик командира-лётчика Никитина, подполковник Масленников пишет в заключение, что Арсений Павлович систематически ведет воспитание личного состава в духе преданности делу Коммунистической партии и социалистической Родины.

Умелый командир и бесстрашный воздушный боец – таким знали в полку летчика Никитина. По воздушным дорогам войны он прошёл славный боевой путь. Во время вражеской блокады колыбели Октября, города Ленинграда, лётчик Никитин был в числе первых участников выполнения правительственного задания по доставке боеприпасов войскам Ленинградского фронта и продовольствия ленинградцам. Двадцать четыре раза он вылетал в Партизанский край и доставлял на-

родным мстителям оружие, боеприпасы, продовольствие. Когда советские войска начали окончательный прорыв блокады города Ленина, Никитин в сложных погодных условиях бомбит боевые порядки врага под Красным Селом и этим содействует успеху наземных частей.

А годом раньше, когда шла битва за Днепр, Никитин наносит бомбовые удары по аэродромам и войскам противника в Запорожье, Днепропетровске и других местах. Джанкой и Мелитополь, Котка и Полтава, Кишинев и Таллин, Хельсинки и Берлин – этапы боевого пути нашего земляка-героя.

Порой в очень сложные переплеты попадал экипаж Никитина. Однажды мартовской ночью сорок второго года он получил задание бомбардировать важный железнодорожный узел Джанкой. Над целью экипаж встретил сильное противодействие зенитной артиллерии противника. Ввиду сложных метеоусловий бомбометание пришлось выполнять с ограниченной высоты. При первом же заходе на цель был подбит крайний левый мотор. Но и на трех моторах Никитин совершил второй заход на цель. Прямыми попаданиями было разрушено железнодорожное полотно, возник огромный пожар на вражеских складах. Мужество и отличная боевая выучка Никитина помогли выполнить это важное задание. Экипаж благополучно возвратился на свою базу.

В другой раз экипаж Никитина получил задание разбомбить переправу через Дон в районе Малышево. И снова полёт проходил в сложных метеоусловиях. К тому же переправа врага прикрывалась сильным зенитным огнём. Но Никитин сумел прорваться к цели и с высоты всего восьмисот метров разбомбить переправу. Корабль его получил сильное повреждение, оказались пробиты бензобаки, обе покрышки колес. И все же Никитин привел израненный самолёт на свою базу.

...218 боевых вылетов Никитина – это поистине подвиг, и Золотая Звезда Героя заслуженная награда нашему земляку за его ратные дела.

*Д. Глушков
Искра. – 1964. – 1 мая. – С. 2.*

ЕВГЕНИЙ НИЛОВИЧ ИВАНОВ

БОЕВОЙ СЧЕТ КАПИТАНА ИВАНОВА

Иванов Евгений Нилович родился в 1921 году в Лысьве. В декабре 1939 года он ушёл в ряды Советской Армии. Окончил военную школу лётчиков. В составе 999-го штурмового авиационного полка участвовал в боях на Ленинградском Фронте. Командовал авиаэскадрильей штурмовиков. В полку был принят в члены КПСС. Награждён четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 3-й степени, орденами Отечественной войны 1 и 2 степеней, медалью «За оборону Ленинграда». Звание Героя Советского Союза присвоено 23 февраля 1945 года. Погиб в бою в марте 1945 года в Польше.

***

– Ура!

– Наша взяла!

Ватага ребят с гиканьем и свистом бросилась преследовать отступающего «противника» – такую же группу школьников соседнего поселка. Впереди, размахивая деревянной саблей, бежал Женька Иванов. Ноги заплетались в полах длинной шинели, лихо заломленная будёновка с кумачёвой звездой вот-вот свалится с головы. Женька, разгорячённый «боем», продолжал бежать, пока не упал, споткнувшись о торчащее из снега полено.

«Битва» выиграна! Возбуждённые победители возвращаются к дому, горячо обсуждая итоги «сражения». И кто бы тогда, глядя на раскрасневшихся ребят мог сказать, что Женька, этот неумолимый заводила детских военных игр, в будущем станет советским воздушным асом, грозой для немецко-фашистских пиратов. А именно в те далекие годы у парня складывался характер, зародилась страстная любовь к армии. Со слов отца, участника гражданской войны, и по книгам

мальчишеское воображение рисовало лихие кавалерийские атаки, непрерывный треск пулемётов, оружейную пальбу и, конечно, падающие цепи врага. И надо было видеть его радость, когда отец перешёл сыну свою старую, повидавшую виды шинель и отдал будёновку.

Лишь много позднее Евгений понял трудности и опасности военной службы, но от этого его отношение к армии не изменилось. Пожалуй, наоборот, он ещё больше полюбил профессию военного человека.

...Когда в день празднования третьей годовщины Красной Армии в семье Ивановых родился сын, отец, Нил Гаврилович шутя сказал Агриппине Семеновне:

– Ну, мать, подарила ты нового воина.

Эти, в шутку брошенные слова, со временем сбылись. Еще в 1936 году, после окончания семилетки, Евгений сделал попытку попасть в лётную школу, но не прошёл по возрасту. Тогда он подал заявление в Пермскую фельдшерскую школу и поступил в аэроклуб. С гордостью носил он гимнастёрку с голубыми петлицами и серебристыми крыльями-эмблемами на рукаве.

Окончательно его мечта осуществилась в 1939 году. Получив диплом фельдшера, Евгений поступил на учёбу в военную авиационную школу. Курсант Иванов жадно изучал технику, теорию полета, осваивал лётное дело. Через год на его петлицах появился первый «кубик»: Иванову присвоили звание младшего лейтенанта истребительной авиации. Началась война. Фронту нужны были лётчики-штурмовики, и он в учебном центре проходит переподготовку, становится штурмовиком.

Почти все суровые годы войны Евгений провел у стен Ленинграда. Здесь он совершил первый боевой вылет, здесь ковал лётное мастерство. И первая награда – Орден Отечественной войны – была им получена за отличное выполнение боевых заданий при обороне города Ленина.

Однажды пятерка «ИЛ-2» под командованием капитана Иванова получила задание уничтожить артиллерийскую батарею врага. В ходе выполнения этой задачи Иванов обнаружил колонну немецких войск, двигавшуюся по направле-

нию к фронту. Преодолев плотный зенитный огонь, штурмовики подавили огонь вражеской батареи, а затем пошли на штурмовку танков.

Вот и дорога. По ней, извиваясь, словно змея, ползла окутанная пылью колонна танков. Один за другим, пролетая на бреющем над землей, штурмовики сбрасывали бомбы, расстреливали фашистов из пушек и пулемётов. Вот вспыхнуло в одном месте пламя, потом в другом. Вскоре вся колонна перемешалась, в кювет свалилось несколько разбитых танков. С небольшой высоты было хорошо видно, как в панике гитлеровцы бежали в сторону леса, но многие тут же падали, сраженные меткими пулями.

Евгений заметил, как один из танков отполз в сторону, а потом помчался к лесу.

– Не отпускай фрица. Бей его, гада! – крикнул он стрелку-радисту.

Самолёт резко развернулся и пошел низко над землей.

– Есть! – услышал Евгений в шлемофоне голос стрелка-радиста.

Там, где только что был танк, дымилась груда металла.

Выполнив задание, штурмовики повернули домой. Вскоре снова замелькали облачки разрывов зенитных снарядов. Самолёт Иванова сильно трянуло. Евгений даже не сразу понял, что случилось. Подбитый самолёт плохо слушался управления. Глаза капитана залило кровью: осколком снаряда он был тяжело ранен в голову.

«Во что бы то ни стало дотянуть до своего аэродрома», – приказал себе капитан и, преодолевая страшную боль, направил самолёт в сторону своих.

Подраненный штурмовик перевалил линию фронта. Евгений с трудом посадил самолет на небольшой лужайке и тут же потерял сознание. Очнулся уже в госпитале.

Четыре с половиной месяца был прикован капитан к больничной койке. Врачи спасли ему жизнь, сделав сложную операцию. Остался лишь глубокий неизгладимый шрам на лбу – следы вражеского осколка. Полагали медики, что отлетелся капитан, не быть ему больше в строю. И надо было видеть радость друзей, когда Евгений возвратился в полк.

Получил капитан новенький штурмовик «ИЛ-2», и снова началась его боевая работа, полная опасности, требующая высокого мастерства. Уже 26 января 1944 года он ведёт восьмёрку «илов» на штурмовку артбатарей, поддерживает наступление стрелковых подразделений в районе южнее Сусанино. Несмотря на сплошной туман и снегопад, командир эскадрильи Иванов точно вывел восьмёрку на цель и обрушил бомбово-пушечный удар на врага. В итоге – уничтожены две батареи, склад боеприпасов и более полусотни солдат противника.

Через несколько дней в паре с младшим лейтенантом Христенко капитан ведёт разведку противника по железной дороге Луга–Псков. Он обнаружил эшелон с танками и артиллерией.

И снова «илы» сделали своё дело: преодолев завесу зенитного огня, они штурмуют эшелон, уничтожив при этом паровоз, разбив пять платформ с орудиями и танками. На другой день – 10 февраля – снова штурмовка вражеского эшелона на линии Гдов-Нарва. Вдвоём с младшим лейтенантом Задарой капитан уничтожил паровоз и 8 крытых вагонов, битком набитых гитлеровцами.

Памятным был боевой вылет 23 февраля – в день двадцать шестой годовщины Советской Армии. В паре с Задарой Евгений Иванов в сложных метеорологических условиях вёл разведку противника в районе Струги Красные. Вдруг они обнаружили на шоссе большое скопление автомашин и повозок.

– Атакуем! – коротко сказал ведущий младшему лейтенанту.

Пять заходов, пять бомбово-пушечных ударов, и на шоссе запылало пятнадцать автомашин и десять повозок. Хорошая добавка к боевому счету в день рождения Евгения, в день праздника родной армии.

В те дни Евгений скупно писал домой: «Я летаю на высоте четырехэтажного дома. Громим немцев. Они недаром прозвали нас «чёрной смертью». Я уже отомстил за старшего брата, погибшего на фронте, а теперь мщу за ваши слезы. Буду бить гадов до тех пор, пока бьётся мое сердце».

И капитан был верен своему слову, верен военной присяге. Он жил одним – жадной мести врагу за горе и слёзы советских людей. Командир полка майор Горохов, представляя в сентябре 1944 года капитана Иванова к высшей воинской награде – званию Героя Советского Союза, писал:

«Умелые штурмовые действия Иванова широко известны войскам Ленинградского фронта, чьи наступательные действия он отлично прикрывал с воздуха. Они известны и жителям города Ленинграда, чьи жизни он спасал от варварских обстрелов немцев в суровые дни блокады...».

Родина высоко оценила ратный подвиг Евгения Иванова и его боевых товарищей. В день всенародного праздника – в двадцать седьмую годовщину Советской Армии – трём храбрейшим из храбрых летчиков штурмовой Красносельской Краснознамённой ордена Суворова и Кутузова авиадивизии капитанам Евгению Иванову, Василию Мыхлынину и старшему лейтенанту Евгению Кунгурцеву были присвоены звания Героев Советского Союза. Друзья от чистого сердца поздравляли товарищей с высокой наградой, а Евгения Иванова особенно горячо: он был именинником, ему исполнилось в этот день двадцать четыре года.

...Победным маршем советские войска двигались на Запад. Штурмовой полк, в котором служил капитан Иванов, участвовал в освобождении Эстонии, Латвии и Литвы, в битве за Кенигсберг. Близка была долгожданная победа, но обречённый на гибель враг все еще оказывал ожесточённое сопротивление.

19 марта 1945 года для Евгения и его стрелка-радиста Королёва выдалось особенно трудным и закончилось трагически. Не успевали они отдохнуть, как вместе с другими снова и снова поднимались в воздух. Наземные части вели беспрерывные бои и постоянно нуждались в поддержке авиации. В девятый раз Евгений повел в тот день самолеты на штурмовку врага. Неожиданно налетела большая группа фашистских истребителей. За штурмовиком Иванова они устроили настоящую охоту. Им удалось отколоть его от боевого порядка и, воспользовавшись этим, обрушить весь огонь на капитана. Самолет вспыхнул, управление больше не работало. Евгений

попытался приподняться, но острая боль в голове не давала даже пошевелиться.

– Прощайте, друзья! Не оставляйте на земле ни одного фашиста!– услышали лётчики последние слова капитана.

Штурмовик врезался в землю. Это было в тылу врага неподалеку от города Орнеты.

Через три дня город заняли советские войска. Самолет откопали, а останки Героя Советского Союза Евгения Иванова и стрелка-радиста Королева похоронили на окраине города. На земле братской Польши и покоится прах нашего отважного летчика-героя.

За передовую металлургию. – 1965. – 20 марта. – С. 1-2

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ОБОРИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. В. ОБОРИН – НАШ ЗЕМЛЯК

Летом 1944 года Советская Армия продолжала великое наступление. Ожесточенные бои шли на левом берегу Вислы за Сандомирский плацдарм. Не утихала битва и в воздухе. Здесь и совершил свой последний подвиг летчик-истребитель Александр Васильевич Оборин.

Авиационный полк, которым командовал подполковник А. В. Оборин, не выходил из боев. 7 августа, как всегда, А. В. Оборин сам повел истребителей в бой. Вот он сбил немецкий самолет и продолжает полет. Но в воздухе снова появились немцы. Опять бой. У командира закончился боекомплект, и тогда Александр Васильевич решился на лобовой таран. Два истребителя – советский и немецкий – столкнулись в воздухе.

У А. В. Оборина это был второй таран. Первый он совершил во время сталинградской битвы.

С июля 1941 года Александр Васильевич участвовал в боях Великой Отечественной войны. На его счету 283 боевых

вылета, тринадцать лично им сбитых самолетов врага и столько же в группе. Орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды награжден этот воздушный витязь. 10 апреля 1945 года Родина присвоила ему звание Героя Советского Союза.

Родился Александр Васильевич Оборин в 1908 году в Нытве. В 1927–1929 годах он работал машинистом в листопркатном цехе Лысьвенского металлургического завода.

Н. Суслов

Искра. – 1971. – 22 июня. – С. 1

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДЕСАНТНИКОВ В ТЫЛУ ВРАГА

ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ ШАВШУКОВ

ПОД КУПОЛОМ ПАРАШЮТА

В годы Великой Отечественной войны достойный вклад в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков внесли воздушно-десантные войска. Немало героических подвигов совершено десантниками – смелыми и мужественными защитниками социалистической Отчизны. Среди них был и Григорий Ефимович Шавшук. Он участвовал в боях с врагом в составе 4-го воздушно-десантного корпуса.

Начало января 1942 года отмечалось сильными морозами, бешеными метелями, которые перетаскивали с одного места на другое огромное количество снега. Пурга начиналась внезапно и также неожиданно кончалась.

Немецко-фашистские войска, потерпев крупное поражение под Москвой, откатывались в направлении Смоленска, оставляя за собой изуродованную технику, искалеченные и примерзшие к земле трупы, огромное количество раненых, погибавших от холода и запоздалой медицинской помощи.

Немцы, отступая, строго придерживались дорог, сметая на пути свои же тыловые части и подразделения, создавая хаос и панику. Они панически цеплялись за населённые пункты и с остервенением обречённых дрались за них.

В те дни главный удар наши войска сосредоточили по группе сил немецкой армии «Центр». Её разгром предполагалось осуществить усилиями Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путём двухстороннего охвата с последующим окружением и уничтожением основных сил противника в районе Ржева, Вязьмы, Смоленска.

Нужно было еще больше дезорганизовать тылы врага, и командир 8-й воздушно-десантной бригады полковник Ануф-

риев в начале января 1942 года получает приказ на десантирование.

Вечером командир батальона 8-й воздушно-десантной бригады майор Ковец, штаб которого размещался в деревне Жашково, вызвал взвод десантников лейтенанта Григория Шавшукова, чтобы провести предполётный инструктаж.

Когда всё было уточнено и обговорено, командир батальона добавил:

– Первый эшелон десантников на двенадцати самолётах уже ушел в тыл врага. Возвратившись, самолёты заберут вас, составляющих второй эшелон. Вам надлежит неотлучно находиться на аэродроме.

...Двенадцать часов ночи. Мороз крепчал и пронизывал, что называется, до костей. Обогреться бегали в единственно стоявший рядом с аэродромом домик, но задерживались в нём не более десяти минут каждый, чтобы дать возможность проделать то же самое своему товарищу.

Во второй половине ночи стали возвращаться самолёты. И как только приземлилась последняя машина, аэродром подвергся воздушной бомбардировке. Как выяснилось позднее, к нашим самолётам, возвращавшимся из тыла противника, подстроились в пути два немецких, которые, выждав посадку последнего, обрушились на аэродром.

Вылет десанта был отменен. Наши самолёты быстро поднялись в воздух и улетели на основной аэродром, незамедлительно сообщив командованию о возможном повторении преследования.

К концу второго дня снова прилетели десантные самолёты. И не успели бойцы в них разместиться, как на аэродром вновь обрушились фашистские бомбардировщики.

Утром третьего дня мела позёмка, мороз крепчал. Часов в десять снова началась посадка. В самолёт Григорий зашёл первым. Вскоре машину затрясло и он почувствовал, как самолёт, сделав пробежку, легко и плавно оторвался от земли.

Григорий глянул в иллюминатор. Внизу виднелись леса и деревни, от которых длинным шлейфом тянулись кривые нити дорог, заполненные войсками.

Неожиданно несколько снарядов разорвались недалеко от самолёта. Струи трассирующих пуль, не достав транспорт, огненным дождём возвращались на землю. Белые вспышки разорвавшихся снарядов участились.

Самолёт вздрогнул. Григорий видел, как упал, обливаясь кровью, горьковчанин Сергей Быков, схватился за раненное плечо Чернышёв. Но вскоре вспышки снарядов и трассы пуль стали отставать: линия фронта осталась позади.

Монотонный гул моторов успокаивал. Григорий вспомнил первый день войны. В Лысьве тогда был массовый выезд в лес. Григорий Ефимович, директор средней школы, вместе со своим учительским коллективом был тоже в лесу. Много пели, смеялись, играли в волейбол. Во второй половине дня усталые и возбуждённые возвращались домой. Весёлое настроение не покидало молодежь, входившую в город. Однако почему-то все горожане, идущие навстречу, смотрят на них как-то холодно и осуждающе, а проходившая мимо пожилая женщина сердито бросила:

– Что смеётесь? Горю рады?

– Какому горю, что вы тётя?

– Германец пошёл на нас войной, – сухо сказала она и пошла, не оглядываясь.

Весёлое настроение как рукой сняло, а на второй день Григорий пришёл в горвоенкомат и попросил направить его на фронт.

Усталый от недосыпания, военный комиссар Деянов, взяв заявление, сказал:

– Вы не первый с такой просьбой обращаетесь. Но ведь нельзя всех сразу направить.

Ночь на 8 июля Григорий спал плохо, много курил. «Какой же я учитель, если не мог убедить военкома в необходимости направления на фронт».

После завтрака Григорий остановился перед зеркалом, ещё раз осмотрел себя.

– Ты куда, Гриша, опять в военкомат? – спросила мать.

– Нет. Иду в горком партии получать партийный билет.

– Поздравляю.

– Спасибо, мама.

Секретарь горкома партии после вручения партийного билета долго беседовал с Григорием. Видя, что тот упорно настаивает на отправке на фронт, сказал:

– Ну и настойчивый ты. Ладно, пусть будет по-твоему. А кому школу?

– Об этом я уже договорился с заведующим горно...

– Вы что, задремали? – услышал Григорий голос второго пилота. – Подходим к месту высадки.

Открыли люки, подтащили мешки с грузом. Парашютисты встали в затылок друг другу. Вспыхнула лампочка.

– За мной! – скомандовал Григорий и, оттолкнувшись, скрылся под самолётом.

Через несколько секунд раздался хлопок, Григория встряхнуло. На душе стало легко. Рядом опускались его товарищи. Внизу чернел лес и на опушке его виднелись несколько домов. Ветер неровно дёргал парашют, свистел в натянутых стропях.

Григорий держал автомат в боевом положении. Приземлился в полукилометре от деревни. Собрал парашют, закопал в снег и направился к опушке. В лесу только развернул карту, как услышал треск сломанных сучьев. Укрывшись за елью, он увидел бегущего к нему мальчишку лет двенадцати.

– Дядя, я следил, как вы спускались с парашютом.

– Как тебя зовут?

– Коля.

– А как называется твоя деревня?

– Клетки.

Мальчик оказался очень смышленным. Он рассказал, в каких местах находятся партизаны и где расположились немцы.

Тем временем подошли еще шесть десантников. Шавшуков отдал приказ:

– Идём все вглубь леса. Фролов пойдет впереди, а Залятин прикроет с тыла.

Идти пришлось недолго. На одной из полян заметили группу людей.

– Окружаем. Не стрелять и ни одного не упускать.

– Руки вверх! Не двигаться, стрелять буду! – крикнул Фролов.

– Что ты так громко кричишь, – ответил мужчина, поднимая руки.

Подошли ближе. На дереве, зацепившись стропами, висел наш парашютист. Местные жители пытались вызволить его из лесного плена.

Познакомились. На душе стало теплее: как-никак встретили своих. Среди них был политрук Осинов родом из Пензы, вырвавшийся из окружения, рядовой Емельянов из Свердловска, жена офицера Тамара Ивановна, эвакуированная из Киева.

– Старосты в деревнях наши люди? – спросил Шавшуков Осипова.

– Трудно сказать. Все они поставлены немцами.

– Завтра в десять часов вечера собрать всех старост. Предлог сбора придумайте сами.

Остановиться решили в доме Тамары Ивановны. Домик ее на долгое время стал, своего рода, штабом. Вечером следующего дня в нём были собраны старосты окрестных деревень. Не зная для чего вызвали, они воровато озирались, часто выходили «до ветру»; смотрели настороженно-выжидающе.

Вошел Шавшуков. Старосты встали, сняли шапки.

– Я вас собрал вот зачем. Каждый вечер в десятом часу будете приходить сюда сами и докладывать, кто находится в деревне – немцы или русские, сколько их, где размещаются, что имеют при себе из оружия. Словом, все и подробно. Докладывать будете мне. В случае моего отсутствия – вот товарищу Осипову. Всё ясно?

Старосты молчали.

– Одно не могу понять, – заговорил мужик с рыжей бородой. – Ну, о немцах сообщать понятно. А зачем же о русских докладывать? Вы, случаем, не третью сторону представляете? Вы ничего о себе не сказали...

– После войны разберёмся, а сейчас делайте то, что сказал, – отрезал Григорий.

Старосты стали собираться. Григорий остановил их.

– Это ещё не всё. Завтра утром выделите по пять человек. Во главе их стоять будет наш человек. Надо собрать и запрятать парашюты.

После ухода старост Григорий встречал своих десантников. Собралось 26 человек. Узнав о них, потянулись солдаты, сержанты, офицеры, скрывавшиеся в деревнях и лесах. Их набралось тоже человек 35–40.

В одну из ночей Григорий повёл сформированный им отряд на сборный пункт. Полковник приветливо встретил Григория Ефимовича и его людей.

– Слышал, слышал о вас, товарищ лейтенант, – заговорил полковник после доклада Григория. – От всего сердца спасибо! А сейчас принимайте роту и получайте задачу: овладеть деревней Никулино, а затем вместе со второй ротой ударить на Асташево.

Днём разведка донесла, что немцы очищают снег до самой земли, делают дорогу. К деревне Никулино идут танки и две машины с солдатами.

Сигнал тревоги. Две группы залегли, седлая дорогу.

Танк шел впереди. Ствол орудия то высоко задирался вверх, то скрывался за сугробами. Позади неотступно следовали две машины.

Немецкий танк поравнялся с первой группой. Григорий боялся, что кто-нибудь из бойцов не выдержит и откроет огонь, тогда пропало все. Но стояла мёртвая тишина.

Танк подошёл к другой группе, а машины поравнялись с первой. Связка гранат, а вслед за нею бутылки с горючей смесью полетели на врага. Танк вздрогнул, опустил ствол, покрылся едким чёрным дымом.

Короткий бой, и немцы были уничтожены.

Перегруппировав силы, установив связь с командиром второй роты, Григорий повел наступление на Асташево. С противоположной стороны наступали основные силы бригады. К концу дня она была в руках десантников.

Тяжелый бой развернулся за деревню Мармово. Немцы отчаянно сопротивлялись, стреляли из окон, с чердаков. Но бойцы огнём выковыривали их из насиженных мест.

Стало известно, что немцы накапливают силы для нанесения удара по бригаде. Командование приняло решение отступить в глубь леса. Шавшуков получил задачу оседлать дороги, идущие в деревню Мармово, и прикрыть отход бригады.

Передав роту командиру первого взвода, Григорий с группой солдат выехал на лошади, запряженной в сани, за деревню Мармово, провёл разведку и наметил расположение взводов и огневых средств. Всю ночь оборудовали огневые позиции.

Утром фашисты по двум дорогам, сходящимся у села, пошли в наступление. На этот раз шли осторожно. И как только немцы вытянулись на одной общей дороге, Григорий Ефимович подал сигнал.

Головной танк был подорван. Следовавший за ним решил обойти его, но утонул в снегу. По хвосту колонны десантники ударили зажигательными пулями, машины загорелись. Началось смятение. Немцы пытались бежать по снегу, но их настигали меткие пули партизан. Рота Шавшукова, отвлекая на себя противника, помогла бригаде десантников уйти в глубь леса.

Присутствие десантников воодушевило советских людей, находящихся на временно оккупированной немцами территории, окрылило надеждой на победу. Многие с оружием в руках шли в партизанские отряды.

Исключительную смелость и отвагу проявили школьники. Это они приносили припрятанные ими же автоматы и винтовки, патроны, показывали места, где находились брошенные орудия, боеприпасы, техника. Они были незаменимыми разведчиками, проникавшими, в населенные пункты, занятые немцами, в дома, где размещались фашисты.

От рук десантников и партизан летели под откос эшелоны с немецкой техникой и живой силой, взлетали в воздух склады боеприпасов. День и ночь шла борьба, борьба решительная и беспощадная.

Однажды Григорий Шавшуков выслал сержанта Караулова и двух бойцов в разведку. Наскочив на немецкую засаду, они вступили в бой, в котором оба бойца были ранены. Сержант на себе принес их к своим.

Разведчики узнали, что в деревне находится до тридцати немцев. Фашисты проводили учёт всех мужчин призывного возраста и готовили их к отправке в Германию. Лейтенант Шавшуков немедленно доложил командиру батальона.

– Собрать всех командиров,– отдал тот распоряжение начальнику штаба.

Через час в штаб собрались командиры

Майор Ковец кратко доложил обстановку и свой план спасения людей от угона в немецкое рабство, захвата населённого пункта, который явится опорной базой в последующем наступлении на село Дягилево.

На рассвете десантники подошли к деревне, группами блокировали дома, в которых находились немцы.

Шипя и свистя, взлетела в ночную тьму ракета. Минута, и все немецкие часовые были сняты. В окна домов полетели гранаты, и полился свинцовый дождь.

Бой длился около двух часов, в котором были уничтожены десятки немецких оккупантов, захвачены две автомашины и много имущества. Самое главное – спасли советских людей от неволи.

Еще кое-где слышались выстрелы по появляющимся немцам, а жители села от мала до велика высыпали на улицу. Их глаза светились радостью, у многих по щекам текли слезы.

Двигаясь в направлении к Вязьме, десантники встречали десятки опустошенных деревень, следы чудовищного зверства гитлеровских извергов. На окраине одной из них бойцы увидели изуродованный труп десантника. Жители рассказали, что захваченного десантника немцы избили до полусмерти. Не довольствуясь этим, обмотали голову провололочной петлей, а второй конец привязали к танку и волокли по улице.

Ведя бой за следующую деревню, десантники овладели двумя, непонятно как уцелевшими домиками, стоявшими за селом. По всей видимости, немцы не успели поджечь их, убегая от наседавших на них воинов.

Воины вошли в один из них. На полу лежали трупы женщин и детей. Трупы оказались и в подполье. В темном углу за кадкой с отрубями сидел ребенок в коротком пальтишке с синем-мертвым лицом. Поначалу бойцам показалось, что это застывший детский труп, но только открытые глаза и слабый блеск в них свидетельствовали о жизни.

– Как тебя звать? – спросил боец, присев на корточки.

Ребенок молчал и не двигался. Кто-то из бойцов дал ему большой кусок сахара. Ребенок долго смотрел в глаза бойцов, пугливо озираясь по сторонам, недоверчиво рассматривая белый сахар, а затем поднес его к губам и, придерживая обеими грязными ручонками, начал жадно есть.

Многие бойцы отвернулись, смахивая непрошенные слезы.

– Как же тебя зовут?

– Мама, – промолвил ребёнок, отнимая одну руку от сахара и показывая на ближайший труп женщины, волосы которой веером расстилались по полу.

В дом вбежал старик и две женщины. Бойцы расступились. Старик быстро подошёл к ребенку, взял его на руки, крепко прижал к груди и молча вышел.

Женщины утирали слёзы фартуком, рассказывали, что немцы, отступая, расстреляли ни в чем неповинных жителей.

До боли в суставах сжимали оружие бойцы. Ненависть, лютая ненависть к врагу двигала их вперед, заставляла их спешить на помощь советским людям, попавшим в беду.

Между боями партизаны эвакуировали тяжелораненых, пополняли запасы продовольствия, вели разведку.

По данным разведки в районном центре Семлево, расположенном в 25 километрах от железнодорожной станции, сосредоточился карательный отряд немцев. Захват этого села был необходим партизанам еще и для того, чтобы потом контролировать железную дорогу и прикрывать на флангах конницу Белова.

Задачу на бой вместе со всеми командирами лейтенант Шавшуков получил с вечера. К рассвету десантная бригада подошла к селу Семлево и залегла. Село расположилось внизу, в лощине, окружённое лесами попеременно с полями.

Пользуясь утренней темнотой, рота Шавшукова преодолела поле. Дальше пологая низменность вела к селу. Метрах в ста-ста пятидесяти стояло несколько домиков. Бойцы бесшумно ползли к ним,

Григорий вместе с лейтенантом-летчиком, прыгнувшим с охваченного пламенем самолета, лежали за редкими кустами. До домиков оставались считанные метры.

Когда взвилась ракета, бойцы поднялись в атаку. В это время из домов немцы открыли кинжальный огонь. Все залегли. Через некоторое время огонь немного стал стихать. Снова атака, и опять огонь прижимает к снегу.

Григорий заметил небольшую лощину, которая тянулась к одному из домов. Держа в правой руке автомат, зарываясь в снег, он медленно пополз вперед. В это время разрывная пуля ударила в правую лопатку. Закружилась, завертелась ограда вместе с домиком, все быстрее и быстрее. Шум боя внезапно оборвался. Очнулся – правая рука не работает. Тошнило. Хотелось спать. Много потеряно крови. Из ближайших домов немцы, издеваясь, кричали: «Эй, рус, иди погрейся!».

«Что делать? – думал Григорий. – Продолжать лежать – пагубно: истеку кровью, замерзну. Если пойдут немцы в атаку – захватят в плен».

Решил выползть. Работала только левая рука. С трудом преодолел метров пятнадцать. По нему ударил пулемёт очередью.

Выход один – делать короткие броски. Собрав силы, делал рывок, после чего падал, словно убитый. От невыносимой боли на миг терял сознание. Отдыхал, и снова рывок со смертельно-болезненным падением. Вскоре преследующие очереди прекратились, но Григорий ещё долго продолжал такие перебежки.

Когда упал в свежую, пахнущую едким дымом воронку, вслед за ним скатился лейтенант-лётчик.

– Что, ранен? – спросил он.

- Да.

Лётчик перетянул ему грудь ремнём, хотел было помочь дойти до командного пункта, но Шавшуков приказал командовать ротой.

Вполз на поле. Санитар помог выйти из огня.

Лейтенант Шавшуков, поддерживаемый, санитаром, пошел к командному пункту. Собрав последние силы, пытался доложить обстановку.

– Не надо, не надо, – мягко прервал его полковник Онуфриев. – Мы с генералом Беловым всё знаем. Ваша рота первая ворвалась в село.

Ночью партизаны перевезли Григория в Сергеево, а от туда перебросили на Большую землю.

В июне 1942 года десантники при поддержке наших передовых частей сделали прорыв в немецкой обороне, вышли из тыла и соединились с частями Советской Армии.

Н. Ефимов

Искра. – 1970. – 19 нояб. – С. 3; – 21 нояб. – С. 3.;

– 24 нояб. – С. 2.; 26 нояб. – С. 3.

М. ПЕРМЯКОВ

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

1. Пусть ярость благородная

Несколько месяцев учебы в пехотном училище остались позади. Наконец-то осуществится наша мечта и мы отправимся на фронт. Поедем туда, где рвутся снаряды и бомбы, свистят пули. Мы знали, что там гибнут люди, но не задумывались о жизни и смерти. Нас, молодых лейтенантов, звало в бой горячее желание во что бы то ни стало разгромить фашистскую орду, спасти Родину от нашествия коричневой чумы. Гнев за то, что враг топчет нашу землю, жег сердца, и не случайно в те дни мы пели в один голос: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...». К тому же только что одержанная победа под Москвой воодушевляла на ратные дела. Сокрушительный удар, нанесенный Красной Армией по фашистам на полях Подмосковья, навсегда развеял легенду о непобедимости гитлеровской армии.

Направление в 8-ю воздушно-десантную бригаду я встретил с каким-то непонятным чувством. Мне хотелось на фронт, а бригада стояла в Москве. В то же время была надежда попасть сразу в самую гущу событий, ведь десантники для того и предназначены, чтобы их забрасывать в тыл врага.

– Товарищ полковник, – доложил я командиру бригады Ануфриеву, – лейтенант Пермяков прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы. И тут же добавил: – Прошу, товарищ полковник, направить на фронт.

– Обязательно направим, – от усталых глаз Ануфриева на какой-то миг разбежались веселые лучики. Однако, тут же снова став серьезным, он продолжал: – Примешь в четвёртом батальоне взвод, а после подготовки отправимся на оккупированную врагом территорию. Там партизаны дадут немцам жару, а мы еще огоньку добавим. В общем, об этом более подробно поговорим в другой раз, а сейчас иди в батальон.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Командир батальона майор Горьков познакомил меня со взводом. В нём оказались совсем еще молодые ребята Горьковской и Рязанской областей. Как и я, они ещё не «нюхали пороха», но готовы были пойти на выполнение любого задания.

Возможность показать своё мужество вскоре представилась. Глубокой февральской ночью 1942 года мы заняли места в самолёте. Не скрою, нервное напряжение почти у всех было очень даже заметно. Большинство в самолёте-то летело впервые, а тут еще надо пересечь линию фронта. Невольно станешь волноваться. Даже весёлые в другое время шутки тут не достигали цели, а поэтому все сидели молча или смотрели в иллюминаторы на покрытую белым покрывалом едва видимую землю.

Самолёт в это время, миновав Подольск и Наро-Фоминск, приближался к передовым позициям. Неожиданно прожекторы схватили нас в клещи, а по сторонам засверкали разрывы зенитных снарядов. Однако пилот оказался опытным и сумел быстро вырвать машину из ярких лучей прожекторов.

Вот и нужный нам район. Об этом мы поняли по вспыхнувшей табличке «Приготовиться!». Как мы раньше договорились с командиром экипажа, десантирование производили в три захода, что сулило более кучное приземление. Попрощавшись с лётчиками, я натянул на голову капюшон белого маскировочного халата и последним провалился в темноту ночи.

К рассвету весь взвод собрался вместе, а к вечеру разыскали штаб батальона.

2. Операция «Лесозавод»

Миновало почти два месяца, проведённых в тылу врага. За это время батальон уничтожил немало немецких захватчиков.

В конце марта мы пробирались лесами к автомагистрали Москва–Варшава. Разведчики, всегда следовавшие далеко впереди, доложили майору Горькову, что натолкнулись на большой лесозавод, восстановленный гитлеровцами. Завод, по-видимому, обеспечивает пиломатериалами и лесом строителей дотов и ремонтников дорог.

Командир батальона собрал офицеров.

– Завод этот, – сказал комбат, – охраняется немцами здорово да еще обнесён лесным завалом. И все-таки мы должны его уничтожить.

Ориентируясь по карте, он поставил задачу каждому взводу. Мне поручил наступать с юго-востока на часть посёлка, которая была отделена небольшой речушкой.

К назначенному времени все незаметно вышли на исходные рубежи. И как только в небо, взвилась ракета, парашютисты-десантники бросились на штурм.

Для немцев это нападение оказалось столь неожиданным, что они сначала даже растерялись, но уже вскоре заняли огневые точки и оказали серьёзное сопротивление.

Почти четыре часа продолжался бой. Немногим гитлеровцам удалось вырваться из окружения и скрыться в лесу. Когда сопротивление окончательно прекратилось, мы насчитали на территории завода 165 трупов гитлеровцев.

Вскоре батальон, захватив раненых товарищей, уходил дальше, а позади высоко в небо взвивались языки пламени. Это горел подожжённый нами лесозавод.

3. Прикрывая батальон

Парашютисты и партизаны основательно дезорганизовали немецкие тылы. Гитлеровское командование было вынуждено бросить против советских патриотов несколько дивизий, в том числе две танковые. Под их натиском мы вынуждены были отходить на северо-запад в сторону Дорогобужа.

От непрерывных боёв люди крайне устали, к тому же приходилось на своих плечах уносить раненых и больных,

оружие и боеприпасы. Бойцы едва переставляли ноги, а на пятки нам наседали фашистские танки и пехота.

В один из таких дней меня вызвал комбат.

– Вот что, лейтенант. Дальше так идти мы не можем, надо обязательно где-то укрыть раненых товарищей. Поручаю твоему взводу остановить и задержать немцев, а в это время мы где-либо устроим раненых. Сколько человек у тебя осталось во взводе?

– Четырнадцать. Есть два противотанковых ружья, двадцать восемь патронов к ним и один ручной пулемет.

– Маловато, и все же людьми помочь не могу. Дам тебе пару десятков ручных гранат, усиленных толовыми шашками. Пригодятся для борьбы с танками. Надеюсь на тебя, Самсоныч.

Собрав остатки взвода, я объяснил задачу. Не откладывая, приступили к рытью окопов на опушке густого леса. Перед нами расстиралось большое поле, а еще дальше, в лесу, шли немцы.

Время подходило к середине дня, когда мокрые от пота бойцы закончили оборудование ровиков, замаскировали их, приготовили оружие и гранаты. И почти тогда же донесся сначала слабый, а потом все усиливающийся гул. Сомнений не могло быть, приближаются танки.

– Огонь без моей команды не открывать, боеприпасы беречь, – предупредил я солдат.

Вскоре один за другим вышли из лесу четыре танка. Они тащили за собой санные волокуши с автоматчиками. Вероятно, никто из немцев не думал о засаде, а поэтому многие курили и о чём-то оживленно разговаривали.

Мы все с тревогой следили за приближающимися стальными громадами.

– Товарищ лейтенант, танки уже совсем близко, – донёсся голос сержанта Жукова. Прижав к плечу приклад противотанкового ружья, он не сводил глаз с передней машины.

– Не спеши, – остановил я бронейщика, а когда осталось метров триста, крикнул: – Огонь!

Бронейные пули противотанковых ружей глухо ударились, не причинив машинам никакого вреда. Зато пулемётчик и автоматчики сразили несколько немцев, сидевших на волокушах. Оставшиеся в живых поспешили укрыться.

Передний танк почему-то свернул с дороги. Это обошлось ему дорого: пуля попала в моторный отсек, произошёл взрыв, к небу взметнулся столб черного дыма.

Только теперь танкисты разглядели наши позиции, открыли по ним артиллерийский и пулемётный огонь. К ним присоединились автоматчики. Наш небольшой участок обороны покрылся густой сетью взрывов, дождь пуль и осколков не давал поднять головы. Туда, где только что находились сержант Жуков и его напарник, произошло прямое попадание снаряда. Исковерканный ствол противотанкового ружья упал недалеко от моего ровика.

В тот же миг другой бронейщик подбил второй вражеский танк, на нем вспыхнул новый костёр. Две оставшихся машины зашли с флангов. Теперь им стало удобнее бить по окопам из крупнокалиберных пулемётов.

Вот замолчало и наше второе противотанковое ружье, бойцов становилось всё меньше и меньше, сопротивление слабело. И когда казалось, что в живых никого не осталось, из окна поднялся во весь рост боец и бросил связку гранат в заднюю часть танка. Солдат тут же упал, сражённый пулей, но и танк замер навсегда.

В живых остались двое – я и пулемётчик Егоров, расстрелявший полностью диски. Ни одного патрона не осталось и в моём автомате. Дальнейшее сопротивление было бесполезно.

Не знаю каким чудом, но нам с Егоровым удалось выползти из этого пекла и уйти в глубь леса. Только теперь заметили, что на землю опустились сумерки.

Батальон мы догнали к вечеру следующего дня. Оказывается, нас тоже считали погибшими, старшина даже поспешил снять с довольствия.

Задачу, поставленную перед нами, взвод выполнил. Только эта победа была завоевана жизнью двенадцати молодых и храбрых ребят, смело принявших бой с четырьмя танками и пехотой.

М. Пермяков

Искра. – 1971. – 16 янв. – С. 3; 19 янв. – С. 3

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ

Ленинград... Когда слышу это слово, в моем представлении вырисовываются заиндевелые здания с выбитыми стеклами, руины, противотанковые ежи, окопы и люди, похожие на ходячие скелеты, при виде которых даже закаленные воины плакали от жалости. Таким был Ленинград в годы войны – многострадальный, но непокорный. Иначе и быть не могло.

Бои за освобождение Ленинграда от блокады начались еще в январе 1943 года. Ровно в 6 часов утра началась артподготовка. Батальон, которым я командовал, пошёл в наступление.

В разгоревшемся сражении нам очень помогли новые в то время танки – Т-34. Они оказались очень маневренными, обладали высокой проходимостью, огневой мощью и не шли ни в какое сравнение с дрянными английскими танками, которые у нас были до этого.

В результате многодневных боев кольцо блокады оказалось прорванным. Наши сапёрные части вдоль Ладожского озера проложили временную железную дорогу на Ленинград, и по ночам туда шли эшелоны с продуктами, а обратно везли раненых. Раньше это делалось по льду озера.

Блокада была только прорвана, но не ликвидирована. Фашисты еще хозяйничали в Новгороде и Вологде, продолжали бомбить Ленинград. К полной ликвидации блокады наши войска готовились весь 1943 год. То там, то тут вспыхивали бои местного значения – нащупывались слабые места в фашистской обороне, активно действовала разведка.

Не могу без улыбки вспомнить об одном из разведчиков своего батальона – солдате Орлове. Родом он был не то из Ярославской, не то из Горьковской области. Это был пройдоха в самом хорошем смысле слова. Смелый и ловкий, Орлов очень любил ходить в разведку и редко возвращался без «языка». Однажды обращается ко мне среди белого дня:

– Разрешите, товарищ майор, сейчас сходить к немцам за «языком»?

– Ты что обалдел? Жить надоело?

Я долго не соглашался. Наконец, Орлов меня уговорил, отдал все документы и оружие, взял с собой только нож да товарища – такого же сорвиголову. Ровно в 12 часов дня, когда немцы обедали, они оба выскочили из окопа и, подняв руки, пошли к фашистам «сдаваться».

Мы, затаив дыхание, следили, как наши ребята, преодолев тридцатиметровую нейтральную полосу, приблизились к окопам гитлеровцев.

Фашисты не стреляли, навстречу им из блиндажа вышел солдат, что-то спросил знаками, скрылся, а потом появился офицер. И вот Орлов своими покорно поднятыми руками в мгновение ока сгреб фашиста за шиворот, перекинул, как мешок, себе на спину и бросился к нашим траншеям. Пока гитлеровцы опомнились от такой дерзости, разведчик был уже у своих.

Пленный оказался важной птицей. Орлов получил орден Боевого Красного Знамени.

Зимой начались бои по ликвидации блокады. Наш батальон очищал от немцев Новгородскую землю.

*Н. Богацкий
Искра. – 1964. – 26 янв.*

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ, ИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ВОТИНОВ

ОН БЫЛ РАЗВЕДЧИКОМ

Особые штрихи воспоминаний Алексея Петровича Вотинова ложатся на годы Великой Отечественной войны.

В конце 1942 года по приказу Верховного Главнокомандующего 65 лысьвенцев взяли в десантные войска и привезли под Москву в город Киржач.

Стояли там в землянках, но вскоре пришёл военный в чине лейтенанта и спросил, есть ли желающие служить в разведке. Вызвались семь лысьвенцев – Суходоев, Булычёв, Бурылов, Некрасов, Арефин, Стародумов и Вотинов. С месяц их обучали навыкам разведчика, прыжкам с парашютом, а в январе 43-го бросили на Северо-Западный фронт.

Здесь, под Старой Руссой, разведчикам пришлось принять первое боевое крещение. Взвод разведки в составе 25 человек в два часа ночи вышел на задание в район деревень Козлово, Ануфриево. Оборона немцев была сильно укреплена, подходы заминированы. Шли речкой, и здесь, на чистом месте, немцы открыли по ним пулемётный огонь. Кто живой, кто убитый упали на лёд. «Слава Богу, не задело», – подумал, придя в себя, Алексей. Рядом поставив командир взвода...

Оглядевшись, разведчик захватил раненого и пополз к берегу. Всю ночь под перекрёстным огнём немцев, под прицелом снайперов–«кукушек», прячась за кочки, деревья, оставшиеся в живых разведчики, прихватив раненых, выходили из

боя. За спасение командира Алексей Петрович получил первую награду – медаль «За отвагу».

После Северо-Западного фронта их армия стояла на отдыхе, получала пополнение. Алексею Петровичу после курсов разведки было присвоено звание старшего сержанта.

В октябре 1943 года в районе Кременчуга командир взвода разведки Вотинов получил задание взять в плен немца. Сдав документы и награды старшине, под покровом ночи взвод отправился на задание. Когда вышли к месту, их встретил огонь пулемёта. Алексей швырнул гранату – пулемёт заглох. Не теряя времени, разведчики бросились в траншею. Было взято два пленных, а остальных немцев перебили. Разведчик был награждён орденом Красной Звезды.

Много было таких вылазок, когда в кромешной тьме, локоть к локтю двигались, ползли они к немецким окопам за «языками». Сутками вели наблюдение за врагом. А разведки боем? Днём в полный рост, впереди полка, бросались к немецким окопам. Немцы в панике открывали огонь, наши корректировщики только этого и ждали – давали сведения для авиации и артиллерии, те подавляли противника.

Освободив Украину, Молдавию, Румынию, вошли в Венгрию. Здесь под Будапештом после выполнения важного задания А. Вотинов был награждён орденом Славы III степени.

Алексей Петрович считает, что ему повезло. С тяжёлыми боями шёл он три с лишним года дорогами войны в пешей разведке. Всегда впереди части – в обороне или наступлении. И имел всего три лёгких ранения.

Войну Алексей Петрович закончил в Австрии, в городе Мельк. Было победителю полных 22 года. Пол-Европы, пол-земли прошагал солдат, а вернулся домой с рюкзаком да с боевыми орденами и медалями. 11 благодарностей Верховного Главнокомандующего, нагрудный знак «Отличный разведчик» – таков послужной список ветерана.

Г. Суслов

Искра. – 2000. – 11 мая. – С. 3.

КАВАЛЕР ТРЕХ ОРДЕНОВ СЛАВЫ

Удачная разведка

На передовой стояло временное за-тишье. Командир полковой разведки капитан Фролов с командиром полка полковником Коломийцем корпели над картой.

А в это время разведчики занима-лись обыденным делом: кто писал письма родным и знакомым, кто латал обмунди-рование, а иные сгрудились возле баяни-ста. Под звуки баяна весельчаки «откалы-вали» замысловатые коленца. Разведчики – народ лихой и смелый. В полку о них шла добрая слава. Умел подбирать людей в разведку капитан Фролов.

Закончив деловой разговор с командиром полка, капитан Фролов направился в расположение полковой разведки.

– Взвод, смирно! Товарищ капитан, взвод полковой раз-ведки занимается согласно распорядка дня. Командир взвода, младший лейтенант Лютиков.

– Вольно. Пройдемся, Геннадий, – сказал капитан, беря Лютикова под руку. – Сейчас только что от командира полка... Твоему взводу поставлена боевая задача. – Фролов помол-чал. – Ты знаешь, что перед нами сильно укрепленные пози-ции немцев. Полк, да и вся дивизия не может действовать вслепую. Нужны свежие данные о противнике. На выполнение задачи дано трое суток. Выступить сегодня ночью. Подбирай самых надежных ребят, но без «языка» не возвращаться. – И опять немного помолчав, капитан спросил: – Кого бы ты выде-лил на это задание?

Лютиков наморщил лоб.

– Старшего сержанта Стародумова...

– Правильно мыслишь. Петр Стародумов – хороший раз-ведчик, проверенный, бывалый. Еще кого?

Лютиков назвал еще несколько фамилий. Капитан одоб- рительно качнул головой.

Ночь выдалась тёмной. Бесшумно ступают разведчики, их сапоги обмотаны тряпьем. В нейтральной полосе, недалеко от маленького городка, занятого фашистами, они залегли. За- маскировались. Стали наблюдать. Прошли сутки, начались вторые, – результатов никаких. Бойцы продрогли на морозе, хотелось курить.

В шестом часу утра на вторые сутки Петр Стародумов обратил внимание на угловой дом окраинной улицы: на черда- ке что-то блеснуло и исчезло. Бойцы внимательно рассматри- вали в бинокли строение. Вскоре пришла разгадка: в кирпич- ной кладке был оборудован наблюдательный пункт. Наблюда- тель выдал себя блеском окуляров бинокля.

День казался целой вечностью. Но вот наступил долго- жданный вечер. Вызвав группу прикрытия, разведчики двину- лись к намеченному объекту. Они разделились по двое: стар- ший группы захвата сержант Петр Стародумов со старшим сержантом Алексеем Веремщукон заняли позицию с левой стороны дома, младший сержант Николай Попов и рядовой Виктор Неровня зашли с правой стороны. За час до рассвета возле дома появилась группа вооруженных немцев – наступи- ла смена наблюдателей. Не успела за ними закрыться калит- ка, как Николай Попов бросил во двор гранату. Немцы в пани- ке бросились со двора. Не давая им опомниться, разведчики забросали их гранатами. После взрывов Попов и Неровня за- скочили в ограду, а Стародумов и Веремщукон прихватили ра- ненного немца и передали его группе прикрытия. Попов и Не- ровня вытащили из дома ещё одного немца.

– Что делать? – спросил Попов Стародумова. – Немец- то вроде бы неживой.

– Тащи, все равно, – махнул рукой Петр.

Но в пути немец вдруг ожил. Видно, стараясь спастись, он притворился убитым.

Так четверо отважных разведчиков вместе с группой прикрытия вернулись без потерь и с двумя «языками».

Под Суминами

Прошло около двух месяцев с тех пор, как советские войска вступили на землю Польской Силезии. Много было освобождено польских городов и сёл, немало уничтожено живой силы и техники врага. Но фашистские войска всё ещё огрызались, цепляясь за каждый рубеж.

823-й полк, в котором воевал Петр Стародумов, готовился к очередному броску. Наши части стояли на чешско-немецкой границе, на подступах к железнодорожной станции Сумины. Вдали виднелись траншеи и дзот, где засели фашисты. Они мешали продвижению советских войск. Полковой разведке был отдан приказ: уничтожить огневую точку врага и взять «языка». На выполнение задания отправились разведчики: старший сержант Веремщук, рядовые Гоц, Чувиков и младший сержант Николай Шишков. Возглавлял группу сержант Стародумов.

Разведчики незамеченными подползли к дзоту, залегли близ траншей. Вдруг в небо взлетели немецкие осветительные ракеты. При их свете были хорошо видны вражеские укрепления. По команде Петра Стародумова разведчики забросали траншеи и амбразуры дзота гранатами, а затем ворвались в расположение врага. Второй номер у пулемёта был убит осколками гранаты, а первый номер, обер-ефрейтор, взят в плен. Путь на Сумины 823-му полку был открыт.

Последний рейд

Последние бои, последние судороги фашистской гидры. Перед полком была поставлена задача – вместе с другими частями ворваться в столицу Чехословакии Прагу. В то время подпольный комитет чешских патриотов готовил восстание против фашистского режима в Праге.

В ночь на 5 мая полковая разведка обнаружила приличную дорогу, по которой можно было двигаться всей автоколонне. Но в пути неожиданно пришлось задержаться. На пути следования стоял город Оломоуц, в нём скопилось много вражеских войск. Стародумову было приказано разведать подступы к городу. Вместе с Неровней и Гоцем Пётр залёг в кустарнике, росшем у дороги.

Показалась немецкая автоколонна. Сорок машин насчитали разведчики. А вскоре появилась и вторая колонна – до сотни автомашин с артиллерией. Стародумов передал об увиденном в штаб полка. Командование распорядилось: полковым разведчикам «висеть» на хвосте вражеской колонны.

На пяти легковых автомашинах разведчики тронулись вслед за фашистами, и так увлеклись, что не заметили, как основные силы своего полка повернули в сторону, пошли на Прагу с южного направления.

Два «вилиса», в которых ехали капитан Фролов, младший лейтенант Лютиков, Стародумов, Гоц, Веремщук и другие чуть не врезались в хвост вражеской автоколонны. Вдруг впереди раздались выстрелы. Это чешские партизаны организовали засаду на дороге. Нашим бойцам ничего не оставалось делать, как оказать им помощь. Это было 8 мая, накануне Дня Победы.

Когда советские разведчики, лавируя между разбитыми машинами, двинулись на сближение с партизанами, одна из немецких машин преградила им путь. Капитан Фролов ударил по ней из автомата. Но вдруг откуда-то сбоку затараторил немецкий пулемёт, и капитан Фролов упал. Он был убит наповал, погиб и водитель. Виктор Неровня отомстил за смерть капитана: он метнул гранату, и пулемёт замолчал. Но и сам Виктор вскоре упал, сражённый вражеской пулей.

Пётр Стародумов и Пётр Фарына остались вдвоём. Они залегли за «виллис» и продолжали вести бой с фашистами. Чешские патриоты и советские разведчики управились с врагом ещё до восхода солнца. Оставшиеся в живых фашисты, побросав оружие, сдались в плен.

На всю жизнь сохранились в памяти Петра светлые образы боевых друзей, погибших за Родину. Страна высоко оценила боевые подвиги Петра Стародумова, наградив его орденами Славы всех трех степеней.

А. Добрынин
За передовую металлургию. – 1965. – 8 мая. – С. 2-3.

В РАЗВЕДКЕ

В 1944 году нас, выздоравливающих, направили из госпиталя в воинскую часть в Белоруссию. Меня определили автоматчиком в один из взводов стрелкового полка. Нашей ротой командовал старший лейтенант Смирнов.

Фашистов от позиций наших войск разделял луг с кустарником да речка. Маскируясь этим кустарником, легко можно было противнику добраться до наших окопов. Поэтому по ночам в окопах боевого охранения мы дежурили по два человека. Помнится одна ночь. Мы с товарищем дежурили в окопе. Моросил дождь, ветер шевелил кустарники. Мой товарищ оказался сибиряком. Это пожилой, степенный человек. Я звал его дядей Ваней. Временами мы выпускали ракеты. И вот в одну из таких вспышек ракеты дядя Ваня в своем секторе заметил, как что-то мелькнуло в кустах. Некоторое время мы наблюдали вдвоём за подозрительным кустарником, но ничего тревожного не заметили.

– Наверно, тебе померещилось, – сказал я напарнику.

– Да не должно быть, – отвечает он. – Скорей всего это немецкие разведчики. И они притаились, когда вспыхнула в небе ракета.

Помолчали мы некоторое время, напряжённо разглядывая подозрительные кусты. Потом я в небо выпустил новую ракету, и мы ясно увидели три притаившиеся фигуры. Фашисты уже успели миновать куст.

– Знаешь, что мы сейчас сделаем, – говорит товарищ, – ты дай еще ракету, а я выпущу очередь из автомата.

Так и сделали. Дядя Ваня был сибиряк, охотник. И все три фигуры так и остались неподвижно лежать возле минного поля.

Через некоторое время нашу роту отвели в тыл и стали обучать на разведчиков. Занимались недолго, около недели. Однажды командир роты выстроил свою часть и спрашивает:

– Кто добровольно желает идти в разведку – шаг вперёд!

Нужно было шестерых. Я шагнул. Со мной вышло ещё человек десять–пятнадцать. Пришлось командиру роты солдат, которые постарше, возвращать в строй.

– А вы,– сказал нам старший лейтенант, – пойдите к начальнику штаба.

В штабе нас ожидали два минёра и разведчик сержант. Начальник штаба подробно проинструктировал, дал краткие указания и поинтересовался, с собой ли у нас документы. По уставу солдат, отправляющийся в разведку, обязан сдать все, до последней бумажки, кроме оружия.

В нашу задачу входило разминировать проходы и перерезать проволоку возле переднего края противника.

Передний край гитлеровцев находился довольно далеко. Мы благополучно прошли речку, лес, преодолели ползком поляну, поле с рожью. Без особых происшествий незамеченными подползли к проволоке, и вскоре задача была выполнена.

И вот, когда возвращались, то носом к носу столкнулись с немецкими разведчиками, которые ходили на разведку в нашу сторону.

Мы уже были на опушке леса и поднялись во весь рост, – я был замыкающим – как вдруг на повороте тропинки показались фашисты. Кто-то из наших крикнул: «Немцы!» и все метнулись в лес. Получилось так, что я на какое-то мгновение растерялся. Но это было только мгновение. Я тотчас свалился в канавку. Фашисты тоже заметили нас, растерялись, кто-то из них что-то крикнул. Это незначительное замешательство врага помогло мне выхватить гранату, выдернуть чеку и бросить. Грохнул взрыв, трое упали, а двое остались стоять. Меня словно кто подкинул. Вскочил и, наведя автомат, крикнул:

– Ханде хох! (Руки вверх!).

Гитлеровцы торопливо подняли руки, я им указал стволом автомата на тропинку, предлагая следовать по ней. Они довольно охотно подчинились.

Как выяснилось позднее, наша рота для добычи «языка» готовилась к разведке боем. Потому нас и послали делать проходы. Но вот помог счастливый случай. Командование за доставку «языков» мне предоставило двухнедельный отпуск и наградило орденом Красной Звезды.

В. Лысков

Искра. – 1965. – 25 апр. – С. 3.

НОЧЬ РАЗВЕДЧИКА МАНИНА

Калининская область. Местами высокий мачтовый лес. Глянешь на вершину – шапка падает. А местами на целые десятки километров тянутся болота. И лягушек много.

Нигде столько не встречал лягушек Иван Васильевич Манин. Только выроешь окоп, а в нем – уже полно их. А за болотом, густо поросшим осокой, на возвышенности – немцы. Окопались гады, постреливают трассирующими, ракеты пускают.

И что у них там делается, никто не знает. На той неделе ушла группа батальонных разведчиков, чтобы «языка» притащить да не вернулась. Все пятеро, погибли. Вот и ходит капитан хмурый.

Около Ивана Манина комбат остановился.

- Комсомолец? – спросил батальонный.
- Так точно!
- За мной!

В командирской землянке их набралось четверо. Трое солдат да старшин, сержант-москвич Чернявый такой, все стихи ребятам читал. И чем-то эти стихи были близки Мамину. В них говорилось о России.

Капитан, присев на обрубок сосны сказал тихим голосом:

– Ребята, я набираю разведчиков. Добровольно, в группу захвата. Есть желающие?

Молчат ребята. Молчит и Манин. Группа захвата – это значит до смерти один шаг. Может, отказаться? Ведь там, в деревеньке, что затерялась в кировских лесах, ждёт мать.

Но Иван Манин делает вперёд шаг по хлюпающим доскам и объявляет:

- Я согласен!

Неделю разведчики следили за обороной противника. Капитан торопил, злился. И разведчики высмотрели единственную лазейку, где можно пробраться. Это было то самое болото, густо поросшее осокой.

Ночь выдалась светлая, на небе звезды мигают. И вода не вода, а липкая грязь.

Ползут ребята час, другой. И Манин ползёт и ползёт. Старший сержант шепчет на ухо:

– Иван, ты самый сильный. Тебе первому брать «языка».

Страшновато Манину, а надо. В темноте начал вырисовываться бруствер окопа. Ходит по окопу фашист. В одном месте постреляет из автомата, потом перейдет метров полсотни – опять даст очередь.

Лежит у самого бруствера Иван. И страх у него куда-то пропал. Немец приблизился. Кошкой бросился на него Иван. Охнул гитлеровец, выронил автомат. И ребята тут, как тут.

Выволокли «языка» из окопа. Ползут обратно. Ползёт и немец, а иначе «капут». Да сбились разведчики маленько, и ползущий впереди старший сержант задел ногой натяжную мину. Ахнул взрыв, застрочили пулемёты, затрещали автоматы.

Притащил Иван тело сержанта. Положили на плащ-палатку, сняли каски. И вспомнил Манин, как еще вчера сержант читал стихи:

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Хорошие стихи читал москвич. Замечательные! И вот он мёртв. Не дожждётся его мать.

С калининских земель шёл разведчик Иван Манин с боями до самой германской, земли. Был пять раз ранен, но смерть обошла его.

Стояли уже под Берлином. В батальон, приехал дивизионный контрразведчик. Оказывается, ночью на наши артиллерийские позиции пробрался какой-то шпион. Поймать его не удалось.

– Нужен умелый парень, – сказал приезжий командиру батальона.

Подполковник задумался.

– Возьми-ка Ивана Манина. Бывалый солдат.

И вот два разведчика лежат в кювете у небольшого хутора. Острроверхая черепичная крыша, сараи. Тихо.

Самая глухая ночь. Так и хочется задремать. Чу, кто-то крадется. Вон низко пригнувшаяся фигура. Ближе, ближе. Ос-

талось два шага. Иван вскакивает, упирает ствол автомата в грудь. Незнакомец поднимает руки... Обыскивают, из кармана достают четырнадцатизарядный «вальтер».

Ведут в хутор. Надо утра дожждаться. Гитлеровец долго молчит, а потом на чистейшем русском языке просит:

– Мне на двор надо.

– Повели. Закрылся в туалете немец. Прошло пять минут:

– Эй, выходи!

Ни звука. Иван выбивает дверь. С противоположной стороны зияет провал. Сбежал гитлеровец, Из-под самого носа.

А уже начинается рассвет. Перескочив изгородь, - Манин увидел метрах в трёхстах убегающего по полю в лес фашиста.

– Врёшь, не уйдёшь! – крикнул Манин и бросился вдогонку. Никогда ещё так не приходилось бегать солдату. Фашиста догнал у самого леса.

Вечером командир батальона сказал Манину:

– Большую вы «птицу» взяли. Спасибо!

Он награжден орденами Славы, Красной Звезды, медалями за взятие Варшавы, Кенигсберга, Берлина.

Ю. Халтурин

Искра. – 1972. – 9 мая. – С. 2.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ЕЛИОЗАРЕНКО

РАЗВЕДЧИКИ ЗАПОЛЯРЬЯ

Весной сорок второго враг предпринял наступление на Мурманск, но получил достойный отпор со стороны бойцов Карельского фронта и моряков Северного Флота. Тогда гитлеровское командование решило обойти город с юга и отрезать его от материка. Между Рестикентским пограничным полком и немецко-финскими горно-егерскими частями завязался продолжительный и упорный бой. Пограничники разбили егерей и отбросили их за пределы нашей Родины. Укрепившись на государственной границе, полк развернул разведывательные операции в тылу врага.

Особенно в этих операциях отличились разведчики под командованием Михаила Иутина. Со своей группой он совер-

шил более двадцати рейдов в тыл врага, уничтожил много живой силы и боевой техники, захватил десятки «языков», при этом не потерял ни одного своего солдата. Среди разведчиков был и наш земляк – лысывенец Михаил Федорович Елиозаренко. Не раз Елиозаренко ходил в разведку в группе Иутина, многие эпизоды из этих походов запомнились ему на всю жизнь.

...Зима 1943 года. Полярная ночь плотно окутала землю. Под покровом темноты два десятка наших разведчиков, одетых в белые маскировочные халаты, уходили на очередное задание. Впереди шел Михаил Иутин, замыкал колонну лыжников радист Михаил Елиозаренко. Всю ночь группа двигалась по ложине, а когда забрезжил рассвет, укрылась в лесу. Зимний день в Заполярье короткий. Не успели бойцы отдохнуть, как вновь наступила темнота.

На исходе второй ночи разведчики неожиданно наткнулись на тропинку. Иутин выставил часовых, остальным приказал укрыться в снегу, а сам стал изучать обстановку.

– Справа тропинка кончается у пня. Там немцы выставляют часового, сейчас его почему-то нет, – рассказывал через некоторое время командир о своих наблюдениях. – Слева – дзот. Будем ждать рассвета.

Когда рассвело, из немецкого дзота вышли несколько десятков вооруженных лыжников и ушли в западном направлении. Через полчаса иутинцы услышали далекие одиночные выстрелы.

– Немцы тренируются на стрельбище, – сказал Иутин. – Теперь пора!

Разведчики быстро окружили дзот, нарушили связь. Взяв с собой двух бойцов, Иутин вошёл в землянку. В ней было шестеро немцев. Они даже не обратили внимания на вошедших: думали, что свои, и продолжали заниматься каждый своим делом.

– Руки вверх! – скомандовал Иутин по-немецки.

Лязгнул затвор автомата – это немец, сидящий у амбразуры, хотел стрелять. Но автоматная очередь прозвучала от двери. Выпустив из рук оружие, солдат свалился. Остальные подняли руки.

Через четверть часа иутинцы уходили в обратный путь, захватив пятерых пленных. Один из них пытался убежать, но был убит. Четырех «языков» разведчики доставили в штаб полка. Особенно обращал на себя внимание унтер-офицер – высокий и стройный финн с голубыми глазами. Позднее узнали, что это чемпион по лыжам Северной группы немецко-финских войск.

Однажды разведывательная группа Михаила возвращалась с задания из глубокого тыла врага. На пути разведчики обнаружили линию телефонной связи. Вдоль неё пролегла тропа. Осмотрев тропу, Иутин сказал:

– По ней часто ходят немцы. Подождём немного.

Больше суток лежали иутинцы в засаде, но так никого не дождались.

– Елиозаренко, перережьте провода, – приказал командир.

Спустя некоторое время к месту повреждения связи подошли четыре десятка вражеских солдат. Подпустив их почти вплотную к засаде, Иутин скомандовал:

– Огонь!

Дружный и меткий автоматный огонь заставил немцев отступить. Они бежали, оставив на поле боя убитых и раненых. Воспользовавшись паникой врага, иутинцы ушли незамеченными.

Таких эпизодов из боевых подвигов разведчиков Заполярья можно привести немало. Но не только наши ходили во вражеский тыл. Охотились за «языками» и немцы. Рестикентский полк занимал оборону по линии фронта на протяжении нескольких десятков километров. Между отдельными подразделениями были проходы. Ими и пользовался враг.

В августе 1944 года, после непродолжительного отдыха, радист Михаил Федорович Елиозаренко был придан другой группе разведчиков, которая уходила в тыл врага. День выдался погожий, на небе ни облачка. В лесу цвела морошка. Разведчики не остерегались, шутили. Никто не предполагал, что им навстречу движется большая группа немцев. Вдруг впереди идущий боец заметил движение в кустах и подал сигнал тревоги. Но было поздно. Взрывом Елиозаренко подбросило, ударило о землю, и он потерял сознание

Когда Михаил открыл глаза, был ещё день. Попробовал пошевелиться и застонал.

– Михаил, жив! – услышал он над собой голос товарища.

В санчасти врач осмотрела разведчика и покачала головой.

– Жить будешь, а с лыжами придется проститься, – сказала она в заключение. У Елиозаренко сжалось сердце. С лыжами он сроднился ещё в школе, Перед призывом в армию завоевал первое место по ДСО «Буревестник» на десяти- и двадцатикилометровой дистанциях. В армии отстаивал честь полка в соревнованиях в Мурманске и Ленинграде, где тоже занял первое место на двадцатикилометровке, Вот таких спортсменов-лыжников и брал в свою группу разведчиков Михаил Иутин, будучи сам мастером лыжного спорта.

Более трех лет Михаил Фёдорович пролежал в госпитале, из его тела извлекли не один десяток осколков. Врач оказалась права. На лыжах он ходить не может, ему ампутировали ногу.

В. Горшков

Искра. - 1965. – 9 мая. – С. 3.

ВИССАРИОН ДЕМИДОВИЧ ВОЛКОВ

«ЖИВ СЫН. ПРОИЗОШЛА ДОСАДНАЯ ОШИБКА»

Вызывали огонь на себя

Начальная школа была в Выломово, а неполная средняя – в Лязгино. Парнишка топал три версты и в осеннюю слякоть, и в весеннюю распутицу, и по зимнему снегу. Возможно, эта закалка и привела его к титулу чемпиона Алапаевска среди юношей, когда он учился там в гидро-геолого-геодезическом техникуме.

В мае 1941-го выпускника уже Иркутской военно-топографической школы направили в 6-й военно-топографический отряд Забайкальского военного округа, в состав спецкомиссии, проводившей установление и маркировку государственной границы между

Монголией и оккупированной японцами Маньчжурией. Туда и пришло грозное известие о подлом вероломстве Гитлера...

Виссариона направили в Абакан – там формировалась 309-я стрелковая дивизия. Его назначили командиром отделения топоразведки в 842-й артиллерийский полк. В этой дивизии и в этом полку он прошел свой фронтовой путь.

Весной 1942-го дивизия прибыла в район станции Лиски (ныне Георгиу-Деж) и сразу заняла позиции в верховьях Дона. Ей была поставлена задача не допустить противника на левый берег. Был создан мощный оборонительный рубеж – Щучьинский плацдарм.

Дивизионная газета «Во славу Родины» писала, как младший сержант Волков со своими разведчиками выходил на передний край обороны. Демаскируясь, бойцы вызывали на себя отчаянную стрельбу противника. «Это нам и нужно!» – говорит Виссарион, а сам наносит на планшет расположение огневых точек.

С горечью покидали села и города

В боях на Щучьинском плацдарме он получил первую награду – медаль «За боевые заслуги». Здесь ему присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром взвода топоразведки.

Активная оборона 309-й дивизии, входившей в состав Воронежского фронта, не позволила командованию фашистов перебросить под Сталинград хотя бы часть своих дивизий. В начале января 1943-го был получен приказ к наступлению.

Дивизия освобождала Скородное, Белгород, Богодухов, Ахтырку, Опошню. Но, глубоко вклинившись в оборону немцев, попала в окружение. Вырваться из кольца стали только после получения приказа на отход. С горечью покидали только что освобождённые сёла и города.

Потом было грандиозное сражение на Курской дуге. Дивизия вышла к Днепру южнее Киева, форсировала реку, создав на правом берегу мощный Букринский плацдарм.

Пятьдесят три бойца дивизии были удостоены звания Героев Советского Союза, а Волков награждён орденом Красной Звезды.

Отбивали каждый дом

С января 1944-го 309-я дивизия продолжала преследовать оккупантов, а в апреле на Западной Украине вела борьбу с бандеровцами. Виссариона сильно контузило. Врачи фронтового госпиталя приняли решение отправить его для лечения в тыл. Узнав о предстоящей передислокации дивизии, боец, обманув санитарку, сбежал из госпиталя в полк.

Этот «побег» аукнулся в Лысьве. Начальник госпиталя послал по команде рапорт, и в Лысьвенский военкомат пришло извещение. Еле стоящей на ногах от потрясения Татьяне Порфирьевне сообщают: «Ваш сын пропал без вести». Младший двенадцатилетний сын (автор этих строк) возразил офицеру: «Как пропал? Вчера от него письмо получили». Изумлённый лейтенант спровадил парнишку за письмом...

Через несколько дней матери сказали: мол, жив сын, произошла досадная ошибка. Верующая мать молилась Богу...

А тем временем 309-я дивизия освобождает Западную Украину, очищает приграничную Рава-Русскую и вступает на территорию Польши. В январе 1945-го началось наше наступление на землю Германии. Форсировав реку Одер, дивизия участвует в окружении и ликвидации крупной группировки противника уже на немецкой территории. Она становится Краснознамённой. Круто повернув на юго-восток, 309-я принимает участие в штурме Бреслау (ныне это польский город Вроцлав). Отбивали каждый дом, каждый квартал. Обречённые фашисты отчаянно сопротивлялись. Только 6 мая гарнизон капитулировал, более 10 тысяч солдат и офицеров Вермахта сложили перед сибиряками оружие. Дивизия была награждена орденом Кутузова II степени, а лейтенант Волков получил орден Отечественной войны.

Бойцов определили на трёхдневный отдых в местечко Шмольц. Туда и пришла долгожданная весть: фашистская Германия капитулировала! Победа!!! Испытали и радость, и горечь за понесённые утраты, за сложивших свои головушки на алтарь Отечества на Дону и Днепре, на Висле и Одере однопольчан...

В сентябре 1946-го лейтенант Волков вернулся в Лысьву.

М. Волков

Искра. – 2010. – 8 мая. – С. 4.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Шёл 1943 год. Враг сосредоточил громадные людские силы и большое количество боевой техники на Орловско-Курском направлении. Гитлеровское командование решило нанести здесь сокрушительным удар частям Советской Армии, прорвать оборону и вновь выйти к Москве.

Разгадав замысел противника, советское командование противопоставило такую боевую силу, чтобы не только остановить врага, но и перейти в контрнаступление. На участке фронта, вошедшем в историю Отечественной войны под названием «Курская дуга», наступило временное затишье, какое обычно бывает перед большим наступлением.

Но не знали покоя разведчики. Почти каждую ночь наша оперативная группа полковой разведки пробиралась в тыл противника, собирала данные об огневых позициях врага, дислокации и количестве войск.

Однако участником боёв, разыгравшихся позднее на этом участке фронта, мне быть не удалось. Вызвали в штаб.

– С парашютом знаком? – спросил незнакомый капитан.

Как впоследствии я узнал, капитан был прислан из Москвы для выполнения особого поручения. Оно состояло в том, чтобы разгромить штаб специальной карательной группы, которая дислоцировалась в тылу немцев в небольшом селе близ Брянска. Захваченные документы мы должны были передать Ковпаку для дальнейшей пересылки в Москву.

– С парашютной вышки прыгал, – ответил я.

Тень неудовлетворения скользнула по лицу капитана. Но когда я рассказал о своих спортивных успехах, он зачислил меня в свою группу. В нее вошли одиннадцать человек, в том числе врач по имени Маша, радист и другие разведчики.

В предполагаемом месте высадки самолет обстреляла вражеская зенитная артиллерия. Пришлось прыгать вдалеке от цели. Десант высадился на озере. Все обошлось благополучно. Через несколько дней мы были в нужном селе.

До сих пор не знаю, где допустили оплошность. А получилось так. Капитан отослал для связи с Ковпаком сержанта. Мы приблизились к окраине села, из дома вышла женщина. Она сообщила, что немцы расположились на краю посёлка. И в это же время нас окружили фашисты. Сопrotивление было бесполезным. Мы оказались запертыми в сарае.

– Отстали от части, идём на соединение, больше ни слова, – так проинструктировал нас капитан.

Фашисты решили подвергнуть нас пыткам. Всех раздели донага и вывели на площадь возле бывшего правления колхоза. Первой пытали Машу. Она умерла от потери крови, когда ей отрезали правую грудь.

Второй жертвой стал наш командир. Ему забивали под ногти иголки. В это время я стоял привязанным к столбу на поленьях дров, облитых керосином.

Не помню, о чём я думал, когда слышал предсмертный крик девушки, стоны капитана. Но хорошо знаю, что готов был умереть, не произнеся ни единого слова. К счастью, подмога подоспела вовремя. Десятка три конных партизан ворвались в село и освободили нас.

Дня через три, уже будучи в партизанском отряде Ковпака, я увидел себя в зеркале. Вместо темно-русых кудрей на голове вились седые волосы.

Я рассказал лишь один эпизод из военной жизни. А их было много. С боями прошел до Кёнигсберга. Несколько раз был ранен и контужен. Награждён орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Славы второй и третьей степеней и медалями.

Семь лет я не был дома. За это время участвовал в трёх войнах: с японцами на озеро Хасан, с белофиннами и немецкими оккупантами.

И. Мусеев

Искра. – 1967. – 22 февр. – С. 2.

СЧИТАЛИ ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Военная судьба этого человека чрезвычайно интересна и в какой-то мере даже легендарна. Ситуации, в которые попадал Сергей Иванович Усанин, настолько невероятны, что только суровый язык документов отвергает сомнения в правдивости его рассказа о трудной дороге войны.

Июнь 41-го застал Сергея Усанина на учениях около западных границ Советского Союза с учебным оружием и холостыми патронами. Затем было отступление днём и ночью, всё дальше на восток. Без оружия, без боеприпасов. Лишь через неделю бойцам подвезли винтовки, патроны и гранаты. А они уже были за Винницей.

1 июля 1941 года С. Усанин был назначен командиром роты разведки, а 7 августа 1941 года части 6-12 армий были полностью окружены немецкими войсками. Прорыв не удался. Тысячи красноармейцев и командиров ранеными попали в плен.

С. Усанин получил задание командования войти в тыл немецких войск со своей группой в районе г. Винницы, организовать там диверсионные группы, вовлекать людей в партизанское движение и создавать группы подпольщиков. В конце ноября 1941 года группа была арестована гестапо. Началась тюремно-лагерная жизнь Сергея Усанина.

Тогда, в 1941 году, он бежал из гестаповской тюрьмы, связался со своими и по документам Григория Дибцева продолжал нелегкий путь разведчика.

Вскоре новый арест, лагерь для военнопленных, концлагерь «Бухенвальд», затем «Равенсбрюк», «Заксенхаузен». Унижения, пытки, голод, холод, расстрелы, смрад газовых камер и крематориев. Каждый день на волоске от виселицы, в обнимку со смертью. И наконец, побег. Беспрецедентный, уникальный, он поверг в шок тех, кто его охранял, вдохнул надежду в тех, кто оставался за колючей проволокой.

На дворе стоял март 1945 года. Рискую быть снова схваченным гестапо, в условиях незнакомого Берлина и его окрестностей он выходит на связь с подпольем и снова про-

должает сбор сведений о расположении немецких частей и укреплений.

15 апреля группа вышла на шоссе Потсдам-Михиндорф, где встретилась с первыми самоходками из 70-й гвардейской самоходно-артиллерийской бригады 4-й танковой армии. Сергея Усанина назначают командиром роты автоматчиков, созданной из бывших военнопленных.

Война закончилась. Дали короткий отпуск домой, в Винницу. Его приезд ошеломил всех, ведь ещё в 1941 году мать, Матрёна Прокопьевна, получила извещение из военкомата о том, что сын пропал без вести.

Е. Орлова

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 6.

ГЕОРГИЙ ЕВДОКИМОВИЧ ШЕСТАКОВ

БОЕВОЙ ПАРЕНЬ

Война застала Георгия Шестакова курсантом полковой школы авиадесантных войск. Учёбу пришлось бросить.

Кто воевал в сорок первом, тот хорошо знает, как тяжело приходилось пехоте от немецких минометных батарей. Противник шагу не давал сделать, накрывая наши позиции миномётным огнем.

Однажды под Киевом командир роты вызвал Георгия и Алексея Асанова, тоже льсьвенца, и поставил задачу: разведать местонахождение немецкой миномётной батареи, которая особенно мешала бойцам.

Долго ползли бойцы. Потом спустились в небольшой овражек и по нему зашли в тыл батареи. Немцы, не подозревая ни о чем, суетились у миномётов. Разведчики по радио сообщили координаты батареи. И, когда ударили первые залпы наших орудий, стали корректировать огонь.

Здесь же, под Киевом, Шестакова ранило. Он попал в госпиталь, подлечился и снова на передовую. На этот раз Георгий Евдокимович попал в кавалерию. Его назначают помощником командира взвода. Дивизию, в которой он служил, бросили на защиту Сталинграда.

Как-то на марше, ночью, недалеко от небольшой деревушки послышался рокот танков. Георгий Евдокимович вызвался съездить, чтобы узнать, чьи это машины: наши или немецкие. Тихо и скрытно он подъехал к деревушке, прислушался, донеслась немецкая речь. Это шла на помощь окруженному Паулюсу немецкая танковая колонна.

Разведчик вернулся назад и доложил командиру. Кавалеристы установили возле дороги батарею 76-миллиметровых пушек, и, как только броневые чудовища очутились на расстоянии выстрела, открыли огонь.

Командир представил Георгия Евдокимовича к награде. Но буквально через несколько часов помкомвзвода Шестакова снова ранило.

Всю войну Георгий Евдокимович воевал, как подобает советскому воину.

Искра. – 1967. – 31 авг. – С. 3.

АЛЕКСАНДР АНИСИМОВ

ШРАМ НА ЛИЦЕ

Конец июля 1944 года на Карельском перешейке выдался жарким. Слева и справа – огромные сопки, поросшие лесом, а под ногами болотная вода, порою заливающая солдатские ботинки вместе с обмотками.

Старший лейтенант Александр Анисимов вёл взвод на безымянную высоту. Командир батальона поставил ему задачу – выйти по лощине на дорогу и, взаимодействуя с основными силами батальона, взять высоту. Солдаты, в большинстве казаки-кубанцы, шли, нагруженные боеприпасами, оружием, провиантом. Они то и дело чертыхались, поминая недобрым словом болото и Гитлера.

Держась на полшага справа, шёл ординарец Анисимова, Яша, недавно освобождённый из заключения.

Слева взвод поддерживала рота автоматчиков. Старший лейтенант знал, что полк, понесший тяжёлые потери, располагал только их боеспособным взводом, выдвинутым из второго эшелона 313 дивизии.

Финны на высоте молчали. Вдруг по ушам ударили хлопki наших выстрелов и отдаленные очереди автоматов. Рука рванула кобуру нагана.

– Взвод! Вперед!

Но ординарец Яша, загородив дорогу, прохрипел:

– Куда? Не положено!

– Молчи! Вперед! – и старший лейтенант с наганом в руке, не пригибаясь, побежал в гору, уже изрыгающую снопы огня. Бойцы обгоняли командира. Перед глазами Анисимова замелькали суровые лица солдат, в бою искупивших своё прошлое и ставших добрыми товарищами.

Достигнув вершины, старший лейтенант стал искать глазами своих людей и насчитал не более пятнадцати. Анисимов понял – наши автоматчики, что шли слева, не выдержали огня финнов, отошли, его взвод очутился в полукольце врагов. Взвод из пятнадцати человек!

Но задача дня была выполнена, хотя прервалась связь и боеприпасов осталось в обрез.

– Закрепитесь! – подал команду Анисимов и, пристроившись за старой елью, стал наблюдать за врагом.

Противотанковые ружья финнов в щепы разносили и срезали стволы деревьев. «Кабы не пришибло кого» – подумал Анисимов. Он пополз вперед, поглядывая на уходящие вдаль сопки, и даже не сразу понял, почему во рту появился солоноватый вкус. Александр поднёс руку и выплюнул три передних зуба. Быстро разорвал пакет, и как мог, лёжа, наложил повязку.

...Он, бывший секретарь Кишертского районного Совета, после окончания военного училища в апреле 1942 года прибыл на Карельский фронт.

В его распоряжение выделили взвод разведчиков, телефониста и сапёра. Сразу же получил задачу – закрепиться на участке между двумя озёрами.

Под прикрытием темноты группа Анисимова поползла по склону сопки. В темноте разведчики наткнулись на столбики с колючей проволокой, потом пошли надолбы из камня.

Несмотря на кромешную тьму, финны обнаружили солдат. Ревущие фонтаны земли вздымались впереди, с боков и сзади.

– Товарищ лейтенант, вода! – доложил подползающий сапёр.

Анисимов понял – финны соединили озёра, прорыв канал. Его связной третий раз пополз обратно – восстанавливать нарушенную снарядами связь.

Утром началась наша артподготовка, а к вечеру второго дня поступил приказ – разведчикам вернуться...

Повозку, в которой везли раненого Анисимова, резко качнуло, перебив мысли. Анисимов сожалел, что некуда было их записать. Дневник, который он вёл с начала войны, остался в батальонной повозке.

С. Голышев

Искра. – 1971. – 23 февр. – С. 2

П. ЩЕРБАКОВА

В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ

Когда началась война, я без отрыва от производства поступила на курсы военных медсестер. В 1943 году после окончания учебы ушла добровольцем на фронт. Меня направили в Калинин, где формировался стрелковый полк, и я стала пулемётчиком.

Вместе с другими направили в действующую часть на Второй Украинский фронт. Но так как у меня было ещё удостоверение об окончании медицинских курсов, я получила назначение в полевой госпиталь, в отделение, в котором находились тяжелораненые воины. Встретилась я там с медсестрой Инной Хохловой, которой осталась благодарна на всю жизнь.

Очень трудно мне было первое время. Боялась крови, а стоны раненых не могла слышать спокойно.

Инна Хохлова многому меня научила. Как сейчас помню, она силой заставляла меня делать внутривенные вливания. От страха у меня тряслись руки, и я думала, что никогда не попаду иглой в вену.

Когда наши войска перешли границу Советского Союза и погнали врага по чужой земле, число раненых заметно увеличилось.

Вот тут-то я была премного благодарна Инне за ее суровую школу на практике. Каждому поступившему делали операцию – ампутацию руки или ноги, в некоторых случаях делали глубокое иссечение мышц. Работали в операционной втроём.

Тяжело оставить человека без руки или ноги, но этим мы сохраняли жизнь людям. Когда раненые поправлялись и их эвакуировали в тыл, они благодарили нас. И нам было радо-

стно за свой труд, что вырвали человека у смерти, сохранили ему жизнь.

С Инной Хохловой мы не разлучались, хотя работали уже в разных отделениях. В марте 1945 года мы со своим госпиталем дислоцировались в Чехословакии. Наши войска неудержимо рвались вперёд, чтобы быстрее освободить от фашистского гнёта своих братьев-славян – чехов и словаков. И наш полевой госпиталь часто снимался с места, чтобы быть ближе к передовым частям.

В одну из ночёвок на наш походный госпиталь налетел фашистский самолет. Он бросил бомбу, но она взорвалась далеко от нашего расположения. Тогда самолет пошёл бреющим полетом и связками гранат забросал госпиталь. Правда, из людей никто не пострадал, но здорово досталось лошадям. На помощь животным никто не посмел выйти из укрытий. Тогда Инна вышла сама, за ней осмелилась и я. Всю ночь на ощупь мы перевязывали животных. Утром кое-как собрали обоз из уцелевших лошадей и двинулись к месту назначения.

Под вечер на наш обоз снова налетели немецкие самолёты. Мы с Инной ехали в голове обоза. Один из самолётов снизился над нами, выбросил какой-то предмет. Он был скорее похож на ящик, чем на бомбу. Бомба взорвалась, не долетев до нас. Самолёт тем временем развернулся и снова пошёл в пике. Пулемётные очереди рассекали воздух. Мы спрятались в канаву возле дороги. В этот момент взорвались в хвосте нашего транспорта две бомбы. Погибло двое наших товарищей – старший лейтенант Кудрявцев и санитар Павленко. Мы похоронили их в Густопеге, в сорока километрах от города Брно.

А с Инной Хохловой мы расстались после войны в Киеве. Я всегда с теплым чувством вспоминаю свою боевую подругу, с которой приходилось делить и горе и радость ратных дел.

П. Щербакова

За передовую металлургию. – 1965. – 8 мая. – С. 3.

Л. ШУКЛИНА

В ОДНОМ СТРОЮ

Во время нападения фашистской Германии на нашу Родину, как и многие женщины, я пошла на курсы сандружинниц, чтобы потом добровольцем пойти на фронт.

Без отрыва от производства, работая постоянно в ночной смене, в течение трех месяцев окончила курсы. Сразу же попросилась в госпиталь ухаживать за ранеными. Нас закрепили по палатам. Ночью – на своей основной работе, а днём – в госпитале. Помогали при операциях, в перевязочной.

Вскоре ушла добровольцем на санитарный поезд. Приходилось с передовой линии вывозить раненых бойцов, оказывать помощь.

Фашистские пираты особенно охотились за санитарными составами. Часто на бреющем полёте немцы с самолётов сбрасывали фугасные бомбы, обстреливали из пулемётов. Такую картину приходилось видеть под Вязьмой и Ржевом.

Не менее опасно было и на территории Литвы, когда нас перебросили туда. Орудовавшие банды нередко нападали на наши посты, убивали часовых и зверски расправлялись с бойцами.

После окончания войны с Германией мы изъявили желание ехать на Восток. Прибыли в Улан-Удэ, здесь нас и застала весть о капитуляции Японии.

Так наши славные женщины в одном строю с воинами помогали громить немецких захватчиков и японских милитаристов, неся мир и счастье всем советским людям.

Л. Шуклина

Искра. – 1967. – 8 мая. – С. 3.

А. ЧЕРНЫХ

ВО ИМЯ ДЕТСКОГО СМЕХА

В 1939 году я была в числе первых выпускников Лысьвенского медицинского училища, получила назначение в детские ясли инструктором-воспитателем. Работа волновала и

радовала, так как доверили охранять здоровье и заботиться о воспитании нескольких десятков маленьких граждан!

Да и как можно быть равнодушным, когда на твоих глазах вырастает человек. Наблюдаешь, как беспомощный малыш начинает осмысливать, как у него появляются любимые игрушки. Вот он уже не дует пузыри, а ясно выговаривает «мама». Видишь его первые шаги, радуешься вместе с ним за него. А потом уже не узнаёшь своих питомцев – так быстро они растут. Полюбила тогда я эту работу и не думала с нею расставаться.

Но в нашу мирную жизнь чёрным вихрем ворвалась война. В октябре 1941 года меня направили на работу в эвакогоспиталь в нашем городе, а с конца августа 1943 года – в военный госпиталь Второго Украинского фронта.

Много было в госпитале лысьвенцев, девушек, которые пошли добровольцами. Это П. В. Заключных, Н. И. Юденко, М. Т. Бошарина, Е. П. Черепанова и другие. Всем нам было тогда не больше двадцати. Нам бы петь, веселиться, а мы успокаивали раненых, перевязывали, ухаживали за ними.

Начальником медицинской службы была Л. М. Кузнецова. Мы расположились в только что освобождённом от фашистов Харькове. От больничного городка остались одни стены. И мы на время превратились в каменщиков, маляров, столяров и плотников.

Раненых было много, одни шли сами, других несли на руках. Приходилось прямо на носилках кормить их, делать первичную обработку ран. За день так уставали, что к вечеру еле стояли на ногах. Но всегда к концу рабочего дня, даже в два часа ночи, наш начальник Людмила Михайловна на линейке подводила итоги: что сделано за день, указывала на недостатки.

Наш госпиталь вместе с хозяйством и медикаментами передвигался вслед за Вторым Украинским фронтом. Так мы и шли из одного разрушенного города в другой. По пути часто эшелон бомбили. А однажды в Венгрии состав едва не опрокинулся.

Но мы не унывали. Появится свободная минутка – занимались в художественной самодеятельности, выступали перед ранеными, ездили с концертами в освобожденные деревни.

Весть об окончании войны встретили в Венгрии. Она принесла всем нам неопишемую радость. Люди на улицах обнимали друг друга и плакали слезами радости.

Сейчас я снова работаю в яслях. Смотрю на детей, которые делают первые шаги, и радуюсь, что они живут в мирное время.

А. Черных

Искра. – 1967. – 8 мая. – С. 3.

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА ПЧЕЛИНЦЕВА

ПОМОГАЛА ПЕСНЯ И НА ФРОНТЕ

Детский сад, в котором А. В. Пчелинцева была заведующей, эвакуировали в село Малеево Коломенского района. И даже тут, в маленькой деревушке, ощущалось дыхание войны. Но рядом с детьми она старалась быть весёлой, оберегала каждого, как мать, пока родители оставались в Москве. Вместе с обслуживающим персоналом педагоги вырыли траншеи, где прятались с детьми во время бомбёжек. Враг наступал, на душе у неё было тревожно, но по вечерам она писала письма матерям, зная, как они волнуются за детишек.

Александра. Выдумщица. Сказочница. Певунья. У нее был замечательный голос, и все прочили ей будущее оперной артистки. Но когда началась война, Шура проводила мужа на фронт и пошла на краткосрочные курсы медсестер. Это уже была военная специальность. Она рвалась на фронт, ходила в военкомат, просила, пока не получила направление на службу. Сирот отвезла в детский дом, остальных передала родителям и поступила в штат медсестёр эвакогоспиталя 2639 33-й армии, воевавшей на 3-м Белорусском фронте.

– Из Воронежа мы приехали в Нарофоминск, где шли жаркие бои, – рассказывает Александра Васильевна. – Это был чёрно-красный ад, столько крови, нечеловеческих мук, смертей. Однажды, когда госпиталь расположился в лесу, немцы начали нас бомбить. Бомба упала прямо в землянку, в

которой вместе со мной было пять медсестер. Девушки погибли, я же чудом осталась жива, хотя была контужена. И снова за работу: спасать людей в этом пекле, вытаскивать их из завалов. Теперь удивляюсь, откуда у нас брались силы!

Трижды она сама была ранена, оказывалась на операционном столе. После одного из тяжелых ранений в голову и пластической операции носа долго лечилась – потом снова в строй. Была безотказна и исполнительна, делала перевязки, ухаживала за ранеными, участвовала в операциях. Писала письма по просьбе солдат, читала им сводки Совинформбюро. Приходилось медсестрам и землянки рыть для раненых (6 кубометров на человека). Обслуживающий персонал госпиталя жил в палатках, спал на снегу...

– Однажды мы приехали в город Красный, освобождённый накануне от фашистов. На площади увидели повешенных молоденьких девчонок-предательниц, которые работали на немцев в гестапо...

Принимали по 25 машин раненых ежедневно. И вдруг «Мессершмидты» начали обстреливать госпиталь, располжившийся в школе. Я в это время как раз вызвалась унести грязные бинты, вату, гипсовые лангеты на отвал и была застигнута этим шквалом. Рядом со мной женщину убило. Она была с ребенком. Я взяла плачущую малышку на руки, мы прикрылись трупом, прошитым четырьмя пулями. Так обе и спаслись. Девочка эта выросла, живет в Ленинграде, недавно мы с ней встречались.

Медсестру Шурочку любили в госпитале не только за ее весёлый характер, но и за то, что она умела петь. За годы войны у нее сложился огромный репертуар, с которым она выступала на импровизированных площадках, нередко прямо под открытым небом.

– Эти минуты разрядки от постоянного напряжения так нужны были солдатам, – рассказывает А. В. Пчелинцева. – Помню, как пела «Серенаду» Шуберта, ариозо Лизы из «Пиковой дамы», «Ночь» Рубинштейна, и казалось мне, будто нет войны.

Муж Александры Васильевны тоже воевал, писал письма. А встретились Шура и Сергей именно во время концерта.

– Это было в 1944 году в прифронтовом лесу в Белоруссии, – вспоминает она. – Шёл концерт прямо на поляне. Я пела песню «Зачем тебя я. милый мой, узнала», тут и увидел меня муж – гвардии капитан Сергей Ширинкин. Начальник политотдела вызвал нас обоих на «сцену», радуясь вместе со всеми нашему счастью. Были вместе всего около часа. Оказалось, что уже почти неделю находились совсем рядом – в трёх километрах от нашего госпиталя стояла его часть.

Муж прошел всю войну от первого до последнего дня, участвуя в освобождении Белоруссии, Литвы. День Победы она встретила в Каунасе, демобилизовалась только в 1946 году. Но они уже были с Сергеем вместе. Год жили в Германии, часть находилась в Инстербурге. Оттуда вернулись с двухмесячной дочкой, потом у них родился сын. Это уже была мирная счастливая жизнь, о которой фронтовики так мечтали, веря в Победу.

Н. Лобанова

Искра. – 1995. – 6 апр. – С. 2.

СЕРАФИМА ЯЦУК

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО, НО БЕЗ ЖЕНЩИН НЕ БЫЛО Б ПОБЕДЫ

На всю жизнь остался у меня в памяти этот ясный воскресный день. Сначала по радио объявили, что через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение, а затем мы услышали голос Левитана: «В ночь на 22 июня фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз». Так в нашу жизнь вошла война.

Двадцать третьего утром я, тогда фельдшер детской поликлиники, была вызвана в военкомат. Его небольшое помещение было уже до отказа заполнено людьми – кто-то получил вызов, но в основном пришли добровольцы. Нас, девушек-медиков, получивших повестки, было 13. В этот же день первым эшелонам, отправляющимся на фронт, мы покидали родной город. Помню, как после митинга, после напутствий под звуки духового оркестра прозвучала команда: «По вагонам!».

Сначала мы держались – шутили, смеялись, прощаясь с родными, но вот поезд тронулся, замелькали под окнами лица провожающих, и уже ничто не могло удержать наши слезы.

Меня оставили в Перми, в медпункте учебного батальона. Потекли дни и месяцы палаточной жизни. Батальон на стрельбище – и ты с ним. Батальон на тактические занятия – и медпункт следом. Одних бойцов отправляли на фронт – на их место прибывали другие.

В августе 1942 года нас, троих медиков, командировали в Тулу, в 156-й полк. Батальон, в который я попала, направили в только что освобожденный Сталиногорск на охрану частично сохранившегося химкомбината. Не отапливаемое караульное помещение, 3-я категория питания, зловонный запах из полуразрушенного цеха... Среди красноармейцев росло недовольство. Всё чаще и чаще стали наведываться к нам в гарнизон службисты из КГБ. А положение на фронте в то время было напряжённым: только что вышел приказ 256, под которым каждый подписывался, как под присягой. Заканчивался он словами: «Ни шагу назад!» На основании приказа за всякое нарушение воинской дисциплины, неподчинение командиру военный трибунал мог вынести приговор: «...направляется в штрафной батальон, чтобы искупить вину перед Родиной своей собственной кровью». Штрафники попадали и в наш батальон. В основном это были бывшие заключённые, досрочно освобождённые с отправкой на фронт. Не долеченных после ранений, их направляли на охрану объектов, таких, как химкомбинат.

Навсегда сохранился в памяти случай, произошедший со мной зимой 1943 года, в батальон прибыла группа штрафников. Повели их в баню. Пока мылись, произошла авария с котлом для подачи горячей воды. В моечной вскоре стало холодно, а одежда их была отправлена в дезкамеру и ещё не возвращена. Солдаты кто анекдоты откалывает, кто частушки заворачивает – «уши вянут». Моё рабочее место – столик между шкафами в раздевалке, Здесь я перевязывала незажившие раны, делала санобработку. И вот вышли из моечной трое голых мужиков и устроили передо мной пляску. Схватила я со стола банку, запустила в одного, а он как скрутит меня – не вырваться. На крик прибежал командир роты, навёл порядок.

В тот же день я пришла к комбату с рапортом, в котором просила отправить меня на фронт. Прочитав его, он сурово взглянул на меня и скомандовал: «Кругом! Марш в санчасть!» Правда, на следующий день весь личный состав батальона был предупреждён об ответственности за дурные поступки с медработниками.

А Красная Армия наступала. Всё чаще передавались сообщения об успехах на фронтах. И вот в 3 часа ночи 9 мая 1945 года батальон был поднят по тревоге. После команды «Смирно!» взволнованный комбат произнес: «Товарищи! Победа!» Что тут началось: Крики «Ура!», стрельба последними патронами, слезы. Каждый в этот момент вспомнил о доме, где ждали нас наши родные.

Серафима Яцук

Искра. – 1995. – 5 мая. – С. 2.

АННА СЕМЁНОВНА МАЛЬЦЕВА

«ДО СИХ ПОР ПРОСЫПАЮСЬ ОТ СТОНА РАНЕНЫХ...»

– «Сестра, пить...». Столько лет прошло, а я нет-нет да проснусь ночью от чьего-то стопа. Опомнюсь, что бежать-то никуда не надо, но сна уже нет...

Слушаю рассказ Анны Семёновны Мальцевой, а воображение рисует огромную госпитальную палатку с двумя печками-буржуйками посередине и с установленными по периметру двухъярусными лежанками. На них - сорок послеоперационных больных с ранениями брюшной полости. Уколы, капельницы, перевязки... Один попросит дать ему судно, другой – убрать. А ещё нужно всех напоить, накормить... И вся эта забота лежит на ней, молоденькой медсестре, добровольно взвалившей на себя эту, кажется, нечеловеческую ношу...

...Её родная Старица, что в Калининской области, была освобождена в канун нового, 1942-го года после двух с поло-

виной месяцев немецкой оккупации. Чего не сделали снаряды, доделал огонь – от большого села остались развалины и головёшки. Поселились с матерью в соседней деревне в уцелевшем доме бабушки, а вместе с ними ещё три семьи. Узнав, что неподалёку развёрнут полевой армейский госпиталь, Анна пошла к его начальнику. Увидав новенький диплом медицинской сестры, тот не заставил себя уговаривать:

– Бери дома ложку, кружку и завтра можешь приступать к работе.

– Особенно трудно было первое время, – вспоминает Анна Семёновна. – Однажды начальник, видя, как я реву, по очередному скончавшемуся от ран, накричал на меня: «На всех твоих слёз всё равно не хватит!»

С полевым госпиталем № 2298, который двигался вслед за 31-й армией, она проделала путь от Ржева до Кёнигсберга. Здесь в июне 45-го повстречала бравого танкиста Георгия Васильевича Мальцева, грудь которого украшали два ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу». Через год, мобилизовавшись, он увёз её на свою родину Лысьву. Здесь один за другим появились на свет три сына...

Из стопки наградных документов Анна Семеновна достаёт самое дорогое сердцу удостоверение – к медали «За боевые заслуги». К этой награде старшину медицинской службы представили сентябре 1944 года за умелое лечение послеоперационных больных.

– Больше всего сейчас жалею, что не сохранила письма, которые получала от выхоженных мной бойцов, – сетует Анна Семёновна.

*О. Павлова
Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 2.*

САПЁР НА ВОЙНЕ В ОСОБОЙ ЦЕНЕ

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА ОЖГИХИНА

С МИНОИСКАТЕЛЕМ В РУКАХ

Среди многих женщин цеха эмалированной посуды А. В. Ожгихина почти ничем не выделяется. Разве только подмечали товарищи по работе особую строгость Антонины Васильевны, прямоту характера. Любое дело она выполняет очень точно, аккуратно и того же требует от других.

В обеденный перерыв, после смены женщины делятся с Антониной Васильевной своими думами, любят поговорить о жизни, цеховых делах. И почти никто до прошлого года не знал, что Тоня была на фронте: разговора за эту тему не заходило. Как-то осенью шли женщины с работы после второй смены. На улице – темно, грязно.

– Осторожней, девочки, здесь провод, может быть, электрический, – предупреждает Антонина Васильевна.

– Как ты его разглядела?

– Привычка от войны осталась. До сих пор не наступаю на провода и веревки.

– Почему?

– Так ведь я была минером-подрывником.

***

...Шёл второй год Великой Отечественной войны. Тоня работала тогда кассиром в аптеке. Но девушка постоянно чувствовала, что может сделать для Родины больше. Вместе с подругой Тасей Лялиной подали заявления в военкомат с просьбой послать добровольцами на фронт. И вот она уже в Тихвине, в батальоне авиационного обслуживания. Манило неизвестное – быть минёром-подрывником, тем более, что до 1943 года женщин-минёров не было. Тоня была одной из пер-

вых. Запомнилась учеба: днём занятия, а вечером и ночью готовили взлётные площадки для самолётов.

«Минёр ошибается только раз». В этом девушка убедилась вскоре, ещё когда обучалась. Пошли цепочкой на задание. Предупреждали – ни шагу в сторону. Один человек оступился – ноги как не бывало.

В группе пятеро девушек. Они тоже пришли добровольцами. Задачу свою все понимали отчётливо. Предстояло очищать от мин подступы к деревням, сёлам, взлётным площадкам, аэродромам. Наши самолёты должны, не опасаясь, садиться на любую территорию, освобождённую от немцев.

Враг хитер и коварен: оставлял мины там, где их совсем можно было и не заподозрить. Приходилось действовать осторожно, пуская в ход то миноискатели, то щупы. Порой сами удивлялись – страха не было, было только горячее желание сделать как можно больше.

Скоро о бесстрашных девушках-минёрах узнали многие. Обычно в ответственную разведку брали кого-нибудь из них, а чаще всего Тоню. Смерти в глаза смотрели каждую минуту, хотя на переднем крае не были, а шли след за своими частями. Немцы минировали любое поле, где мог взлететь самолёт. Аэродромы, обычно, взрывали, а если не успевали (наши войска их крепко теснили!), то оставляли бомбы с вывернутыми взрывателями. Надеялись на свои самолёты: одной-двух бомб с воздуха было достаточно, чтобы детонировали все, и аэродром взлетел на воздух.

В Эстонии девушки прибыли на большой аэродром. По всему полю разбросаны бомбы. Командир ушёл вперед, и как раз в это время показались вражеские самолеты. Кто-то крикнул:

– Ложись!

Рядом оказался какой-то стол. Залезли под него. Спасли зенитчики: они помешали самолётам сбросить свой груз. Командир потом смеялся:

– Нашли бомбоубежище под столом!

Не сладко приходилось девушкам, и все же шутки и песни всюду сопровождали минёров. Девушки выполняли ту же работу, что и мужчины: выкапывали бомбы, носили их, взрывали, готовили газоубежище. Считалось, что минёр пробира-

ется вперёд на машине. Но чаще всего приходилось самим десятки километров тащить машину: дороги и мосты были все разбиты. Шли по территории, где немцы оставили после себя только пожарища. Ночевали в землянках, а иногда и под открытым небом. И хотя все пятеро из разных мест, дружба была крепкой.

Особенно трудно приходилось, когда шли в разведку впереди своих войск, чтобы обеспечить посадку самолётам. Весной 1944 года под Ленинградом девушек на целую неделю отгородила вскрывшаяся река. Даже невозможно было подвезти продукты. Пришлось искать партизан, которые и поддерживали их. А иногда принимали и открытый бой. Батальон, где была Тоня, выехал для проверки аэродрома. Дорога шла по лесу. Впереди слышались выстрелы. И вдруг все стихло. Командиру это показалось подозрительным. Как только остановили машину, из-за деревьев полетели пули.

– Немцы! Засада!

Завязалась перестрелка, но силы оказались неравными.

– Потихоньку отходите, – раздалась команда.

Ползком, обходя опасные места, пробрались по лесу до своих.

День Победы Тоня встретила под Ригой. По праздничному сияло солнце, и больше не хотелось слышать взрывов. Хотелось петь, веселиться. Сердце так и рвалось домой, на Урал! Но наша земля еще хранила в себе опасность, и кто как ни минёры должны были ее ликвидировать, чтобы дать возможность людям спокойно заняться мирным трудом!

И Тоня снова продолжает свое опасное дело. Уже в конце июня, когда был получен приказ о демобилизации, в руках у Тониного командира взорвалась килограммовая бомба. Раненого, его увезли в госпиталь. Много видели девушки смертей.

Сегодня, в дни мирного труда, Антонина Васильевна говорит:

– Берегите и храните то, за что люди отдали свои жизни. Ведь им тоже хотелось трудиться, радоваться, растить детей! Берегите свою Родину!

Н. Шубенкова

Искра. – 1965. – 19 марта. – С. 1.

НА ПЯТАЧКЕ У ДНЕПРА

Двадцатилетний младший лейтенант Борис Суслопаров в гимнастерке, с медалью «За оборону Сталинграда» находился в окопе. Он видел, как на позиции его сапёрного взвода снова двинулась немецкая пехота, а впереди, изрыгая огонь и смерть, шли танки. Откуда-то издали долетели снаряды тяжелой артиллерии. Иногда они падали в Днепр, вздымая фонтаны воды.

По тяжелому дыханию Суслопаров чувствовал, что бойцы, стоявшие за его спиной, приготовились к броску. На этот раз даже не слышно было острых шуток взводного балагура Яши Филатова.

Волнами накатывались дикий рёв атакующих фашистов и скрежет танков, заглушавших взрывы противотанковых гранат, которыми отбивались сапёры. Черными коробками застыло несколько танков, один из них пылал ярким костром.

Суслопаров не слышал команды заместителя командира батальона капитана Корнеева. Он только увидел его темную фигуру с поднятым в руке автоматом.

– Вперёд! – и Борис даже не заметил, как выпрыгнул из окопа. Лишь где-то рядом раздалась шутка Филатова:

– Посмотрим на фашистов поближе!

Лязг затворов, вспышки огня, чьи-то руки с ножами и сапёрными лопатами – все смешалось в пылу рукопашного боя.

Отбив атаку, разгорячённые бойцы вернулись в окопы. Вспыхнули самокрутки, люди тяжело дышали.

– Немцы снова пошли в атаку

– К бою! – подал команду Суслопаров.

Однако на этот раз обошлось всё проще. По просьбе капитана Корнеева с того берега ударили «катюши». Прочертив небо огненными струями, снаряды обрушились на фашистов и заставили отойти.

Наступила короткая передышка. Младший лейтенант по ходу сообщения добрался до лежащей на берегу баржи, нырнул под неё, а затем по ступенькам спустился в довольно глу-

бокий колодец. Здесь на досках уже разместились уставшие бойцы.

...Наша разведка установила, что немцы заложили в плотину Днепрогэса десятки тонн взрывчатки и готовы были поднять ее на воздух. Вот почему в ночь на 14 октября 1943 года Суслопаров со своим взводом форсировал Днепр и захватил небольшой плацдарм на правом берегу. Следом переправился весь полк. С трудом продвинулись метров на шестьсот: остановили танки и артиллерия.

Все это было две недели назад. Кабель, проложенный врагом к Днепрогэсу, удалось перерезать. И вот теперь немецкое командование, не считаясь ни с какими потерями, стремилось сбросить советских бойцов в воду. Атаки повторялись одна за другой. От полка осталось не более 80 человек, но люди упорно цеплялись за каждый клочок земли, проявляя невиданный героизм.

Вот и сейчас, едва Суслопаров спустился в колодец, как появился солдат Михаил Дунаев. Он прибыл с того берега Днепра и доставил обед.

Михаил разлил суп. Он оказался горячим, душистым и вкусным.

– Сейчас и второе будет, – худощавая фигура солдата метнулась к другому термосу.

И так регулярно под обстрелом Михаил Дунаев по два раза в сутки совершал путь через Днепр.

«Это же настоящий подвиг, – подумал младший лейтенант. – Надо будет попросить, чтобы парня представили к награде».

Суслопаров окинул взглядом оставшихся бойцов. Многие погибли, но ни разу не отступили. Вот и на этот раз оставшаяся горстка солдат готова была насмерть стоять за небольшой пяточок земли, захваченной на правом берегу Днепра. Ведь от того, удержат ли они плацдарм, зависит судьба гидроэлектростанции.

Борис Суслопаров поднялся наверх. На горизонте показалось солнце. Внимание младшего лейтенанта привлекла груда щепок. Он с трудом вспомнил, что в тот день, когда

форсировали Днепр, тут штабелем лежали бревна. Пули и осколки за полмесяца превратили их в щепу.

А люди выстояли! Таких людей не победить!

С. Голышев

Искра. – 1971. – 31 янв. – С. 3.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ЦЫЛЁВ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПАВЕЛ ЦЫЛЁВ

Мужество

Улица тихая, окраинная. Весной, когда прыснет из земли трава, в маленьких садиках, приткнувшихся к домам, поют по утрам птицы. В эту пору их бывает особенно много.

Здесь, в Кирсе, и прошло его детство.

На доме, в котором он вырос, сейчас бежит массивная мраморная плита. На ней высечено: «В этом доме родился и жил Павел Николаевич Цылёв. За мужество и отвагу при форсировании Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года

ему присвоено звание Героя Советского Союза».

Сын потомственного металлурга, он был на войне лётчиком и сапёром. На открытом лице с высоким лбом светятся умные чистые глаза. Русые, с каштановым отливом волосы, чуть заметная радостная улыбка, военная гимнастерка, сильные широкие плечи... Таким он запомнился землякам и родным.

В память о бесстрашном воине ребята любовно оформили стенд, он находится в Зале боевой славы. На витрине под стеклом снимок: учащиеся беседуют с матерью Павла Николаевича. Тут же справки, документы. В школе хранится альбом, открывающийся портретом героя и его краткой биографией, на следующих страницах воспоминания, собранные юными следопытами. Вот лишь три страницы героической жизни Цылёва.

Самолёт не вернулся

Колючий ветер срывал с деревьев последние листья. Словно через сито на город сеял мелкий дождь.

В один из таких дней в Челябинское авиационное училище приехал лётчик-фронтовик, участвовавший в воздушных боях под Москвой. Он рассказывал о стойкости защитников столицы, о мужестве ленинградцев, подвигах и смелости авиаторов. За две недели посланец фронта сдружился с курсантами, учил их отыскивать цели, отражать атаки истребителей.

Однажды, кажется в канун Октябрьского праздника, сразу после митинга объявили:

– Едем на передовую. Программа не закончена, но бить врага будем не только по программе, но и силой русского духа. Отправка через час, таков приказ начальника училища.

Павлу буквально повезло, фронтовой инструктор Игнатов взял его в свой экипаж. Показывая на самолёт, сказал:

– Не беда, бомбардировщик хотя и легкий, но нагрузки не боится.

«Обстоятельства, к сожалению, не позволили мне написать раньше, – сообщил Павел домой, – недавно прибыл на фронт и уже бомбил фашистов. Через полчаса снова ухожу в полёт!..» На письме нет даты, но предполагается, что написано оно в начале декабря 1941 года, в тот момент, когда, под Москвой начался разгром крупнейшей группировки немцев.

...Самолёт достиг своего «потолка» и пошёл на северо-запад. Павел видел, как пилот Игнатов прижимает к губам микрофон рации и что-то передает экипажам других бомбардировщиков. Вскоре все звено изменило курс.

– Атака! Идем своим курсом!

С высоты скользнули вниз два истребителя, которые сопровождали звено, и сразу завязали перестрелку с «мессершмитами».

– Один есть! – закричал лётчик.

Немецкий истребитель загорелся, словно свеча и стал терять высоту.

Увеличив обороты винта, самолёт рванулся вперед и пошёл на цель. На окраине населенного пункта раздались первые взрывы.

– Возьми левее, кажется, там склады боеприпасов, – Передал пилоту Павел. Через миг он нажал кнопку бомбового люка.

Отлично, курсант! – улыбнулся Игнатов и развернул самолёт на обратный курс. И вдруг перед глазами ослепительно блеснул огонь. Самолёт вздрогнул, стал крениться на правую плоскость.

– Управления не чувствую, – сказал Игнатов, – зенитный снаряд срезал тяги. Попробую дотянуть, садиться некуда, Главное цель накрыта.

Но дотянуть до линии фронта не удалось. Машина врезалась в сугроб, а под ним оказался холм замерзшей земли. От самолета остались осколки. Игнатов погиб, а Павел получил тяжелое ранение. В бессознательном состоянии он пролежал полсуток. Потом откуда-то появились немцы, бросили Цылёва в машину и увезли в Юхнов, где находился лагерь военнопленных.

Вскоре наступающие части Советской Армия помогли вырваться из плена. Но состояние лётчика по заключению врачей было весьма тяжелым. Только через несколько месяцев лечения в тыловом госпитале он смог встать на ноги. Павел Николаевич сразу же обратился к врачу:

– Не списывайте меня, буду мстить врагам...

– Ещё чего! – усмехнулся военврач, – хватит отлетал свое. Весь как решето.

Пять раз Цылёв проходил комиссию, пока не добился своего. Врачи уступили, но приговор вынесли жёсткий: «Стрелковая часть, для тыловой службы».

Сто часов мужества

Медленно наступал зимний рассвет. К землянке, где располагалось отделение сержанта Цылёва, прибежал связной из соседней роты. Заглянув вовнутрь, он покачал головой. Бойцы спали. Под головами – какие-то ящики, связки гранат рядом автоматы. На самодельном треногом столе в котелке дымился чай.

– Сержант, – позвал вполголоса связной, – командир вызывает!

В углу кто-то заворочался. Застегивая на ходу вымазанный в глине полушубок, сержант спросил:

– Чего там стряслось?

– Танки! Целый полк.

– Не пройдут! – коротко ответил Павел. – Всю ночь работали. Подступы к высоте заминированы. Такая, товарищ, сеть – заяц не проскочит.

После доклада начальнику штаба Цылёв попросил разрешения:

– Измотались у меня ребята, как бы их не будить...

– Тебе и самому надо поспать, но, видно, в другой раз. Даю час: побриться и так далее. В полной форме прибыть на командный пункт для получения правительственных наград.

Однако торжественная церемония не состоялась: немецкие танки лавиной пошли на высоту. Судя по натиску, противник решил любой ценой вернуть сданные позиции. Бой продолжался весь день. А под вечер, когда силы наступающих иссякли, командир 110-й стрелковой дивизии приказал разминировать проходы и атаковать врага для полного уничтожения.

Павел Николаевич снова повёл бойцов на боевое задание. Обладая исключительной памятью и наблюдательностью, сержант лично руководил снятием каждой мины. Операция обошлась без потерь, но трое из отделения получили легкие ранения, в их числе и сам командир.

В медсанбате его увидел начальник штаба, которому тоже делали перевязку.

– А я за тобой адъютанта послал. Как закончишь процедуру, – ко мне!

Из штаба Цылёв вернулся с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

– Переходим, хлопцы, в состав ударного соединения, – сказал он бойцам, – пишите письма, завтра, говорят, почта отправляется.

...Памятный октябрь 1943 года. Над головой проносятся легкие бомбардировщики. Павел не в силах оторвать взгляд от серебристых птиц, улетающих в сторону Днепра.

– Хорошо летят, – шепчут губы.

У каждого человека на войне свой отсчёт времени, У одного – пройденные километры, у другого – танки, в которых горел, у третьего – ранение. У Павла Николаевича циферблат времени был свой: сколько раз бомбил вражеские тылы, сколько танков подорвалось на его минах, сколько подавил огневых точек врага. Не закончил он счет! Впереди новая операция, в которой он проявил особое мужество.

В течение пяти суток почти без сна и отдыха переправлял он через широкий Днепр людей, боеприпасы, технику. Лодка бесстрашного сапёра, ежеминутно рискующего жизнью, непрерывно находилась под губительным огнём противника. Взрывы бомб, мин и снарядов создавали невыносимые условия для переправы. Осколки вонзались в тела отважных воинов, вода обагрилась кровью, но переправа продолжалась.

Более ста часов находился Цылёв в этом пекле и не выходил из лодки до тех пор, пока вся часть не переправилась на правый берег. 9 октября 1943 года отделение Цылёва отбило четыре вражеских контратаки с танками. Павел Николаевич уничтожил до 20 гитлеровцев, взорвал вражеский пулемёт и захватил в плен пулемётчика...

А. Кипрянов

Искра. – 1975. – 25 марта. – С. 2

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ГРАЧЁВ

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ АМУРА...

В армию 20-летнего Ивана Грачёва из деревни Тара Саинского сельсовета призвали в 1940 году. Отправился молодой тракторист служить на Дальний Восток в 77-й отдельный сапёрный батальон третьей Крымской краснознамённой стрелковой дивизии. Батальон обеспечивал техникой строительные работы, которые велись в военном городке дивизии, на мостах и дорогах, а Иван привычно орудовал рычагами трактора, влоча тележки с грузом и копая канавы.

С началом войны часть перебазируется в село Константиновка на берегу Амура. Там сапёрный батальон уста-

навливал противотанковые мины вдоль берега. Закопанные весной мины осенью переставляли на другое место, опасное для прорыва танков зимой.

– Сапёры ставили мины, а я писал секретные формуляры об их расположении на местности, – вспоминает Иван Николаевич. – Как-то при очередном разминировании одной на положенном месте не оказалось – видимо, я что-то напутал. Всех вывели с минного поля, дали мне в руки шомпол и отправили искать «потерю». Тот страх я помню до сих пор. Я уже потерял надежду её найти, обессилено воткнул шомпол у ног, чтоб опереться и передохнуть, а он тихонько звякнул о корпус мины...

Боевые действия против Японии начались с того, что наши войска без единого выстрела переправились на пароме через Амур и, не встречая сопротивления, преследовали отступавшего противника. Ветеран припомнил лишь одну ожесточённую схватку в районе аэродрома:

Японцы прижали нас миномётным огнём, и мы не могли двинуться с места до тех пор, пока миномёты не подавили пушками.

Иван Николаевич демобилизовался в октябре 1946 года с медалью «За победу над Японией».

*В. Кучумов
Искра. – 2005. – 21 апр. – С. 5.*

ВАЛЕНТИНА МАРТЫНОВНА СОСНИНА

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

Ей только-только исполнилось 19 лет, когда услышала по радио о вероломном нападении гитлеровцев на нашу Родину. На танцы бы Вале ходить, в кино, заниматься любимым делом – радиотелеграфией,

Вместо этого пришлось с воздушной армией 1-го Украинского фронта сначала отступать, выходить из окружения, а затем с боями двигаться вперёд.

Опытных радистов мало, и Валентине Мартыновне нужно было не только поддерживать связь с Москвой, с передовыми частями, но и обучать новичков.

– Считала счастьем в первые дни войны уснуть 2-3 часа в сутки, – вспоминает она. – Нас часто бомбили. Вокруг рвутся снаряды, осколки летят, деревья падают – радиостанция в лесу находилась, – а нам работать приходится. Сквозь этот шум ловить свои позывные, а ведь всё закодировано.

Постоянно вела корректировку взаимодействия нашей авиации с пехотой. Летчики прикрывали солдат, помогали им укрепиться на занятых позициях. Один неверно принятый знак или несвоевременно переданная радиограмма могли стоить многих жизней. Это Валя знала хорошо. Ошибаться нельзя!

Вот поэтому, когда под бомбёжкой молоденький мальчишка-моторист, который заводил движок, питающий радиостанцию, сбежал, она не имела права растеряться. И хотя практически почти невозможно одновременно не дать заглухнуть движку и принимать и передавать радиограммы, Валентина Мартыновна сумела это сделать.

Вскоре ей был вручён орден Отечественной войны.

Как заместителю командира роты по политчасти девушке каждый день приходилось проводить политинформации, бе-

седы, читать газеты. Она успевала с подругами во время за-тишья выступать с концертами, читать раненым книги, газеты.

– Особенно было тяжело, когда при бомбёжке погибла вся смена радистов, одиннадцать человек, – вспоминает Валентина Мартыновна. – С начала войны были все вместе, а тут враз пришлось хоронить, Их место заняли мы, пока других радистов прислали.

День Победы девушка встретила в Вене. В звании старшины вернулась домой.

Н. Шубенкова

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 3.

ИГОРЬ ЛЕОНТЬЕВИЧ СУНЦЕВ

ДВА ОРДЕНА

У Игоря Леонтьевича Сунцева десять боевых наград, среди них ордена Отечественной войны первой и второй степеней, два ордена Красной Звезды, медали...

Об истории двух орденов этого человека мне и хочется рассказать.

* * *

Со школьной скамьи мечтал Игорь Сунцев о службе в авиации. Но служить пришлось на земле.

Двадцатитрехлетний красноармеец Сунцев участвовал в боях на КВЖД, громя войска белокитайцев. Позднее дрался с самураями у озера Хасан, воевал и с белофиннами.

Грянула Великая Отечественная война. Взвод связистов, которым командовал Сунцев, занимал школу. Из её окон виднелся Воронеж, объятый пламенем пожаров. В нижнем этаже школы держались немцы, второй этаж школы принадлежал связистам Сунцева и пехотинцам. Одна половина третьего этажа находилась в руках наших автоматчиков, а вторая – у немцев. Только четвертый этаж неизвестно кому принадлежал. Связи с командованием у Сунцева не было.

«Что-то нужно предпринять, восстановить связь». Эта мысль не давала Игорю Леонтьевичу покоя. Военные заботы

заглушали даже личное горе: накануне Сунцев получил известие о гибели сына.

Игорь Леонтьевич повернулся к солдату, который лежал у простенка, намереваясь послать его восстановить связь, как страшный грохот, дым и пыль наполнили комнату.

Сколько прошло времени, Сунцев не помнил. Придя в себя, увидел, что в комнате живым он остался один. Преодолевая боль, лейтенант попытался выбраться из-под кирпичей, но не смог. Наконец, освободился и вышел из полуразрушенной школы.

А связь нуждалась в восстановлении, и Сунцев направился вдоль телефонной линии. Вскоре у траншеи заметил убитого связиста. Тот зажал в кулаке обрывки кабеля.

Сунцев наклонился над солдатом, но удар по каске отбросил его в сторону. Падая, лейтенант успел выхватить пистолет и почти в упор разрядил его в трех гитлеровцев, выскочивших из траншеи. Четвертый, получивший от Сунцева удар в скулу, выронил автомат и расширенными от страха глазами глядел на пистолет советского офицера.

– Хенде хох! Пшёл! – скомандовал Сунцев немцу.

Позднее выяснилось, что немцы специально устроили засаду у тупа связиста в надежде, что устранять обрыв придёт новый связист, и они его заберут в плен. Но получилось наоборот.

За этот подвиг Сунцева наградили орденом Отечественной войны второй степени.

...Лето 1943 года. Битва на Орловско-Курской дуге. Фашистский дот изрыгал огонь и металл. Всего несколько метров разделяло его от пехоты и связистов старшего лейтенанта Сунцева. «Как его заставить замолчать», – сверлила голову мысль Игорю Леонтьевичу.

Связисты с удивлением проводили глазами своего взводного, умчавшегося в блиндаж. Через минуту Сунцев появился с двумя трофейными подушками. Он рывками пробрался в «мёртвое» пространство перед дотом, а потом, прижав подушки к груди, сделал резкий рывок, и подушками закрыл амбразуру дота. Он услышал сзади громкое «ура» и одновременно всем телом почувствовал, как словно кувал-

дой бьют ему по груди. Это били пули в подушку. В ту же секунду Сунцев сорвал с пояса гранату, вытащил зубами чеку и метнул в дот.

А вокруг уже шла рукопашная – советские солдаты крошили гитлеровцев.

За этот бой Сунцева наградили орденом Отечественной войны первой степени.

С. Голышев

Искра. – 1972. – 9 мая. – С. 2.

ИРИНА ПАВЛОВНА РУСКИХ

И ШЛИ ПО ВОЙНЕ ДЕВЧАТА

Телеграмма о добровольном призыве девушек на фронт пришла в ГК ВЛКСМ в майский праздник 1942 года. Мы с Машей Ковалёвой написали заявления, а в августе из Лысьвы уходили на фронт 13 девчонок.

Три месяца учёбы в училище связи в Чебоксарах, и снова 13 девушек, но уже в другом составе, были направлены в действующую армию под Воронеж – в 126-й отдельный полк связи 60-й армии. Началась наша четырёхлетняя фронтовая жизнь, обожжённая болью и горькой памятью о погибших.

На войне не было неженских специальностей: связисты, снайперы, зенитчицы, лётчицы и даже танкисты. Наравне с мужчинами мы делили все тяготы армейской жизни. Одевать в женское обмундирование нас стали только в 1943 году. И сейчас стоит перед глазами ротный старшина с аппетитной фамилией Борщ, который, чертыхаясь, вместо кальсон выдавал нам женские принадлежности...

5 июля 1943 года ранним утром с запада стал доноситься нарастающий, зловещий шум моторов. Затем, волна за волной, над нами прошли на большой высоте бомбардировщики со свастикой. Было их столько, что небо стало

чёрным. Подумалось, что, если сейчас они сбросят бомбы, не только от нас, но и от города Львова, под которым стоял полк, останутся одни воспоминания. Но самолёты, не снижая скорости, улетели на Курск. Там началось знаменитое сражение на Орловско-Курской дуге. Адские обстрелы, разрывы бомб, снарядов, гранат, пулемётные очереди - как выматывали они душу! Немец «гвоздил» нас без передышки из всех видов орудий. Кругом всё горело, падало, скрежет металла, гарь, дым. Казалось, не осталось уже клочка земли, где бы ни падал снаряд. «Твой это или нет?» - думалось при очередном звуке приближающегося шуршания с хрюканьем. Грохот разрыва, и мысль: «В этот раз пронесло...». И постоянный страх – не было бы опять обрыва линии связи, не пропустить бы вызов...

Нелёгко был путь отдельного полка связи от Воронежа до Праги. За образцовое выполнение боевых заданий, за обеспечение бесперебойной связи он был награждён орденом Красной Звезды и удостоен почётного звания «Тернопольский». А боевым успехам 60-й армии, в состав которой входил наш полк, Москва салютовала 25 раз!

*И. Русских
Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 2.*

МАРИЯ СТЕПАНОВНА КОНОПЛЁВА

НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ В ПАМЯТИ

Мне в этой войне пришлось быть участницей обороны города, в котором родилась революция, города Ленина. С июля 1942 года до последних дней войны я была радистом в морском артиллерийском дивизионе Кронштадтского сектора Балтийского флота. Будучи курсантами учебного отряда школы связи имени Попова, мы, девчата, должны были и учиться, и нести охрану Кронштадта наравне с бойцами, которые держали оборону крепости.

Знания, полученные в этой школе, закалка – всё очень пригодилось, когда несли службу в северном форту.

Форты, построенные еще при Петре Первом, были крепким и надёжным рубежом на подступах к городу Ленина. Это клочок бетона на земле. Враг находился от нас в нескольких километрах, и, естественно, форты ему очень мешали. В навигационный период нельзя было пройти ни вражеским катерам, ни кораблям. Зимой же по льду финская и немецкая пехота не решалась близко подходить к этим крепостям.

Делали фашисты несколько попыток подойти к нам, но вскоре задохнулись от шквального огня. Немецкие и финские катера, как осы, то и дело атаковывали дивизионы наших морских охотников. Но из этих атак враги выходили изрядно потрепанными.

И во всех боевых операциях, проводимых нашими батареями, совместно с морскими силами, морской авиацией и пехотой приходилось держать связь и вести корректировку огня нам, радистам. В районе Терийок находилась солидная батарея, а на колокольне церкви располагался корректировочный пост. Батарея наносила нашим войскам потери, обрушивала большое количество снарядов на Ленинград и Кронштадт. В корректировщиков советским артиллеристам прямой наводкой было попасть трудно.

Помогла наша авиация. Мы, в свою очередь, навели на цель наши батареи. Вскоре Терийокская батарея перестала беспокоить наши войска.

Личный состав нашего артдивизиона сыграл одну из главных ролей во время прорыва на Карельском перешейке в июне 1944 года. Батареи с форта били врага до тех пор, пока долетали до него снаряды.

В форту нас было 22 девушки-радистки. Жили в сырых кубриках. Если сумеем под носом у немцев привезти дров с берега – то согреемся, а нет – так живем. И не унывали.

*М. Коноплева
Искра. – 1965. – 18 апр. – С. 2.*

ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ГРОЗОЙ

Мария Афанасьевна Кошкина кратко рассказала о далёком довоенном детстве, годах учебы в Осинском педагогическом училище и более подробно – о вехах своей фронтовой биографии.

Все годы моей жизни были нелёгкими, – начала свои воспоминания М. А. Кошкина. – Воспитывала нас с двумя братьями мама одна – отец ушёл из семьи.

Начну с тридцатых – начала образования колхозов. Часто наша семья голодала, сидели без хлеба. При его выпечке в муку добавляли лебеду, озимые, головки клевера молотого, выжимки льняного семени. И этого хлеба ели не досыта, постоянно хотелось есть. В школу ходили в лаптях. Все деревенские ребята 6-х – 7-х классов помогали колхозникам: сажали, окучивали и убирали картошку, рвали лён, косили, гребли, жали серпом. Но уже тогда зарождались тимуровские помощники.

После окончания семилетки я поступила в Осинское педучилище. В 1941-м закончила его второй курс. И вот война. Запомнила митинг у сельского клуба, плач, рыдания, каждое утро провожали на фронт мужчин из нашей и соседних деревень.

Нам, студентам – третьекурсникам, вручили повестки с явкой в военкомат непосредственно на колхозном поле, в августе сорок второго. После кратковременных курсов в училище связи, всех отправили на передовую, на Северо-Западный фронт. Выдавали не по возрасту обмундирование (не было соответствующего размера) – серые шинели и большие сапоги. Жили все в землянках, обеспечивали связь между частями армий, часто приходилось самим ремонтировать аппаратуру.

В конце февраля 43-го наш отдельный 67-ой полк связи был переброшен в район Курска, где шли ожесточённые танковые сражения. В нашу задачу входило налаживание связи с дивизиями, корпусами, штабами. Давая срочные телефонограммы, мы всё чаще упоминали р-н деревни Прохоровка. Позднее освобождали Украину. Тревожным было форсирование Днепра, постоянно день и ночь шли бомбёжки. После освобождения Молдавии, перейдя государственную границу с Румынией, двинулись в Венгрию. Помню, румынское правительство поздравляло нас, девушек-связистов, с победами, удивлялись нашей стойкости, мужеству и каждой подарили отрезки креп-сатина на платья. Войну закончила в Чехословакии, в городе Влашим, встретив День Победы 9-го мая. Думали, демобилизуют, однако, нет. В июне сорок пятого нашу 53-ю армию направили на войну с Японией. Запомнилась тягостная, длительная поездка на Восток, товарные вагоны, двухэтажные нары. Война с японцами закончилась быстро.

*А. Кириллова
За передовую металлургию. – 2005. – 22 февр.*

АНТОНИНА КИРИЛЛОВНА ОДЕГОВА

СЛУЖИЛА ТЕЛЕФОНИСТКОЙ...

Ей было 18, когда началась война. С родной Кировской областью она попрощалась в 42-м. Эшелон девчонок прибыл в Кронштадт, где им предстояло закончить школу связистов и санинструкторов.

Вскоре 39-й прожекторный батальон расположился в селе Лебяжье под Ленинградом, с которого к тому времени уже сняли блокаду. Фронт проходил в нескольких километрах. Главной задачей батальона было как следует потрепать немецкие самолёты, постоянно летавшие бомбить северную столицу Советского Союза.

Антонина служила телефонисткой. Восемь часов работала одна смена девчат, восемь другая.

– Трудно, конечно, нам было, – рассказывает Антонина Кирилловна Одегова. – Как начинаю вспоминать, язык немеет. Волнение накатывает от всей этой жути военной...

Не обходилось, конечно, на войне и без радостных моментов. Бывало, и танцы девчонки устраивали. И чем меньше оставалось дней до Победы, тем больше таких событий происходило в батальоне. Особенно приятно было встретить земляка.

Один из них только-только закончил школу офицеров. За младшего лейтенанта Анатолия Одегова Антонина и вышла замуж. В Лысьву они перебрались в 57-м.

И. Михайлов

Искра. – 2005. – 10 февр. – С. 3

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ОРЛОВ

ПО СЛЕДАМ ФОТОГРАФИИ

Не так давно мне в руки попала небольшая, пожелтевшая от времени фотография. «Комиссар Стехов прощается с радистом В. Орловым перед отправкой на боевую операцию. Осень 1941 года» – эта надпись на оборотной стороне фотографии сделана рукой Д. Н. Медведева, бывшего командира партизанского отряда, в составе которого действовал отважный разведчик Николай Кузнецов.

А перед этим я был во Львове и Ровно, встречался с боевыми сподвижниками Кузнецова. Один из них, Иван Тарасович Приходько, настоятельно советовал мне разыскать у нас на Урале, в городе Лысьве, бывшего радиста Виктора Орлова, который одно время находился в Ровно вместе с Кузнецовым.

Пересняв редкую фотографию, я через адресный стол послал один отпечаток в Лысьву Виктору Орлову.

Через неделю пришел ответ. Виктор Михайлович писал: «На фотографии действительно я. Запечатлён момент перед отправкой на боевую операцию вместе с батькой Василием (Василием Доменовичем Мазуром). С чувством глубокого волнения рассматривал присланный вами снимок.

Увидел знакомые лица боевых друзей: Михаила Шевчука, Владимира Ступина и нашу радистку Шуру Мороз. Вспомнил о многом.

До войны я работал мастером в отделе связи Лысьвенского металлургического завода. В июле 1941 года по комсомольской путевке добровольцем ушёл на фронт. После специальной подготовки по радиотехнике был зачислен с отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, участвовал в битве под Москвой.

В марте 1942 года был направлен на специальные курсы по переподготовке радистов для работы в условиях глубокого тыла врага и попал в отряд полковника Д. Н. Медведева: 22 июня 1942 года вместе с другими партизанами на самолете был заброшен в леса Западной Украины. В этом отряде я находился вплоть до октября 1944 года. Мы, радисты, бесперебойно поддерживали связь с Москвой. Кроме того, для обеспечения связи с отрядом нам нередко приходилось участвовать в рейдах партизанских групп по ликвидации немецких гарнизонов, по уничтожению промышленных объектов и в других операциях».

Виктор Михайлович подробно описывает жизнь в отряде, боевые вылазки, в которых ему приходилось участвовать, рассказывает о душевных беседах у костра и, конечно, о Николае Кузнецове, которого в отряде, в целях конспирации, звали Николаем Васильевичем Грачевым.

В первые месяцы пребывания в тылу врага Кузнецов находился при отряде: усиленно готовился к роли немецкого офицера Пауля Зиберта. В свободное время он часто заходил к радистам. Народ мы были веселый, особенно девчата. Подолгу просиживали у костра за разговорами.

Зимой отряд располагался в лесу возле села Рудне-Бобровское. В лагере построили свою баню. Это был обыкновенный чум из жердей и веток с дырой для выхода дыма. На

коостре в больших котлах грелась вода. Однажды, как раз в тот момент, когда в бане мылись Кузнецов и радисты, от костра вспыхнули ветки на стенах чума, и баня загорелась. Как на грех, все только что намылились, в таком виде партизанам и пришлось выпрыгивать из чума в снег.

К началу нового 1943 года разведчики отряда прочно обосновались в Ровно. Кузнецов-Зиберт завел обширные знакомства среди немецких офицеров. Началась активная разведывательная работа. Все шло хорошо, но первое время не было оперативной связи с отрядом. Отряд находился на расстоянии 100-120 километров от города, и это создавало большие трудности в доставке разведывательных данных. Срочные материалы запаздывали и теряли свою ценность. Тогда-то командование отряда и решило направить в город радиста. Первой была командирована Валя Осмолова. Она успешно вела передачи в отряд и даже радировала непосредственно в Москву. Потом ее отозвали для другой работы.

«Хорошо помню, – пишет Виктор Михайлович, – как вызвал меня к себе в штаб Д. Н. Медведев и сказал:

– Товарищ Орлов, вы направляетесь на выполнение особо важного задания, связанного с большим риском, требующего от вас выдержки и спокойствия. Назначаетесь в распоряжение Николая Ивановича Кузнецова. Готовность – немедленно.

Когда я вернулся в чум, другие радисты уже догадывались, что мне предстоит поездка на связь и откровенно завидовали. Каждому хотелось побывать на таком деле. С Лидией Васильевной Шерстнёвой, нашей старшей радисткой, быстро разработали код и шифр для двухсторонней связи.

Переодетый в форму полицаю, с документом, подписанным каким-то комендантом Зурно и заверенным фашистской печатью, которая была изготовлена в отряде, в сопровождении связных Сергея Рощина и Николая Киселёва я прибыл на промежуточную базу, или как у нас говорили, на «маяк», находившийся на Кудринских хуторах.

Здесь базировалась группа из 25 партизан. С ними был и Н. И. Кузнецов. Все были рады: прибыл человек из отряда!

Начались расспросы о жизни в лагере, о сводках Совинформбюро, положении на фронтах.

Накануне моего приезда небольшой отряд партизан, переодетых в форму полицаев, во главе с обер-лейтенантом Паулем Зибертом, осуществил дерзкую операцию. Двигаясь по тракту на фурманках, они подбили две встречные автомашины и захватили видных гитлеровцев, возвращавшихся с секретного совещания из Киева в Ровно. Среди пленных оказались имперский советник связи подполковник Райс и начальник отдела рейхскомиссариата майор граф Гаан.

На «маяке» меня поместили в доме Вацлава Жигадло. Здесь же жили Николай Иванович и другие партизаны – половина группы. Остальные квартировали в другой хате, недалеко от нас. Там были помещены и пленные фашисты. Обе хаты круглосуточно охранялись. Днём партизаны на улицах не показывались. На задания уходили и приходили только на расвете или поздно вечером, с наступлением темноты.

Взяв с собой рацию, мы с Николаем Ивановичем отправились на допрос пленных. В отдельной комнате я увидел двух немцев. Один из них, черноволосый, с забинтованной головой и рукой на перевязи лежал на топчане. Ноги у него тоже были, видимо, повреждены. Это был майор Гаан.

Второй – подполковник Райс – тучный здоровяк среднего роста, с рыжей шевелюрой и небольшими круглыми, навыкате, глазами, сидел на топчане возле печки. Он отделался легкой контузией.

Кузнецов допрашивал каждого в отдельности. Перед фашистами Николай Иванович появлялся в форме обер-лейтенанта. Когда было жарко, он расстегивал верхние пуговицы кителя. Вёл себя спокойно, однако был очень настойчив.

Помню, Райс сидел за столом, перед ним лежали бумага и карандаш. Николай Иванович, расхаживая по комнате, всё время задавал вопросы, заходя то слева, то справа от фашиста. Если Райс по ходу допроса начинал давать ценные сведения, Николай Иванович просто кивал ему на карандаш и бумагу, предлагая записать сказанное, а если он медлил, то Кузнецов сам брал со стола карандаш, подавал в руки фаши-

сту, придвигал ему поближе бумагу и пристально вглядывался ему в глаза. Райс не выдерживал и начинал писать.

Гаан первое время вообще не хотел отвечать на вопросы, называл обер-лейтенанта изменником, предателем и т. д.

Но потом и он заговорил.

После каждого допроса Николай Иванович сосредоточенно обдумывал, обобщал материал, переписывал и отдавал мне для шифровки и передачи в отряд. На рации я работал в большой комнате хаты, на глазах у пленных. Допрос продолжался пять дней. Было получено много ценных сведений, а также была расшифрована захваченная в портфеле у Райса топографическая карта, на которой были нанесены все пути сообщения и средства связи гитлеровцев на территории Польши, Украины и Германии. С помощью этой карты было обнаружено местонахождение ставки Гитлера под Зинницею, возле села Якушинцы.

Все эти сведения были срочно переданы по рации в лагерь, а некоторые – непосредственно в Москву.

При допросе Райса Кузнецов не упустил случая прощупать почву относительно моей будущей работы в городе. Как бы невзначай заикнулся о том, что в Ровно уже заброшены и работают советские радисты. Райс ответил, что этому трудно поверить: ведь у немцев отлично поставлена пеленгационная служба.

Это заявление имперского советника связи оказалось весьма своевременным, поскольку нам с Кузнецовым только еще предстояло отправиться в Ровно.

Через несколько дней из Кудринки выехали сани, покрытые дорогим ковром и запряженные парой гнедых рысаков. В санях чинно восседал немецкий офицер Пауль Зиберт. Рядом с ним в добротных гражданских пальто сидели разведчики Николай Струтинский, Михаил Шевчук, Николай Гнидюк. За кучера, в расшитом украинском кожаном полушубке был Николай Приходько и рядом с ним – я, в форме полица. Наш путь лежал в город Здолбунов – крупный железнодорожный узел, в 12 километрах от Ровно.

Николай Иванович, нарушив молчание, неожиданно спросил у меня:

– Виталий (он иногда называл меня Виталием), а тебе не страшно! Может, и не придется вернуться!

Ну, что я мог ему ответить! Сижу, думаю о том, как лучше связь обеспечить. Это ведь не в лесу, где забросил антенну на высокое дерево и работай себе на здоровье, в городе – совсем другое дело. Ну, ничего, и там как-нибудь приспособимся.

В Здолбунов прибыли на рассвете. Остановились на конспиративной квартире братьев Шмерег. Не распрягая лошадей, выгрузили из саней привезенную для здолбуновских подпольщиков взрывчатку и боеприпасы. Николай Иванович помог мне снять с саней рацию. В это же утро Струтинский и Гнидюк разными дорогами пешком отправились в Ровно. А Приходько и Шевчук по заданию Кузнецова поехали в ближайшие сёла, надеясь обменять сани на хорошую бричку: была весна, в городе на санях уже не проехать,

На квартире Николай Иванович беседовал с прибывшими подпольщиками, а я через окна наблюдал за улицей и докладывал о каждом прохожем. После встреч с партизанами-подпольщиками Кузнецов подготовил радиограмму и отсюда же, из дома братьев Шмерег, я связался по радиации с отрядом, и теперь уже наблюдение вёл Николай Иванович.

Приходько и Шевчук выполнили задание, вернувшись на бричке, и в ту же ночь мы четвером выехали из Здолбунова в Ровно.

На одном из переездов, уже возле самого города, нас остановили жандармские патрули. Николай Иванович первым предъявил свои документы, и мы благополучно проехали контрольный пункт. А ведь под сиденьем в чемоданах у нас находилась рация, везли мы и оружие.

Солдаты, проходя мимо, приветствовали сидевшего в бричке офицера, который также отвечал на их приветствия. На улице Франко кучер повернул во двор дома № 6. Здесь жил его старший брат Иван Тарасович Приходько. Здесь была наша первая и основная явочная квартира разведчиков отряда Медведева. Во дворе мы с Николаем Приходько сразу же принялись выгружать из брички увесистые «офицерские» чемоданы.

Квартира находилась на втором этаже, и со двора к ней вела открытая крутая лестница с перилами по одной стороне. Первым стал подниматься Шевчук, за ним – Николай Иванович, а за Николаем Ивановичем – я с чемоданами в руках. И тут едва не стряслась беда: я споткнулся о ступеньку и, пытаясь удержаться, лицом и коленями уткнулся в ступеньки. Лишь чудом я удержался, не загремел вместе с чемоданами вниз. Кузнецов обернулся и на немецком языке зло закричал на меня.

В квартире, помогая мне разбирать чемоданы, Николай Иванович сказал: «Здорово я тебя отчитал, но ничего, так надо было, ведь во дворе находились люди». А я в шутку ему ответил, что за такое не мешало бы меня еще и подзатыльником угостить.

В первый же день я связался по радию с отрядом и передал радиограмму Кузнецова. Позднее из квартиры Приходько мне пришлось провести еще несколько сеансов связи. Потом обстановка в городе резко усложнилась. Начались облавы, тщательная проверка документов на улицах, усилилась патрульная служба на дорогах. Началась проверка документов и по квартирам. В один из вечеров на квартиру Приходько пожаловали проверяющие. В передней комнате их встретил Николай Иванович, предъявил свое удостоверение, любезно поговорил с ними, и всё обошлось благополучно. Тем не менее, эта проверка в квартире немецкого офицера насторожила Кузнецова: уж не попал ли он под подозрение!

И чтобы сохранить явочную квартиру, Николай Иванович принял решение всей группе разведчиков немедленно покинуть город. На той же бричке все шесть человек поехали на свой «маяк». Дороги были перекрыты и контролировались жандармами, поэтому нам пришлось выбираться по оврагам и какому-то скотскому кладбищу. Эти закоулки были известны только двоим – Струтинскому и Приходько. Так мы добрались до хутора.

Через несколько дней с «маяка» Кузнецов и другие разведчики вновь отправились в город. Я остался на хуторе. Связь между «маяком» и городом поддерживалась через специальных связных. 22 февраля 1943 года на «маяке» связ-

ному Николаю Приходько был вручен секретный пакет командования, который он должен был срочно доставить в город и вручить Кузнецову. По дороге возле села Великий Житень его остановили гитлеровцы. Потребовали документы. Начались расспросы: куда и откуда едет, что везёт. Один из жандармов полез в фурманку проверить, что лежит под сеном. Тут Приходько не выдержал, выхватил из-под сена автомат и открыл огонь по фашистам. В неравном бою героически погиб наш замечательный разведчик. Как только об этом стало известно разведчикам, они вновь покинули Ровно и вернулись на хутор.

На «маяке» был получен приказ – всей группе партизан во главе с Кузнецовым возвратиться в лагерь.

Первого марта 1943 года наша группа покинула Кудринские хутора. На фурманках ехали весь день. К вечеру достигли реки Случь, и на другом ее берегу, в селе Хотынь, на нас неожиданно напали националисты. Завязался бой. С криками «Ура!», «За Родину!», «За Колю Приходько!», партизаны с яростью обрушились на предателей Родины и разгромили их. Во время боя я всё время находился возле Николая Ивановича. Он не отпускал меня ни на шаг.

Рано утром второго марта мы прибыли в партизанский лагерь, приведя с собой несколько пленных. Лагерь еще спал. Нас встретили Медведев, Стехов и Лукин. Кузнецов отдал короткий рапорт о прибытии группы, и партизаны стали расходиться по своим подразделениям. Помню, я ещё стоял рядом с Кузнецовым, когда Д. Н. Медведев спросил, обращаясь ко мне: «Ну как, всё в порядке!» Я немного растерялся и не знал, что ответить. За меня ответил Кузнецов: «Всё хорошо».

Потом подошёл комиссар С. Т. Стехов и сказал мне: «Иди отдыхай с дороги, а то тебя там радисты не дождутся. Завтра обо всём поговорим».

Так закончилась моя командировка в Ровно, продолжавшаяся около месяца».

И. Тюфяков
Уральский следопыт. – 1968. - № 11. – С. 31-34.

АЛЕКСАНДР ИГНАТЬЕВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ

Трудовой путь начал в 1930 году 15 лет, в мартеновском цехе формовщиком-литейщиком. С 1937 по 1940 год служил в Красной Армии.

После демобилизации по рекомендации горкома комсомола был направлен в РУМ-2 мастером, где обучал группу формовщиков-литейщиков. С началом Отечественной войны многие ушли на фронт и требовались кадры рабочих. В ноябре 1941 года я досрочно выпустил группу формовщиков из 25 человек, которые влились в коллектив литейного отде-

ления мартеновского цеха.

С октября 1941 года проходил партийный набор добровольцев на фронт. Я подал заявление направить меня добровольцем. Просьбу мою удовлетворили и в этом же месяце я выехал в г. Березники, где формировался отдельный батальон политбойцов при Ленинградском пехотном училище. В декабре батальон выехал на формирование в Челябинскую область в состав 162 стр. дивизии. Меня направили в отдельный батальон связи начальником мощной радиостанции.

В мае 1942 года дивизия вступила в бой под Харьковом. Припоминается такой случай. 26 июня после тяжелых боев немецким танкам с автоматчиками удалось прорваться на командный пункт дивизии. У автомашины, на которой была радиостанция, вышел из строя мотор, нужно было вытащить машину из-под обстрела. Подвернулся тягач, но не было троса для буксировки. Мы связали жгут из телефонного кабеля, машина была отбуксирована и спасена рация.

В августе 1942 года рация и экипаж из 7 человек были переданы 38 стрелковой дивизии, которая вела оборонительные бои на подступах к Сталинграду в составе 64 армии Юго-Восточного фронта.

В трудный период (сентябрь-октябрь) машина с рацией была закопана на острове между Волгой в районе Сталгресс-Плитовка, а экипаж станции с переносной рацией РБМ находился на западном берегу Волги.

За бесперебойное обеспечение связью в трудных условиях 31 декабря 1942 г. меня наградили медалью «За боевые заслуги».

После завершения Сталинградской группировки дивизия была переименована в 73 гвардейскую стрелковую дивизию и вышла в состав 25 гвардейского стрелкового корпуса 7 гвардейской армии. Участвовал в боях под гор. Белгородом во время битвы на Курско-Орловской дуге.

В октябре 1943 года наш корпус форсировал Днепр, ушёл с боями в направлении Патихатки-Кривого рога, затем Молдавия, Румыния, Болгария. При форсировании Днепра я был ранен в голову – 10 месяцев госпиталя – пожизненно – инвалидом.

Баранов, П. С. Во имя жизни на земле. Кн. 4. Живи и помни / П. С. Баранов. – Лысьва : [б.и.], 2001. – 221 с.

ВЕРА ИВАНОВНА КАРЯКИНА

ОНА ПОМНИТ ЭТО ГОРЬКОЕ СЛОВО «БЛОКАДА»

Фронтовые будни краснофлотца Веры

Когда началась война, по призыву Лысьвенского городского комитета комсомола (а больше – по своему внутреннему порыву-желанию) Вера Ивановна Карякина написала заявление с просьбой отправить её на фронт. В городском военкомате комсомолке справедливо отказали – ей не исполнилось 18 лет. Но наша героиня нашла выход: поступила в школу связи краснознамённого Балтийского флота в Кронштадте. Полгода курсант Вера с подружкой-одноклассницей из Лысьвы Машей Коноп-

лёвой обучалась специальности телефонист-связист. Учёба способной девушке давалась легко.

Между тем обстановка на фронте становилась всё тревожней – враг рвался в Ленинград. С 30 августа 1941 года Кронштадт становится главной военно-морской базой Балтийского флота, поэтому, помимо учёбы, девушек стали отправлять в ночные дозоры. Они препятствовали проникновению на базу и в осаждённый город немецких диверсантов.

По окончании учёбы Вере присваивают звание «краснофлотец» и направляют в девятую роту связи. Задача роты – обеспечение связью подразделений Балтийского флота.

Краснофлотец Вера осознавала возложенную на неё ответственность. Ведь моряки-балтийцы, переданные в оперативное подчинение Ленинградскому фронту, осенью 1941 года первыми организовывали Дорогу жизни – связующую ниточку с осаждённым городом – ещё по воде, в период навигации. С помощью Ладожской военной флотилии в блокадный город доставлялись бесценные продукты и боеприпасы.

18-летие девушка отметила в Ленинграде. Она жила на Крестовском острове и по пути на службу или с неё сталкивалась с ужасами блокады: умирающие прямо на улицах от голода и холода ленинградцы, постоянные обстрелы фашистской артиллерии...

А вот поведанный Верой Ивановной интересный факт. К части, где она служила, было прикреплено «на еду» три известных артиста, в том числе и певец оперетты Кедров: так руководство страны пыталось спасти от голодной смерти музыкантов и учёных в то тяжёлое время. Ведь в обеспечении продовольствием защитникам Ленинграда всё же отдавался приоритет.

Не упасть духом среди фронтовых тягот нашей землячке всегда помогали занятия самодеятельностью. Не раз краснофлотец Вера пела для моряков, участвовала в конкурсах песни, в которых занимала и призовые места. Она писала маме домой в Лысьву: мол, всё у меня хорошо, родная, всё в порядке... Переписывалась и со своим соседом по улице чубатым Аркашей, с которым познакомилась ещё до войны. Он тоже бил фашистов на фронтах Великой Отечественной. В письмах

молодые люди договорились встретиться сразу же по возвращении домой.

Страница истории длиною в жизнь

2 декабря 1942 года Ставка Верховного главнокомандующего утвердила операцию Волховского и Ленинградского фронтов под названием «Искра». Местом прорыва блокады был избран узкий выступ, разделявший войска. 12 января 1943 года фронтам поступил приказ перейти в наступление южнее Ладожского озера и прорвать блокаду Ленинграда. Это удалось только к полудню 18 января: в районе Рабочих посёлков № 5 и № 1 произошла встреча двух фронтов. И в ночь на 19 января 1943 года радио Ленинграда передало: «Блокада прорвана!». Но тогда была восстановлена только сухопутная связь города со страной. Окончательно снять блокаду удалось лишь в ходе наступательных операций начала 1944 года. В числе других радость испытывала и краснофлотец-связист Вера.

Победный и радостный 1945 год... Вера Ивановна возвращается домой, в Лысьву...

А. Шеромов

Искра. – 2013. – 19 янв. – С. 11.

НИНА МАКСИМОВНА ШУЛАКОВА

В ВОЙНУ ПОГИБАЛИ НЕ ТОЛЬКО ОТ ПУЛЬ

Трудовой путь Нина Максимовна Шулакова начала ещё подростком пятнадцати лет - работала в яслях нянечкой. Позже заведующая детсадом, отметив ее тягу и любовь к детям, направила девушку на специальные курсы и перевела на должность воспитателя. Мама работала с огоньком, но судьба распорядилась так, что стать педагогом ей было не суждено.

Как-то раз она узнала о профессии телефонистки и во что бы то ни стало решила её освоить. Ко-

гда маму усадили за коммутатор и надели на неё наушники, она радовалась как ребенок. Ей было чудно, что невидимый человек говорит в уши, что-то спрашивает. Это сегодня, в наш технократический век, мы не удивляемся таким вещам, а в 30-е годы телефонная связь казалась чудом. В тот момент мама поняла: эта работа – смысл её жизни. Сама попросилась на телефонную станцию без оформления, чтобы поучиться. Уже за неделю выучила всю схему, и начальник узла связи, заметив способности девушки, распорядился оформить её телефонисткой. Мама трудилась с большим желанием, с радостью бежала на работу. Но... началась война.

Однажды на телефонную станцию пришел человек в форме и сказал: «Девочки, фронту нужны телефонистки. Кто хочет помочь Советской армии и встать в её ряды?».

Мама первая без промедления подняла руку, но военный сказал, что она слишком молода. Ей на тот момент было 18, но она была маленькой, худенькой - не давали и пятнадцати. Тогда она прибавила себе два года (в то беспокойное время сделать это было нетрудно) и сама пришла в военкомат. Так попала на фронт.

Служила в Эстонии, Латвии, Белоруссии. Большую часть службы провела в Ленинграде. Пережила все ужасы блокады - холод, голод, бомбежки, артобстрелы, смерть близких подруг, которые умирали у нее на руках. Сама чудом осталась в живых. Ей приходилось сидеть за коммутатором сутками, а то и дольше. Нельзя было отлучиться даже на несколько минут - телефонная связь требовалась и днем, и ночью.

Приходилось перекусывать во время службы. В блокадном Ленинграде было много крыс. Во время еды упадут на юбку крошки - а голодные грызуны тут как тут, лезут на платье. Пошевелишься – загрызут насмерть. Страшно представить, но такие случаи бывали. Да, в войну люди погибали не только от пули!

У начальства мама была на хорошем счету: умела быстро найти вызываемого абонента, работала четко, без промедлений, без ошибок.

Сам главнокомандующий Ленинградского флота (мама служила в звании матроса) не раз выносил ей благодарность, а однажды вручил боевую награду и пожал руку.

Чудом сохранилась лишь одна военная фотография 1943 года, где она в форме.

Т. Шулакова

Искра. – 2010. – 30 апр. – С. 4.

АНТОНИНА ФЁДОРОВНА ШАБАЛИНА

ТОГДА Я СКАЗАЛА: «Я И ЕСТЬ ТВОЯ ДОЧЬ...»

Меня мобилизовали в 1942 году. Направили в связь – полевую почту. Жили в лесу, в землянках, над лесом часто кружил немецкий самолёт-разведчик.

Когда советские войска пошли в наступление, нашу часть направили на Калининский фронт и дальше, до Румынии, а затем перебросили в Польшу. Помню, как заходили в Германию. Никогда не забуду тех ужасных картин. Как сейчас перед глазами огромная усадьба, собака на цепи, поросята застрелены, а лошадь гуляет без привязи. В дальнем конце длинного сарая, как оказалось, жили пленные. У меня насквозь промокли портянки, и из большой кучи тряпья, которую я увидела на земле, решила выбрать что-то сухое. Подняла тряпицы, а под ними трупы. Оказалось, при отступлении немцы расстреляли всех пленных и наспех забросали их же одеждami...

Рядом с этой усадьбой стоял костёл, и меня поставили на пост в охрану. Темно. Кручусь, чтобы ко мне никто не подполз. Вдруг недалеко от меня закачались кусты. Кричу: «Стой, кто идет!?!». Кусты зашевелились сильнее, и я выстрелила. Прибежал дежурный, осветил фонариком, но там уже никого не было...

В 4 часа ночи мы по тревоге уехали в один из городов на реке Одер. Собралось много солдат, все ждали, чтобы

перебраться на другой берег. И тут самолёты без опознавательных знаков - над самыми крышами домов. Начали бомбить, бомбы падали на переправу. После этого кошмара я оказалась без сознания - получила сразу четыре ранения. Первой мыслью было: умереть бы на своей земле. Но я выжила.

Лечили меня шесть месяцев в пяти госпиталях. Часто лежала без сознания, да еще мучила малярия. Перенесла три операции - доставали осколки. Один до сих пор во мне.

Но я выжила! Вернулась на родину, в Лысьву, в ноябре 1945-го. Захожу в дом, а меня родная мать не узнает, говорит: мол, у нее тоже дочь на фронте. Тогда я сказала ей: «Я и есть твоя дочь». Она бросилась ко мне, и мы горько заплакали. Господи, сбереги этот мир, и пусть на земле будет спокойная, счастливая жизнь без войны!

А. Шабалина

Искра. – 2010. – 6 марта. – С. 5.

АЛЕКСАНДР НОВОРУСОВ

НА ПОРОГЕ РЕЙХСТАГА

Май. 1945 год. Белый цвет яблонь покрыл всю землю, но нежный аромат цветов тонул в запахах гари, пороха и машинного масла.

Александр Новорусов, девятнадцатилетний паренёк, положив голову на катушку кабеля, лежал на соломе. Дома, на Урале, еще был снег и стояли морозные утренники. Здесь же на каждом клочке освобожденной земли уже сеяли.

Налево виднелся польский город Цейден, он на восточном берегу реки Одер. Отступая, немцы взорвали дамбы, и город был залит водой. Там советские солдаты вели спасательные работы.

Справа по тракту и по обочинам шли и шли колонны наших войск.

В ногах у Новорусова спина к спине спали однополчане Лучкин и Трифонов, оба из Челябинской области. Дальше спал командир батареи старший лейтенант Федосеев.

Пройдя курс обучения в запасном полку, а затем окончив школу радистов, Новорусов сразу попал в зимнее наступление под Варшавой. Карабин и радиостанция батальона стали его постоянными спутниками. А сам Александр превратился в спутника командира батареи.

...150-я Идрицкая дивизия в составе войск Первой ударной армии рвалась к предместьям Берлина. Обливаясь потом, с почерневшими от грязи лицами Новорусов и командир батареи мчались впереди боевых порядков стрелков. Старший лейтенант, пригнувшись, бежал с биноклем в левой руке и «лимонкой» – в правой.

С балкона полуразрушенного дома ударил крупнокалиберный пулемёт. Новорусов видел, как выскочив из-за угла, Федосеев бросил «лимонку», и пулемёт замолк. Комбат ловко забрался по водосточной трубе на балкон, а Новорусов бросился в подъезд и быстро выбросил антенну.

На ключе уже не работали, передавали шифрованным кодом.

– Две коробочки! – кричал сверху комбат, и орудия дивизиона по указанным координатам вели огонь по танкам.

– Правее два деления – бык, – и гаубицы поражали пушку противника.

Старший лейтенант прыгнул с балкона. Артиллеристы катили пушки на прямую наводку.

В наступивших сумерках виднелся мост через какой-то канал. Его словно сторожили чугунные львы, спокойно принимая на себя град пуль и осколков.

Новорусов с комбатом проскочили мост. Канал, тянувшийся от дома Гиммлера, казался пареньку кладбищем немецкой техники. Орудия дивизиона уже били прямой наводкой по зданию Кроль-оперы.

Сумерки сменила тёмная майская ночь. Бой затих. Автоматчики и связисты спустились в один из подвалов. Новорусов, поставив рацию на пол, упал рядом и сразу уснул. Перед глазами поплыли образы близких – старшего брата, погибшего в первые дни войны, дяди, отца, которых тоже сразили пули фашистов...

...До рейхстага оставалось 500 метров. На него и были направлены удары советских соединений. Каждое из них стремилось раньше других ворваться в рейхстаг.

Новорусов с комбатом на ходу непрерывно корректировали огонь батареи. Рейхстаг тонул в разрывах. Все центральные улицы немецкой столицы превратились в сплошные развалины, бушевали пожары и едкий дым застилал глаза. Возникла Шпрее, заваленная танками, бронетранспортёрами, перевернутыми вверх колесами машинами и горами трупов.

На окнах уцелевших домов немцы начали вывешивать белые флаги, простыни, полотенца.

– Что это? – удивлялись огневики. Но вдруг громовое «ура» покатило навстречу.

– Рейхстаг взят! – кричал Лучкин. – Наше знамя на нем!

Не чувствуя на спине тяжелой рации, младший сержант Новорусов, затертый в потоке ликующих войск, стремительно пробирался к серому зданию. Сотни воинов облепили его колонны, крышу, лестницу. Орудия, танки, автомашины на глазах Новорусова запестрели красными ленточками. Неслись звуки баянов, гремели песни.

Александр Новорусов долго глядел на дымившийся купол, где развевалось красное знамя. Неужели окончилась война? Не верилось. Затем, поправив пилотку и ремень, он твёрдо вступил на лестницу рейхстага.

Война окончилась!

С. Голышев

Искра. – 1969. – 8 мая. – С. 3.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ АНИСИМОВ

ОТ КУРСКА ДО БЕРЛИНА

Интересная судьба у Александра Павловича Анисимова: окончив курсы радиоспециалистов, в июле 1943 года попал под Курск во вторую танковую армию. Два радиаста-корректировщика полевой переносной радиостанции круглосуточно работали в боевых порядках пехоты, чаще непосредственно с брони танка, а когда требовалось, на нейтральной

территории. Один передаёт радиogramмы, другой следит за обстановкой, за противником. Разведка немцев стремилась засечь их. Зазеваешься – уволочут в плен. Поэтому у радистов, помимо станции, при себе автомат, граната – в любое время будь готов к бою,

Вспоминая боевые годы, Александр Павлович с гордостью рассказывает, что механизированная гвардейская танковая армия никогда не стояла в обороне, как правило, её основная боевая задача – прорыв на том или ином участке фронта.

Впервые танковый дивизион, где служил Анисимов, принял бой на станции Поньри Курской области, затем в знаменитом танковом сражении за Курск. Пехота ещё вела бои на Орловско-Курском направлении, изматывая и уничтожая врага, а гвардейская танковая была уже на марше на Корсунь-Шевченковском направлении. Её боевая задача – закрыть брешь, не дать соединиться двум группировкам противника. Не имея возможности развернуть артиллерийские и миномётные орудия, танкисты, пулемётчики, автоматчики вели огонь в упор. Задача выполнена, и вновь вперед. Пополняясь на ходу резервами, армия, обойдя Киев, идёт на Умань, форсирует Южный Буг, Днестр, затем Молдавия, Румыния...

В памяти ветеранов незабываемая картина – форсирование Южного Буга:

– Механизированные колонны: танки, артиллерийские и миномётные орудия, пушки – всё переправляется по понтонным мостам, где позволяет глубина – своим ходом, радисты – на плотках. В воздухе авиация противника. Велики потери в людях и технике, но задание выполнено.

Боевые задачи меняются быстро. Оставив стрелковые дивизии, танкисты двигаются в Белоруссию. Между Минском и Бобруйском армия остановилась. Александр Павлович вспоминает:

– Здесь пехотные стрелковые дивизии отстали, механизированные танковые дивизионы вязли в болотах. Враг силен, сопротивляется ожесточённо, танкисты стремятся прорваться. Но тщетно. Наш танковый дивизион попал в окружение, семь дней сражались танкисты, отбивая атаки противника. Выручи-

ли кавалерийские части. Прошли там, где застревала техника, очистили коридор и по нему вывели дивизион на соединение с танковой армией.

Не забыть и другой эпизод войны – бой за освобождение Варшавы. Сейчас много версий и споров: могли, не могли помочь вовремя восставшим варшавянам, а может, не хотели... Опыт очевидцев показывает – не смогли.

– Гвардейская танковая рвалась к столице Польши через Люблин, несколько дивизионов прорываются к пригородам Варшавы, к ним присоединяются восставшие, просят помочь. Но группировка фашистов сильна, тылы и наступающие дивизии застряли в обороне. И танкисты встали – нет горючего, почти окружены. Командование пытается помочь – горючее сбрасывают по воздуху. Но плацдарм удержать не удалось – отступили. Затем, пополнившись резервом, пошли в окружение, замкнули город в кольцо, подтянулись другие войска, началась битва. А танкисты вновь вперёд – прорыв в Померанию. Восточную Пруссию. Разрезав группировку противника, вышли на Балтику.

Впереди Германия: марш на Штеттин, затем Кюстринский плацдарм. И, наконец, перед глазами воинов долгожданная надпись: «На Берлин!»

Началась знаменитая операция – штурм Берлина. В памяти еще совсем молодого воина запечатлелись незабываемые картины грандиозной битвы:

– Закончена подготовка к наступлению, на основных участках на один километр расположено около 2 тысяч орудий. Войска стояли в несколько эшелонов. Готовы. Ждём. Началось! Под прикрытием истребителей идут в едином строю десятки эскадрилий бомбардировщиков, штурмовиков – начался массированный налёт нашей авиации, Возвращаясь, закрывают солнце. Началась артподготовка; на всех участках ведут огонь десятки тысяч артиллерийских и миномётных установок, над головами войск со своеобразным гулом и свистом, освещая небо, проносятся тысячи снарядов «Катюш». Казалось, такая плотность огня сметёт всё на пути. И вдруг тишина. И затем вспыхивают тысячи прожекторов зенитных установок, снопы огня вы-

свечивают позиции противника, в бой двинулись подразделения танковых корпусов, дивизий, Враг ослеплён, ошеломлён. Вместе и вслед за танками двинулись отлично оснащённые стрелковые дивизии». Таковы впечатления от незабываемой картины штурма.

А мой вопрос, как же ему удалось всю войну пройти в составе одной армии, ветеран с гордостью и волнением вспоминает своего командира, который был чутким, исключительно внимательным человеком, заботился и берёг связистов. И они ему платили тем же – Александр Павлович был ранен, дважды контужен и, как ни было трудно, лечился только в своём медсанбате. Вспоминает, что однажды вёл передачу почти оглохшим – его координаты слышат, а он ничего в ответ. Но рядом всегда или разведчики, или командир. В другой раз, ещё не окрепший после ранения, поехал со своими вперёд. И сколько было радости, когда поняли, что выстояли.

На моё замечание, что путь, пройденный им с танковым дивизионом, сложно проследить по карте, этот скромный, добрый, оптимистичный человек, смеясь, отвечает: «Да, свой путь я с полевой радиостанцией прокатил от Курска до Берлина на танке».

А. Дедова

Искра. – 1995. – 25 апр. – С. 2.

ФЕДОСЬЯ НИКОЛАЕВНА ЧИРКОВА

СВЯЗИСТКА

За стенами вагона холодный ветер Балтики превращал снежинки в надоедливые и злые колючки. Завывание пурги прервалось глухим звуком взрыва вражеского снаряда. Связист Федосья Николаевна Чиркова резко встала со стула, но доложить о разрыве было некому: все ушли на линию связи. Быстро накинув бушлат, взвалив на спину ставшую тяжёлой катушку и прихватив автомат, сержант выскочила из вагона. Большие валенки то скользили по обледеневшей поверхности, то, ломая корку льда, проваливались в сырое месиво сне-

га. По воронкам и звуку рвущихся снарядов она определила, что немцы вели не прицельный огонь, а, как всегда, били по площадям. Опытный связист и в то же время наводчик тяжелого орудия Чиркова знала, что их батарея, расположенная на железнодорожных платформах, после нескольких выстрелов уже сменила позицию и ждала новых данных с наблюдательного пункта. Но, как она поняла, снаряд разорвал линию связи, и она, теряя силы, спешила.

Еще издали Феня заметила силуэт большого наклонённого дерева и решила – обрыв там. И не обманулась. Изуродованные взрывом ветки печально покачивались, как бы дирижируя ветром. Сквозь пургу всё же увидела конец провода, болтавшийся на верхнем суку, второй конец отыскала в снегу.

Не раздумывая, Чиркова сбросила валенки и полезла вверх, нащупывая ногами разорванную и обледеневшую кору дерева. Ветер рвал ленты бескозырки, и только сейчас девушка почувствовала, что в спешке не надела шапку-ушанку. Ей показалось, что тысячи мелких иголок впивались в подошвы ног защищённых от холода только тонкими носками, но она заставляла себя сделать еще одно усилие и, наконец, добралась до провода, согревая дыханием окоченевшие пальцы, сержант крутила раскаленную морозом проволоку, ликвидируя разрыв.

И снова, залпы 4-го дивизиона 1-й морской бригады железнодорожной батареи заглушили завывание ветра...

– Сержант Чиркова, что с тобой? – как сквозь сон услышала Феня голос командира орудия Кристенкова и увидела черные точки бегущих к дереву моряков. Кто-то из них снял с её плеч катушку, а командир заменил бескозырку своей шапкой-ушанкой. Обмороженных ног девушка почти не чувствовала.

На батарее знали, что Чиркова приехала с Урала, где работала воспитателем детского сада. Окончив школу связистов в Кронштадте, пришла на батарею в 1942 году. Рослая, сильная, она вскоре могла заменить любого из оружейной прислуги. Правда, в последнее время девушка с трудом поднимала тяжелый снаряд - блокадный паёк, как и у всех, подта-

чивал ее силы. Командир батареи, выслушав рассказ сержанта Кристенкова о поступке Чирковой, сказал:

– Можете заранее поздравить её с награждением медалью «За отвагу». Наградной лист сегодня же отправлю в штаб.

Сержанту Кристенкову уже приходилось поздравлять храброго наводчика Чиркову с наградой, когда та, раненая, доставила по назначению секретный пакет.

...После прорыва, блокады старший сержант Чиркова прошла с морской бригадой тяжелой железнодорожной артиллерии всю Прибалтику и встретила день Победы на земле Восточной Пруссии, под Кёнигсбергом. К медалям «За отвагу» и «За боевые заслуги» прибавились медали «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда» и другие

С. Голышев

Искра. – 1995. – 23 февр. – С. 2.

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ АНИКИН

ГЕРОЙСТВА НЕ СОВЕРШАЛ

Нормально, – это была любимая поговорка у командира зенитной батареи. Сбили фашистский самолёт – нормально, быстро окопались, опять та же похвала солдатам от комбата.

...Стояли в Прибалтике. Поздняя осень. С неба идёт сырой снег. Где-то рядом – передовая. Слышна редкая ружейная стрельба, доносятся орудийные раскаты. Девятнадцатилетний Василий Аникин уютно устроился в ровике, под боком – телефонные аппараты. Рядом в небольшой лощине, подняв стволы к небу, стоят зенитки. Они замаскированы и ждут своего часа.

Орудийные раскаты усилились, и через лощину с шорохом полетели вражеские снаряды. Кажется, что вот-вот очередной снаряд обрушится тебе на голову. Хочется вжаться в землю.

Подошел комбат:

– Аникин, – сказал капитан, – соедини со штабом.

Покрутил ручку аппарата Василий, но штаб молчал.

– Связи нет, – ответил сержант В. Аникин.

– Восстановить! – приказал комбат и добавил: – чтоб нормально было.

– Слушаюсь! – ответил Василий, и, взяв в помощники солдата, отправился в путь. До штаба четыре километра. Местность открытая, лишь местами разбросаны кустики.

Шли, пригнувшись, держа в руке скользкий телефонный кабель. Но вот стали посвистывать пули. Залегли и ползком по сырой неуютной земле. Но, видимо, заметили связистов фашисты. Чуть сбоку над головами лопнул в воздухе шрапнельный снаряд. С визгом посыпались на землю свинцовые шарики. Василий видел, как с ближайшего куста какой-то невидимой косой срезало ветку.

Тело ещё плотнее прижимается к земле.

– Надо ползти, – говорит солдату сержант, – Надо.

И они ползут, при каждом разрыве шрапнельной гранаты прижимаясь к земле. Но вот рука ощущает, что кабель кончился. Обрыв. Находят другой конец, соединяют, ползут дальше. Давно намокли шинели, хлюпает в кирзовых сапогах. Снова обрыв. Работают ножами, зачищают, соединяют и дальше, дальше.

И как-то неожиданно увидели землянку связистов штаба полка. Удивились в землянке, спрашивают:

– Ведь обстрел. Голову высунуть нельзя. У нас повара убило.

Но Василий не слушает. Он тянется к аппарату.

– Батарея.

Слышен в трубке далёкий голос:

– Есть батарея.

Значит, нормально.

Половину войны прослужил Василий Яковлевич Аникин командиром отделения связи. И, как выражается сейчас, никакого геройства не совершал. С гранатами на вражеский танк не бросался, в рукопашную не ходил, а делал будничную солдатскую работу. Тяжёлую, полную опасностей, но нужную. И товарищи по работе в эмалировочном цехе знают, что если бы пришлось, то Василий Яковлевич и под танк с гранатами бросился.

И еще одно. Когда наш фотокорреспондент П. Шестаков по настоянию общественности цеха собрался фотографировать старого солдата, тот отнекиваться:

– За что? Не лучший я в цехе.

Но товарищи по работе знают, что их В. Аникин – лучший электрослесарь. Недаром седьмой разряд имеет. И безотказен. В огонь и в воду, если нужно, пойдет. Да и руки умелые, с любой автоматикой справляется.

Ю. Халтурин

Искра. – 1970. – 28 марта. – С. 3

АВТОТРАНСПОРТНЫЕ ОТРЯДЫ

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА МАСЛЕННИКОВА

ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

– В то далёкое время мне было около шестнадцати лет, – вздохнула Мария Васильевна Масленникова. – Я только что закончила семилетку, мечтала учиться дальше вдруг – война! Мне и моим ровесникам пришлось идти работать.

Поступила я на гормолзавод ученицей. После смены мы отправлялись на полевые работы в колхозы Лысьвенского района, собирали металлолом, помогали солдатским семьям: пилили дрова, мыли полы, сажали и убирали у них огороды.

В конце лета 1941 года в Лысьве открылись госпитали, начали поступать раненые. Мы, девчата, стали выступать перед ранеными воинами с концертами. Я до сих пор очень люблю петь и танцевать.

В 1943 году мне исполнилось восемнадцать лет. На гормолзаводе моими сверстницами были Дуся Борисова, Лена и Шура, фамилии которых я уже не помню. И вот мы вчетвером направилась в военкомат с просьбой отправить нас на фронт.

Нас встретили доброжелательно и предложили закончить трехмесячные курсы шофёров. Не стану рассказывать, как протекала учеба. После окончания курсов в качестве стажёров мы поехали развивать свои водительские навыки в Городец Горьковской области.

Всего из Лысьвы нас поехало более тридцати человек. На станции провожали с гармониями, было много народу. А меня провожала только мама – отец находился на фронте. Ехали весело. Ведь где молодежь, там всегда веселье. Как-то не задумывались, что ждёт впереди в эти суровые дни.

В Городце мне предложили остаться писарем при штабе. Я возмутилась: идёт война, люди сражаются с фашистами, а я

буду сидеть писарем! Одним словом, отказалась наотрез, решила стать военным шофёром.

И вот я в Харькове, получила там машину и прямым ходом на фронт. К тому времени от гитлеровцев были освобождены Днепропетровск, Киев, Гомель и Сумы. Дороги страшно разрушены, машины вязнут. Но шофёры – народ дружный. Завязнет автомашина – товарищи помогают вытаскивать её из грязи.

Конечно, нелегко девичьим рукам ремонтировать машину. В свободные минуты наш командир взвода не давал скучать: «А ну-ка, девчата, запевайте нашу песенку». И мы с Тасей Литвиной запевали.

Какой это был радостный день – День Победы! Но началась война с Японией, и нам пришлось грузиться со своей техникой в эшелоны и ехать на Дальний Восток. В Чите выгрузились с платформ и покатали в Манчжурию.

Проезжая через горы Малый Хинган, город Улан-Уде, я вспоминала уроки географии. Когда училась в школе, не представляла, как они выглядят. И вот увидела из кабины своей автомашины. Вновь разбитые дороги, буксующие грузовики...

В конце 1945 года демобилизовалась, вернулась в Лысьву и поступила на гормолзавод. Естественно, на меня все смотрели как на фронтовика, закалённого, волевого. Избрали депутатом городского Совета, поручили руководить стрелковым кружком.

В. Трошкова

Искра. – 1971. – 10 июля. – С. 3.

ЗОЯ ИВАНОВНА ТЕПЛОУХОВА

«А В СТОРОНУ НЕ СВЕРНЁШЬ – ВСЁ ЗАМИНИРОВАНО»

– Мою отправку на фронт по первой повестке отстоял В. С. Суходолов, начальник Лысьвенского райсобеса, – вспоминает Зоя Ивановна Теплоухова. – Там я работала после 9 класса учеником счетовода. Росточком была небольшая – 16-й ре-

бёнок в семье, поскребыш. Отсрочку от призыва заменили условием выучиться на шофёра. Учил нас шофёрским премудростям А. Строкач. Помню, со мной учились Оля Буракова, Маша Мотриченко, Аня Юферова.

В 1943-м по завершению курсов нас, 70 молоденьких девчонок, посадили в «пульманн», и покатила нас судьба на войну.

В Сызрани Куйбышевской области, в селе Переволоки, прошли переподготовку, совершили марш бросок и получили права водителей. И снова – товарный вагон. Спали на нарах, как сельди в бочке, по команде переворачивались на другой бок. Пока добрались до фронта, обовшивели! Командиры пайки наши прокутили, питались мы, чем могли, – оладьи картофельные пекли на буржуйках прямо в вагоне.

Ехали в действующую армию, на 1-й Украинский фронт, в 4-й Кантемировский корпус, 13-ю Гвардейскую, дважды Краснознамённую Тернопольско-Шепетовскую танковую бригаду. В Дарнице долго не могли переправиться через Днепр – всё попадали под бомбежку, со страху лезли под вагон...

Здесь Зоя Ивановна воочию увидела оставленные фашистами виселицы, а на них – повешенных евреев.

– За Днепром догнали, наконец, свою часть. Помылись, переодели нас. Старшина хохол Павел Оводенко – на построении оглядел нас, неуклюжих в солдатском обмундировании, и промолвил: «Шо я буду робить с вами, бабы...»

Аню Юферову отправили водителем в другую часть, а меня, Женю Добрачеву и еще одну девчонку оставили при штабе технического обслуживания танковой бригады. Солдат было много, и мы оформляли им бумаги, вели документацию на технику. В боях двигались вслед за танками. Жутко было на дорогах войны. Уши закладывало после артподготовки. На дорогах полно убитых, руки, ноги валяются. И в сторону не съедешь – все заминировано. Постоянно немецкие самолеты налетали бомбить. При отступлении фашисты сжигали за собой всё – вместо хат стояли только печные трубы.

Прошли с боями Украину, а из-под Кракова З. И. Теплохова демобилизовалась и уехала к родителям в Оренбург.

Г. Суслев

Искра. – 2005. – 4 мая. – С. 3.

ОХРАНА ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

ТАМАРА ИВАНОВНА СОЛАРЕВА

ТАМАРА

Целыми днями Тамара Ивановна Соларёва находилась в пошивочных цехах артели «Пятилетка в четыре года». В артели было много женщин. С болью в сердце слушала Тамара рассказы, кому что пишут мужья, отцы, братья.

Каждый раз возвращаясь домой, она мечтала увидеть треугольник с родным и так хорошо знакомым почерком мужа Николая. Но его не было.

Наступил 1942 год. Армии требовалось новое пополнение. В городском комитете комсомола Тамаре предложили поехать на фронт. Это была её мечта. Женщина с радостью согласилась. Вдруг да на фронте ей удастся встретить своего Николая!

В апреле вместе с другими девушками Тамара поехала в Москву. Им поручили охранять некоторые объекты столицы. День Тамары был загружен до предела. Строевая подготовка, военные и политические занятия, работа в пошивочной, где готовилось обмундирование для нового пополнения, а ночью дежурства.

– Стоишь на посту, – вспоминает Тамара Ивановна, – а мимо идут и идут эшелоны с красноармейцами. Думаешь: вот сегодня живы, а завтра... Перед глазами сразу вставал муж. Думала, что больше и не увидимся.

В жаркий день лета 1943 года в пошивочной тихо переговаривались девчата. В дверь заглянул дежурный.

– Соларёва, иди в дежурку. Там к тебе.

Тамара удивленно посмотрела на него. Поймав веселый взгляд паренька, поняла, что волноваться не стоит. Но сердце почему-то стало учащённо отбивать удары. Войдя в дежурную комнату, она увидела мужа.

– Живой!.. – только и смогла сказать Тамара, бросившись к мужу.

Теперь уже легче стало на душе, но Николай снова уехал на фронт, снова начались волнения. Правда, теперь Тамара часто получала письма. И всё же хотелось быть рядом с ним, там, на передовой. Своими мыслями она поделилась с подругой из Кирова – Аней. Вместе решили бежать. Но в штабе «тайна» раскрылась. Здорово тогда досталось им от командования, а мечта так и осталась неосуществленной.

Николаю Петровичу часто приходилось бывать в командировках в окрестностях Москвы, и каждый раз он находил возможность повидаться с женой.

Накануне 1944 года Тамару вызвали к дежурному. На встречу ей поднялся лейтенант.

– Вы Соларёва? Вот вам адрес вашего мужа. Сам он приехать не может. Поезжайте. От станции километров шесть.

Не чувствуя ног, Тамара побежала к командиру роты, чтобы получить увольнительную.

– Не могу. Получен приказ на 31-е число увольнительных никому не давать, – ответил он.

– Муж у меня здесь. Недалеко.

– Ты успокойся. Может, завтра разрешат.

Назавтра она, действительно, получила увольнительную, добралась до вокзала. Подойдя к окну кассы, вдруг обнаружила, что бумажку с адресом оставила, а название станции не помнит. Знает только, что билет стоит рубль семьдесят.

– Скажите, пожалуйста, куда можно доехать за рубль семьдесят? – спросила кассира.

– Есть три направления, три станции, до которых стоимость билета рубль семьдесят.

Какую выбрать из трёх? Ничего не оставалось делать, как идти на риск. Взяла билет до Переделкино.

От станции Переделкино она направилась в село, где остановилась военная часть. Был страшный мороз. Всю дорогу думала об одном: неужели не здесь?

Первое, что услышала Тамара, войдя в село, голос того самого лейтенанта, который приносил адрес.

А срок увольнительной истекал. Тут же пришлось отправиться в обратный путь. Но он ей показался страшно коротким: рядом шёл муж.

Сейчас она с улыбкой вспоминает эту встречу, названную «за рубль семьдесят».

...Наступил День Победы.

И этот день принес еще одно радостное событие в жизни Тамары: ей выпало счастье, быть участницей парада Победы в Москве, посвящённого разгрому гитлеровской Германии.

З. Ивченко

Искра. – 1965. – 12 мая. – С. 3.

ПАРТИЗАНЫ ПРИНИМАЮТ БОЙ

АЛЕКСАНДРА АРСЕНТЬЕВНА РЫЛОВА

В ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЕ

В годы Великой Отечественной войны Александра Арсентьевна Рылова была в партизанском отряде. Впрочем, предоставим слово самой Рыловой.

– Родилась я в Калининской области. В ту военную пору едва исполнилось семнадцать. Отец уже воевал на фронте, старшая сестра работала в госпитале.

Нас, девчушек-подростков, направили на строительство оборонительных рубежей под Ржев. Здесь-то мы и попали к фашистам в лапы. Согнали нас всех, испуганных и растерянных, в кучку и повезли куда-то в телячьих вагонах. Потом сказали, что в Германию. Со мной была подружка, Маша Козлова. Мы решили всё время держаться вместе: вдвоём не так страшно.

Дошёл поезд до Смоленска, а дальше путь разрушен – работа наших партизан. Нас, признаться, это очень обрадовало. Однако немцы усадили всех в крытые грузовые машины и повезли дальше, на запад.

Время стояло зимнее. Помню, остановились в небольшом белорусском хуторке. Конвойные закоченели, а о нас уж и говорить нечего.

Отогревшись в хате, тронулись дальше. И вдруг, когда подъезжали к Борисову, машины остановились. Немцы с руганью принялись девчат обыскивать. Оказывается, на хуторе кто-то похитил у немецкого унтер-офицера все наши документы.

Нас доставили в Борисовскую тюрьму и в одну камеру затолкали 26 девушек. Потом вызывали по одной, агитируя ехать в Германию. Никто не согласился.

Фашисты заставили работать на Борисовском заводе «Коминтерн». Ходили мы в деревянных башмаках, на телогрейках были намалёваны масляной краской белые кресты.

Это чтобы не спутали нас с военнопленными и гражданским населением.

От голода и эпидемии погибли многие. За малейший проступок жестоко наказывали. Но это не останавливало от мечты перебраться к партизанам.

Помню, в марте убежали четыре девушки. Шёл снег, и было очень холодно. Голодные и полураздетые они добрались до деревни Бродовка. Их схватили местные полицейские и расстреляли.

В наказание нас поместили в отдельный барак, усилили охрану. Около этого барака находилась столовая для гражданского населения. Продукты туда доставлял мальчик Вася. Он иногда, уловив момент, бросал нам через колючую проволоку куски хлеба и картошку. Этот Вася помог бежать двум нашим девчатам. Потом еще были побеги...

И вот осталось нас 17 человек. Неожиданно к нам определилась и стала работать девочка лет двенадцати, Валя Соколова. Все мы вымотались, сил больше не было, а Валя всё говорила: «Потерпите, девчата, ждите зелёного прокурора, тогда будет легче». Это она намекала на лето. Позднее оказалось, что Валя – связная партизанского отряда.

Однажды собрались бежать, соскоблили со своих телогреек кресты, дождалась ночи. Одним словом, всё обошлось хорошо.

Добравшись до леса, разделились на группы и разошлись в разные стороны.

Наша группа долго блуждала по лесу: мы плохо видели, дело в том, что от постоянного недоедания все страдали куриной слепотой.

Под утро наткнулись на деревеньку, возле нее на лугу парень косил траву. К нему послали Машу Козлову. Парень оказался своим человеком. Он помог перебраться к партизанам.

И вот я в отряде под названием «Большевик». Отряд ещё только сформировался. Тут-то мне и пригодились трёхмесячные медицинские курсы, которые закончила, учась на втором курсе Калининского индустриального техникума.

Позднее наш «Большевик» влился в партизанскую бригаду «Старик». Здесь я уже работала в госпитале. Приходилось все самой делать: и мыть раненых, и перевязывать, и доставлять их к самолёту для отправки на Большую землю.

Довелось мне отправлять на Большую землю и Валю Соколову. Валя стала приёмной дочерью моей мамы – своих родителей девочка потеряла.

В бригаде я повстречала своего будущего супруга, Петра, партизанского диверсанта.

Запомнился июнь сорок третьего года. Фашисты, терпевшие все возрастающее сопротивление, решили с партизанами основательно разделаться. Против нас были брошены крупные карательные отряды. Ежедневно с утра до вечера немцы бомбили и обстреливали базы. Партизаны из деревень уходили в леса. С нами уходило и население.

В июле сорок четвертого началось большое наступление Советской Армии по всей Белоруссии.

Вскоре повстречались с нашими войсками. После расформирования отряда мы с Петей остались восстанавливать разрушенные гитлеровцами города и села.

В. Трошкова

Искра. – 1971. – 8 мая. – С. 3

МАРИЯ СТЕПАНОВНА ПОЛЕЙКО

ОТВАЖНАЯ МАРИЯ

Школа, в которой в годы Великой Отечественной войны юная Мария Степановна Полейко вела уроки, была необычной. Не было парт в классе, учительского стола, ребята решали задачки в чудом уцелевших тетрадках, сидя на полянке в укрытии деревьев или в землянке.

Это было в партизанском отряде имени Кирова бригады Пономаренко Брестского соединения. А учениками М. С. Полейко (Стяжковой) были дети, которые уже хорошо знали, что такое война, бомбежки, об-

стрелы. Но они всё равно оставались детьми – с их вечными вопросами, дотошностью и пытливостью, и она рассказывала им в минуты задушевных бесед о звёздах, счастливых планетах, где люди не убивают друг друга, веря, что придет мир и в край, где они живут.

Марии было тогда чуть больше двадцати, но она была отважной партизанкой, выходила на боевые задания, принимала участие в операциях, за что не раз получала благодарности от командования.

А. Стяжков

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 7.

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ КИСЕЛЕВ

ОН УХОДИЛ ДОБРОВОЛЬЦЕМ

...Уже второй год шла война с немецкими захватчиками. Все советские люди тяжело переживали первые неудачи наших войск на фронте. Сутками не выходили люди из цехов завода. Каждый стремился внести вклад в дело разгрома немцев. Судьба Родины волновала всех.

Тяжело переживал поражения на фронте и молодой рабочий металлургического завода Владимир Киселев. У него всё чаще возникала мысль уйти добровольцем на фронт.

Сговорившись с товарищем – Костей Коневым, парни вступили в комсомол, рассчитывали по комсомольской путевке добровольно уйти на фронт.

– Никакого расчёта не будет. Вы думаете, здесь люди не нужны? Идите и работайте, – так заявили Володе, когда он обратился за расчетом в ОТК завода.

«Что ж, пойдём выше», – подумал Киселев и решил на этот раз обратиться к директору завода. Тот и разговаривать не стал.

Пришлось ещё несколько раз сходить в горком комсомола, чтобы добиться отправки на фронт.

И вот два молодых парня по комсомольской путёвке поехали на фронт добровольцами. В ЦК комсомола их направи-

ли в специальный отряд для прохождения необходимой подготовки. Старший отряда заявил:

– Придётся выполнять трудные задачи в тылу врага. Кто боится, трусит, тот может ехать обратно.

Но таких не оказалось.

...Сорок второй год был тяжёлым. Фашисты всё ещё надеялись захватить Москву. С целью отвлечь внимание и расконцентрировать силы противника, в тылу врага были созданы рейдовые отряды. В один из таких отрядов и попал со своим товарищем Владимир Киселев.

– Много пришлось повидать страха, – вспоминает он. – Ведь до этого даже ездить из города никуда не приходилось. А тут сразу на фронт да прямо к немцам в тыл. Разрушали коммуникации противника, взрывали мосты, переправы, встречались лицом к лицу со смертью. А сколько пришлось видеть разрушенных и разграбленных гитлеровцами сел и деревень!

– Было это летом 1942 года, – продолжает В. Киселёв. – Немцы, заняв деревню Вязовку и оставив посты наблюдения, двинулись на восток. Чтобы отвлечь силы противника, наш отряд, разведав подступы к деревне, под покровом ночи и при содействии местных жителей выбил немцев из этого населённого пункта. На следующие сутки фашисты с помощью танков вновь атаковали деревню.

Бой был жаркий, трудный. Вязовка три раза переходила из рук в руки. Вместе с пехотой немцев показались три танка. А у нас против них были только бутылки с горючей жидкостью, сделанные с помощью местного населения. Увидев это чудовище, кто-то из наших в панике закричал: «Братцы, пропали!». «Молчать! – приказал командир отряда капитан Артемьев. – Приготовиться к атаке!».

Вскоре на левом фланге был подожжён один танк, потом – другой. Третий повернул обратно, а за ним побежала и пехота.

В одном из этих боев был смертельно ранен мой земляк Костя Конев. Прощаясь со мной, он сказал: «Володя, передай лыевенцам, что мы не были трусами. Пусть они сделают то, что не смогли сделать мы. Прощай!». Так не стало Константина Конева.

После этих слов Владимир Семенович на минуту замолчал. – Полгода находились мы в тылу у немцев, – продолжал он. – Когда в отряде осталось всего несколько человек, получили приказ из штаба партизанского движения перейти линию фронта и вернуться к своим. Но суровая фронтовая жизнь продолжалась до конца войны.

*А. Маметьев
Искра. – 1967. – 8 янв. - С. 3.*

А. ЕВГРАФОВ

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

На Ленинградской земле, где я жил в Лужском районе, стоял прекрасный июнь. По ночам в рощах щелками соловьи, по улицам деревень вечерами слышались задушевные песни наших девчат и парней.

Жизнь была хороша! И вдруг война. Над деревнями, где еще вчера и не думали о ней, сегодня стали низко носиться, расстреливая всё живое, фашистские стервятники с чёрными крестами на крыльях.

Помню первое задание райкома партии.

– Враг приближается. Наша задача – угнать весь скот из колхозов в Ленинград.

И вот мы с товарищем гоним по пыльным дорогам стадо больше ста голов. Гоним, а наши сердца сжимаются от боли и гнева: в деревнях и на станциях мы видим разрушения и кровь наших людей.

Сдав скот на мясокомбинат, мы вернулись в деревню и стали партизанами только что организованного отряда под командованием И. П. Диева. Отряд был небольшой, но каждый из нас горел желанием мстить врагу.

И время настало. Мы стояли в лесной деревушке, которая звалась Пустыней. Наши разведчики донесли, что к деревне на автомашинах движутся около 200 вооруженных до зубов карателей.

Мы заняли оборону на опушке леса и так встретили «гостей», что они погрузили на автомашины больше половины отряда убитыми и ранеными.

Первая победа вселила уверенность. Так начались партизанские будни. Не ввязываясь в большие сражения, мы устраивали засады на дорогах, расстреливали вражеские автомашины, уничтожали обозы и небольшие отряды карателей.

Вскоре при выполнении задания меня схватили немцы в деревне Новая Середка и отправили в Лугу, в гестапо. Там бросили в конюшню, превращенную немцами в тюрьму. Мои соседуями оказались наши пленные, бежавшие из лагерей. Почти каждую ночь людей увозили отсюда на расстрелы.

Первый допрос. Меня довольно приветливо встретил немецкий офицер и начал угощать сигаретами. Я отказался, заявив, что не курю. Гестаповец предупредил:

– Признание спасёт вам жизнь. Вы – партизан?

Я отрицательно покачал головой.

Задав несколько вопросов о местонахождении партизанского отряда (на что я отвечал, что ничего о партизанах не знаю), офицер схватил резиновую дубинку и с криком «русские швайн!» ударил меня по лицу.

Меня так избили, что я не мог ни сесть, ни встать.

Допросы с избиением велись ежедневно. Но я твердил:

– Крестьянин я. Ничего не знаю.

В один из допросов подвели к петле, надели на шею. Гестаповцы кричали:

– Сознавайся или повесим!

Выручила наша партизанская подпольщица Лидия Антоновна Фёдорова. В селе, где меня схватили, стояла немецкая часть. Лидия Антоновна устроилась к немецкому военному врачу в прислуги. Она начала хлопотать за меня, дарила немцу различные вещи. Говорила ему, что я ей родственник, и меня, мол, схватили зря.

То ли гестаповцы поверили, что я действительно не партизан, то ли помог немецкий врач, но меня выпустили. Это было чудо. Вскоре я оказался снова у своих. Несколько дней

набирался сил. А затем с группой партизан пошёл на выполнение специального задания.

Мы замаскировались у шоссе, которое шло на Лугу. Вскоре показался автобус, набитый полицаями. Я бросил несколько гранат под колёса машины, и она, окутанная клубами дыма, ткнулась в кювет. Мои товарищи в это время строчили из автоматов. Только двое пытались отстреливаться, но партизанка Нина Дмитриева, бесстрашная девушка, быстро справилась с ними.

В отряде находились разные по возрасту и характеру люди. Запомнился шестнадцатилетний Витя Квит. Несмотря на молодость, этот парень уже прекрасно владел оружием, был смелым, инициативным. Витя хорошо знал и подрывное дело.

В одну из сентябрьских ночей группа подрывников вышла на железную дорогу Псков-Ленинград. Задание – подорвать эшелон с техникой и живой силой, идущий на Восточный фронт. Виктор быстро установил под рельсы мину натяжного действия, и мы стали ждать.

Показался эшелон. Он шёл медленно. Впереди паровоза – две платформы, гружёные песком. Подрывники их пропустили и подорвали мину под локомотивом. Под откос полетели вагоны, гружёные танками, орудиями, живой силой. Вскоре к месту крушения подошёл вражеский бронепоезд и начал обстреливать лес. Но мы были уже далеко.

Почти каждый день в ряды народных мстителей вливались новые люди. Помнится такое. Наша разведка донесла, что в городе готовится эшелон молодежи для отправки в Германию. Мы не могли допустить этого. Ночью в районе станции Серебрянка разобрали путь. Эшелон был остановлен. Перебив охрану, подошли к вагонам, раскрыли двери:

– Мы партизаны. Выходите, товарищи!

Юноши и девушки посыпались из вагонов, как горох. Когда их привели в лагерь, они изъявили желание стать партизанами.

Вскоре под Ленинградом действовала уже целая партизанская бригада, которой командовал тов. Корицкий. В это

время меня перевели в учебный отряд. Я стал обучать молодежь владеть винтовкой, автоматом и пулеметом.

После прорыва блокады Ленинграда бригада прибыла в этот многострадальный город. На митинге, устроенном в честь партизан, командир нашей бригады сделал отчет. Оказалось, что народными мстителями за эти годы уничтожено более 80 вражеских эшелонов, очень много живой силы, автомашин и другой техники фашистов. В общем, наша партизанская бригада нанесла серьезный урон противнику.

Партизанская жизнь для меня закончилась. Я перешёл в действующую армию, стал командиром отделения стрелкового полка. При форсировании Нарвы был тяжело ранен и попал в лысьвенский госпиталь.

А. Евграфов

Искра. – 1965. – 7 июля. – С. 3.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ЕРЕМЕЕВА

ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИЛСЯ ГОД

Продрогшие, голодные и испуганные, они стояли на плацу распределительного лагеря, с опаской поглядывая на охранников и надсмотрщиков. Три сестры, одна младше другой, пригнанные в Германию из разоренной Белоруссии. Дома, в деревне, занятой немцами, осталась мать с двумя малышками. Как она, милая, там одна? Где теперь отец? Из села его угнали вместе с дочерьми, но на станции отправили в другую колонну. Жив ли?

Позади три года жизни в немецкой оккупации. Три года неволи на своей земле. А впереди ещё более страшное: неизвестность и неволя на чужой, немецкой земле. Она стояла на плацу, а на шее болтался на цепи её лагерный номер 1007.

Ей было 16 лет. Маленькая, худенькая, совсем девчонка, она познала весь ад лагерного быта. В лагере восточных рабочих русских (так называли всех, кто попал сюда из Союза) поручалась самая чёрная и грязная работа: перебирать и возить на тачках уголь, чистить нужники, рубить дрова. Всех пленных кормили очень плохо, но чаще всего именно им доставалась баланда с червями, которую даже умирающие от голода люди есть просто не могли. В 5 часов утра полицейский проходил вдоль барачков, стуча в ставни дубинкой. «Ауфштейн!» – злобно кричал он, и этот стук, и этот крик долгие годы стояли в её ушах.

На фабрике, где они работали, было много французов, поляков, чехов, бельгийцев. Французы и чехи сочувствовали русским: часто делились с ними своими обедами, морально

поддерживали. У французов были приёмники и, хоть держалось всё это в секрете, они всегда знали, что происходит на фронте, где сейчас воюет Красная Армия. Она наступала. И пленные знали: советские солдаты рвутся к Берлину.

...Восточные рабочие. Надежда Михайловна Заруба (Еремеева) числилась в их рядах больше года. Но дольше века показались ей эти дни за колючей проволокой под надзором немецких полицаев. Впрочем, не все немцы были стервятниками – это признает Надежда Михайловна. Были такие, кто искренне жалел девочек. Даже строгий и крикливый комендант лагеря, видя, как мучаются русские без обуви, достал им где-то деревянные колодки. Немки, работавшие на фабрике, старались передать подросткам то чулки, то старенькие платья. А одна пожилая немочка всегда с грустью смотрела на невольниц. Жила она рядом с фабрикой и, бывало, выйдет к забору, позовет: «Надзя, подойди!» Сунет картошку...

Работавшие на фабрике немцы мало что знали о России. Один пожилой мастер часто спрашивал: «Правда ли, что в России собак едят?».

– Начнешь рассказывать, – вспоминает Надежда Михайловна, – о том, как мы жили, как нас сюда пригнали, – у него слезы на глазах...

Неволя. Этой доли сестры Заруба хлебнули сполна. Чужая земля, чужие стены, чужие люди.

И голод, страшный голод. Целый год, проведенный в неволе, Надежде снился один и тот же сон: её добрая мать протягивает ей через колючую проволоку кусок хлеба...

В конце апреля 1945 года начались усиленные бомбежки г. Ратенау. Бои проходили совсем рядом. 23 апреля комендант лагеря собрал всех невольников, встал на крыльце фабрики и сказал: «Русские на подходе. Переходите к американцам. Кто желает – возвращайтесь к своим. Двигайтесь на восток. Желаю счастья». Снял шляпу, поклонился, сел на велосипед и укатил.

Свободны! Город содрогался от взрывов бомб, а мы плакали от счастья.

Потом у сестер Заруба была трудная и длинная дорога домой. И вот родная станция. И первые горькие вести: колон-

на, в которую попал отец, была немцами уничтожена прямо здесь, на месте. Погибли многие односельчане.

А маму не узнать. Они помнили её красавицей с роскошными косами. Навстречу дочерям вышла худая седая старушка с бесцветными глазами. Весь год не находила себе места женщина, враз потерявшая мужа и трех дочерей и все эти годы мучившаяся неизвестностью об их судьбе.

...Надежда Михайловна Еремеева не любит вспоминать прошлое: слишком много пришлось пережить и слишком глубоки раны...

Е. Орлова

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 7.

АННА ФИЛИППОВНА ЛЕПИХИНА

НЕ ВЕРИЛОСЬ, ЧТО КОШМАР ОСТАЛСЯ ПОЗАДИ...

...Аня Бондарчук (Лепихина) родилась в 1926-м году в Киевской области. В 41-м немцы заняли их станицу, уже в июне. Вскоре пронёсся слух: здоровых ребят и девочек будут отправлять на работы в Германию.

Облавы обычно проходили ночью, – вспоминала Анна Филипповна Лепихина. – Прятались кто куда. Мама мазала мне чем-то руки и ноги, чтобы на них появились болячки - думала, хоть тогда не тронут. Ночевала то в поле среди посевов, то в сарае под сеном. Но однажды полицей всё же нашёл меня и за косы стащил с сеновала.

На площади перед милицией Анну впихнули в толпу подростков и молодых женщин. Окружённая конвоирами с автоматами в руках колонна двинулась к Киеву, пополняясь в каждой деревне кричащими от ужаса людьми. В городе всех поместили за колючую проволоку.

Через несколько дней их вновь построили в колонну и погнали на вокзал. Ещё издали все услышали музыку. Оказа-

лось, немцы под дулами автоматов устроили для угоняемых в Германию танцы. Осмотрев людей и выдав им небольшой паёк, всех погрузили в вагоны и повезли.

Состав, в котором ехала Анна, прибыл в Лейпциг. Здесь девчат определили на военный завод. Аня попала на сварку. Из-за маленького роста работа давалась ей с трудом. Однажды немец, бывший её наставником, поколотил девчонку и за косы отволол в сарай, где она просидела голодная сутки. Потом дали ей ведро и швабру, и до конца войны она проработала техничкой.

Кормили рабочих (среди них были поляки, итальянцы, французы) плохо – лишь бы с голоду не умерли. Однажды на обед дали тушёную капусту, в которой кишели черви. Есть никто не стал, и смена начала забастовку. В конце дня к ним присоединилась вторая смена. Удивительно, но никого из забастовщиков не наказали, а еду привезли другую.

Обычно на работу и с работы их водили под конвоем, но иногда девчонок отпускали в город одних. Как-то на трамвае они выбрались за город, где, по слухам, была посажена брюква. На обратном пути их задержали и посадили на ночь в угольный сарай. Утром, допросив, выпустили и даже брюкву вернули – поверили словам, что купили её.

Вместе с пленными на заводе работали немки. наших девчонок они жалели и даже подкармливали. Как-то Анна засмотрелась на красные туфельки одной из женщин. Заметив это, та на следующий день отдала их ей. А другая подарила бусы. «Жаль, не сохранила», – сокрушалась Анна Филипповна.

Подошёл 45-й год. Всё чаще воздух оглашался звуками сирены. Гул самолётов, бомбовые разрывы вселяли надежду на скорое освобождение. Однажды бомба угодила в русский барак. К счастью, в этот момент все его обитатели были на работе.

– По заводу ходил слух: если сирена будет гудеть 15 минут, значит, войне конец. И вот этот желанный момент настал. Под непрекращающийся звук сирены все побросали рабочие места. Кто-то плакал, кто-то смеялся. У нас один мастер был жестокий, так люди всю злость выместили на нём, забили насмерть, – рассказывала Анна Филипповна.

Американцы, освободившие Лейпциг, передали русских через три месяца. Анна Филипповна до сих пор волнуется, рассказывая, как их погрузили в вагоны и отправили на Родину.

Помню, подхожу к дому, а наши копают картошку. Слезы полились рекой. И ещё долго не верилось, что я дома, что весь пережитый кошмар остался позади...

В. Брек

Искра. – 2005. – 12 апр. – С. 3.

АНТОНИНА ГРИГОРЬЕВНА ФЁДОРОВА

«НАДЕЛИ ПОЛОСАТУЮ РОБУ И ДЕРЕВЯННЫЕ КОЛОДКИ...»

В 1941 году мне было 16. Окончила 10 классов (пошла учиться с 6 лет). Хотела стать учителем. После выпускного утром прошёл дождик. У нас в Курской области случаются ливневые дожди с большими грозами. Наутро мы с женщинами пошли засыпать вымытые дождём рвы. Обедать сели в ложбинку. Женщины пели песни, мы тоже. Вдруг показался мальчик на лошади. Все вздрогнули – в селе у нас часто бывали пожары: дети оставались одни дома, баловались огнём, а крыши

соломенные...

Он подъехал и говорит: «Идите домой. Война...». Женщины постарше, знавшие первую мировую, закричали, заплакали.

Когда мы пришли в село, там уже стояли первые мужчины, которым передали из района повестки по телефону.

Отца забрали на войну 14 августа 1941 года. А в декабре 41-го он пропал под Москвой без вести. 14 октября 1941 г. нас оккупировали немцы. Вошли в село, где остались подростки, старики-мужчины да женщины с детьми. Сразу начали зверствовать - расстреливать, вешать. Помогали им предатели, бежавшие с фронта и прятавшиеся в погребах до прихода нем-

ца. Кажется, и сейчас слышу лай собак, визг свиней. Скот уводили, забирали всё – у кого что было.

Старики, дети и подростки-мальчики прятались в лесу, думали, враг скоро отступит, а он продержался до сентября 1943 года. Не было никакой связи с миром, не было ни спичек, ни соли, ни керосина. Чтобы затопить печку, били камень о камень, высекая искру...

В 1942 году, 7 ноября, над селом летал наш кукурузник (так называли в то время аэроплан). Сбросил листовки размером с газету «Искра» – один лист на русском, другой – на украинском. Из неё мы узнали, что фронт есть, что рано или поздно фашиста погонят. Мы, три парня и три девчонки, сидели на берегу у речки в лодке. Взяли эти пачки – они не открывались, были крепко упакованы. Полицай это всё видел, заявил в комендатуру, и нас утром подняли с постели в чём были, угнали в район в тюрьму. А оттуда на станцию, где были вагоны, уже заполненные женщинами, детьми, подростками. Руководители наши не знали, куда нас повезли.

Два месяца ехали до Германии. Привезли во Франкфурт-на-Майне. За дорогу многие остались в пропускниках – кто ослаб, там их уничтожали. Привезли в распределитель тех, кто остался в живых.

Приходили хозяева, брали здоровых на работу. А мы ослабели... Ночью приехал фургон и увёз нас в лагерь. Двухметровая кирпичная стена, проволока под током внизу и вверху. Одели в полосатую робу и деревянные колодки. Написали «OST», т.е. восточные, и погнали на работу на завод под конвоем с собаками.

Но так длилось недолго. В мае 1943 года американцы разбомбили заводы, бараки сгорели и остались мы за кирпичной стеной под открытым небом. Голод, холод, унижение - всё пережили. Рады были, что американцы бомбят – наутро нас угоняли разбирать завалы.

Первый раз на железной дороге разбомбили состав с мукой, мы делали со снегом лепёшки и ели. Да ещё картошку, свёклу сырую. Неподалёку стояли склады с горелым сахаром. Полицай-старик (он был в плену в России) разрешил нам с подругой слазить через дыру, но надо было быстро вернуться

в лагерь: если случится бомбёжка – сразу пускали ток. Мы сахару набрали, только отошли от склада – сирены! Как доплелись до лагеря, не знаю. Я сняла с себя куртку, положила на провода, пролезла подруга, за ней сама. К проверке мы успели...

В 1945 году, в феврале, мы с ней бежали. Ходили, ходили, а пришли снова к лагерю. Нас снова бросили в бомбоубежище. 17 марта 1945 года нас освободили американцы, а немцы-рабочие вывели за завод, на луг. Разведка американская думала, что это трупы. Но через неделю поместили в эсэсовские казармы, и там нас выхаживал Красный Крест. Всё пережитое в Германии осталось позади...

А. Фёдорова

Искра. – 2000. – 11 апр. - С. 3.

ПЁТР СТЕПАНОВИЧ КОСИН

И ПОГНАЛИ ПЛЕННЫХ НА ЗАПАД...

Рассказ Петра Степановича Косина оказался совсем не похожим на военные истории, которые бережно хранят в памяти старые воины. Ветеран не стрелял, не ходил в атаку, но военного лиха хлебнул полной чашей.

...Молодой деревенский парень из Ростовской области, успевший до войны поработать учителем, не провоевал и дня: два эшелона, в которых следовало не меньше полутора тысяч солдат, попали в окружение. Немцы погнали пленных на Запад, мимо полей с кукурузой и свёклой. Попытки оголодавших солдат дотянуться до съестного пресекались автоматными очередями.

В один из перегонов Пётр заметил: кое-кто из соседей по строю шмыгает в раскрытые калитки хат и исчезает. Рискнул и он. В хате на окраине села ему велели быстро снять рубаху и сесть за стол. Не успел он проделать это, в комнату зашёл немец. «Это наш работник обедает», – спасла хозяйка...

О том, как в калошах добирался до родной земли в лютый мороз, Пётр Степанович вспоминал с большим нежеланием. По возвращении в село «неблагонадёжного элемента» (болгарина, к тому же побывавшего в плену) быстро опреде-

лили в лагеря – сначала в Краснодарский край, потом – в район Кизела, где строили железную дорогу. Не умереть от скудной кормёжки – каши из гречишной лузги и рыбьей кожи – опять же помог случай. Доходягу увидел знакомый солдат, заводивший складом...

После нескольких лет лагерной жизни Пётр Степанович стал налаживать жизнь мирную - устроился на работу, завёл семью. Сейчас вместе с ним супруга, радуют дети, внуки. Вроде бы, всё как у всех, но... Ярлык «неблагонадежного элемента», по словам ветерана, преследовал его и потом. Казалось, к шушуканью за спиной, к недоверчивым взглядам надо бы привыкнуть, а ему не давали покоя мысли: «Разве я виноват, что наш эшелон окружили враги? Разве не прав был, когда не пошёл в батраки к немцам, а устремился к своим, родным?!».

С. Лямзина

Искра. – 2005. – 4 авг. – С. 3.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ НЕЛЮБИН

У КАЖДОГО НА ВОЙНЕ БЫЛА СВОЯ НОША

Сегодня мы публикуем рассказ человека, прошедшего почти всю войну в немецком плену. Многие пришлось пережить Александру Ивановичу Нелюбину. Но томясь в неволе, работая впроголодь под дулами автоматов, ни на минуту не усомнился он в нашей победе, не теряя веру в освобождение».

До войны закончил 7 классов, Учился в ФЗУ на токаря, Одновременно – на вечернем отделении техникума, Призвали в армию, где зачислили в отдельную учебную роту при 11-й армии. Тут же была полковая школа. В ней готовили командный состав. Мы вышли бы оттуда лейтенантами, если б не война.

Она застала нас в Литве, в Каунасе, Наш 89-й полк был брошен на Минское направление.

Мощь немецких атак мы почувствовали уже в четвертый день войны. Артиллерийская канонада сменялась налётом авиации: бомбили постоянно, В грохоте боя ничего не было слышно. Посмотришь друг на друга: все чумазые, чер-

ные от гари. Кругом лежат искромсанные тела, руки, ноги, просто куски мяса.

Продержались целый день. Немцам пройти не удалось, На второй день командир полка вызвал добровольцев. Откликнулись 5 человек, в том числе и я. Нашей задачей было удержать противника хотя бы в течение двух часов, прикрыв отход полка, от которого осталось всего 130-140 человек.

Продержавшись 11 часов, я отошёл, Четырёх ребят, бывших со мной, убило, Мне их не удалось даже похоронить – лишь кое-как присыпал тела землёй в окопе.

Догнал остатки полка. Ребята, увидав меня, сказали: «Саша, ты поседел», А я говорю: «Это пыль». Но потом сообразил: «Главное, жив остался, а моя невеста всё равно где-нибудь найдётся». Немцы продвигались быстро, Но мы оказались у них в тылу. Надо было выбираться к своим. Разбившись на группы, отходим. Наша группа из семи человек пробиравась 2 недели, пока не вышла к литовскому хутору. Заночевать решили в сарае.

Ночью вдруг слышим шум. Мотоциклы. Решили прорваться поодиночке. Я на подходе к лесу был, когда рядом разорвалась граната. Так я попал в плен.

Меня раненого в обозе довезли до г. Сувалки, где присоединили к большой партии военнопленных. Сначала меня бросили в какой-то подвал вместе с другими людьми. Немцы объявили: «Забудьте, кто вы. У вас теперь нет ни имени, и фамилии, есть только номер, за потерю его – расстрел. Мы вас вылечим и повезем к себе. Вы будете работать на рейх и свободную Германию».

Нас долго гнали. В пути многие пытались бежать. Но это было бесполезно. Немцы были на мотоциклах, на лошадях, вокруг овчарки. Если в колонне кто-то падал, делал шаг в сторону, велась немедленно автоматная очередь, а на дороге оставались трупы.

Мы остановились в 30-40 километрах от Кёнигсберга в г. Летцене. Поместили в барак. Всё тело чесалось, было расцарапано до крови – донимали вши. Поставили прививки против тифа.

Работал я на строительстве дороги. Кормили плохо. Давали картофельную шелуху (мы ее избегали есть, чтобы не заразиться дизентерией), капусту, свеклу и горячую похлебку. Некоторые ребята умирали от заворота кишок. И тогда нас стали кормить чёрным хлебом по 200 граммов. Это был так называемый эрзац-хлеб, смешанный с опилом. Давали махорку с надписью по-немецки «Табачные изделия специально для русских военнопленных». Некоторые этот табак не курили. При плохом питании он раздражал всё внутри.

Справившись с дорогой, перешли на копку картофеля. Досыта хоть её поели.

Когда наступили заморозки, меня и еще одного товарища отправили на фабрику в Кёнигсберг. Жили мы там в лагере, в бараках с трехъярусными нарами, в маленькой комнатухе размещалось около 40 человек. Знающие люди давали советы. Мы узнали, что работать надо по принципу: не спеша, но торопись. Немцы любят основательность и не любят спешки, суеты. Не приняты у них и перекуры.

На фабрике я работал токарем. Работали молча. Если нарушил дисциплину, спускали собак. Мы частенько прятали или выбрасывали резцы. Или специально ломали их, а затем подлогу затачивали. Мы считали: чем меньше сделаешь, тем больше пользы принесёшь тем, кто воюет на фронте против немцев.

Здесь кормили нас уже лучше: килограмм хлеба, маргарин, суп из картошки.

В лагере мы сумели сделать подкоп в 5-6 метрах от проволочного ограждения. Сэкономили продуктов, запаслись куревом и пытались бежать. При побеге нас заметили. Мы бросились к озеру. В камышах десятерым удалось уйти от погони. Направились на восток. Шли около пяти суток. Шли по ночам, днём отдыхали. Уйти за это время удалось недалеко, всего за 40 километров от города. Об этом мы узнали от одной старушки, которая ночью накормила нас. Мы в знак благодарности оставили у нее письмо к нашим войскам: «Если пройдёте мимо, отблагодарите старушку. Она спасла жизнь десяти советским военнопленным, накормила». И расписались по-русски. А между тем до Победы было ещё ой как далеко!

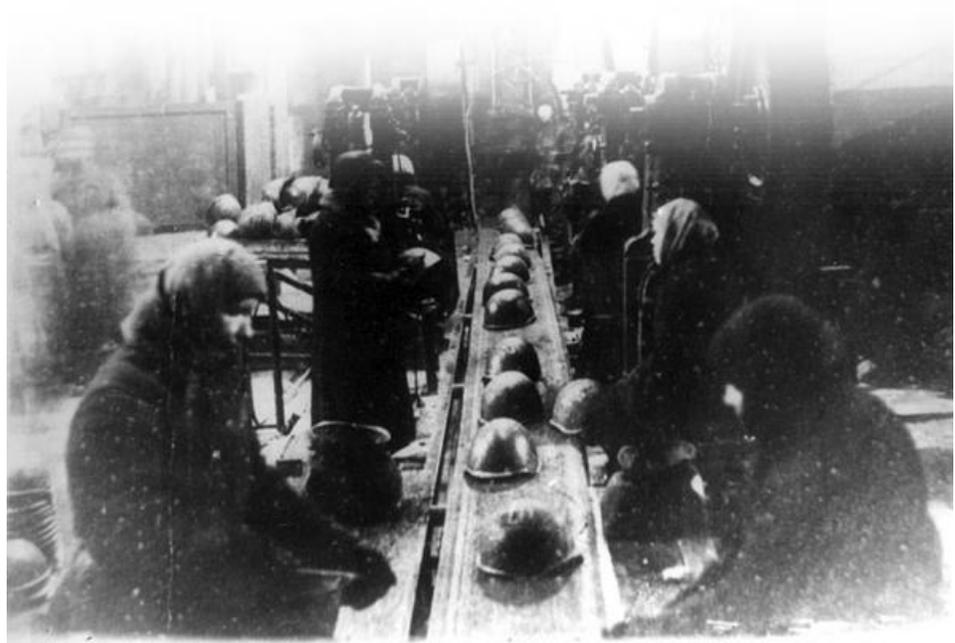
Шли мы хуторами. Где поесть найдём, где одежды добудем. Решили разбиться на группы. Я пошёл с двумя товарищами. В одном из хуторов паренёк-украинец из нашей группы пошёл попросить еды и угодил прямо и немцам. Тут же задержали и второго моего товарища. Мне удалось скрыться в лесу. В одной из деревень встретился мне мальчик, шедший в школу. Я попросил у него поесть. Мальчик отдал, что было у него с собой, Я спрятался в огромный стог сена. Но чувствовал себя тревожно, И не зря. Мальчик, придя в школу, рассказал обо мне, и немцы с собаками быстро меня нашли в этом стоге. Отправили снова на фабрику.

Бежал я и во второй раз, И вновь неудачно...

По мере приближения фронта в 1945 году наш лагерь решили вывести из Кёнигсберга берегом Балтики, Добрались до г. Вольфенбюттеля, где 11 апреля 1945 года нас освободили американцы, Помню, немцы в ту пору сдавались в плен целыми группами.

*В. Спиридонов
Искра. – 1990. – 8 мая. – С. 2-3.*

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВОГО ПОДВИГА

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

ЛЕТОПИСЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ГОД 1941 ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ «ИСКРЫ»

Листаю подшивку городской газеты. Вот номер от 22 июня 1941 года. Когда он верстался и печатался, еще никто не думал, что это воскресенье окажется последним предвоенным.

Город живёт трудом и отдыхом. Передовая статья призывает трудящихся выйти на строительство дорог. Информации сообщают об успехах сталеваров Нелюбина, Рычкова и Бражникова, о развёртывании соревнования среди лудильщиков и прокатчиков за досрочное завершение обязательств.

Есть в «Искре» и «Страничка для детей». На ней читатели увидели стихи К. Чуковского и В. Маяковского, рассказ Л. Толстого и описание индийского тенниса. В разделе объявлений и извещений говорится о семинаре агитаторов и редакторов стенгазет, сабантуе и новых фильмах. Газета рассказала даже о том, что С. Веприков из Сои убил сорок четвертого медведя.

Но уже тогда сердца людей тревожно сжимались, когда они читали телеграммы из-за рубежа. Вот и на этот раз городская газета сообщила, что германские бомбардировщики вновь атаковали портовые сооружения и аэродромы Англии, потопили торговое судно. Беспоконство вызывал и тот факт, что фашисты подошли вплотную к советским границам.

Чёрные тучи войны все плотнее сгущались над страной. Лысьвенцы увеличивали темпы производства продукции. Они ускорили изготовление стальных шлемов для Армии, в механических цехах быстрее закрутились станки, обрабатывающие артиллерийские снаряды, руки стали быстрее собирать детали для них. Пополнялись людьми и другие цехи, производящие так называемую спецпродукцию.

Война обдала гарью сожженных городов и сел, лязгом тяжелых танков со свастикой на бортах, свистом снарядов и бомб.

Уже в следующем номере «Искра» публикует первую сводку Главного Командования Красной Армии. На той же странице сообщается о митингах, которые прошли в цехах металлургического завода и на других предприятиях города. В первом жестепрокатном цехе старший сварщик Оборин, выступая на митинге, сказал:

– Мы в любую минуту готовы сменить клещи на винтовки. Я иду в Армию добровольно. Прошу считать меня мобилизованным.

«Искра» публикует много заявлений: рабочие и инженерно-технические работники просят направить их на фронт. С подобной просьбой обращаются и женщины. Комсомолка Рая Фатхутдинова пишет: «Желаю защищать Родину с оружием в руках. Прошу направить меня на фронт. Могу быть телеграфисткой».

А рядом с этими письмами в газете продолжают появляться заметки самого мирного характера. Людям хочется думать, что война не будет продолжительной, что скоро гитлеровские войска будут разбиты и отброшены. О мирной жизни напоминают заметки с «Сокола», где открылся пионерский лагерь, о проведении выставки детского творчества и городских соревнованиях по легкой атлетике.

Но день ото дня тон газетных выступлений становится суровее. «Искра» рассказывает о том, как рабочие помогают фронту, увеличивая выпуск военной продукции. Они не уходят от станков и агрегатов, не перевыполнив норму.

Ни на минуту не затухают печи в прессовом цехе. Раскалённые добела болванки непрерывным потоком идут к прессам. Нажим рычага, и из-под пуансона вырывается облако огня и дыма. Ещё миг – и новый стакан шестидюймового снаряда откатывается в сторону.

А из города всё новые бойцы уходят на фронт. Места у станков занимают женщины, пенсионеры и подростки. К прокатным клетям пришли учащиеся ремесленного училища. И хотя они ещё совсем юные, в руках мало силенки, но заяви-

ли, что будут работать не по четыре часа, а полную смену, и просили выделить им отдельную клеть.

Ребятам пошли навстречу и предоставили первую клеть третьего стана. Старшими в каждую бригаду назначили опытных вальцовщиков. Вскоре на заводе стали широко известны имена помощника вальцовщика Глушкова, младшего сварщика Кощеева и дублировщика Аликина.

В механических цехах начинается движение двухсотников. Ему было посвящено собрание стахановцев завода, проведенное 14 октября. Выступая на собраниях, рабочий Милютин дал слово обслуживать два станка и обучить профессии двух женщин. Наметили ранее невиданные рубежи и многие другие рабочие. Присутствовавший на собрании секретарь обкома партии Хмелевский выразил надежду, что трудящиеся Лысьвы сделают всё для оказания максимальной помощи Красной Армии.

Прошло несколько дней. И «Искра» сообщает, что токарь инструментального цеха Завьялов работает одновременно на четырех станках.

Всё чаще организуются воскресники и субботники по сбору металлического лома, макулатуры, аптечной посуды. Многие участвуют в погрузке продукции в вагоны, помогают на строительных площадках.

Широко развернулся сбор тёплых вещей для воинов. Организован сбор денег на строительство боевой техники. Комсомолка Неля Соловьева из Кына внесла 200 рублей, а Женя Сивкова – 140 рублей на строительство танка «Лысьвенский комсомолец». В конце года «Искра» сообщила, что трудящиеся города и района внесли в фонд обороны 2297273 рубля, в том числе на танк «Лысьвенский комсомолец» поступило более 250 тысяч рублей.

Новый, 1942 год, трудящиеся встретили не шумным весельем, а трудом у мартеновских печей, прокатных станов и станков, тревожным ожиданием вестей с фронта.

Н. Максаров
Искра. – 1970. – 7 апр. - С. 2.

ЛЕТОПИСЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ГОД 1942. ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ «ИСКРЫ»

1942 год начался радостной вестью. Войска генерала Первушина во взаимодействии с кораблями Черноморского флота положили начало освобождению Крыма. После упорных боев они заняли город и крепость Керчь, город Феодосию.

Коллектив Лысьвенского металлургического завода ответил на это радостное сообщение усилением трудового накала. Среди сталеваров наилучших результатов в эти дни добились коммунисты Желнин и Трухчанов. В одном из механических цехов, как сообщила «Искра», почти три десятка работниц первой смены выполнили по полторы-две нормы, а Глебова, Найдёнова и Двоинишниковы – того больше. В соседнем цехе победителем соревнования вышло отделение Батанова.

Несмотря на огромную усталость, люди после работы оставались на занятиях всеобщего обучения, овладевали военным мастерством. Они изучали стрелковое дело, штыковой бой, учились ползать по-пластунски. Для этого в каждом цехе оборудовали военные кабинеты, обеспечили их учебными винтовками, гранатами и различными макетами. Около цехов появились плацы.

Шлифовальщик инструментального цеха Шардин и многие другие научились стрелять без промаха. «Каждую пулю – в цель!» – лозунг, с которым бойцы всеобщего обучения занимали огневые рубежи.

А поток военной продукции, вырабатываемой заводом для фронта, все увеличивался. Находясь за сотни верст от фронта, лысьвенцы громили фашистские полчища, уничтожали их живую силу и технику. Снаряды, сделанные на далеком уральском заводе, уничтожали танки и самоходные орудия врага, разрушали доты и блиндажи.

В то же время лысьвенцы выпускали надёжные стальные шлемы и нагрудники, защищавшие наших воинов от вражеских пуль и осколков. Испытания их на прочность проходили в специальном тире, где не смолкала винтовочная стрельба.

ба. Девчушки, подложив под приклад что-либо мягкое, стреляли до звона в ушах.

В январе Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями группу передовиков производства. Орден «Знак Почета» получили станочницы Санталова и Лямина, настройщица Лунина, токарь Калясников. Награды они заслужили своим трудом. Ведь никто иной, как Санталова, первой начала движение многостаночников.

Токарь Калясников с первого дня войны взял высокие темпы, а в 1941 году выполнил пять годовых норм.

Плодотворно на дела коллектива завода отразилось соревнование с бойцами, командирами и политработниками Северо-Западного фронта. Бойцы приезжали в гости на завод, а делегации рабочих выезжали на фронт с подарками для бойцов и командиров. Рабочие завода в своих письмах докладывали фронтовикам о плодах своего труда, а те, в свою очередь, отчитывались в ратных делах.

В цехе, которым руководил Оборин, при выполнении срочной работы станочницам установили норму – 200 деталей на три станка. Такое задание вызвало у некоторых растерянность, казалось невозможным. Даже не верили этому некоторые опытные инженерно-технические работники. Тогда коммунист-орденоносец Лямина изъявила желание пойти работать на этот участок и дала слово обрабатывать сто деталей за смену на одном станке.

Лямина без колебаний приступила к делу, и уже через несколько дней стала даже перевыполнять обязательство. Вскоре опыт Ляминой переняли другие работницы.

Напряженно и продуктивно трудился коллектив горпромкомбината. Здесь освоили выпуск новых и важных видов изделий, систематически перевыполняли план и социалистические обязательства. Много продукции для фронта давали другие заводы и фабрика индивидуального пошива.

В конце июля город облетела радостная весть: за образцовое выполнение заданий Государственного Комитета Оборона по выпуску продукции для нужд обороны страны наградить орденом Ленина завод № 700 Наркомата чёрной металлургии СССР. Под этим номером тогда работал Лысьвенский

металлургический завод. Кроме того, ордена Ленина были удостоены директор завода Белобров, парторг ЦК ВКП(б) на заводе Гридневский. станочница Лумпова, настройщик Носачев. мастер Пшеничников, сталевар Труханов, секретарь горкома партии Чернышёв. Всего орденами и медалями было награждено более ста человек.

А Красная Армия продолжала наносить серьезные удары немецко-фашистским войскам. Воины и командиры, не имевшие ранее военного опыта, научились бить врага наверняка. Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, стойкости и умения побеждать.

Н. Максаров

Искра. – 1970. – 16 апр. – С. 2.

ЛЕТОПИСЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ГОД 1943. ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ «ИСКРЫ»

... Наступил 1943 год. Страна встретила его артиллерийской канонадой по всему фронту и гулом станков в тылу. Особенно активные боевые действия Красная Армия развила под Сталинградом, нанеся мощный удар по врагу. В ходе шестинедельных боев, наши войска на подступах к Сталинграду освободили от немецко-фашистских захватчиков 1589 населенных пунктов. За это время враг потерял убитыми 175000 солдат и офицеров; почти такое же количество взято в плен.

Как и все советские люди, лысьвенцы с радостью ловили каждое новое сообщение Совинформбюро, а со своей стороны усиливали помощь фронту. По примеру тамбовских колхозников развернулся сбор средств на вооружение Красной Армии. Городская газета в новогоднем номере сообщила, что председатель колхоза «Заря» Мерзлякова внесла на строительство боевых самолетов 50 тысяч рублей, а колхозница Бородина – на две тысячи больше.

Коллектив жестепрокатного цеха № 1 решил внести на боевой самолет «Жестепрокатчик» 140 тысяч рублей. Медицинские работники организовали сбор средств на сооружение бомбардировщика «Лысьвенский медик».

В письме Главнокомандующему коллектив инструментального цеха сообщал: «Воодушевленные успешным наступлением Красной Армии, рабочие, ИТР и служащие инструментального цеха внесли из своих личных трудовых сбережений на строительство боевых самолетов 200000 рублей. Просим, чтобы построенные на собранные нами средства боевые самолёты носили название «Лысьвенский инструментальщик».

В общей сложности к середине 1943 года лысьвенцы внесли на оборону Родины 36,7 млн. рублей.

В цехах завода, в горпромкомбинате и промартелях ширилось соревнование за досрочное выполнение заданий. Повсеместно начинает распространяться борьба за право называться гвардейцами. В частности, гвардейские бригады железнодорожного цеха дали слово выполнять по две с половиной нормы.

Тон в трудовом накале задавали коммунисты. Всему городу было известно имя члена партии Ляминой. Занятая изготовлением деталей для артиллерийских взрывателей, она работала одновременно на трёх станках. Замечательные результаты в труде имели рядовые рабочие – коммунисты Овсянникова, Купчик, Зиновьев и другие.

Руководимые городской партийной организацией, трудящиеся Лысьвы за два с половиной года войны увеличили выпуск оборонной продукции в 3,4 раза, освоили при этом производство 56 новых видов изделий.

А Красная Армия продолжала громить врага. «Искра» публикует сообщения Советского информбюро об освобождении Киева, Фастова, Житомира, Речицы. Форсировав Днепр, советские войска начали освобождение правобережной Украины.

Эти успехи воодушевляли людей, вселяли уверенность в скорой победе. Как сообщает городская газета, в ноябре среди сталеваров лучших результатов добились Бражников и Скорняков. В цехе, где начальником Пильников, первенство завоевала бригада Шерихановой. Среди лудильщиков наивысшей производительности добилась бригада Кудрявцева.

В декабре делегация Пермской области побывала на Северо-Западном фронте. По этому поводу в «Искре» опубликована беседа с участником делегации лысьвенцем И. Г. Пи-

кулевым. Тот рассказал о своих впечатлениях от посещения только что освобожденных городов, о встречах с командиром партизанского отряда, а также с бойцами и командирами 8-й Гвардейской ордена Ленина Краснознамённой стрелковой дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова. Делегацию сопровождала дочь генерала старшая медицинская сестра Валентина Ивановна Панфилова.

Повстречал Пикулев земляка-лысьвенца разведчика А. А. Конкина, который только что возвратился с задания, побывав в глубоком тылу у гитлеровцев.

Фронтвики горячо поблагодарили трудящихся области за их трудовые успехи и дали наказ – выпускать больше боеприпасов и боевой техники.

И лысьвенцы делом ответили на этот наказ.

Искра. – 1970. – 25 апр. – С. 3.

ЛЕТОПИСЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ГОД 1944 ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ «ИСКРЫ»

Что ни день, то все более радостные вести поступали с фронта. Только что Красная Армия освободила Житомир и Новгород-Волынский, а радио уже сообщает о взятии Кировограда, Калинковичей.

Былое превосходство гитлеровцев в технике кануло в Лету. Советская Армия получила от тружеников тыла достаточное количество самолётов, танков, артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов.

Как сообщала в то время газета «Искра», продукция лысьвенских предприятий занимала видное место в помощи фронту. Бойцы и офицеры не раз высказывали благодарность металлургам за добротные стальные шлемы и безотказные снаряды. Рабочие и инженерно-технические работники, в свою очередь, ежемесячно выпускали сверх плана в фонд Главного Командования различной продукции на миллионы рублей.

К середине января в мартеновском цехе закончили сооружение новой, пятой, печи. Её освоение: поручили опытным сталеварам Скорнякову, Нелюбину и Русских.

В конце второй декады печь выдала первую плавку, а вскоре уже завоевала первенство в цехе.

С подъёмом трудились и коллективы других предприятий. В феврале закройщица швейной фабрики Е. П. Столярова была удостоена правительственной награды – медали «За трудовую доблесть».

Вместе со взрослыми продолжали энергично трудиться подростки. В Первомайском номере газета рассказала о группе учащихся ремесленного училища, которой руководил мастер Пильняков. Пятнадцатилетние девчонки не только учились, но и выполняли военные заказы. Особенно выделялись Тамара Овчинникова, Поля Ладыгина, Рая Козлова и Катя Тихонова. Они шли по стопам своего старосты Ани Константиновой, которая выполняла до трех норм за смену.

По инициативе комсомольцев в середине года на предприятиях работало 239 молодежно-комсомольских бригад и 129 – фронтовых. По примеру московской комсомолки Кати Барышниковой юноши и девушки за счёт повышения производительности труда высвободили более сотни человек.

Не ссылаясь ни на какие трудности, молодежь занималась политическим образованием, спортом, находила время и для гуляний в парке. 28 мая был проведён массовый кросс. Молодые рабочие и учащиеся старших классов соревновались в легкой атлетике, ползании по-пластунски, стрельбе и метании гранаты.

В августе трудящиеся Урала получили с фронта письмо от своего детища – 10-го Гвардейского Уральского танкового корпуса. Солдаты и командиры доложили о своих ратных делах. Преодолевая сопротивления врага, они уже прошли на запад более 400 километров и освободили сотни населённых пунктов.

Уральские танкисты уничтожили почти 20 тысяч солдат и офицеров противника, 97 танков, 52 самоходных орудия, 68 бронемашин и бронетранспортеров.

В заключение письма танкисты писали: «Уральцы, родные наши! Мы знаем, что в этих боях своим неустанным трудом вы пойдёте на врага вместе с нами. И в каждом нашем успехе будет и ваша заслуга, ибо мы бьём и станем добивать

ненавистного фашистского зверя вашим оружием, вашими боеприпасами».

Танковый корпус участвовал в освобождении Львова. В этих боях отличилось подразделение офицера-лысьвенца Ахмадуллы Ишмухаметова. Его танки первыми ворвались в город. За эти бои Ишмухаметову присвоили звание Героя Советского Союза. К трём орденам Боевого Красного Знамени прибавились орден Ленина и Золотая Звезда.

Четвёртый год войны завершился изгнанием немецких войск из пределов Советского Союза. Гитлеровцы оказались в тисках между двух фронтов. Приближался час победоносного окончания войны.

Н. Максимов

Искра. – 1970. – 7 мая. – С. 4.

ЛЕТОПИСЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ГОД 1945 ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ „ИСКРЫ”

Наступил 1945 год.

Красная Армия не только освободила родную землю от фашистской нечисти, но и отбросила врага на многие сотни километров за те рубежи, с которых гитлеровцы по-разбойничьи напали на нашу страну.

Бои переместились на территорию самой Германии.

Особенно сильный удар наши войска нанесли в январе, взломав на протяжении 1200 километров мощную оборону немцев, которую они создавали в течение ряда лет. За 40 дней наступления германская армия потеряла не менее 800 тысяч солдат и офицеров убитыми и более 350 тысяч пленными.

Первомай страна отмечала в обстановке победоносного завершения Великой Отечественной войны, а на второй день Красная Армия полностью овладела столицей Германии – Берлином. 8 мая командование немецкой армии подписало акт о безоговорочной капитуляции. Наступил день великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Эти успехи воодушевили всех советских людей на новые трудовые победы. На митингах в цехах предприятий города рабочие и инженерно-технические работники заявляли, что не

снизят производственных показателей, достигнутых в годы войны, а, наоборот, улучшат их.

В майские дни сталевары Сбоев, Бражников и Кайсин перевыполняли норму почти в полтора раза.

– Пусть наш сверхплановый металл, – заявил Бражников, – пойдет на восстановление разрушенного хозяйства.

Как бы дополняя Бражникова, стахановка Соловьева в те же дни писала в «Искре»: «Враг разбит. Доля этой победы принадлежит и нам. Своим трудом мы помогали ковать меч победы».

Известие о Победе вызвало новый подъем и на чулочной фабрике. Тринадцатилетний Андрюша Кречетов с помощью комсорга Любы Анисимовой овладел сборкой круглочулочных, вязальных машин и самостоятельно собрал четыре машины.

Предприятия постепенно стали переходить на выпуск товаров народного потребления. «Искра» сообщила, что в мае цех, где делали для солдат стальные нагрудники, перешёл на изготовление хромированных столовых вилок и ножей. Предприятия местной промышленности начали производство мебели, детских игрушек, черепицы, посуды.

В конце мая металлурги Лысьвы и Чусового в ознаменование Победы над Германией встали на мирную трудовую вахту и обратились с призывом ко всем предприятиям области. Они решили дать сверх плана тысячи тонн стали и проката, значительно повысить производительность труда, бережно расходовать сырье и материалы. Областной комитет партии одобрил инициативу металлургов и рекомендовал её для всеобщего распространения.

Жизнь входила в мирное русло, а вскоре металлургический завод облетела еще одна радостная весть: за помощь фронту завод награждён орденом Отечественной войны первой степени.

Н. Лыкин

Искра. – 1970. – 9 мая. – С. 2.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Василий Игнатьевич Иванов в годы войны работал на заводе токарем в цехе № 4. Ветеран пишет: «Вместе со мной работали ребята и девчонки из Смоленской области. Наш набор прибыл в Лысьву в 1942 году. Сначала учились в школе ФЗО, которая тогда находилась в посёлке Орджоникидзе, а затем начали работать самостоятельно, наравне со взрослыми, по 12 часов в сутки. Без выходных, без праздников. Трудно было. Летом 1943 года я заболел, диагноз – дистрофия. После лечения меня признали нетрудоспособным. До последних дней своих я буду помнить своих врачей, которые, как могли, помогали мне встать на ноги. Большое спасибо им. До сих пор помню фамилии мастеров производственного обучения: Шатрова, Оборина, Лыхина, Девяткина... Помню и многих смоленских друзей: А. Солнцева, Н. Смирнова, А. Иванова, А. Муратова, Б. Пугачева, В. Петухова, В. Моисеева, А. Королькова».

Из Якутия-Саха в редакцию «Искры» пришло письмо от Галины Михайловны Богдановой. Она пишет: «Все для фронта, все для Победы!» – это был не просто лозунг сурового военного лихолетья, это был нравственный стержень тех, кто трудился в тылу. Склоняю свою голову перед памятью тех, кого уже с нами нет, ветеранами войны и тружениками тыла, не дожившими до 59-летия Победы».

Написала и Мария Кирсановна Бердникова – и тоже о том, как нелегко приходилось подросткам в годы войны. Вот строки её письма; «29 мая 1941 года нам, 14-летним мальчишкам и девчонкам, пришли повестки: 31 мая явиться в техническое училище. Там нам сказали, что 1 июня мы все идём учиться на токарей. Но учиться не пришлось, сразу определили на завод, поставили к станкам. Делали детали для снарядов. А через год мы уже работали по 12 часов, выходили в ночные смены. Мы видели, как люди умирали у станков. Было такое, что уйдут в туалет, да и умрут там, часто умирали, особенно женщины. Если не выйдет какая-нибудь работница на смену, меня посылали на квартиру узнать, в чём дело. Бывало, и в морг ходила опознать, не попал ли кто туда из наших. А в морге были нары, и на них стопами лежали трупы...».

Горькая и страшная история. Каждый вписал в её страницы свою строку: и труженики тыла, и, конечно, участники войны. Нелегко было мужчинам на фронте, но особенно тяжелой оказалось женская доля. Татьяна Ивановна Редникова во время войны работала директором двух Липовских школ. Вспоминая пережитое, она пишет: «Ученики и учителя не знали летних каникул, работали на полях совхоза: сажали картофель, окучивали, пололи, заготавливали грибы, В учебное время родители по очереди готовили горячие обеды, особенно для беженцев. Победе радовались все: и дети, и учителя».

Нелёгкая судьба досталась Татьяне Ивановне, Муж, тоже учитель школы, погиб вскоре после войны – убили в поезде, когда ехал на экзамены. Женщина не находила себе покоя от горя. Спасла работа. Многие годы отдала школе, детям. А закончила она своё письмо обращением к молодежи: помните, труд спасает от всех бед. Займитесь делом, тогда будете сыты, обуты, одеты, и всё у вас пойдет на лад.

В письме Е. А. Адамович-Мережниковой рассказ о работе на ЛМЗ в годы войны. Ей было 14 лет, когда её определили в ремесленное училище, а затем на завод. Она, как и все, старалась трудиться по-стахановски. Ветеран пишет: «Норму с нас спрашивали, как с кадровых рабочих. Выполнишь её, давали стахановское питание: сто граммов каши с постным маслом. Со мной произошёл такой случай. Однажды я не выполнила норму, и меня лишили стахановского питания, Все ушли в столовую, а я одна осталась в цехе. Есть хотелось ужасно, и я разревелась. В это время мимо проходил начальник смены Гудрамович. Он остановился около меня, спросил, о чём я так плачу. Мастер-настройщик объяснил ему, почему я не справилась с нормой – на станке рвался ремень, Гудрамовичу стало жаль меня. Он достал из кармана свой стахановский талон и отдал мне. Я выхватила из его рук этот талон и бегом в столовую. Потом опомнилась, что даже спасибо не сказала, вернулась, а у него слёзы на глазах – понимал он, что по сути мы, четырнадцатилетние, еще дети, а работать нам приходится наравне со взрослыми.

Наша группа соревновалась с группой прокатчиков. По возрасту они были такими же, как и мы. Мастером у них был

Бадаев, и ребят из группы звали «бадаевцами». Победителям, завоевавшим знамя, давали билеты в театр, и это доставляло всем огромную радость,

А директор училища был прекрасный человек - Валентин Иванович Беляев. В одно весеннее утро раскрывается дверь в нашу группу, заходит директор и говорит: «Девчонки, Победа! Поздравляю вас с окончанием войны!» Что тут было: кто плачет, кто Бога поминает».

Е. Орлова

Искра. – 1995. - 30 мая. – С. 2.

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

В День Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками мне, участнице трудового фронта, хочется напомнить о мужестве и выносливости лысьвенцев в трудные годы военного времени.

После окончания средней школы в 1941 году мне пришлось пойти работать на металлургический завод. Как и на многих других предприятиях страны, в цехах завода в основном трудились женщины и подростки. Работали по двенадцать часов без выходных дней.

Помню, как зимой строили один из цехов. Теплой одежды почти ни у кого не было, поэтому, когда привозили горячий шлак, мы в минуты отдыха всей бригадой зарывались в этот шлак, чтобы отогреться. Несмотря на холод и скудный паёк, женщины и молодежь, как правило, производственное задание перевыполняли.

Ребята стояли у станков на подставках, так как ещё не успели вырасти. Часто после многочасовой смены по просьбе комитета комсомола они участвовали в субботниках: рыли котлованы, разгружали металл в жестепрокатных цехах, благоустраивали рабочие посёлки и приводили в порядок заводскую территорию.

Работа, как правило, сопровождалась песней. Молодежь активно участвовала в художественной самодеятельности. При комитете комсомола действовала агитбригада под руководством Пети Каменских. Ребята после тяжелого трудового

дня шли с концертами в цехи, госпитали, рабочие общежития, которые были в то время переполнены. В город тогда приехало много эвакуированных, а необходимость обеспечить всех жильем заставила делать двухъярусные койки.

Жители молодежных общежитий сами наводили чистоту и порядок. Было организовано соревнование за лучшую комнату, за лучшее общежитие.

Насколько были большими трудности в те годы, можно судить хотя бы по тому, что когда партком завода совместно с завкомом профсоюза и комитетом комсомола создали комиссию по подготовке к празднованию 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, то комиссия выявила много дистрофиков – опухших от недоедания рабочих. Многие не имели дров для отопления квартир, поэтому ночевали прямо в цехах. Рабочие мартеновского цеха спали под печами.

Конечно, по мере возможности, администрация завода, общественные организации оказывали помощь. Истощённые товарищи направлялись в специально организованный вечерний дом отдыха типа профилактория. Семьям выделялись топливо и одежда.

Особенно трудно было в деревне. В нашем районе царило в то время настоящее бездорожье, автотранспорт отсутствовал. Но, несмотря на это, комсомольцы организовали красные обозы с хлебом и другими сельхозпродуктами. Обозы двигались до города сутками. В холод, плохо одетые, порой по колено в грязи женщины, мальчики и девочки отправляли продукты труженикам города и воинам Советской Армии, зачастую сами оставаясь полуголодными.

А какое мужество проявляли эти люди на сельскохозяйственных работах! Женщинам надо было следить за ребятами, за домашним хозяйством и порой круглые сутки находиться на колхозных полях, особенно в горячие дни уборки.

В. Вялых

Искра. – 1967. – 8 мая. – С. 3.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ЛЫСЬВА У СЕБЯ НЕ ХРАНИЛА, ... НО БОЙЦОВ ОДЕВАЛА-ОБУВАЛА, КОРМИЛА!

О работе Лысьвенского металлургического завода в годы Великой Отечественной войны написано много и подробно.

Наряду с металлургами свою лепту в победу вносили колхозники, работники совхозов и городских предприятий: пяти промышленных артелей, торго, ОРСа, швейной и трикотажной фабрик, пищекомбината и хлебозавода, стройуправления, подсобных хозяйств и леспромхозов. Об их работе в тяжелую военную пору мы почти ничего не знаем.

Между тем Кыновской мехлесопункт (позднее Кыновской леспромхоз) выполнял спецзаказ на производство авиафанеры, ружейной болванки для изготовления прикладов, заготовки для лыж, рудстойки для шахт. В связи с мобилизацией мужчин предприятие обеспечивалось кадрами за счет призванных по оргнабору из других областей, большей частью женщинами, которые жили на лесоучастках в бараках, построенных для спецпереселенцев в начале 30-х годов. В одном из документов мехлесопункта отмечалось, что «прибывающая рабочая сила в большинстве своём молодежь, не имеющая навыков работы в лесу». Несмотря на это, им устанавливали жёсткие нормы выработки, невыполнение которых по законам военного времени могло подвести под суд.

В одном из приказов артели «Стахановец» за 1943 год читаем: «В целях обеспечения немедленной отправки спецзадания Государственного Комитета Оборона (ГКО) квашеной капусты обязываю зав. хозяйством с 5 февраля мобилизовать необходимое количество рабочих для подготовки капусты к отправке». Аналогичным приказом директора горсмешторга предписывалось «подготовить для отправки соленой капусты 14 тонн Северо-Западному фронту». Задание ГКО имел торгов на производство сушеной моркови, заготовку и переработку грибов и ягод, приёмку от колхозов табака. Приказ директора торго от 22 ноября 1943 года обязывал «подготовить к отправке фронту всё наличие сухого картофеля и овощей, произвести тщательную сортировку и проверить качество через пищевую лабораторию».

Уральский городок не только кормил бойцов Красной армии, но и обувал-одевал их. Пимокатная мастерская торга и артель «Обувь» катали валенки и тачали солдатские сапоги, трикотажная фабрика вязала подшлемники для лётчиков и танкистов, швейная фабрика поставляла фронту нижнее белье, шинели и гимнастерки.

В сборнике «Урал ковал победу», выпущенном в 1993 году в Челябинске к 50-летию Победы, приводятся сведения о денежных вкладах жителей лысьвенского района на строительство военной техники. Список этот изобилует цифрами, но историческая справедливость требует обнародовать его полностью.

<p>Колхоз «Заря» Комсомольцы и молодежь Лысьвы</p>	<p>– 360 тыс. руб. на самолёты – 1 млн. руб. на эскадрилью «Пермский комсомолец»</p>
<p>Лысьвенский металлургический завод (в т.ч. жестекатальный – 40 тыс. руб., инструментальный – 200 тыс., ОТК -127 тыс. 752 руб., другие цехи - 457 тыс. 705 руб.</p>	<p>– 2,5 млн. руб. на самолёты «Лысьвенский рабочий»</p>
<p>Средняя школа №2</p>	<p>– 20 тыс. руб. на эскадрилью бомбардировщиков</p>
<p>Медицинские работники города</p>	<p>– 187 тыс. руб. на самолёт</p>
<p>Правление клуба металлургов</p>	<p>– 105 тыс. руб. на самолёт «Лысьвенский металлург»</p>
<p>Работники детских садов</p>	<p>– 20 тыс. 500 руб. на самолёты «Лысьвенский рабочий»</p>
<p>Ремесленное училище металлургов №2</p>	<p>– 140 тыс. руб. на самолёт «Лысьвенское РУМ №2»</p>
<p>Потребкооператоры</p>	<p>– 116 тыс. руб. на самолёт «Лысьвенский кооператор»</p>

Семьи военнослужащих Лысьвы	– 85 тыс. руб. в фонд обороны
Стройуправление «Севуралтяжстрой»	– 170 тыс. руб. на самолёт «Лысьвенский строитель»
Трудящиеся района	– 4 млн. руб. на самолёты, 360 пудов мясомолочных продуктов в подарок фронтовикам.
Трудящиеся г. Лысьва	– 2,5 млн. руб. на эскадрилью «Лысьвенский рабочий!»
Школа ФЗО №24	– 15 тыс. руб. на эскадрильи «Трудовые резервы» и «Пермский осоавиахимовец»
Эвакогоспитали, сотрудники и больные г. Лысьва	– 42 тыс. руб. облигациями госзаймов на вооружение Красной армии

Всего жители Пермской (Молотовской) области внесли на самолёты, танки, артиллерийские батареи и продовольствие в фонд Красной армии 185 млн. руб.

Листаю статистические отчёты колхозов, их в военную пору в районе было 30, три из них носили имя Сталина. Прописаны цифры произведенной продукции: мяса и молока, масла и сыра, сливок и мёда, но нет в отчётах сведений о том, сколько лебеды, крапивы, пиканов, ивовой коры переварили крестьянские желудки, что всё выращенное на колхозных полях и фермах шло на госпоставки, а в крестьянских хозяйствах – на самообложение и военный налог. Не написано и то, что за горсть овса, унесенного в кармане с колхозного тока, мать шестерых детей могли осудить на пять лет тюрьмы.

Крестьянская жизнь ни легкой, ни сытной никогда не была, война усугубила положение. Только в 1943 году из колхоза им. Сталина в деревне Валюшино 38 человек мобилизовали на фронт и промышленное производство, трудоспособных осталось 42. Из колхоза «Заря» Больше-Лысьвенского сельсовета мобилизовано 63. Из колхоза «Авангард» – 20, из колхоза

им. Ворошилова – 46, из колхоза им. Сталина (село Кын) – 16 человек. Из иных колхозов забирать было уже некого.

Мобилизация на промышленное производство означала либо призыв в школы ФЗО и ремесленные училища, либо к станкам в обезлюдевшие цехи и на строительство оборонных объектов. В решении исполкома Б.-Лысьвенского сельского Совета депутатов трудящихся, на территории которого располагались колхоз «Заря» и совхоз «Заимка», 21 сентября 1942 года записано: «Провести мобилизацию на территории Б.-Лысьвенского с/сов. из числа сельского трудоспособного населения при любых условиях для работы на строительстве электростанции в Лёвшино. Установить, что лица, уклоняющиеся от мобилизации, привлекаются к уголовной ответственности и подвергаются по приговору народного суда к принудительным работам по месту жительства на срок до одного года». Другим решением колхозников отправляли на строительство некоего объекта оборонного значения в Губаху, освобождая тех, кому не с кем было оставить маленьких детей.

В повестке дня заседаний сельского исполкома значились вопросы реализации 2-го военного займа 1943 года, оказания помощи семьям фронтовиков (вывозка сена и дров), сбора подарков для бойцов Красной армии, заготовки товаров широкого потребления из местного сырья.

Председатель колхоза, отчитываясь на исполкоме о работе хозяйства, отметил: «ввиду военной обстановки труд в колхозе будет исключительно детский и женский». Он же предложил для ликвидации отставания в вывозке навоза на поля из-за нехватки лошадей обучить к 1 апреля 1943 года пять голов крупного рогатого скота для этой цели.

Сельская власть, анализируя работу школ, отмечала увеличение числа детей, не посещающих школу по причине отсутствия одежды и обуви.

Но не прописаны на страницах документов слова, какими встречали изнурённые мужицким трудом и полуголодным существованием женщины уполномоченных по сбору средств на очередной заём или налог - в каждой крестьянской избе орава ребятишек, забывших вкус хлеба и годами не знавших иного лакомства, кроме мороженой картошки.

С первых дней войны страна жила под девизом: «Всё для фронта, всё для победы!». Но кто упрекнёт в малодушии автора строк: «Жизнь в Лысьве очень тяжелая. На мой месячный заработок можно купить продуктов питания на один день. Хлеб на рынке - 200 рублей килограмм, молоко - 100 рублей литр, котелок картошки - 120-130 рублей. Ряды приехавших в Лысьву рабочих понемногу редуют. Мрут исключительно от истощения».

Или вот этого: «Одевать нас не одевают, а дали деревянные колодки, но в них ходить очень плохо, поэтому на заводе делаем ножи и вымениваем на хлеб у раненых красноармейцев в госпитале. Вот только на этом и держимся. В столовой кормят исключительно свежей зелёной крапивой да какие-то пиканы, которые растут на лугах, а в обед дают нашему брату, т.е. окончившим РУ и ФЗО, горошницы две ложки, вечером придешь с работы – стакан баланды без соли...».

Или вот этого: «...Можно сказать «живу»? Нет! Существую день за днём. Мыла нет, соли нет. Мне лучше просидеть голодной, чем грязной, поэтому я часто свой голодный паёк хлеба продаю и покупаю на рынке мыло по 150 р. кусок. Когда я сюда приехала, нас было 24 человека, теперь осталось 13. Сегодня убежали четверо, двоих задержали и вернули назад. Всё-таки странно: все без документов и такие дальние, как смоленские, вологодские, калининские, доезжают до дома благополучно...».

Письма, адресованные родственникам учащимися эвакуированного в Лысьву ремесленного училища № 25 и призванными по мобилизации на завод молодыми женщинами, до адресатов не дошли. Они приложены к спецзаписке «О политических настроениях рабочих и служащих в связи с тяжелым материальным положением», адресованной начальником Лысьвенского ГО НКВД секретарю Лысьвенского горкома ВПК(б) в июле 1943 года с припиской: «Сообщаем, за последнее время через «ВЦ» стало проходить очень большое количество документов рабочих и служащих с отрицательными настроениями и жалобами на высокие рыночные цены на продукты питания, слабое питание в столовых, а также плохие

бытовые условия». С грифом «Совершенно секретно» записка полвека лежала в спецхране.

... Война – это не только героизм и мужество, победные салюты и сводки Информбюро. Война - это суровые будни и страшные испытания, которые не каждому были по плечу. Низкий поклон живым и вечная память мёртвым, положившим здоровье, молодость, жизнь на алтарь великой Победы...

Фаина Треногина

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 8.

МАРАФОН

Ежегодно, когда приближается день Победы и звучат здравицы в честь ветеранов войны, у меня перед глазами встаёт глубокий тыл — военных лет Лысьва: электрический свет вполнакала, худые мрачные лица людей и перестук деревянных колодок-ботинок по мостовой улицы Коммунаров. Этот звук раздавался два раза в сутки – в часы пересменок на заводе. Боясь опоздать на смену и не имея сил идти быстро, люди выходили из дому за 1,5-2 часа до смены. «Тук-тук-тук-тук-тук, – колотили колодки о камни мостовой, – не опоздай! Иначе – 5 лет лагерей!»

«Детей у нашей мамы шестеро, и все были при ней, в Лысьве, кроме Лёнички. А он, как отслужил армию в г. Молодове (Пермь), так там и остался, обзавёлся семьей и к началу войны имел уже 3-х детей.

А для мамы он оставался её молодым сыночком, каким проводила в армию. Все братья-сестры звали его Лёничкой, как и мама.

Часто вечерами смахивала мама непрошенную слезинку, скучала по сыну и внукам, беспокоилась, что никто его там не пожалеет, не приголубит, что мы вот все тут, а он на чужой стороне.

В войну наш брат работал на Сталинском заводе, где выпускались моторы для всех видов самолётов. Работал токарем, шлифовщиком, подменял рабочих на испытательном стенде. Ценили мастерового рабочего в цехе, да и жалели, что в такое трудное время на руках трое маленьких детей. Ра-

ботали по 12-14 часов, без выходных и отпусков. Не отпустили Лёню даже на похороны отца в апреле 1944 года, так же, как и старшего брата, который работал на ЛМЗ в цехе 1, и пришлось нам, мелюзге, за буханку хлеба и 2 стакана махорки нанять посторонних мужчин, чтоб опустили отца в могилу...

Но в конце мая 1944 года нашего Лёничку наградили: дали сутки отпуска с выездом из города, и брат приехал в Лысьву.

Как радовалась мама этой встрече! Ей хотелось накормить его за все годы недоедания и приласкать за все годы разлуки. Истопила баню, дала отцовское бельё, припасла гостинцы для снохи и внуков, а разговорам не было конца!

Но недолгой была радость. Горе обрушилось на наши головы, когда пошли провожать брата к поезду, а поезд... ушёл! Да, ушёл 5 минут назад: 25 мая 1944 года сменилось зимнее расписание поездов, о чём мы не знали. Путьеобходчик, сообщивший нам об этом, добавил:

– Теперь он в Калино будет стоять 40 минут.

Мама стояла бледная, Лёня крутил головой, словно прицеливался, в какую сторону бежать, а мы молча смотрели на старших, ожидая какого-то чуда. Лёня что-то заговорил:

– Как я его подвёл, как подвёл (это о начальнике цеха)!.. Посадят... Как она с ребятами?!

Оцепенение прервал приглушенный мамин голос:

– Бежим! Лёничка, бежим!

– Куда? – Все разом спросили мы.

-- В Калино! Там наш вагон ждёт поезд из Чусового. Бежим! Успеем! Пока идёт... Пока стоит...

Мама уже вырвала у Лёни сумку с гостинцами, стаскивала с него пиджак, с себя сняла жакет, все это делала быстро, всё это ей казалось лишним грузом, сунула кому-то в руки и, громко крикнув «С Богом!», схватила Лёню за руку.

– Мама, я один, я один, ты останься, – вырывал он руку, – куда ты побежишь, не вынесешь!

– Нет, Леонид, один ты не выдюжишь! Не спорь! – голос у мамы охрип от волнения.

Так, не выпуская его руку из своей, она рванулась первой. Начался марафон.

Мы в четыре голоса сопровождали его рёвом, никого не стесняясь, жалея Лёничку и маму, проклиная несчастное расписание поездов.

Они бежали, где по шпалам, где по насыпи, где по подсохшим тропинкам. Местами в овражках ещё лежал снег, по покосам уже зеленела трава, в канавках стояла талая вода, а надо всей этой красотой голубело небо.

Никаких красот природы не видели бегуны, будто кто-то переставлял ноги со шпалы на шпалу. Мыслей не было, кроме одной: успеть. До Лязгино добежали быстро – ещё были силы. Мама пыталась шутить: мол, побьём все рекорды, может, медаль дадут «за догонку поезда». Но в душе знала, что не поезд они догоняют, а спасают Лёничку от сталинских лагерей, спасают его малолетних детей от нужды и голода. Марафон продолжался. После речки Берёзовки бежать стало трудней и физически, и психологически. Лёня садился на рельсы и отказывался бежать, плакал и только твердил одно:

– Мама, ты умрёшь, я буду чувствовать себя убийцей, остановись!

– Лучше умру, чем провожать тебя в тюрьму! – Она бежала вперед, и ему ничего не оставалось, как догонять.

Мама хватала на ходу пригоршни снега и тёрла лицо, грудь, чтобы немного охладиться. Сняла с головы платок, смочила в луже и замотала Лене голову. Пить талую воду не давала, позволяла только чуть-чуть лизнуть снег. На ходу снимали кофту, рубашку, бельё, отжимали, снова надевали и бежали, бежали...

Когда до Калино осталось менее половины пути, Леня вдруг ожил, наверное, пришло «второе дыхание». Он явно сбросил с себя оцепенение, перестал рисовать жуткие картины наказания - поверил, что они могут успеть.

Теперь уже он бежал впереди, успокаивал маму, уговаривал её остаться, мол, теперь и один сможет. Но мама была неумолима, старалась бежать сторонкой и только изредка вскрикивала: «Господи, помоги!»

Издали увидели, как к составу подали паровоз, вот уже прицепляют вагоны... Решили бежать напрямик через кочкова-

тое болотистое поле. Мама сняла кофточку, стала размахивать ею над головой, кричать...

Лёня подбежал к первому вагону, влез на ступеньки и упал в тамбур. Мама упала на траву, не добежав до поезда метров 100. Встать уже не было сил. Она махала машинисту рукой, мол, поезжай, всё в порядке, а потом перекрестила его широким крестом и выкрикнула: «Спаси тебя Христос!»

Марафон закончился.

...Очнулась она на скамейке возле вокзала. Кто-то заботливо прикрыл её форменным бушлатом. Платка нет. Волосы растрепаны. Перед ней стоит пожилой железнодорожник с кружкой молока. Молодая женщина сняла с себя платок и старается собрать под него седые мамины волосы.

– Мамаша, – сказал железнодорожник, – через 20 минут товарняк будет, я договорился, он на минуту в Лысьве остановится, вставайте. Бушлат возьмите, вы вся мокрая, простудитесь...

Когда мама переступила порог дома, мы её не узнали. Лицо было бледное, большие глаза лихорадочно блестели, и сама она была маленькая и худенькая, как девочка.

– Успели, – сказала она и упала на кровать. Болела больше двух недель, видимо, всё в ней надорвалось и перегорело.

На второй день соседка, работавшая дежурной по вокзалу, принесла записку от машиниста: «Ваш сын доехал благополучно».

В печальный день марафона маме было 59 лет. Умерла она в 1971 году в возрасте 84 лет.

Т. Хороманская
Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 10-11.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛЫСЬВЕНСКАЯ КАСКА

Одним из самых известных изделий военного времени, выпускавшихся на Лысьвенском металлургическом заводе, была каска для солдат. Легендарная лысьвенская каска на фронте спасла жизни тысячам советских воинов.

Изготовлением стальных шлемов на Лысьвенском заводе стали заниматься в 1932 г., когда на предприятие поступило письмо от Народного Комиссариата Обороны, которое обязывало продумать вопрос об изготовлении стальных касок и изготовить их образцы. К каске предъявлялись следующие требования: она должна иметь удобную форму, выдерживать выстрел винтовки-трехлинейки, автомата, удар шрапнели, осколков. Вес каски с подтулейным устройством не должен превышать 800 г для всех пяти ростов. Подтулейное устройство должно обеспечить носку каски в летних и зимних условиях, полностью амортизировать силу удара.

Кроме разработки конструкции, заводчанам нужно было подобрать марку стали, организовать её выплавку, прокат, технологию термической обработки листа для холодной штамповки. Изготовленные образцы испытать отстрелом пластинок из трёхлинейной винтовки, пистолета «наган» и ТТ.

К работе были привлечены рабочие и инженеры Лысьвенского металлургического завода, научно-исследовательского института НИИ-13, военные специалисты и ряд заводов. Первые калибровочные штампы были изготовлены на Челябинском тракторном заводе. Образцом для изготовления опытной партии стала каска образца 1936 г. Но она не выдержала основного требования – отстрела, поставив перед конструкторами главный вопрос – о форме каски.

Новая форма должна была обеспечить амортизацию, осесть, чтобы ослабить удар и отразить пулю. Следующие об-

разцы были выполнены в 1937 и 1938 гг. Но ни один из них этих требований также не удовлетворял.

Параллельно с поисками формы шла работа над изысканием марки стали. Главное было не увеличивать массу каски. Наконец в начале 1939 г. сотрудники НИИ-13 предложили в производство сталь И-1, выплавленную на одном из номерных заводов Перми и окончательно прокатанную на Нытвенском металлургическом заводе.

Из воспоминаний народного артиста СССР Ю. В. Никулина:

– Я до сих пор помню вашу (лысьвенскую) каску. Вы не поверите, но она трижды спасла меня от неминуемой смерти. Честное слово! И память о ней во мне каждый раз сопровождается отвратительным визгом, который издает пуля, ударившись обо что-то непробиваемое.

Изготовленная заводом партия образца 1939 г. из этой стали дала более удовлетворительные результаты. Теперь требовалась доводка всего штампующего инструмента, усовершенствование подтулейного устройства, отработка технологии термического режима, изготовление калибровочно-отбортовочного инструмента для всех ростов.

К началу войны образец каски был уже запущен в производство. Металл поступал в Лысьву со Сталинградского завода «Красный Октябрь», но с началом войны эти поставки прекратились. Некоторое время сталь требуемой марки выплавляла Мотовилиха, но и этот источник вскоре иссяк.

Тогда было решено освоить плавку броневой стали прямо на заводе. Основная трудность заключалась в том, что лысьвенские мартеновские печи не были приспособлены для выплавки такой стали. Освоение производства новой стали было поручено главному инженеру А. И. Трегубову, его заместителю А. Я. Пашкевичу и начальнику мартеновского цеха Г. Я. Устинову. К сталеплавильным печам встали опытные сталевары Н. И. Провков и Г. П. Бражников. Работа длилась несколько дней, но броневая сталь нужного качества всё не получалась. Наконец идеальный образец был получен.

Следующей проблемой оказалась прокатка слитков. На суточном стане Лысьвенского завода сделать это было невозможно из-за их большого веса. Передали этот заказ на Чусовской завод.

Тем временем в конструкторском бюро завода продолжалась работа над совершенствованием формы каски, которую вели конструкторы Н. С. Чекменева, П. Г. Ромашов, А. И. Филин под руководством И. П. Ястребова. По каждому новому образцу инструментальщики делали штампуемый инструмент.

Работа осложнялась тем, что для обработки штампов, и особенно внутренней поверхности матриц, невозможно было применить никакие станки, и доводку приходилось делать вручную. Готовые каски проверяли отстрелом. Вскоре окончательный образец каски был запущен в массовое производство.

Штамповали каски в цехе № 8, руководил которым В. А. Онянов. Поступающую из прокатного цеха сталь закаляли, потом отпускали в хлопковом масле, промывали в каустической соде и обрабатывали в пескоструйном аппарате. После этого брали на пробу кусочек стали и стреляли по нему из боевой винтовки. Углубление от пули не должно было превышать 3 миллиметра. Если же под микроскопом обнаруживались даже самые мелкие трещинки, всю партию браковали.

На конвейере в цехе работали практически одни подростки, на сборке подтулейной части не было ни одного взрослого – здесь сидели вчерашние девочки-школьницы. Готовые каски проверяли в тире, в котором после ухода на фронт штатных стрелков их места заняли девушки-комсомолки.

Лысьвенский металлургический завод был единственным изготовителем касок для бойцов Красной Армии. За годы войны здесь было выпущено 10 миллионов стальных касок.

За коренное усовершенствование технологии производства средств индивидуальной защиты воинов Красной Армии А. И. Филин, И. П. Ястребов, А. И. Кривилев, А. Я. Пашкевич были удостоены Государственной Сталинской премии, награждены орденами и медалями.

ДЕТАЛИ:

За годы войны Лысьвенский металлургический завод выпустил специзделий на сумму 979 млн. рублей, увеличив их выпуск в сравнении с 1940 годом в 3,1 раза.

В частности, выпуск взрывателей вырос с 48 до 540 тыс. в месяц.

За войну лысьвенцы выпустили 10 млн. солдатских касок, 18 млн. противогазов.

История промышленности Пермского края. XX век.

– Пермь, 2006. – С. 228-229.

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК

«Дорогие мои сыны. От всей души посылаем наши скромные подарки... Бейте фашистов, отомстите за все страдания, которые они принесли советским людям. Отомстите и за моего сына Николая, который погиб на фронте. За нас не беспокойтесь... Наши сталевары Бражнинов, Гарипов, Протасов, Труханов и другие освоили новый сорт стали, который нужен для военной продукции... Желаю всем вам успехов и невредимыми вернуться домой к своим семьям».

Эти от души идущие слова взяты из письма, приложенного к небольшой посылке, отправленной на фронт в годы Отечественной войны работницей нашего металлургического завода Анной Снигиревой. Её подарок и письмо вручили старому партизану Ленинградской области Ивану Жигалову, у которого незадолго до этого фашистские изверги убили жену, дочь и сноху, сожгли всю деревню.

В то тяжёлое время невозможно было найти семью, не испытавшую на себе горе, слёзы и голод. Но люди не согнулись, не склонили головы. Они вместе с Иваном Жигаловым и Анной Снигиревой стали бойцами фронта и тыла, совместно ковали победу над врагом.

В письме говорится о новой стали. А сколько труда она стоила людям! Ведь эта сталь предназначалась для штампования касок и нагрудников, так нужных воинам на фронте. Рабочие и инженерно-технические работники сделали всё, чтобы в самые сжатые сроки научиться варить её, прокатывать, а

затем штамповать изделия. Не случайно четыре наиболее активных участника освоения новой стали удостоены Государственной премии.

В годы войны в нашем мартеновском цехе работала преимущественно молодежь. Это Николай Мозжерин, Михаил Сакович, Виктор Чернышев и другие. Но ребята никогда не жаловались на усталость, хотя приходилось по восемь часов трудиться около печей, да ещё четыре часа грузить чугуна для очередной смены.

Люди от усталости едва передвигали ноги, а на другой день снова шли на работу. Их труд не оставался незамеченным. Лишь в 1942 году, когда завод был награждён за помощь фронту орденом Ленина, наш цех пять раз занимал первое место среди мартеновских цехов страны, два раза – второе и получил Красное знамя Государственного Комитета Оборона. Цех заслужил звание лучшего сталеплавильного цеха страны. Это такая яркая характеристика коллективу, что не требует дополнительных объяснений. Но самой высокой наградой каждому служили успехи Советской Армии на фронте.

Трудно было не только мартеновцам. В не менее сложных условиях находились рабочие прокатных и метизных цехов. Не хватало продуктов питания, не было обуви. Для ослабевших выдавались дополнительные пайки. При орсе создали бытовое комбинат, который занялся производством обуви и одежды. Более 50 тысяч пар ботинок сделали из брезента с деревянной подошвой.

Мне на днях попала газета «Искра» от 11 июля 1942 года. В небольшой заметке рассказывается о небывалом трудовом подвиге. В цехе, которым руководил Оборин, при выполнении срочной работы станочникам устанавливали норму – 200 деталей на три станка. Многие считали ее невыполнимой. Коммунист Лямина первой изъявила согласие пойти работать на этот участок. Она дала слово обрабатывать, за смену не менее 100 деталей лишь на одном станке. Никто не хотел этому верить, а Лямина уверенно взялась за работу. Уже через несколько дней она стала перевыполнять своё обязательство.

Что ни день, то новое задание получал коллектив завода. И не было случая, чтобы задание осталось не выполненным. Партия и правительство высоко оценили заслуги коллектива Лысьвенского металлургического завода, наградив его в 1942 году высшей правительственной наградой – орденом Ленина.

Н. Градобоев
Искра. – 1970. – 10 янв. – С. 3.

ДЛЯ ФРОНТА, ДЛЯ ПОБЕДЫ

Люди нашего поколения отчётливо запомнили 22 июня 1941 года. В этот день солнце грело с самого утра, трудящиеся вместе с семьями отдыхали в лесу и на воде. Вдруг сообщение по радио: гитлеровские полчища напали на Советский Союз, началась война.

Помнится, после сообщения радио руководители цехов и отделов металлургического завода стали поспешно собираться в кабинете директора т. Малолеткина. Сюда же прибыли заместитель министра черной металлургии т. Меркулов, секретарь горкома партии т. Чернышёв, работники партийного комитета. Тут же завязался деловой разговор о перестройке цехов на выпуск продукции для фронта.

Во всех цехах завода на второй день прошли рабочие собрания. Никогда ещё не проявлялся так отчётливо патриотизм людей. Все выступающие с негодованием говорили о нападении фашистских извергов, выражали готовность сделать всё для фронта, а если нужно, то взять оружие и вступить в схватку с врагом.

Перестройка производства на выпуск оборонной продукции встретила немало трудностей, но они не остановили. Взамен ушедших на фронт мужчин в цехи пришли женщины и подростки. Их срочно стали обучать работе на станках, ведь многие до этого никогда не бывали на территории завода.

А враги рвались к Москве и Сталинграду. Для изготовления стальных шлемов и нагрудников требовалось много добротной стали.

Сталевары мартеновского цеха тт. Труханов, Провков, Русских, инженеры центральной лаборатории под руководством т. Пашкевича, прокатчики, руководимые т. Кривилёвым, в рекордно короткий срок освоили производство нового листового проката. Это дало возможность увеличить выпуск стальных шлемов, одеть ими всю Красную Армию.

В марте 1942 года поступил срочный заказ на изготовление реактивных снарядов для установок, получивших впоследствии название «Катюш».

Для изготовления их завод не располагал ни оборудованием, ни оснасткой, ни инструментом, не говоря уже о квалифицированных кадрах. И всё же руководители цехов и отделов, рабочие с энтузиазмом приступили к выполнению задания. Было тщательно продумано всё, что следовало сделать, вплоть до получения первой партии изделий.

Развернулась подготовка к массовому выпуску снарядов. Никто со временем не считался, люди сутками находились на заводе. Лишь вконец усталые, они на несколько часов ложились отдохнуть тут же в цехе или в кабинетах, используя для этого скамейки и столы. Мысли людей были сосредоточены лишь на том, чтобы как можно быстрее выполнить заказ правительства.

Для изготовления и контроля первых изделий срочно нужен был очень сложный инструмент. Слесари и токари-лекальщики инструментального цеха не знали отдыха. Они выполняли за смену по две и даже три нормы. Пример показывали такие рабочие, как т. Колесников.

Много труда выпало и на долю сварщиков. Только те, кто участвовали в этой работе, видели, с каким энтузиазмом работали сварщики тт. Горохов, Зайков, Голышев. Девиз: «Всё для фронта, всё для победы!» воодушевлял тружеников завода.

Мне довелось присутствовать при испытании первой партии реактивных снарядов. Очень хорошо помню, какое ошеломляющее воздействие произвело на присутствующих их действие. Мы поняли, какое мощное оружие завод даёт защитникам Родины.

Думаю, что многие лысьвенцы, прочитавшие книгу Маршала Советского Союза К. Рокоссовского «Солдатский долг»,

с волнением узнали, как при рассмотрении плана освобождения Воронежа Главкомандующий утвердил предложение т. Ватутина, пообещав при этом усилить Воронежский фронт гвардейскими миномётными полками с реактивными установками большой разрушительной силы. Да, именно на Воронежский фронт была отправлена наша первая продукция. Там фашистские полчища испытали на себе мощь нового оружия.

А завод продолжал увеличивать выпуск военной продукции. На всю жизнь запомнился мне случай, когда во время обеденного перерыва девочки, работавшие в одном из оборонных цехов, устроились возле сушильной печи. Из деталей и тряпок они наделали кукол и с детским увлечением играли. Взрослые со слезами смотрели на этих детишек, и, пока они вдоволь не наигрались, никто не посмел их тревожить. Все понимали, что отнятое проклятыми фашистами детство никогда уже к ним не вернется, а их недетский труд не забудется.

Коллектив завода работал энергично. Каждый новый день был насыщен трудовым героизмом. По инициативе партийной организации создавались новые формы соревнования, коммунисты показывали пример в труде,

Лысьвенский металлургический завод внёс огромный вклад в дело победы над фашистской Германией. Правительство высоко отметило заслуги рабочих, инженерно-технических работников и служащих, наградив предприятие орденами Ленина и Отечественной войны первой степени. Сотни рабочих и инженерно-технических работников награждены орденами и медалями, несколько тысяч человек удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

И победа пришла, хотя она обошлась советскому народу очень дорого. Многие лысьвенцы мужественно воевали на фронте. Не все они вернулись домой. Память о них никогда не сотрётся, как не забудутся и те, кто в тылу ковал победу над фашистской Германией.

М. Ферштер
Искра. – 1970. – 11 апр. – С. 2

ИВАН ПАВЛОВИЧ ЯСТРЕБОВ

800 ГРАММОВ – И БАСТА!

Ястребов Иван Павлович работал на Лысьвенском металлургическом заводе мастером, руководителем группы, а затем начальником специального технического бюро и начальником технического отдела – заместителем главного инженера завода. С 1946 по 1950 год он – парторг ВКП(б) завода № 700, с 1950 года – первый секретарь лысьвенского горкома партии. Но в истории Лысьвы Иван Павлович – создатель новой для того времени солдатской каски.

В годы Великой Отечественной войны производство завода было перепрофилировано на выпуск продукции оборонного назначения, в том числе солдатских касок. Задача перед специалистом стояла непростая: довоенные образцы касок пули прошивали с лёгкостью, а увеличивать вес солдатского шлема было нельзя, 800 граммов – и баста. Пришлось пробовать новые сорта стали. На территории завода построили тир, где девушки-работницы ежедневно обстреливали каски из винтовок. Если пуля пробивала каску – вся партия направлялась в переплавку,

– Иные чуть ли не плакали, находя пробоины: в каждой семье были фронтовики, – вспоминал в интервью газете «Труд» в 2001 году сам Иван Ястребов. – «Изюминка» лысьвенской каски крылась в конфигурации, распределении массы металла.

Ивану Павловичу в составе группы специалистов за эти разработки была присуждена Сталинская премия, а коллектив завода за освоение и наращивание выпуска продукции для фронта был награждён орденами Ленина и Отечественной войны I степени. Но главной своей наградой Иван Ястребов считал благодарственные письма с фронта: «Спасибо, уральцы, за каску! Она спасла мне жизнь...».

Позже знаменитый земляк в течение многих лет руководил отделом тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС. Он умер в Москве в 2002 году, но его вклад в Великую Победу не забыт. Яркий тому пример – Музей каски, появив-

шийся на базе лысьвенского музея в 2009 году. Книга отзывов исписана десятками благодарственных откликов представителями всех возрастов за возможность заглянуть в историю, за сохранение памяти. Вот один из них: «Ещё раз со слезами на глазах посмотрела, как воевали наши отчаянные воины, как защищали наше будущее, в каких тяжелейших условиях изготавливали каску, спасшую столько солдат. Спасибо за прекрасную экспозицию, которая так много даёт уму и сердцу».

И. Литвина

Искра. – 2011. – 20 янв. – С. 11.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА БУЛАТОВА

«ТОЛЬКО БОЛЕЛО ПЛЕЧО ОТ УДАРА ВИНТОВКИ»

После окончания Лысьвенского техникума меня направили работать на металлургический завод. Трудилась в цехе, где выпускали стальные солдатские каски. Вначале я работала мастером ОТК, с браковщицами проверяли каски по внешнему виду, очищая их песком, а также проверяли на аппарате «Роквелл» – на твердость металла.

С развитием новой техники цех получил аппарат «Хронограф», чтобы наиболее точно определять силу удара пули и способность каски выдержать этот удар. Мне как молодому специалисту было предложено осваивать эту технику. Обучал меня старший мастер Василий Александрович Никитин.

Недалеко от цеха был построен тир для отстреливания касок на дистанцию 25 метров. В нем работало двое: я – хронографист и стрелок. От каждой партии касок отбирали три процента на испытания. Отстреливали каски из боевой винтовки со всех четырех сторон: лобной, затылочной и боковых. Большинство касок выдерживали установленную силу удара. Но были и такие, которые пробивались, тогда испытание проводили повторно, отбирая от партии касок в два раза больше. Если и на этот раз хотя бы одна каска пробивалась, тогда вся партия браковалась и шла на переработку. После переработки партия еще раз испытывалась, а в случае пробоины - выбрасывалась в мартен.

Я и стрелок несли ответственность за каждую выпущенную партию по качеству металла. Ведь добротная каска – это жизнь солдата, нашего защитника, и эту жизнь надо было сохранить. Мы переживали, когда партия браковалась – от этого простаивали последующие переделы, это влияло на выполнение госплана. Нам, хронографисту и стрелку, приходилось работать, не считаясь со временем. А какие крепкие ноги были нужны?! 25 метров туда и столько же обратно на каждую испытанную каску.

Когда не было стрелка, его замещать приходилось мне. Училась стрелять в городском тире, и так хорошо освоила эту науку, что отстреливала каску в округленное мелком месте без промаха. Только болело плечо от удара винтовки.

Были трудности в обеспечении патронами. Поступили головки и гильзы – пороха нет. На ноги ставили даже охотников: дайте порох, у кого есть. И люди приносили, но не всякий порох был пригоден. Мне его приходилось взвешивать в лаборатории, соблюдать норму, чтобы обеспечить необходимую силу удара пули.

С 1944 года я работала техником по военной приемке каски. Принимали её по всему циклу на всех переделах цеха и отгружали сразу на фронт. В то же время старались помогать цеху выполнять план по выпуску касок. Мне было уже 25 лет.

У каждого из нас были на фронте родные. Каждый на себе ощущал тяжесть войны. Питания не хватало – действовала карточная система. Поступали в госпитали раненые. Один из госпиталей был закреплен за нашим цехом. Я была комсомолкой, и мне поручили организовать художественную самодеятельность, чтобы и молодежь сплотить, и раненых поддерживать, и боевой дух рабочих поднять. Мы с комсоргом Машей Кореновой проделали большую работу – художественная самодеятельность цеха насчитывала 45 человек.

*Н. Булатова
За передовую металлургию. – 1999. – 10 февр.*

КРОВАТИ СТОЯЛИ ПРЯМО В ЦЕХЕ

В 1940 году, после окончания техникума, меня направили в цех № 2 ЛМЗ, где выпускали взрыватели для бомб. Технология их производства была сложна. Каждое изделие – это несколько десятков деталей, требующих необыкновенной точности исполнения: малейшее отклонение могло вызвать отказ или преждевременный взрыв.

Началась война, почти все мужчины из цеха ушли на фронт. Теперь кусочки металла проходили через женские и детские руки, чтобы в конечном итоге стать сердцем снаряда - взрывателем.

Работали по 12-18 часов, без выходных. А специалисты вообще были на казарменном положении - кровати стояли прямо в цехе. До сих пор живы в памяти холод, затемнённые окна цеха, усталые лица людей, слёзы получивших похоронки...

Во фронтовых бригадах И. Д. Носачёва и А. Г. Луниной работала одна молодёжь. Маша Русских, Саша Дербенёва, Юля Лихачёва, Аня Ермолаева, Аня Вотинцева, Варя Каменских, Рая Кастори, Зоя Шапилова, Александр Кайсаров и другие были в своих сменах победителями соцсоревнования. Подростки 12-15 лет трудились наравне со взрослыми, их было непросто отправить домой, они говорили: «Вот разобьём фашистов – и будем учиться дальше». Их маленькие руки делали просто чудеса.

С первых дней войны совсем молодые люди стали мастерами, бригадирами. Запомнились Рая Суханова, Александра Батуева, Клавдия Кислых, Дмитрий Самокрутов, Надежда Полушкина, Лидия Онорина, Александра Плетнёва, Таисья Гирман, Александр Кожевников. Я тоже была назначена сменным мастером.

Многие рвались на фронт. Ушла на передовую с сандружиной и погибла заместитель секретаря комсомольской организации Александра Паздникова.

Вспоминая те годы, я сейчас удивляюсь: как же мы всё тогда успевали делать?! Кроме основной работы, проводили

субботники, на которых устанавливали оборудование с эвакуированных заводов, на ходу меняли технологию (в этом нам очень помогал техотдел завода). Собирали тёплую одежду для фронтовиков, рубили дрова для завода, ездили на уборку урожая. А ещё мы встречали эшелоны с ранеными, помогали их разгружать, ходили в госпитали с концертами. И никто не жаловался на усталость, мы знали, что в тылу всё же легче, чем на фронте. И сегодня хочется поклониться до земли и сказать сердечное спасибо всем фронтовикам.

...Я хорошо помню май 45-го года. В 4 часа утра начальник цеха А. П. Тимохов сообщил нам об окончании войны. Остановился конвейер, беспрерывно работавший несколько лет. Все ушли домой, чтобы к 10 часам собраться на площади Революции на митинг. Мы пели и плясали. И плакали – слишком велика была цена этой светлой Победы! И пусть внуки наши никогда об этом не забывают. День Победы – это памятник павшим и награда оставшимся в живых.

Н. Коробова

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 4.

НИНА ИВАНОВНА МОЧАЛОВА

В ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

Смена заканчивалась. Контролёр Нина Ивановна Мочалова, когда я к ней подошел, принимала очередную партию готовых деталей.

Мало-помалу завязался разговор.

– Давно это было, – с какой-то грустью о пройденном времени, а может быть, и о минувшей молодости начала Нина Ивановна свой рассказ. – В Лысьву мы приехали перед самой войной. Тянулись тогда люди из деревень в города. Да и нужны были рабочие руки на заводах. Помню, поразил меня тогда цех, в который я пришла. Особенно много было различных ремней – трансмиссий. Казалось, они опутывали всё пространство в цехе. Сейчас не то: у каждого станка свой мотор.

Боялась вначале, что ненароком запутает меня каким-нибудь ремнем. Но потом ничего, освоилась... Я вообще к

труду привычная была, да и заводская работа против деревенской легче казалась.

Так незаметно и сорок первый год подкатил. Июнь жаркий был. С вечера в субботу мы с девчонками договорились утром пойти в лес. И утром чуть свет, прихватив с собой посуду под землянику, весело шагали по росистой траве. Вернулись в город далеко за полдень.

Ничто не говорило о том, что где-то уже шла война, гибли люди, горели жилища. Так же, как и вчера, окончив дневную смену, возвращались с завода сталевары и прокатчики. И только внимательно приглядевшись, можно было заметить на их лицах непривычную суровую озабоченность. Навстречу нам из переулка выскочило двое мальчишек. Они размахивали деревянными саблями и кричали во всё горло, гарцуя на воображаемых конях, о войне.

И сразу стало как-то нехорошо на сердце. До сих пор, когда память возвращает меня в то далёкое время, я в первую очередь вижу весёлые мордашки этих ребятишек и слышу их восторженные голоса, которыми они кричали это страшное слово. Поначалу казалось, что это ненадолго. Ведь были стычки с Японией, воевали с Финляндией. Думалось, что и с Германией война окончится быстро. Так думалось...

В начале июля выступил по радио И. Сталин. Его выступление было таким, что я помню его до сих пор. «Дорогие братья и сестры, бойцы нашей армии и флота, к вам обращаюсь я, друзья мои. Коварный враг напал на нашу Родину...» – говорил он. И даже по тону голоса стало понятно, что опасность очень велика.

Я почувствовала, что сейчас от меня, рядовой работницы, потребуется максимум усилий, что я сейчас должна работать за двоих и за троих.

А в цехе тем временем происходили большие перемены. За короткий срок всё было поставлено на военные рельсы. Продукцию должны были давать мы, в основном женщины и подростки. Большинство мужчин в первые же дни ушли на фронт.

Это было тревожное время. Холод, голод. По двенадцать часов приходилось стоять за станками без всяких пере-

рывов. Казалось, уже нет больше сил, но токарный станок продолжал шуметь, а резец вгрызался в металл. Хотелось отдохнуть, но в голове одно: там где-то наши защищают Москву. И преодолевая слабость, опять точишь деталь. Затем берёшься за другую.

А домой идешь чуть жива, думаешь, что утром не подняться на работу. Но поднимаешься и снова идёшь в цех.

На заводе стали создаваться фронтовые бригады. В одну из таких бригад вошли Таня Ганьжина, Валя Ситникова, Тася Демитрюкова и я. Ну, а если бригада фронтовая, то и работать должны по-фронтовому. И для нас стало законом выполнять по полторы-две нормы каждую смену.

Да, я горжусь тем, что мы в те годы не подкачали. В 1942 году я была отмечена правительством за свой труд. Меня наградили орденом Ленина.

Нина Ивановна закончила свой рассказ, и задумалась. Видно было, что вспоминая прожитое, она заволновалась. Но вот улыбка пробежала по ее лицу, и она сказала:

– Мне очень приятно, что через мои руки сейчас проходят изделия, несущие не смерть, а пользу людям. И пусть будет так, чтобы никогда не повторилось то, что пришлось пережить мне и всему нашему народу.

В. Никулин

Искра. – 1969. – 25 нояб. – С. 2.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ НОСАЧЁВ

ОТДЫХАТЬ БЫЛО НЕКОГДА

Взглянув в зеркало, Иван Дмитриевич с трудом узнал себя. Из рамки на него смотрел вроде бы знакомый и в то же время не знакомый человек. Какой-то скуластый, с провалившимися глазами. Да и этот выходной костюм сегодня сидит мешковато. А ведь было время, когда он аккуратно выглядел. Когда же это было? Кажется, в последнее предвоенное воскресенье. Значит, больше года прошло.

– О чем задумался, Ваня? – спросила жена. – Пора идти, а то опоздаем.

– Да, да, пойдём.

Носачёвы вышли на улицу. Вдали, на той стороне пруда, виднелись трубы металлургического завода, доносился гул машин и гудки паровозов. Завод работал, выпускал продукцию, так нужную фронту.

...Война ворвалась как-то неожиданно. До этого все надеялись, что её удастся предотвратить, что гитлеровское правительство не решится нарушить договор. Но все получилось не так. И уже на второй день завод начал срочно перестраиваться на выпуск продукции для армии, для победы. Люди забыли об отдыхе не стали делить сутки на дни и ночи. И никто тогда не предполагал, что эта война продлится почти четыре года, что она унесёт не один миллион человеческих жизней.

Иван Носачёв работал настройщиком станков, иначе говоря, бригадиром в цехе № 2 металлургического завода. Уже вскоре многие мужчины ушли на фронт, а их место заняли женщины и подростки. Совсем мальчишками пришли в цех Виктор Мякишев и Саша Чураков. Четырнадцатилетней девочкой встала к станку Надя Жихарева. Им бы всем только в колу бегать и ребячьими играми развлекаться, а они пожелали работать наравне со взрослыми по двенадцать часов в сутки.

Как-то Иван Носачёв, возвратившись от начальника цеха, собрал бригаду.

– Поступил, товарищи, приказ из Москвы. Наш цех должен увеличить выпуск продукции.

– Так мы же и без того почти по две нормы делаем, – заметил кто-то усталым голосом.

– Верно, две, – согласился Носачёв. – И всё же этого мало. На фронте очень тяжелое положение. На днях наши войска оставили Кантимировку, а вчера немцы захватили Богучар и Миллерово.

– Ты нас, Иван, не агитируй, – перебила бригадира станочница Гильфанова. – Лучше говори сразу, чего придумал?

– Есть у нас со старшим мастером Аблицовым одна идея. – Носачёв окинул взглядом собравшихся. – На нашем участке работает две бригады, пятнадцать человек. Если кое-

что изменить в технологии, то, на наш взгляд, десяток человек сумеют сделать столько же деталей, сколько делаем сейчас.

Вытащив из кармана огрызок чудом сохранившегося карандаша и самодельный блокнот из серой бумаги. Иван Дмитриевич стал рисовать схему новой технологии, над которой думал уже не один день.

Бригады поддержали предложение, а через несколько дней передали на соседний участок не пять, а шесть станков и столько же людей. На оставшемся оборудовании стали изготавливать больше деталей, чем раньше.

Ремонтировать станки было совсем некогда, а это значительно усложняло работу настройщикам. Иван Дмитриевич всё чаще стал забывать о доме. Лишь когда от усталости уже не мог стоять на ногах, то засыпал на несколько часов тут же в цехе.

Как-то Носачёв занимался настройкой станка, когда к нему подбежал мальчишка с перепачканным маслом и стальной пылью лицом.

– Дядя Ваня, иди слушать радио! Скорее!

Надеясь услышать новости с фронта, Носачёв поспешил к репродуктору.

– Наш завод орденом Ленина наградили, – с восторгом сообщил всё тот же мальчишка.

А диктор из далекой Москвы продолжал читать Указ. Он сообщил, что группа работников завода № 700 награждена орденами и медалями. Ордена Ленина удостоены директор завода Белобров, парторг ЦК ВКП(б) на заводе Гридневский, станочница Лумпова, настройщик Носачёв, мастер Пшеничников, сталевар Труханов и секретарь горкома Чернышев. Отмечены и члены бригады Носачёва: Мария Подшивалова награждена орденом Трудового Красного Знамени, а Нуриатта Гильфанова – орденом Красной Звезды. Медалью наградили Марию Тиунову.

– Поздравляем, Иван Дмитриевич, – протянул руку пожилой рабочий.

...В зале заводского клуба Носачёвы едва нашли свободные места. Депутат Верховного Совета СССР Н. И. Гусаров сначала вручил орден Ленина заводу. Поднявшись с мест,

все присутствующие в зале ответили на это громкими аплодисментами.

Иван Дмитриевич уходил из клуба с орденом на груди. Дома он бережно снял пиджак, долго и внимательно смотрел на барельеф Ленина. Потом нашёл рабочую одежду и стал одеваться.

- Ты куда? – спросила жена,
- На завод. Скоро домой не жди...

Н. Максаров

Искра. – 1970. – 10 янв. – С. 2.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОРОМЫСЛОВА

ГЛАЗА БОЯЛИСЬ – РУКИ ДЕЛАЛИ

Когда началась Великая Отечественная война, Наталья Александровна Коромыслова работала крановщицей в мартеновском цехе металлургического завода. Почти все мужчины ушли на фронт. Девушку вызвал к себе начальник цеха Г. Я. Устинов и сказал:

– Пойдешь на завалочную машину. Справишься! Уверен, у тебя получится.

Женщина-машинист завалочной машины? Фантастика! Такого в истории цеха ещё не было, ведь это профессия, которая не каждому мужчине под силу.

– Вначале была в отчаянии, боялась, что машина мне не покорится. Но потом быстро освоила новое дело, – рассказывает Наталья Александровна. – Сижу перед пятью штурвалами иной раз, а сама размышляю о том, что от меня зависит скорость завалки шихты в печь, и где бы найти ещё минуты, чтобы ускорить процесс.

Летом цех превращался в огнедышащий вулкан или, по меньшей мере, в парилку в бане. Кажется, машина раскалялась от жары. Хотелось пить, выбежать на свежий воздух, вдохнуть полной грудью, но надо было работать.

Наталья Александровна вспоминает:

– Подручными сталевара работали Апполинария Быстрых, Мария Торопова, Елизавета Байдина, рядом тоже маши-

нистом завалочной машины – Лида Емельянова. Выходных не было, по восемь часов трудились, а порой и все шестнадцать, заменяя тех, кто заболел. Что помогало выдержать такой ритм? Я спортсменка была, активистка. После смены порой с группой комсомольцев отправлялись в другой цех на погрузку шихты. Снаряды делали и четырнадцатилетние подростки – много было браку, так мы этот лом собирали и отправляли в переработку в мартеновский цех. Почти каждый день ходили в госпиталь во Дворец культуры металлургов. Обязательно брали с собой баяниста, пели для раненых, бинты стирали, ухаживали за солдатами.

Я прошу рассказать её о самом памятном дне войны.

– День Победы! – говорит она, не задумываясь. – Это было счастье, что выдержали, выстояли. На площади был митинг, и мы на него прибежали прямо из цеха. Многие плакали, обнимали друг друга...

Наталья Александровна рассказывает об этом, и на глазах у неё слезы. И я понимаю её...

Н. Лобанова

Искра. – 1995. – 9 мая. - С. 8.

ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЛЫХИНА

О СЕБЕ НЕ ДУМАЛИ

Судьба Евгении Васильевны Лыхиной очень схожа с судьбами многих лысьвенцев. Она – из поколения людей, кто, не думая о себе, не жалея, здоровья, приближал в тылу победу над фашистской Германией.

Трудовая биография Евгении Лыхиной началась на пятый день войны. Вместе с подругой Надеждой она, выпускница средней школы, пришла на работу в укупорочное отделение четвёртого цеха завода № 700, выпускавшего снаряды. Недельная подготовка, экзамен и строгий военпред капитан Глущенко благословил юных браковщиц (так в ту пору называли контролёров) на труд, который начинался в восемь часов утра и заканчивался поздно вечером.

– В «укупорке», – вспоминает Евгения Васильевна, – шёл заключительный этап подготовки снарядов. Покрыв жиром, их укладывали в ящики и грузили в вагоны. Работа шла быстро, без сбоев, под бдительным оком военных...

И так – до октября 45 года, когда пришел приказ о завершении выпуска военной продукции. Закончилась работа по 12 часов в сутки без выходных и отпусков, работа, от которой ныли, не давая спать, руки девчонок.

Собеседница рассказывает:

– Снаряды покрывались лаком изнутри и снаружи. Женщин, работавших с пульверизатором, было не узнать – всё лицо, одежда заляпаны. Голодали тогда почти все. Случалось, падали и умирали прямо в цехе, у нас на глазах. Помню, как-то Маша Солодянкина принесла девчонкам, кто уж совсем оголодал, сушёные очистки картошки. А наш строгий капитан пришёл однажды в цех с двумя стахановскими бирками на обед и дополнительными по сто граммов, пайками хлеба. Посоветовавшись, мы отдали их лакировщику снарядов, у которой были малые дети, муж погиб на фронте...

А. Кириллова

Искра. – 2005. – 12 марта. – С. 4.

АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА МОРГОСЛЕПОВА

И ДО СИХ ПОР БЕГУ НА ПРОХОДНУЮ...

Вот уже которую ночь мне снится один и тот же сон: я опаздываю на работу, но вместо того, чтобы идти в цех через проходную, бегу, бегу какими-то темными, узкими проходами... Просыпаюсь от этого кошмара и до утра не могу заснуть. Вновь накатывают воспоминания: Лысьва, военный завод 700, мой цех, где работала с 7 марта 1943 года по 23 января 46-го, станок.

Среди девчонок я была в цехе самая маленькая ростом, и, чтобы до станка дотянуться, к нему приходилось подставлять большой ящик. Работали по 12 часов в сутки, без выходных. Особенно трудно было при пересменке, когда через 8 часов перерыва нужно было снова вставать к станку. Я была настолько слаба, что не было порой сил дойти до барака, поэтому от-

сыпалась, лежа на цементном полу под станком, пока работал сменщик. Как-то это заметил начальник участка В. Цветков и, пожалев меня, 17-летнюю девчонку, перевел учёщицей.

Но если за станком я никогда не засыпала, то, сидя за столом, удержаться от сна было уже выше моих сил. Опомнюсь, подниму голову, а за краешком стола сидит сам начальник и работает за меня. Господи, какой это был человек: никогда не накричит, не сделает замечания!

А. Моргослепова

Искра. – 1995. – 9 мая. – С.8.

ВИКТОР МИХАЙЛОВ

СКОРОСТНЫЕ ПЛАВКИ БЫЛИ ДЕЛОМ ОБЫЧНЫМ

Старшее поколение лысьвенцев должно помнить одноэтажные бараки, стоявшие на Мысу пятью линиями - по три барака в каждой. В одном жила наша семья. Из окна просматривались пруд, поленицы дров на берегу и горы снарядных ящичков, привозимых с фронта для ремонта.

В кухне стояла длинная печь, к плите которой можно было подойти с двух сторон. Но я не помню, чтобы на ней что-то варили-жарили. Она была чем-то вроде агитпункта. Взрослые собирались тут обсудить житейские проблемы. А вечерами, особенно в холодную пору, на кухне «копотила» молодёжь («копотиха», «копотить» – слова, знакомые только жившим в бараках): «лузгала семечки, травила анекдоты, парни играли на гармошках, гитарах, девчата пели.

Начало войны я помню только в масштабах своей семьи – мал тогда был. Но до сих пор в памяти остался плач тёти Поли, двоюродной отцовой сестры, провожавшей на фронт сразу двоих – мужа и старшего брата:

– Гриша, Гребешок, на кого ты меня оставляешь?! – это мужу. – Горя, родной, не свидеться нам больше! – брату.

Забегая вперёд, скажу, что дядя Горя (так тётя звала брата Георгия) с войны вернулся цел и невредим, но очень уж долгим было его отсутствие – до 1950 года гонялся он за бандеровцами на Западной Украине. А вот Гребешок тётин не

вернулся, и пришла на него не похоронка, а извещение: «Малков Г. И. пропал без вести». Тётя Поля ждала его лет двадцать, и только когда дочери обзавелись семьями, вышла замуж за вдовца, участника войны, и, кажется, оставшуюся жизнь была счастлива.

У моей матери на войну забрали младшего брата Колю, которому едва исполнилось 18 лет. Похоронка на него пришла очень быстро. Возможно, даже до передовой не успел добраться, но как об этом узнаешь?

Плач, рыдания, истерики надолго прописались в бараке. То в одну, то в другую комнату почтальон приносил страшную бумагу. Получили её и жившие с нами по соседству Базуевы – по старшему сыну Михаилу. Стенки между комнатами – один слой доски-полудюймовки, так что весь барак горевал всякий раз, когда кому-то приходила горькая весть.

Мой отец был мартеновцем, поэтому его от фронта уберегла бронь. Ещё до войны родители купили корову, а на паях с соседом держали лошадь, телегу и сани для заготовки сена и дров. Корова была очень хорошая, так что первые два года войны не были для нас бедственными. Но потом лошадь пропала, и это стало началом наших несчастий. Как-то отец попробовал привезти дрова от Малой Запорной на корове. Второго раза она не выдержала. Скотинку забили, мясо продали. Купить другую оказалось делом невозможным – цены взметнулись на недосыгаемую высоту. Потом всё нехорошее навалилось на нас разом.

Сначала отец потерял продуктовые карточки. Почти месяц жили на картошке и заварухе из ржаной муки. И где-то в то же время у нас из подполья утащили картошку. Вора быстро нашли. Им оказался парень из нашего же барака. У себя в комнате он спускался под пол и ползком добирался до нашего подполья. Вначале не замечали, что картошечка убывает, а потом пацан разохотился и утащил всё.

Милиционеры, вычислив вора по дорожке, протоптанной под полом барака, ухлестали его до полусмерти. Отец, пока был жив, а умер он в 1981-м году в возрасте 80 лет, всё, бывало, каялся:

– Ну зачем я вызвал тогда милицию?..

Служили служивые рьяно, лишь бы не на фронт.

Выживание – слово современное. В те годы так никто не говорил, но теперь понимаешь: именно тогда мы выживали. Отец позднее рассказывал: уходя на работу, смотрел на вас, спящих, и думал – увижу вас ещё или нет? Сил не было, но он заставлял себя идти после работы домой. Знал: если хоть раз останется в цехе ночевать (тёплых уголков в мартене было немало) – это будет конец. Наблюдал такое по товарищам своим. Вначале не шли после работы в душ, потом оставались ночевать в цехе, и последнее – принимались собирать объедки в столовой. А там и есть-то нечего было, кроме обычной баланды. «Водохлёбы» быстро опухали и умирали.

Ежедневно одного-двух покойников выносили из тёплых углов.

А ведь паёк хлебный у металлургов был неплохим: на прямом производстве давали по килограмму хлеба, на вспомогательном – по 800 граммов, служащим – по 500. А люди умирали от голода и непосильного труда.

Как поощрение за добросовестный труд на заводе были введены стахановские талоны на еду. Для некоторых категорий (как правило, ИТР и служащих) доступ к этим биркам был больше. Видимо, поэтому в мартеновской столовой был отгорожен угол с отдельным входом. Эту часть столовой рабочие прозвали «за фанерой». Что там давали на обед, работяги только догадывались. Наверное, в те тарелки попадало побольше, погуще, пожирнее.

Всё это я рассказываю со слов отца и брата Ивана, который в 44-м в 16 лет уже работал на мартене электрослесарем. Как-то в разговоре с братом я высказал сомнение, что такое могло быть.

– Эх, Виктор, было всё это, было. Да и какой резон мне сейчас придумывать небылицы! – ответил мне тогда уже смертельно больной брат. Так что беды и голод «распределялись» и в войну не всем поровну.

А ещё расскажу, как мой отец чуть не стал «вредителем производства и пособником врага». Известно, с каким напряжением работали в войну все цехи. Фронт требовал всё больше и больше продукции, в том числе стали. Да какой! Броне-

вой, что шла на изготовление касок. Мощность мартеновских печей использовалась на полную катушку. Скоростные плавки в те годы были явлением обычным, но перегруз печей приводил иногда к авариям. В частности, начались обрывы стопорных пробок во время разлива стали. (Для непосвящённых: стопор – это пробка, закрывающая отверстие в ковше-сталевозе при его перемещении вдоль литейной канавы.) Сталь, оставшаяся неразлитой в ковше или разлитая вдоль канавы, выводила из ритма печь почти на неделю. А это уже ЧП и, естественно, – следствие и попытка найти злой умысел.

«Стрелочником» оказался мой отец, который работал стопорщиком. После нескольких аварий его забрали в «красный дом» на улице Советской. Первым делом вспомнили, что когда-то он был раскулачен: не оттуда ли вредительство?

Перепугались мы за отца тогда страшно. Сколько рёву было! Но его через пару дней отпустили из-за недоказанности вредительства. А, скорее всего, потому, что мало кто в цехе умел так хорошо делать стопора. Из каталажки отца доставили в кошевке прямо к первой проходной.

Сидя под надзором, он думал: ну отчего же рвутся пробки? А вернувшись в цех, предложил начальству «усилить» стопор. Идею подхватили, и обрывы сразу прекратились. За рацпредложение папа получил премию – двести рублей. Буханка хлеба тогда стоила триста...

И ещё один момент врезался в память. Году в 43-м, осенью, в Лысьве побывала шибко важная комиссия. Нашей семье удалось увидеть этих «шишек» воочию. Как сейчас вижу: открывается дверь, и в комнату входят пять мужиков в кожаных пальто. Окинув взглядом убогую нашу обстановку, главный (отец потом говорил, что им был некто Меркулов – то ли министр, то ли нарком) прорычал:

– И это металлурги живут в таких условиях?!

И ведь как потом дело завертелось! Уже в 1944 году к осени на Катаевом угоре был заселён целый квартал нового жилья! Ровно через год были отстроены ещё 12 домов. В один из них наша семья перебралась в декабре 45-го.

9 мая 45-го года я тоже хорошо запомнил. С утра отец, бывший в тот день на выходном, сводил нас в мысовскую ба-

ню. Когда возвращались, Сашка и Борька Базуевы, увидав нас в окно, закричали, что закончилась война. Отец бегом бросился слушать радио...

... В заключение, вроде, положено какой-то эпилог написать. Но о чём? Что в нём я должен отметить? ПОБЕДА – вот эпилог всему!

В. Михайлов

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 3.

ЗИНАИДА ИВАНОВСКАЯ

И НИКТО НЕ РОПТАЛ

Семнадцатилетней девчушкой я переступила порог цеха № 4 ЛМЗ. Было это в феврале рокового 1941-го. Цех огромный, шумный, и в первое мгновение охватил меня страх. Но оказалось здесь много молодёжи, и работать было интересно.

Работала в ОТК на приёмке полуметровых корпусов, которые отправляла военпреду. Раньше говорили, что мы к войне не готовились, не ждали её. Неправда! А для чего годами до войны выпускали корпуса снарядов? В верхах готовились к войне, и она грянула жарким июньским утром. О войне узнали днём из выступления по радио В. Молотова. Прошла неделя-другая, цех перешёл на 12-часовой рабочий день и как будто вымер: ни смеха, ни шуток. Молодёжь ушла на фронт, рабочие разговаривали вполголоса

В этом цехе проработала я до ноября. В октябре от 15-го цеха отделился цех № 13, и меня направили туда на прорыв. ОТК от цеха был отделён, и мастер начала меня обучать приёмке всех деталей, чтобы в любое время я могла подменить отсутствующую браковщицу, что мне впоследствии очень пригодилось. Всю войну я в этом цехе проработала временно, и только в 1945 году меня документально перевели в цех № 13.

В нашем коллективе было много эвакуированных из Одессы, Ленинграда, Курска, Воронежа и Тульской области. Бедные, как им было трудно и голодно! Мы, местные, большинство жили в своих домах, была картошка, овощи, а у них

ничего. Как они выжили, удивляюсь. Две женщины сидели рядом со мной, угостишь их летом морковкой, горохом, бобами, а они откусят раз и прячут домой для детей. В 1943 году стали давать нам стахановские бирки, тогда они немного ожили.

Вспоминается, как приносили по кусочку хлеба и закрывали его в шкаф мастера до обеда: если не закроешь, крошку за крошкой не заметишь, как съешь. Наверное, поэтому мы привыкли беречь хлеб, и не переносим варварского отношения к брошенному куску.

Пообедав (на это отводился час), мы успевали провести что-то вроде субботника: относили коробки бракованных деталей, отправляли детали на перелудку в лудильное отделение, освобождали место от бутылей из-под кислоты, а оставшиеся дорогие минуты проводили в красном уголке. Красный уголок большой, пол земляной, весь выщербленный, местами с ямками, а мы всё равно любили бывать там. Прибежим, отодвинем скамейки в сторону и устроим танцы. Кто-то нам играл на гармошке, которую брали в кладовой и днём, и ночью. А некому было играть – танцевали под свои мелодии, такие как «Цыплёнок пареный, цыплёнок жареный» и другие.

А какой был многочисленный хор! Ночью, под утро, спать хочется, и за работой мы все пели. Сон проходил, и работа спорилась. А какие давали концерты в госпиталях! Замечательно пела Тамара Зотикова, плясали Тася Шестакова и Руфа Жезлова, юмористами слыли Лиля Прокопьева и Рая Савельева, был свой скрипач Саша Турбаков. Вспомнили нашего заядлого «артиста» Лёню Михайлова, которого сообща одевали в яркие рубашки. Впоследствии он стал артистом нашего драмтеатра, а потом заслуженным артистом Латвийской ССР.

Впрочем, мы все были «артистами» в то далёкое суровое время. Бывало, в госпитале после концерта или до концерта мыли окна и стены палат, чинили, штопали и гладили бельё, делали это с желанием, не сторонясь никакой работы. Иногда после концерта устраивали танцы. Наши девочки влюблялись в парней, парни в нас – и было интересно. Некоторые нашли

своих суженых, кто-то остался здесь, кто-то уже после войны уехал к мужьям.

Очень крепкая и работоспособная была у нас комсомольская организация, которой руководила Люба Громова, группкомсоргами были Нина Удальчикова и Тася Шестакова. Между ними было организовано соревнование, ежемесячно выпускали стенгазету. Часто устраивали рейды: выявляли ночевавших в мартене, жести и эмальцехе. Таких людей в военную пору было много: в общежитиях холодно, дома топить нечем, вот и спали, где потеплее.

В конце 1944 года нам уменьшили план, появилась возможность пораньше уходить домой, но мы, члены фронтовой бригады имени Лизы Чайкиной, раньше всех справлялись с заданием и шли помогать другим, а домой уходили все вместе. И никто не роптал – знали: это всё для победы.

*З. Ивановская
Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 4.*

СКАЛЬПЕЛЬ, ШПРИЦ И... ЛЮБОВЬ

Прифронтовая Горловка (Донбасс). 20 июля 1941 года работники расквартированного здесь эвакогоспиталя 3464 получили приказ о передислокации. Пока собирались, пока дорога – на новое место, в Лысьву, прибыли 14 ноября. На подготовку здания дивизиона под госпиталь ушло полтора месяца. Основной состав медработников во главе с начальником Л. И. Белкиной был эвакуирован из Горловки, а вот младший обслуживающий персонал пришлось полностью набирать в Лысьве.

8 января 1942 года госпиталь принял первых 100 раненых. Полтора года в него поступали только те, кому не требовалось безотлагательное хирургическое вмешательство. С апреля 1943 года профиль его изменился с общехирургического на госпиталь для ампутированных. За годы войны в нём было сделано 889 операций.

Такова краткая биография лишь одного госпиталя, расквартированного в Лысьве в военные годы. Всего же их было 7. Первый, № 3132, головной, был создан на базе хирургического отделения горбольницы, его филиал – в школе № 10. Госпиталь насчитывал 500 коек. Уже 9 августа 1941 года он принял первый эшелон с ранеными. Лечили их в то время Г. А. Арбузов (первый начальник госпиталя), А. А. Бойко (после смерти Арбузова возглавляла госпиталь до конца войны), Л. М. Кузнецова, Е. А. Нестерова, Г. Е. Кайгородова (после войны она стала доцентом Московской клиники). Ведущим хирургом был П. Н. Кошурников.

Поток раненых увеличивался. И один за другим в Лысьве открывались другие госпитали:

– № 2511 – во Дворце культуры ЛМЗ и школе № 3 (начальники Е. М. Попель, Н. С. Столяров);

– № 3794 – в горполиклинике и школе № 1 (начальник Л. М. Кузнецова);

– № 3952 – в школе № 15 (начальник А. Д. Тимкина). В последний период войны здесь проходили лечение военнопленные немцы;

– № 2703 – в школе № 4 (начальник В. Д. Толмачев);

– № 4016 – госпиталь для выздоравливающих в д.о. «Сокол» (начальник Б. Н. Тенилин).

Врачи менялись. Одни уезжали на фронт. Из терапевтов приходилось готовить хирургов. Всего за годы войны переподготовку прошли 90 специалистов.

Беспрерывно работали и курсы подготовки медсестер. Уже в конце июля 1941 года по инициативе председателя райкома профсоюзов работников просвещения Е. Т. Киселевой и горкома комсомола на курсы медсестер были направлены молодые учительницы. Учеба шла по ускоренной программе.

Верными помощниками медиков стали сандружинницы. Собираясь по первому зову, они выходили встречать санитарные поезда. Молоденькие девчонки грузили носилки с ранеными на машины, подводы, если зимой дорога была переметена, закованных в гипс мужчин тащили на себе.

Город старался помочь госпиталям всем, чем мог: медикаментами, перевязочным материалом. Жители несли подушки, простыни. Изнашивалось оборудование, аппаратура – на помощь приходили предприятия города, прежде всего завод. Многие делали и сами выздоравливающие.

В 1943 году часть госпиталей со всем персоналом выехала ближе к фронту и нагрузка на оставшихся возросла. П. Н. Кошурникова назначили главным хирургом города и района, консультантом всех госпиталей. Была создана группа усиления, в которую вошли самые опытные медработники.

Самоотверженный труд многих из них отмечен наградами, благодарностями. В частности, операционная сестра М. М. Чиркова награждена орденом Ленина, хирург П. Н. Кошурников орденом Красной Звезды. Орденами и медалями отмечена работа в госпиталях Н.Н. Малковой, А.А. Бойко, З.В. Гусевой, А.Д. Тимкиной, А.С. Маринец и других.

Всего на излечении в Лысьве находилось более 10 тысяч человек. Нынешнему поколению об этой странице из истории города напоминают лишь мемориальные доски на зданиях, где располагались госпитали, установленные в год 40-летия Победы, да братские могилы на кладбище, в которых покоятся 74 умерших в Лысьве защитника Отечества.

Павлова О.

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 9.

В ТЫЛОВОМ ГОСПИТАЛЕ

Когда началась Великая Отечественная война, многие медицинские работники нашего города были призваны в ряды Советской Армии.

Наш госпиталь в Лысьве занимал здание нынешней городской больницы. Работа была нелегкой. Госпиталь обслуживали преимущественно женщины, у большинства из них на фронтах сражались мужья, братья и отцы.

Каждый день прибывали новые раненые. Нужно было не только лечить их, но и найти ласковое слово, а порой и убеждать, доказывать, чтобы вернуть человеку, потерявшему трудоспособность, интерес к жизни, веру в то, что он может быть еще полезным. Персонал всю работу выполнял чётко, своевременно, казалось, не уставая, не теряя бодрости духа. Жалоб не было, люди не торопились домой.

При помощи санитарной дружины, которой руководила председатель Красного Креста А. Н. Филимонова, медицинские сёстры и санитарки часто ночью шли на станцию разгружать санитарные поезда, всегда укладывались в отведённое для этого время.

Долгие часы простаивали у операционного стола врачи П. Н. Кошурников, А. С. Маринец, Л. М. Кузнецова, Н. П. Малкова и операционные сестры М. Н. Чиркова, Наташа Кузнецова, Паня Пищальникова и Валя Каменских. А когда не хватало рук, любая палатная сестра становилась операционной и умело ассистировала врачам.

Медсёстры, санитарки и дружинницы дежурили у постели тяжелобольных и раненых, читали им книги, газеты, шили и

чинили госпитальное белье, готовили подарки. Часто раненым требовалась кровь, и многие медицинские работники, не задумываясь, отдавали ее.

В госпитале для выздоравливающих воинов были организованы курсы счетных работников и киномехаников. Занятия проводились непосредственно в палатах, где лежали раненые, утратившие здоровье и трудоспособность.

Руководящий персонал госпиталя выполнял пожелания раненых по розыску их семей, устраивал выздоравливающих на работу, место жительства которых временно находилось в оккупации. А сколько писем, фотографий поступало в госпиталь от бойцов, офицеров, их жён и родителей, в которых были слова сердечной благодарности коллективу за проявленную чуткость и заботу о раненых. В каждом слове – ненависть к врагам, которые причинили столько горя и слез мирным людям?

Вот одно из Сталинской области от Николая Ивановича Миски-Оглу:

«Товарищ начальник госпиталя. Сообщаю Вам, что я жив и здоров и доехал до дому благополучно. Очень благодарю весь «коллектив госпиталя за вашу материнскую заботу о раненых. Проклятые фашисты расстреляли моего родного брата только из-за того, что он был членом Коммунистической партии. У меня из дому унесли всё, увели корову. Но скоро будет конец фашистам!»

Раненые и выздоравливающие воины никогда не теряли веру в светлое будущее, не сомневались, что счастливая весна – мирная жизнь настанет!

А. Бойко

Искра. – 1961. – 10 мая. – С. 3.

СУДЬБЫ ИХ НЕИЗВЕСТНЫ

В первые недели Великой Отечественной войны в Лысьве стали развёртывать госпитали. В их организации принимали участие все жители города – несли простыни, подушки, белье, мыли и оборудовали палаты.

Первыми для приемки раненых были подготовлены больничный городок и школа № 10, затем школа № 3 и Дворец культуры. В начале августа поступили первые раненые.

«Прошло много лет, но до сих пор не могу спокойно, без волнения заходить во Дворец культуры ЛМЗ. Перед глазами сразу же встают палаты с тяжелоранеными. Вспоминается, как мужественно и терпеливо переносили они самые сложные операции, и, глядя на их страдания, невозможно было сдержать слёзы, – вспоминает Г. А. Леонтьева, медсестра эвакогоспиталя 2571. – Молоденькие сандружинницы поднимали носилки с ранеными в тяжёлых гипсовых повязках на второй этаж, медицинские сестры сутками не выходили из госпиталя, дежуря у тяжелораненых бойцов, становились и донорами, и прачками, и полумойками. От души радовались каждому выздоравливающему, плакали, закрывая глаза умершим. Их 74, оставшихся лежать в лысьвенской земле».

А от тех, кого медики поставили на ноги, приходили письма с немудрёными словами благодарности. Писали в госпиталь и родственники раненых, пытаюсь узнать о близком человеке. Письма, которые публикуются сегодня, адресовались начальнику госпиталя № 3132 Анастасии Александровне Бойко. Датированы они 1943-1945 годом, авторов одних ждали военные дороги, других – тяжелейшие лишения и труд во имя победы. Судьбы тех, кто писал их, неизвестны.

«Здравствуйте, уважаемая Анастасия Александровна. Пишут Вам бывшие раненые Чамара и Пилипенко, ныне курсанты авиашколы. Извините, что отнимаем у Вас минуты драгоценного времени, но Вы просили написать и осветить нашу жизнь.

Живем хорошо, учимся неплохо, немного трудновато, так как не хватает знаний. Чувствуем себя хорошо, правда, Пилипенко немного прихрамывает, а у меня иногда рука бывает в таком состоянии, что и писать нельзя. Думаем, в дальнейшем все наладится.

Благодарим Вас и обслуживающий персонал, особенно работников 1 отделения, которые приложили немало усилий, чтобы вылечить нас, особенно врач тов. Серых, сестры Щер-

баковы, Овчинникова, Калинина. Передайте им привет и пожелания успехов в дальнейшей работе. А Вас очень благодарим за материнскую заботу».

«15 мая 1943 года. Спешу Вас уведомить, что я с женой доехал хорошо. Рана стала заживать. Надеюсь, что вылечусь скоро и сумею встать снова в строй, чтоб быстрее разгромить ненавистных гадов. За Ваше внимательное отношение ко мне безгранично Вам благодарен, жалею, что больше никогда не увидимся.

Прошу передать от меня и моего семейства привет за чуткое и внимательное отношение ко мне, особенно П. Н. Кошурникову, К. С. Останиной, Каминской Вале, Стрелковой Ане.

В последнее время у нас стоит тёплая погода, проводят яровой сев, гуляю на солнышке. Если бы пришлось Вас увидеть, крепко пожал бы Вашу руку. А. Бурдук».

«18 марта 1945 года. Здравствуйте, А. А. Шлю я Вам свой фронтовой привет из далекой проклятой Германии. Уже два месяца как мы пересекли границу и сейчас ведём бои на его территории. Его, который хотел завоевать весь мир, а сейчас дело дошло до того, что немецкие самолёты летают над своей же территорией только ночью. Днём им нет места в небе, наши зенитки их крепко поколачивают. Сегодня насчитал в воздухе 50 наших самолётов и сбился. Это они помогают нам брать один немецкий город за другим.

Погода здесь весенняя, снегу нет, прилетели скворцы, но мне очень хочется на Урал. Попаду ли – уж больно далеко захал. Скоро будем в Берлине, но будем не все, кой-кого недосчитаемся. Может, и я не дойду. Недавно получил в письме газету «Искра» от 5 января, кое-что о Лысьве знаю. Черкните пару слов и вы. Передайте привет и низкий поклон сотрудникам госпиталя. Подпись неразборчива».

«30 сентября 1943 года. В эвакогоспиталь 3132. Сырский сельсовет Воронежской области сообщает, что у находящегося в Вашем госпитале на излечении раненого красноармейца Поленникова Ф. Н. во время разлива реки утонула жена. Его дочь Татьяна, 1936 года рождения, была передана на воспитание бабушке. В июне 1943 года бабушка умерла, и дочка временно живет в помещении сельсовета. Просим отпустить

Поленникова Ф. Н. для определения своей дочери. Председатель сельсовета».

«18 августа 1943 года, начальнику. Вы меня извините, но я хочу и должна добиться правды, а именно: 16 июля с. г. на мое имя получено извещение из госпиталя о смерти моего мужа Митрофанова Г. М., 1901 г. р. После этого извещения я получила телеграмму от мужа от 25 июля, что он жив и здоров и находится на излечении. Получилась ошибка госпиталя или телеграфа. Я до болезни волнуюсь, работа валится из рук. Еще раз прошу извинить за беспокойство. Если он действительно умер, то сообщите, чем болел, как долго лечился в госпитале, если жив, тоже прошу сообщить».

На этом письме написано рукой А. А. Бойко: Митрофанов Г. М. рядовой, поступил в госпиталь 30 июня 1943 г, со сквозным осколочным проникающим ранением левого коленного сустава, умер 16 июля 43 г. Извещение послано.

«28 августа 1945 г. Милые, родные сёстры! У вас есть среди больных мой сын Евгений Буглов, который, как видно из письма, чувствует себя все хуже и хуже. Чем объяснить это? Или вы лечите людей по выбору? Простите меня за эти слова, но поймите мое отчаяние. Вы, сёстры, которые кладете все силы для больных, не пожалейте для него своего внимания, спасите, приласкайте его. Он у меня один, он ласковый, мой любимый сынок! Прошу вас не посмейтесь над моим письмом, помогите, чем можно Жене, спасите его. Жду вашего письма. Может быть, которая найдётся и пожалеет меня, напишет о моем ненаглядном сынке. Буглова».

«Лысьва, э/г № 3132, начальнику. В исполком Октябрьского райсовета депутатов трудящихся поступил запрос от военнослужащего Попова Ф. К., находящегося на излечении во вверенном Вам госпитале с просьбой установить местожительство его семьи. Проверкой на месте установлено, что его жена Попова Н. В. и двое детей, проживающие по проспекту Маклина, 54, кв. 8, скончались в феврале 1942 года, не выдержав суровых испытаний зимы 1941-1942 года в блокированном городе Ленинграде. О постигшей утрате просим сообщить военнослужащему т. Попову Ф. Н., а также передать ему опись имущества, кроме того сообщить, что

комната его заселению не подлежит и будет сохраняться до окончания войны, 12 октября 1943 года».

*Ф. Треногина
Искра. – 1990. – 8 мая. – С. 3.*

КЛАВДИЯ ПАРШЁНОК

НЕ СМЫКАЛИ ВОЗЛЕ РАНЕНЫХ ОЧЕЙ

Все, кто пережил военные годы, едва ли забудут те трудности, те невзгоды, несчастья, которые приходилось преодолевать. Всем было трудно. Нелегкой была и моя юность.

В 1942 году я приехала в Лысьву и поступила учиться в медицинское училище. Помню, как мы, студенты, ждали 12-ти часов дня, чтобы выкупить хлеб и тут же его съесть, так мы были голодны! Каникул у нас не было – всё лето работали в колхозе. У училища было свое подсобное хозяйство – в районе нынешнего Южного поселка. Там мы копали дёрн, чтобы посадить побольше картошки.

Один эпизод запомнился на всю жизнь. Однажды в марте нас послали в село Новорождественское за семенным картофелем для подсобного хозяйства. Мы отправились туда с санками и мешками, на дорогу нам выдали по две пары лаптей и по две буханки чёрного хлеба. Два дня мы добирались до этого села, а обратно шли с грузом. Снег уже подтаивал, и мы, обутые в лапти, буквально плыли по холодной весенней воде, волоча за собой тяжелые санки с картофелем. Голодные, усталые – откуда только сила бралась! И никто из нас не взял ни одной картофелины, чтобы испечь на костре.

После окончания училища нас направили в госпиталь № 3132, который находился на больничном городке. Здесь приходилось несладко, да мы и не искали, где легче, понимали, – трудно везде. Теперь, оглядываясь в прошлое, сознаёшь, что мы остались без юности. Война заставила нас шагнуть сразу во взрослую жизнь.

Вместе со мной в госпитале работали Я. Вершинина, А. Топорова, Т. Пушкарева, Т. Ситникова и другие. Мы старались быть внимательными, чуткими, чтобы облегчить страда-

ния раненых. Две медсестры на 90 больных – теперь даже представить трудно, как успевали. А после смены шли на хозяйственные работы: мыли палаты, набивали матрацы свежей соломой, убирали с полей картофель. Помню, поставили меня в палату № 7, где лежали тяжелораненые. Им было плохо, они просили помощи. Часто, не выдерживая, я плакала вместе с ними, хотя показывать свои слёзы нам было категорически запрещено. Некоторые из тех, кто лежал в палате № 7, остались жить в Лысьве, например, Константин и Анатолий Максимовы.

В госпитале меня звали Клава-маленькая, потому что у нас ещё была Клава-большая (К. Суетина). Она была моей наставницей, и я очень благодарна ей.

Помнятся мне и наши ночные смены. После отбоя мы шли в подвал больницы, где были груды гипса, снятого с раненых. По подвалу бегали большие крысы, и нам было очень страшно. Мы отдирали бинты от гипса, затем стирали их, просушивали, проглаживали, а утром сдавали старшей медсестре.

9 мая 1945 года был солнечным. Это был день великой Победы. Мы смеялись и плакали, плакали и смеялись.

К. Паршёнок

Искра. – 1990. – 8 мая. – С. 3.

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ КОШУРНИКОВ

ОН ТОЖЕ БЫЛ МОБИЛИЗОВАН...

Читаю письма лысьвенцев в рубрике «Если б не было войны...» и невольно вспоминаю коллег-медиков, которые здесь, в тыловой Лысьве, тоже немало сделали для приближения Победы. Многих из них уже нет в живых, всё реже на газетных страницах увидишь их имена. Но их имена остались в музеях лечебных учреждений; и в памяти тех, кто работал рядом с ними после войны. Не хотелось бы, чтоб их забывали новые поколения горожан. Один из таких легендарных докторов лысьвенского здравоохранения – Пётр Николаевич Кошурников, заслуженный врач РСФСР.

Пётр Николаевич жил и работал в Лысьве с 1929 года – приехал сюда после окончания медицинского факультета

Пермского университета. До 1940 года заведовал акушерско-гинекологическим отделением больницы. Когда началась Великая Отечественная, Пётр Николаевич был мобилизован и назначен хирургом госпиталя № 3132, открытого на базе горбольницы. Вскоре его утвердили ведущим хирургом всех госпиталей, дислоцированных в Лысьве. Их было 7, размещались они в поликлинике, в школах № 1, 3, 10, 15, во Дворце культуры металлургов, в «дивизионе».

Была проведена огромная работа по комплектованию госпиталей кадрами, по обучению их работе с ранеными. Приобреталось необходимое оборудование, имущество, медикаменты. На помощь приходило население – несли мебель, посуду, постельное бельё. Было очень трудно, но медики справились с этой задачей.

Опыт лечения раненых был обобщён Петром Николаевичем и получил высокую оценку – 60 процентов лечившихся в Лысьве были возвращены в строй. Летом 1985 года состоялась встреча работников госпиталей и бывших пациентов. Много слов благодарности было сказано медикам. На зданиях, где размещались госпитали, укреплены мемориальные доски.

В 1945 году Петр Николаевич стал заслуженным врачом РСФСР. С 1946 по 1969 год он заведовал хирургическим отделением горбольницы. Продолжал учиться сам и учил других – студентов медучилища, мединститута, молодых хирургов. Учил не только медицине, учил любви к пациентам, верности профессиональному долгу.

За это время сам стал хирургом широкого профиля. В 1956 году ему была присвоена первая квалификационная категория. Пётр Николаевич всегда участвовал и в общественной жизни города: неоднократно избирался депутатом городского Совета, вёл большую работу по улучшению здравоохранения. За многолетнюю безупречную службу награждён орденом Трудового Красного Знамени, значком «Отличник здравоохранения», многими медалями и грамотами. В 1964 году ему была назначена персональная пенсия. Пётр Николаевич пользовался огромным авторитетом среди коллег, населения. Сотни лысьвенцев обязаны ему жизнью. Сейчас даже трудно

подсчитать, сколько операций сделано его руками, но цифра – 54 года врачебной деятельности – говорит сама за себя. Светлая ему память!

*Л. Вяткина
Искра. – 2000. – 8 авг. – С. 2.*

СТЕПАНИДА АЛЕКСАНДРОВНА МАКСИМОВА

ПОВЕНЧАННЫЕ ВОЙНОЙ

Их было немало в Лысьве пар, повенчанных войной. Маринец, Ковшик, Максимовы, Игнатьевы, Паршонок... Зброшенные в тыловой госпиталь, спасшиеся от смерти, но измученные ранами фронтовики и здешние сердобольные сестрички. Кровь и боль, нежность и жалость, молодость и надежды соединяли их сердца и жизни крепче церковных молитв и венчальных колец...

– Степанида Александровна, как вы познакомились со своим Костенькой? – уже не в первый раз допытываюсь у вдовы нашего коллеги-журналиста Максимова Константина Петровича. Её печальное лицо оживает.

– Ой, мы очень интересно познакомились! Когда я проходила по госпитальному коридору мимо палат, этот солдат громко говорил мне вслед, чтоб я услышала: «Фу, от этой сестры всегда карболкой пахнет...»

– И вы не обижались?

– А что обижаться? Я отвечала ему тем же: «А от этого больного табачищем несет...»

– Но он же не курил!

– Так и от меня карболкой не могло пахнуть!

– А первый раз вы его когда увидели?

– Я дежурила в хирургической бригаде, когда его привезли. Ноги у него были закованы в гипс, и мне почему-то сразу стало его очень жалко. Я уже знала, что ему предстоит ампутация. Такой молоденький... В моё дежурство его и оперировали. Присутствовать при этом очень тяжело. А когда его перевели в палату, и он стал немного отходить от болей, таким вот странным образом заигрывал со мной.

...Я пытаюсь представить, какими они были. Наверное, она могла понравиться юноше с лирическим складом характера. В редакции, где он проработал 23 года, все знали, что он с юности любил и знал литературу, поэзию, интересовался жизнью писателей, пробовал писать сам. А она... Худенькая, кареглазая, с каштановыми косами и роскошным именем. В его устах оно звучало удивительно: «Стёша...» Правда, и сама она редко называла его Костей – все больше Костенькой.

– А потом? Как вы поженились? – На правах давней знакомой я позволяю себе несколько нескромные вопросы.

– Вскоре его перевели в дивизион, где выхаживали ампутированных. И однажды я после дежурства зашла его навестить. А в госпитале девчонкам сказала об этом, передала приветы. Они и напророчили: дескать, вот выпишется Костя, и поженитесь. «Ещё чего!» – вспылила я и не пошла больше, чтоб не думали ничего такого про меня. А он взял и написал мне письмо... А уж когда выписали его, мы не расставались. Сам он с Поволжья, приехать за ним было некому...

Да, я знаю. Они не расставались надолго. И отдыхать ездили вместе – то на «Сокол», то на теплоходе и даже за границу.

А уж как она всю жизнь жалела своего Костеньку! Помогла выучиться (он очно закончил университет). Лечила, кормила – стряпуха она отменная! Сколько изъездили на «Москвиче», сколько насобирали грибов, ягод! А с каким азартом он брался помогать ей на кухне! Как заразительно смеялся! Как мягко, мило она ворчала, когда что-то делал не так... И так 39 с лишним лет.

Л. Углицких
Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 9.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ МЕЖДУ ТЫЛОМ И ФРОНТОМ

ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА КАЮРИНА
ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МЕРГАЛЕЕВА

СВИДЕТЕЛИ ЛЮДСКОЙ РАДОСТИ И БОЛИ

Как ни далека была Лысьва от фронтов Великой Отечественной, а дыхание войны чувствовалось во всём. Всё для фронта, всё для Победы выпускал завод № 700; у станков, на лесозаготовках, в госпиталях - везде царило невероятное напряжение. И везде в первых рядах оказались девушки и женщины.

На четыре страшных года для многих почта (её здание располагалось там же, где и сейчас, на улице Кузьмина) стала единственной связующей ниточкой с родными, оказавшимися по ту сторону войны: с мужьями, отцами и братьями, шагнувшими в её пекло. Люди ждали телеграмм, писем и телефонных звонков: о чём поведает до боли знакомый почерк? Какую весть принесут скупые печатные столбцы с неизменными «тчк»? Что скажет голос на том конце провода?..

Тех, кто в военные годы носил сумку почтальона, кто сидел за коммутатором и был невольным свидетелем людской радости и боли, становится всё меньше. Но дожившие до наших дней помнят всё. Такое не забывается...

...Упала вместе с «пушкой»

В 1942 году Людмиле Каюриной было пятнадцать. Мама, Ольга Николаевна, работала в столовой, младший брат Женя учился. Очень нужны были деньги.

Когда девушка-подросток появилась на пороге кабинета тогдашнего директора почты Н. А. Заморина, тот, недолго думая, предложил ей вакантное место... охранника, проверяющего пропуска у рабочих. Почти год отработала Людмила (по возрасту – как сегодняшняя восьмиклассница!) по двенадцать часов –

с шести вечера до шести утра – имея на поясе, как и положено охраннику, кобуру с наганом. Однажды до смерти испугалась:

– Был поздний вечер, в коридоре – темнотища, – вспоминает Людмила Петровна. – Вдруг вижу: выходит из темноты человек в форме. От усталости ли, от вечного ли страха – упала вместе со своей «пушкой», из которой и стрелять-то не умела, хотя расписывалась каждую смену в её получении. На следующий день попросила директора, чтобы перевёл куда-нибудь. Он: «Потерпи немножко. Найду я тебе другое место, знаю ведь, что не по закону поступаю: несовершеннолетнюю на такую работу принял...». Сортировала корреспонденцию, продавала газеты – в общем, была на подхвате, пока в 43-м не освободилось место телефонистки.

В то время связь между абонентами осуществлялась вручную. На четырёх городских и одном междугородном коммутаторе работали шесть девушек. Когда раздавался сигнал, телефонистка подключалась к линии, называла свой номер и соединяла с требуемым абонентом. Нужно было обладать фантастической сноровкой, чтобы успевать переключаться с одного абонента на другой – звонков шло очень много. Не справляешься с обязанностями – нарвёшься на грубость: мол, спишь там что ли?!..

Переполох, который случился в тот весенний день, Людмиле Петровне Гачеговой запомнился особо. Радио в их помещении, как и на площади у здания почты, работало круглые сутки: люди ждали вестей с фронта. Вдруг: «Товарищи! Война закончилась!». Улыбки, слёзы, веселье... Конечно, хотелось поделиться радостной новостью со всем светом, и те, у кого был телефон, засели за него. Так что девчонкам-телефонисткам в этот счастливый день досталось: пожалуй, столько звонков за короткий промежуток времени они никогда ещё не принимали. «Девушка, дорогая! Номер такой-то. С Победой вас!..» – то и дело слышался счастливый голос на том конце провода. И руки работали в несколько раз сноровистее...

Когда письма возвращались...

Валентина Михайловна Мергалева пришла на почту в 1944-м. Через несколько месяцев 18-летнюю девушку, выпу-

скицу седьмого класса, поставили начальником почтового отдела. Поток корреспонденции в войну шёл большой. Полевая почта работала исправно: письма с фронта доставлялись без задержек. А вот если послания отправлялись обратно не-востребованными...

– Сначала брат Зайнетдин, разведчик, писал нам часто, а в сорок четвёртом письма наши стали возвращаться обратно, – вспоминает Валентина Михайловна. – Я поделилась нашей бедой с Валентиной Ивановной Полушкиной, секретарём военкомата (похоронные извещения шли через военкомат – С.Л.). Она велела зайти после работы. Сначала напоила корвалолом, а потом сказала, что пришла на брата похоронка...

Изданный в годы войны приказ запрещал почтовикам принимать посылки от населения. Письма от горожан и жителей района складировали в мешки один раз в сутки, к вечернему почтовому поезду Соликамск-Бакал. На телеге с лошадью (машины у почты тогда еще не было, а во дворе здания располагался пристрой-конюшня) отвозили на железнодорожную станцию. Лошадью правил боец, комиссованный из действующей армии по ранению, а отвечала за доставку корреспонденции туда и обратно молодая женщина Ульяна Мокрушина, тоже, кстати, снаряженная наганом для обороны.

На первом этаже узла связи в первый же год войны разместили швейную фабрику – шили нижнее белье для солдат. Все остальные службы переместили наверх. Здание не отапливалось. Чтобы отогреть зимой чернильницы, принесёнными из дома дровами топили печку-буржуйку.

Ещё Валентина Михайловна помнит, что был на почте особый отдел – «спецсвязь». Работала там всего одна женщина, которая получала по своим каналам засекреченные письма, бандероли и сама же отсылала ответы. Что за послания шли в Лысьву под грифом «секретно» – неизвестно до сих пор.

*С. Лямзина
Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 4.*

ЖИЛИ, РАБОТАЛИ, НАДЕЯЛИСЬ...

С самого начала войны Н. И. Шардина, Е. П. Черемухина, К. Г. Бушуева работали на фронт. Уже в августе 1941 года в Лысьве на базе швейной мастерской и артели швейников «Пятилетка – в 4 года» была организована швейная фабрика. Новое предприятие, разместившееся на первом этаже горисполкома, к 1 сентября получило фронтовой заказ — армии требовалось много мужского нижнего белья (рубашки и кальсоны). Нужны были рабочие руки. «Искра» призывала женщин оставить домашние дела и помочь фабрике выполнить военный заказ. Люди откликнулись. Пришли женщины, чьи мужья и сыновья воевали, и девочки-подростки 13-15 лет.

– Время трудное, – вспоминает Н. И. Шардина, – на фронт призвали почти всех мужчин: закройщиков, портных – Г. Шадрин, С. Шулин, И. Широков, Г. Соснин. К слову сказать, какие это были закройщики! Какие портные! С. Шулин, помню, не позволял себе выйти к заказчику в рубашке или свитере. Всегда в костюме, при галстуке, чисто побрит, с запахом хорошего одеколона. За раскройный стол встали женщины – Т. Разбойникова, Е. Столярова, Н. Соларева. Представляете, какой это нелегкий труд! Раскройных машин не было. Вручную нужно было раскроить несколько десятков гимнастеров, брюк, рубашек.

По мере того, как ширились военные действия, увеличивался и заказ армии фабрике. Стали шить гимнастерки и брюки для рядового состава. Отправляли на фронт вагонами. А обратно получали уже другую одежду – снятую с убитых и раненых, потную и окровавленную. И тоже вагонами.

– Под осень 1942 года на фабрику поступило несколько вагонов ватных костюмов, снятых с раненых бойцов, – рассказывают Н. Шардина и Е. Черемухина. – На каждого выдали по 10 штук. Одежду надо было выстирать, просушить, заштопать

и подготовить для отправки на фронт. Сколько слез было пролито над этими телогрейками!

Фабрика работала круглосуточно, а рабочий день длился 12 часов. Многие в годы войны домой после смены не уходили, спали в цехе. За хороший труд давали стахановские пайки – дополнительные бирки на 200 граммов хлеба или бесплатный обед. Екатерина Петровна Черемухина, моя собеседница, была одной из таких стахановок. Руки у неё золотые. Делала всё быстро, аккуратно и с душой. Недаром звание «Лучший работник легкой промышленности» (правда, уже после войны) ей присвоили первой на фабрике.

Рабочие получали по 800 граммов хлеба в сутки, служащие – 600, дети и старики – 300. Голодали люди. Но жили надеждой на победу. И делились последним.

В августе 1941 года в Лысьве появились беженцы из Ленинграда, Минска, Одессы, Харькова. Ни один не остался без работы, пайка и крыши над головой. Многих приняли на фабрику. В 1943 году стали шить для танкистов подшлемники. В трикотажном цехе вязали и отправляли на фронт носки. Что удивительно, в стране шла война, а не было никаких перебоев с сырьем, фурнитурой, как это было после.

Неизвестно, стало бы когда-либо в Лысьве развиваться трикотажное производство, если б не война. На Урал в первые военные годы было эвакуировано много промышленного оборудования, в том числе и вязальных машин. На швейной фабрике был трикотажный цех, в котором вязали носки, гольфы. Объёмы были невелики, поскольку возможностей для увеличения их не имелось. Когда появились вязальные машины «Виллинка», созрело решение организовать в Лысьве трикотажную фабрику, которую разместили в бывшем кинотеатре «Триумф».

– Цех наш был небольшой, – вспоминает К. Г. Бушуева, – всего 20 человек, и работали мы в частном доме по улице Смышляева. Потом перевели в «Триумф» и стали называть трикотажной фабрикой. Работали в три смены. Помещение отапливалось дровами, холодно было. Руки мерзли, мы грели их у печки и снова работали. Машины в те времена – не то, что сейчас. За смену можно было связать 6 пар женских чулок.

...Что и говорить, представить их жизнь в те военные годы сегодняшнему жителю города не просто. Условия, в которые были поставлены работницы фабрик – и швейной, и трикотажной могут понять лишь те, кто испытал подобное. Полуголодные женщины и девочки-подростки сами заготавливали дрова, возили их за десятки километров на санках. А ведь жизнь не ограничивалась только производством. Весной и летом после работы или до неё, кому как придется, укладывали асфальтовую дорожку по ул. Коммунаров, садили саженцы в саду, который сейчас называется садом 30 лет ВЛКСМ». Мели дорожки в парке. Ходили в госпиталь к раненым, стирали бинты, бушлаты и делали много-много другой работы. Причём, помогали друг другу, особенно тем, у кого мужчины были на фронте. И никто не роптал, не прятался за спины других. Все верили в победу и приближали её, как могли.

В. Кокшарова

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 11.

Е. СТОЛЯРОВА

ДЛЯ БЛАГА НАРОДА, А НЕ ДЛЯ ВОЙНЫ

На швейной фабрике я проработала 11 лет – с 1935 по 1946 год. Сначала это была просто артель портных, затем – мастерская индивидуального пошива, а уже в годы Великой Отечественной войны переименована в швейную фабрику.

Война! Это страшное слово ворвалось неожиданно в нашу жизнь и взволновало всех советских подданных. Война требовала большого напряжения сил, самоотверженности и энергии людей. Наша фабрика перешла с заказов мирного времени на военные. Шили обмундирование – шинели, телогрейки, гимнастёрки, бельё нашим воинам.

Нелегко сначала было привыкнуть к этому. В закройном отделении, где я работала, не существовало сначала никаких приспособлений для раскроя материала. Делали всё вручную, материал из 100–200 пластов резали ножами.

От нас, закройщиков, многое зависит: как успеем скроить – так и сошьют. Многие женщины выполняли заказы не только

в цехе, но и дома, лишь бы успеть. Закройщиков не хватало. Мне и моим помощникам А. И. Ситниковой, Е. Д. Скорняковой, А. В. Горшениной приходилось работать по 16-18 часов в сутки, без выходных дней. Но не было случая, чтобы мы не выполнили вовремя военный заказ.

Трудились не только в цехе. Зимой сами заготавливали в лесу дрова для отопления фабрики, летом и осенью помогали вырастить урожай в подсобном хозяйстве металлургического завода. Но ни разу ни от одной работницы не слышали жалоб на усталость, и когда приходили вагоны с материалом, а он в основном был грубошерстным, тяжелым – шли разгружать.

Во время войны как-то особенно чувствовалась спаянность всего коллектива. Кто не успевал в работе – ему помогали другие. Большую помощь людям оказывал В. П. Шулин, который в то время работал главным инженером. К нему в любое время можно было обращаться за советом и помощью.

В декабре 1941 года я вступила в кандидаты Коммунистической партии. Некоторые скептики говорили мне:

– Придёт немец – тебя в первую очередь повесит.

А я отвечала:

– Вот и надо шагать всем в ногу, чтобы фашисты не пришли.

Сначала у нас на фабрике была партийная организация небольшая, но за годы Великой Отечественной войны она выросла. Люди уверенно вступали в партию, укрепляя её ряды, объединялись для борьбы с гитлеровцами.

В 1943 году меня избрали секретарем партийной организации фабрики. Доверие накладывало ещё большую ответственность за порученное дело. Ведь не только нужно было самой лично трудиться, но и мобилизовать народ на успешное выполнение заказов военного времени. Помогали в этом мастера и начальники цехов Г. И. Шадрина, А. П. Платонова и другие.

Правительство наградило меня в 1944 году медалью «За трудовую доблесть», а в 1946 году – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Е. Столярова

Искра. – 1961. – 21 июня. – С. 2.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ЛЫСЬВА У СЕБЯ НЕ ХРАНИЛА ...

Однажды в разговоре с известным в Прикамье фотожурналистом Игорем Катаевым всплыла информация о том, что якобы в годы войны в Лысьвенском отделении Госбанка хранилась часть золотого запаса страны. Новость, прямо скажем, нерядовая. Представить, что в далёкую Лысьву по бездорожью везли на полуторках слитки с золотом, было невозможно. Но чем чёрт не шутит – а вдруг всё так и было?

Любовь Ивановна Великоредчанина, проработавшая в Госбанке много лет, собирала документы об истории Лысьвенского отделения. У неё дома – целая книга воспоминаний коллег, статей о банке. Она начала здесь работать после войны. По её словам, разговоров по поводу золота не было. Что-то, говорят, хранили, но что – никто не знал.

Исполняющая обязанности управляющей Лысьвенским отделением Сбербанка РФ Лидия Григорьевна Анисимова возглавляла Госбанк вплоть до его распада.

– Никогда не слышала, чтобы у нас хранилась часть золотого запаса. Скорее всего, в годы войны в банке находилась часть денежного запаса на случай непредвиденных обстоятельств. Управляющий, работавший в военные годы, мог и не знать, и скорее всего не знал, что ему привезли и в каком количестве. Он расписался в получении пакета, на котором было написано: «Вскрыть в случае...» и положил его в сейф. Такие пакеты приходили и после войны. Их не вскрывали – по истечении обозначенного времени отсылали обратно.

В. Кокшарова

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 8.

И НИКТО НЕ РОПТАЛ. ПОНИМАЛИ – НАДО...

Наша семья жила в деревне Выломово, на отшибе из трёх домов, который звали хутор Черепаново, – рассказывает ветеран труда Зинаида Ивановна Чебыкина. – Мама, бабушка и мы, четыре сестры. Отца репрессировали в 1937 году. Он работал заместителем председателя колхоза им. Ворошилова и кому-то не угодил. Свои же деревенские и оговорили.

Перед войной мы с одной девочкой зачем-то дежурили по ночам в правлении колхоза у телефона. По нему нам и сказали, что началась война. За несколько месяцев деревня изрядно обезлюдела: мужчины ушли на фронт, молодежь отправили на завод к станкам.

До войны колхоз был справным: хлеба вдоволь, овощей навалом, даже большая пасека была. За годы войны хозяйство захирело, хотя работали все от зари до зари. Зерно, молоко, овощи из колхоза забирали подчистую – всё на фронт. И никто не роптал, понимали: надо. Нас как семью врага народа обложили по полной программе: в год надо было сдать с подворья 220 литров молока, 40 килограммов мяса, сколько-то яиц и шерсти. От налога были освобождены те семьи, где мужчины были на фронте. Ладно, огороды у всех были большие – по 35 соток. Всё засаживали картошкой, капустой, морковью, ягодами. Тем и жили. На трудодень давали по 200 граммов зерна, так мы круглый год хлебные лепёшки только пополам с травой пекли. По коробу мякины давали на корову и сена пару возов. Своих-то покосов ни у кого не было.

А урожая, помню, были хорошие. Капусту и помидоры сажали в паберегах (заиленных после разлива берегах) речки Берёзовки, а огурцы прекрасно созревали на навозных грядках. Картошку, как только взойдёт, боронили, потом окучивали на лошадях. Я, пока в школе училась, летом пасла овец, а зимой мы пилили берёзу на маленькие баклуши для тракторных газогенераторов. А как закончила семь классов в 1942 году, стала работать наравне со взрослыми и в поле, и в лесу. Весной

на сеялке, летом на прополке овощей, осенью на молотилке с приводом от трактора, которую вытаскивали прямо в поле, зимой на заготовке дров и деловой древесины в лесу...

Хоть клуб в Лязгино и работал, сходить поплясать доводилось редко. Но ни пьянки, ни мата там не было. Наши ребята были скромными. Не припомню, чтоб в войну хоть одну свадьбу сыграли. За годы войны двух председателей посадили – одного за падёж скота, а другого за то, что с лошадьми что-то случилось.

Одно время все деревенские боялись дезертира, который жил где-то в лесу, в землянке. Потом его подстрелили милиционеры. Раненый, он пришёл на подворье к родителям и там застрелился. На его похороны даже лошадь не дали.

Народ в деревне заметно повеселел, когда наши войска на всех фронтах наступать начали. В мае 1945-го мать отправила меня в город продать молоко. В лесу я встретила деревенских ребят, которых по этому поводу отпустили на выходной домой. Они мне кричат: «Зинка! Война кончилась!» А я ответила: «И что тут такого?» Только пройдя несколько шагов, поняла и подумала: «Кому-то радость, а кому-то горе» 112 колхозников с войны не вернулись.

Конец войны не облегчил нам жизнь в деревне. В 1948 году у нашей семьи отобрали дом. У мамы на пасеке погибло несколько ульев, и ей пришлось возмещать колхозу ущерб. Иначе, сказали, пойдёшь в тюрьму. И мы переселились в какую-то маленькую халупу.

В. Кучумов

Искра. – 2005. – 7 мая. – С. 3.

«ТО БЫЛИ ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ»

В годы Великой Отечественной войны из деревень Канабековского сельсовета на фронт было отправлено 220 человек. 120 погибли.

Люди, о которых пойдет сегодня речь, не были на передовой, и все же они с полным правом могут сказать, что тоже приближали Победу.

Коротенько расскажу о себе. После 7 класса, в 1938 году я поступила в Пермское педагогическое училище. Годы учебы пролетели незаметно. В 1941 году сдала выпускные экзамены. Готовились к прощальному балу, однако роковое известие разрушило мечты и планы, резко изменило жизнь.

Летом 1941 года приехала я в родное село Канабеки работать в школе. Дали 2-й класс, в нём 36 учеников. Вскоре ушёл на фронт отец, а потом брат Наиль. Отправился на фронт и заведующий школой Галим абый Забиров. На прощание он сказал нам: «Вы – наше будущее, наша смена. Берегите, учите ребят, как своих родных детей. Дайте крепкие знания, а мы вернемся с победой». Но он не вернулся, наш деревенский учитель. Он был офицером, пал смертью храбрых в бою.

То были тяжёлые годы. В селе тогда был колхоз «Красный Октябрь». Правление выделило школе корову, лошадь, по возможности давали зерно. Учителя, технички Сарига, Рахиса, конюх Гарай бабай сами заготавливали сено, присматривали за животными. Благодаря этому мы могли один раз в день покормить ребят, а в то время это много значило. И хотя обеды были скудными, матери наших учеников радовались и им.

Обязанности учителей не ограничивались только обучением детей. Тогда ещё немало было людей неграмотных, и нужно было не только познакомить их с последними событиями на фронте, о которых писали газеты, но и прочитать письма, приходившие от мужей, братьев, сыновей с передовой, помочь написать ответы. После уроков, забрав почту, я спешила в соседний колхоз «Красная нива», а если дело было в страдную пору, шла в поле – жала или работала на складе вместе с женщинами-колхозницами.

В войну у людей было мало радостей и, чтобы как-то поднять дух односельчан, мы с учениками готовили для них концерты. Электричества тогда не было и, чтобы поставить концерт в вечернее время, мы ходили по домам и по каплям собирали керосин. Сцена освещалась коптилками. Представления давали не только в клубе, но и в бригадах. Активное участие принимали в концертах секретарь парторганизации Минзифа Назырова, Халямза Забирова (Ишметова), Ркия Шагвалеева, Рахиса Мухамадиярова и другие.

Помню, государство выделило колхозу семена для посева. А доставлять их надо было за 25 километров – из Пермь-Сергинского района. И наши женщины, в том числе и моя мама, пешком носили мешки с семенами. Помню, заболела тогда Гулзина апа и на второй день умерла. Остались дети. Таких случаев в деревне было много: от голода, холода умирали семьями.

Не раз доводилось хаживать в районный отдел народного образования. Ходила в лаптях, а с собой брала то тапочки, то калоши – заходить в районо в лаптях было как-то неудобно.

В мае 1945 года возвращалась я из очередного похода в район. Недалеко от села навстречу попался старожил Шаймурат бабай, от которого я узнала, что война кончилась. И этот день навсегда остался в моей жизни самым радостным и памятным. Он снова подарил мне молодость, счастье, веру в будущее.

Н. Ражиатуллина

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 10.

МАРФА АФИНОГЕНОВНА АЛИКИНА

ТАКАЯ ОНА, МАРФА АФИНОГЕНОВНА

Марфа Афиногеновна Аликина из деревни Симоново вспоминала:

– Жили мы тогда в Новом Бизе, колхоз назывался «Большевик». В семье семеро детей и с малолетства пришлось ухаживать за грудничками, поскольку все, даже ребятня школьного возраста, всё лето и весь световой день были на работе. Самое яркое воспоминание той поры – детская зыбка из ивовых прутьев, подвешенная на шесте через кольцо в матице. Уж очень хотелось мне, уже большенькой, покачаться в ней вместе с маленьким. Но шест не выдержал двоих и обломился. Как я плакала от испуга до позднего вечера, пока не вернулась с работы мама!

Ещё помню, что грудничка поила молоком из соски, сделанной из соска коровьего вымени и надетого на полый коро-

вий рог. Если забывала его помыть, то в роге заводились черви, напоминавшие о моей промашке.

Помню, мама иногда брала меня в ночное пасти лошадей. Она тогда конюшила. Оставит меня под копной и уйдет лошадей проведать, а я уснуть не могла – страшно.

Конец войны запомнился возвращением отца, радостью родителей и плачем по не вернувшимся маминым братьям – Якову и Александру Ефимовым.

В школу пошла только с 9 лет, потому как до того надо было с маленькими водиться. В Бизе учили до 4-х классов. Холщовые сумки, колоски, пара пряников к Новому году, ведра воды на коромысле раз 7 за день – вот воспоминания той поры. Очень мало было хлеба в голодном 47-ом. Основная еда – картошка в мундире. Чугунок на столе и утром, и вечером. А по весне гнилую картошку на оттаявших полях собирали, варили и ели. На трудодень давали 200-300 граммов овсяной муки с половой. В котелке заведёшь лепешки – и в печку на противне. Пришлепываешь-приглаживаешь их, чтобы полова (острые чешуйки овсяного зернышка) не торчала, а из печки достанешь – лепешки все равно колючие, как ёжики.

А стала чуть постарше – научилась вязать снопы, жать серпом (возле кустов, где конная жатка не захватывала, приходилось скашивать серпом).

Очень тяжелая и голодная жизнь была после войны, но люди жили как-то дружно и весело. В сумерках, возвращаясь с полей, бабы обязательно песню заведут. Мы услышим, что поют, и радуемся – мама. А как в праздники красиво наряжались! Помню свое восхищение, когда стоишь позади какой-нибудь женщины за столом и теребишь кисточки её цветастого полусапка. Эти кисточки казались мне верхом красоты. Выпьют бабы за столом овсяной бражки и поют – заслушаешься.

В. Кучумов

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 10-11.

ХОТЬ И НЕ СВИСТЕЛИ НАД НИМИ ПУЛИ

Есть в нашем городе среди немногочисленных памятников один особый – Вечный огонь. Здесь всегда стоит гробовая тишина. Здесь не принято громко разговаривать: горожане как будто боятся потревожить покой тех, кто погиб. Здесь всегда живые цветы как знак благодарности лысьвенцев за мирное небо над головой. Каждый год девятого мая сюда приходят мои земляки, чтобы почтить память родных и близких: отцов, матерей, детей. Среди них и моя бабушка Анна Родионовна Еремеева.

...Вечер. Рассеянный свет настольной лампы освещает маленькую комнату, где мы с ней живем. Бабушка – большая рукодельница. Её неутомимые руки всегда что-то делают: то вяжут, то прядут. Сколько тёплых варежек и носочков связала она за свою долгую жизнь, и сколько любви она в них вложила! Вот и сейчас она сидит и при свете настольной лампы перебирает петли на спицах.

– Бабушка, расскажи, как вы жили в своем селе в годы войны? – прошу я.

– Да не хочется ворошить старое, страшно становится, когда вспоминаешь, что мы пережили – отговаривается она. Но, не торопясь, начинает рассказ:

– Мне было двадцать два года, когда началась война. У меня уже была двухлетняя дочка. Помню, в понедельник, двадцать третьего июня, нас собрали в клубной ограде и объявили, что началась война. Раздался страшный вопль. Мужчинам вручили повестки и через несколько часов отправили на фронт. В селе остались женщины, дети, старики и инвалиды.

Молодых женщин, в том числе и меня, отправили в деревню Бабеныши учиться на трактористов. Обучались мы пятнадцать дней, и научили нас только трактор водить, заводить его да воду в радиатор наливать. Приехали домой и начали работать. Техника в первый год в хорошем состоянии была, потому что от мужчин осталась.

В деревню тем временем стали приходиться похорошки. Каждый день хоть одна, да придет. На своего мужа я получила в сорок третьем.

...Рассказ бабушки оборвался. Молчим... Говорить не хочется. Тишина... Только слышно, как стучат спицы в бабушкиных сморщенных руках. Неожиданно она продолжает:

– Везде одни женщины: пахали женщины, сеяли женщины, убирали женщины. Всё делали вручную, тракторами только пахали. Но урожай получали большой, хороший. За колхозное имущество строго спрашивали: сломался трактор в поле – никто домой тебя не отпустит, пока не устранишь неисправность. Разведём костер и всю ночь возимся с техникой.

После посевной или уборочной было время ремонта. Но о каком ремонте мог идти разговор, если детали ставили старые, поношенные!

Носить было нечего. Ходили чуть ли не в лохмотьях, во всем заплатанном. На зиму колхоз задание женщинам давал: вязать носки, варежки солдатам. А сами зимой в лаптях ходили. Бывает, везёшь на быке корм с поля, мороз под сорок градусов, бык устанет, ляжет, и хоть убей его, ни за что не встанет, пока не отдохнет. А в лаптях попробуй постоять в такой мороз! Бывало, пашем, нам норма нужна, а он понесёт куда-нибудь, наплачешься тут...

Работали, а питаться было нечем. Всё в колхоз сдавали. Мясо сдавали, шерсть сдавали, даже шкуры сдавали. У кого корова да картофель свои были, те перебивались, а у кого не было, так те с голоду помирали. Городские приходили к нам, последние вещи с себя на картофель меняли.

Чего мы только ни сдавали: и солону, и зелень разную. Летом легче было: грибы да ягоды собирали. А если сеем в поле, то в ведро, которым горючее в трактор заливаем, зерна насыплем, воды нальем, сколько-то поварится, а потом ложкой хлебали и этому рады были.

Старались всячески узнать, что на фронте делается. Все радовались, когда слышали, что наши войска освободили какой-то город.

Потом нескольких человек отправили учиться на бригадиров в деревню Зюкайка. На пять дней давали килограмм

хлеба. Мы его за два-три дня съедим, а остальные дни все на жмыхе. А тут весна. Женщин, которые следили за порядком в домах, где мы жили, называли техничками. Иная прокипятит воду, иная нет. У нас с этого жмыха да с воды некипяченой дизентерия пошла. Многих из нас увезли в Верещагино, лечили. Там какой-то эвакуированный завод был; приготовят гороховую кашу, бульон нам отольют, а кашу – рабочим. Мы в столовую придем, выпьем этот бульон вместо чая – и весь обед. Я уже думала, что домой не вернусь.

Ближе к сорок пятому году мужчины раненные стали возвращаться домой. Жить легче стало, стали хлеб, зерно давать. И вот так все четыре года!

Заканчивая свой рассказ, бабушка добавила:

– Над нами только пули не свистели да снаряды не рвались, а так все трудности наши были!

В судьбе моей бабушки, как в капле воды, отразилась судьба многих женщин, которые находились в тылу. За это бабушка награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Конечно, труд людей в тылу был слишком незаметным и скромным по сравнению с тем, что вершилось непосредственно на полях сражений. Но я убеждена, что не было бы нашей великой Победы, если бы в глубинках России не жили такие люди, как моя бабушка. Медаль за ратный и трудовой подвиг, действительно, «льет из одной стали».

Л. Еремеева

Искра. – 1995. – 30 марта. – С. 2.

В ЗАЛЕ ХОЛОДНО, НО У ДВЕРЕЙ ДАВКА (КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЛЫСЬВЫ. ПО СТРАНИЦАМ «ИСКРЫ» ВОЕННЫХ ЛЕТ)

1 июля 1941 г. «В выходной день в парке культуры и отдыха имени Пушкина состоялся концерт артистов эстрады Молотовской филармонии. Послушать концерт публики собралось много, сидений на всех не хватило, пришлось стоять на ногах. Небольшая программа концерта прошла с успехом».

31 августа 1941 г. «Вчера в Лысьву прибыла группа артистов эстрады Ленинградского общества. Программа концерта состоит из оборонно-патриотических произведений».

«Парк культуры и отдыха. 7 сентября 1941 г. В закрытом театре парка концерт художественной самодеятельности клуба. В программе концерта: оборонные песни, джаз-оркестр, танцы, художественное чтение. Начало в 9 час. 30 мин. вечера. Вход 1 руб. 30 коп., абонементы действительны».

«11 и 12 сентября 1941 г. в клубе завкома металлургов будет дан большой эстрадный концерт силами Московской государственной филармонии. В программе концерта: произведения советских композиторов и писателей, музыкальные произведения русских, западноевропейских классиков, балет».

«Клуб завкома металлургов. 2 ноября 1941 года. Вечер танцев под джаз-оркестр. Начало в 9 часов вечера. Цена билета 3 рубля».

«31 декабря 1941 г. металлурги завода соберутся в свой клуб встречать Новый год. Художественная самодеятельность клуба организует для участников вечера концерт и скетч на оборонную тему «Связисты».

«В кино «Пролетарий» успешно демонстрировался каждый фильм. С 1 января 1942 года кинотеатр посетило 279008 человек, из них 61162 детей».

«Клуб завкома. Открытие гастролей театра музкомедии. 4 и 5 июля 1942 года «Сильва». Муз. Кальмана. Оперетта в 3-х действиях. Начало в 9 час. 30 мин. вечера».

«Кинотеатр «Пролетарий». С 14 августа 1942 г. демонстрируется новый звуковой музыкальный фильм «Свинарка и пастух». Принимаются коллективные заявки на просмотр фильма».

«Клуб завкома. Кизеловский драматический театр. 1 октября 1942 года. Лауреат Сталинской премии К. Симонов. «История одной любви», пьеса в 3-х актах».

«24 декабря 1942 года. Гастроли Белорусского государственного ансамбля песни и танца (в составе 600 человек). 25 декабря – закрытый концерт для участников торжественного заседания в честь 20-й годовщины УССР».

«Клуб завкома. 31 декабря 1942 года – вечер-бал. Сбор средств в фонд обороны Родины. Программа вечера: большой новогодний концерт. Работают киоски. Начало в 10 часов».

«Чтобы попасть в кино, вначале испытаешь невероятную давку, которая происходит у дверей перед началом сеанса. Тут можно оставить не только пуговицу, но и полу от пальто. Весь сеанс сопровождается свистками, выкриками «рамку», «свету» и т.д. В помещении кино холодно». («Искра», 31 января 1943 года).

«Пролетарий». С 16 до 28 марта 1943 г. – новый звуковой художественный фильм «Секретарь райкома». В фойе театра играет джаз Севуралтяжстроя. Скоро «Котовский».

«Вторую военную зиму Кизеловский драматический театр играл в Лысьве. За истекший период театр показал трудящимся Лысьвы тринадцать спектаклей. Их них 6 являются новыми постановками. Спектакли театра драмы имели большой успех среди зрителей Лысьвы».

«Клуб завкома. 1 мая 1943 года – платный концерт силами кружковцев Дома пионеров. Средства поступают в фонд летней оздоровительной кампании. Начало в 8 часов вечера».

«Лысьвенский драматический театр. 7 октября 1944 г. Открытие сезона 1944-1945 г. Ф. Кнорре «Встреча в темноте». Пьеса в 4-х действиях, 6 картин. Вход по пригласительным билетам, начало в 9 час. вечера».

«21 ноября 1944 г. в 9 часов вечера, в помещении театра (б. клуб завкома металлургов) состоится литературно-художественный вечер, посвященный 100-летию со дня смерти великого русского баснописца И. А. Крылова».

«Городской театр 13-14-15 февраля 1945 г. Городской смотр художественной самодеятельности. В программе смотра: хор, вокальные и танцевальные номера, дуэты, оркестры, скетчи и художественное слово. Начало смотра в 9 час. вечера. Вход по пригласительным билетам».

«Дворец культуры. 26 марта 1945 г. Концерт на татарском и башкирском языках силами самодеятельности нацменсектора ДК. Вход свободный».

«Гордрамтеатр. 8-9 мая 1945 года. Гольдони. «Хозяйка гостиницы». 11 мая. К. Симонов. «Так и будет». Начало спектаклей в 9 часов вечера».

«Лысьвенский Когиз покупает у населения новую и поддержанную литературу: марксистско-ленинскую, художественную, детскую».

С. Ворожеин

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 12.

У НАС БЫЛИ СВОИ ВЫСОТЫ

Ещё шли ожесточённые бои на территории нашей огромной страны. Сотни городов, тысячи сел и деревень были разрушены. Ощущался недостаток продовольствия, одежды, обуви. Остался год до долгожданной Победы. Всё реже прибывали эшелоны с ранеными в далёкий уральский городок. Всё чаще голос Левитана сообщал о новой наступательной операции наших войск. Фронт двигался на запад. Немного оставалось до открытия второго фронта в Европе. Шло последнее военное лето. Именно тогда рабочие металлургического завода обратились во Всероссийский комитет по делам искусств при СНК СССР с просьбой об открытии в городе стационарного профессионального драматического театра.

Огромная усталость, накопившаяся к концу войны и в армии, и в тылу, преодолевалась героическим напряжением сил, требовала разрядки, хотя бы короткого отдыха. Люди из-

немогали от изнурительного труда, суровых буден. И нужен был новый подъём энергии, чтобы преодолеть трудности, залечить раны, нанесённые войной. Мощным стимулом к созидательной жизни должен был стать для нашего города театр.

Приказом № 291 комитета по делам искусств при СНК СССР от 8 июня 1944 года был образован Лысьвенский городской драматический театр.

Перед ним ставилась задача – художественное обслуживание большого отряда металлургов, славной уральской кузницы оружия для героической Красной Армии.

5 июля 1944 года в город прибыла группа работников бывшего Ивановского передвижного театра. 4 августа труппа пополнилась актерами Молотовского театра миниатюр. Пополнялась она в течение первого театрального сезона и актерами, случайно оказавшимися в эвакуации на Урале.

Любовь с первой постановки

7 октября 1944 года премьерой пьесы Ф. Кнорре «Встреча в темноте» открылся первый театральный сезон. Весь коллектив с первых же дней стремился к тому, чтобы театр стал любимым местом лысьвенцев. Вероятно, первая пьеса первого сезона была выбрана не случайно. Еще шла война, и творческий коллектив считал своим долгом в первой постановке рассказать о таких же людях, какие сидят в зрительном зале, о людях, которые, как и герои пьесы, мужественно переносят тяготы военного времени в тылу и делают всё возможное для скорейшей победы. И этот диалог состоялся. Лысьвенский зритель полюбил свой театр.

Как отмечалось в передовой статье газеты «Искра» за 7 октября 1944 г., «...город Лысьва для коллектива театра должен стать родным домом, родной почвой для творческой работы, где коллектив в целом и каждый его участник в отдельности найдёт тепло, внимание и заботу...». Родным домом он стал для К. Маркиной и М. Беликова, которые пятьдесят лет назад впервые ступили на лысьвенскую землю и впервые вышли на лысьвенскую сцену.

10 премьер - это много и для мирного времени

За первый сезон театр показал 10 премьер. Подавляющее большинство их – советские пьесы, отражающие героику военных дней в тылу и на фронте: В. Масс, М. Червинский «Где-то в Москве», А. Крон «Офицер флота», К. Симонов «Так и будет». В первый сезон театр старался откликнуться на различные запросы жителей города. Ставились классические пьесы: А. Н. Островский «Без вины виноватые», «На бойком месте», М. Горький «Последние», К. Гольдони «Хозяйка гостиницы», пьеса для молодежи А. Арбузова «Домик в Черкизове». Театр принимал участие в вечерах, посвященных юбилеям великих русских писателей. К зимним школьным каникулам подготовил детскую концертную программу.

Коллектив провел немало концертов в цехах завода, обслуживал сельскохозяйственную кампанию. Был желанным и частым гостем в госпиталях у раненых бойцов. В первый сезон в театре побывало 42000 зрителей и более 20000 зрителей на концертах.

И гимнастерка с солдатского плеча

Театр рождался на пустом месте. Кроме здания не было ничего. Конечно же, без участия и помощи общественности театру пришлось бы очень трудно. Производственных цехов он не имел в силу специфики передвижной труппы. Поэтому цехи электроосветительный, костюмерный, бутафорский, гримёрно-парикмахерский и другие создавались тут же, на месте, заново.

На момент открытия театра он был укомплектован кадрами лишь на 35 процентов. В цехи привлекались лысвенцы, не работающие на заводе. Так как дело для них было новым, непривычным, отсюда и текучка кадров. Кто-то не справлялся, кого-то подводила дисциплина, кого-то не устраивал режим.

При театре был создан художественный совет, в который вошли представители горкома партии, завода и интеллигенции.

Работали много. Очень помог театру директор ремесленного училища В. И. Беляев, который по совместительству стал первым заведующим постановочной частью. Первые декорации выполнялись учащимися этого училища.

Помогали выстоять в трудных условиях войны и жители города, которые несли в театр чудом сохранившуюся антикварную мебель, подлинные вещи для реквизита. Снабжали артистов воинским обмундированием и вернувшиеся из госпиталей солдаты.

Знали в лицо и по именам

Полюбились зрителям актеры Е. М. Кауль, Ф. С. Быстров, М. П. Беликов, К. И. Маркина, Э. М. Хиппеляйнен, А. М. Сумбатов, А. М. Негина, А. В. Чужбинин, В. В. Ростовцев, Л. Н. Анегин, Н. Н. Григорьев, А. Т. Струйская, В. В. Андреев-Бурлак и многие другие.

В том далеком, 1944 году, зрители, казалось, не замечали ни тёмных стен и грубых скамеек в зрительном зале, ни белого поля занавеса, ни недостаточно освещённого и плохо отапливаемого зала. Всё внимание было сцене, где происходило вечное чудо – рождалось искусство. Ходили не по одному разу на полюбившийся спектакль. Актёров знали в лицо и по имени.

Так и будет!

18 апреля 1945 года театр показал премьеру по пьесе К. Симонова «Так и будет». В ней автор устами своих героев говорит: «Нам предстоят еще большие трудности, но вопрос уже ясен и конец не за горами. Скоро распахнутся двери наших домов, и все они, кто сейчас на фронте, вернутся домой. Навсегда!» И те, кто был на сцене, и те, кто был в зале, свято верили, что так и будет.

Год, два, три спустя после Победы придут в труппу актеры-фронтовики, а вместе с ними в спектаклях появятся и военная выправка, и значимость событий, свидетелями которых они были. Это Л. А. Арбитман, Л. А. Седов, это С. П. Хлюпин, Г. И. Камский, И. И. Казимов и многие другие.

Театр помог лысьвенцам выстоять в последний год войны, скрасил тяжелые серые будни. А лысьвенцы обрели театр.

К. Савина

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 12.

ВОЙНОЙ ИЗЛОМАННОЕ ДЕТСТВО

МЫ РАНО СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ

1941-й год. На отлично закончен 1-й класс. В награду за это меня ждала поездка к бабушке и дедушке в Пермь. Радости!!! И вдруг объявили, что началась война. Первыми чувствами были обида и недоумение: почему мы не поедem в гости? Но прямо на глазах взрослые стали такими суровыми и осунувшимися, что было не до расспросов. Дома у нас было радио (чёрная тарелка – премия папе за хорошую работу). И к нам каждый день приходило много соседей, чтобы послушать последние известия. Все были немногословны и сосредоточенны – только головами качали...

А что такое война, мы начали понимать в первые её месяцы. Без выходных стал работать папа, вальцовщик на жести-2 ЛМЗ, получивший впоследствии орден Ленина. Старшая сестра, в 14 лет поступившая в школу медсестёр, стала работать ещё и на подготовке госпиталей к приёму раненых. А через 6 месяцев учёбы уже сутками не выходила из госпиталя на больничном городке.

Пять папиных братьев друг за другом ушли на фронт, а следом – моя крёстная. Большая часть школ была отдана под госпитали, и новый учебный год начался в три смены. Соседские парни и девочки в 14-16 лет пошли не в школу – кто на завод, кто в ремесленное. С осени в домах не стало электричества. Город потемнел. Уроки мы готовили при коптилках или при лучине. Очень плохо стало с питанием. Все продукты продавали по карточкам. Но в школе нам всю войну ежедневно давали по 50 граммов ржаного хлеба. Бесплатно! Находило государство средства!

У многих одноклассников отцы были на фронте. А у Раи Худеньких к тому же умерла мама. Девочку отправили в детдом, позднее узнали, что в Кыновской. Другая девочка, Губина

Лиза, заболела туберкулёзом, долго не училась. Ей мы носили хлеб из школы. Но она так и не поправилась...

Наша учительница Клавдия Георгиевна Плешкова была замечательнейшим, добрым, терпеливым и неутомимым человеком. В школе было холодно – даже в пальто иногда сидели. Поэтому в перемены она нас «тормошила»: мы играли, водили хоровод, танцевали. По её совету и с её помощью мы шили тряпичных зайцев и мишек, кисеты; приносили из дому кто что может (последние тетради, химические карандаши, носовые платки, варежки, носки, табак, даже печенье и коржики) и отправляли на фронт посылки. Сколько детской радости было вложено в них: ведь мы помогали фронту, нашим красноармейцам. Ещё собирали вещи для эвакуированных детских домов.

Когда мы учились в 3-м классе, в школу пришёл физруком раненый боец Бажутин. Учил он старшеклассников. Но мы с обожанием смотрели на него, как на героя. А как мы гордились, когда нас приняли в пионеры! Красный галстук! Он мне достался от старшей сестры. Мы – взрослые! Ответственные, старательные, хоть и дурашливые временами. Три подружки: Лиля Мальцева, Тамара Чемоданова и я стали самостоятельно ходить в госпитали с концертами, писали письма родным за тех, кто сам не мог писать.

Самым страшным нам казался госпиталь в ДК ЛМЗ, т. к. там лежали настолько загипсованные раненые, что у некоторых видны были только глаза. Но они все встречали нас как своих детей, благодарили, ласково разговаривали с нами. И мы так радовались, что можем хоть немного помочь им!

Удивительным кажется сейчас, насколько заботилось о нас в войну государство, хоть тогда мы и не думали об этом. Хорошо был организован летний отдых детей. Дневные городские площадки с 3-разовым питанием. Городской пионерлагерь в школе № 2 и загородный – во второй Обманке, а позднее ещё и в селе Кын. Каждое лето по 21-му дню в них проводили почти все школьники города. А какой моральной и эмоциональной заряд мы получали от пионервожатых и воспитателей! Это помогало нам, полуголодным и полуодетым, выносить огромную физическую нагрузку, которую взвалила

война на детские плечи. Мы вместе со взрослыми раскорчёвывали участки земли, сажали картошку; семена и урожай возили на тележках. Носили воду. Сенокосили. Рубили в лесу дрова и вывозили их на себе. А ещё надо было успеть многократно сходить в лес за грибами и ягодами. Помочь дома маме управиться с детьми, с огородом, с хозяйством. Успешно сдать экзамены в школе (они были ежегодными, начиная с 4-го класса).

5-й класс в 1-й школе. Весна... И вдруг 9 мая отменяют уроки. Кончилась война! «Но зачем же уроки-то отменять?!» – вопросительно смотрели мы на учителей. Нас отправили по домам. Господи! Что творилось на улице! Не описать всеобъемлющую радость и неизбывное горе от потерь, слившиеся воедино в ликующем «Победа!» И эта необычная обстановка в очередной раз заставила нас повзрослеть...

В. Королёва

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 8.

КАРТОШКА С МОЛИТВОЙ

Страшное это время нашей жизни – Великая Отечественная. Непостижимо трудная доля досталась из-за неё матерям.

...К началу войны наша семья была многодетной. Пятеро нас: старшей сестре 14 лет, младшей – 2 года. Отца на фронт не взяли - он работал на горячем производстве. Но дома бывал не больше 10 часов в сутки, делая только то, что не умела или не могла мама (шить и чинить обувь, колоть скотину и т.п.). А мама и умела, и могла, кажется, всё. Успевала перешить, починить и сшить новую одежду для нас – от рубашонки до зимних шапки и пальто. Стежила лоскутные одеяла. Пряла, вязала носки и варежки. Строчила шторы, подшторники. И они были маленькой радостью и гордостью в нашем быту. Почти всю войну мама «надомничала»: шила дома для армии трёхпалые рукавицы, телогрейки и ватные брюки. И всё это – при керосиновой лампе или лучине. И что бы она ни делала – пела, негромко, красиво. Сколько старинных и революционных песен переняли мы у неё!

А сколько работы по хозяйству лежало на ней! Огород, уход за коровой, заготовка сена, дров, ягод и грибов. На себе возили всё. И продукты для магазина (за это без очереди «возчикам» отоваривали карточки). А сколько времени требовалось, чтобы помыть, обстирать, накормить нас, проследить за нашей учёбой и здоровьем. А семья росла – за войну родились ещё трое. Одной воды надо было до 20 вёдер в день принести из колонки за 4 или 8 кварталов (ближняя почему-то часто ломалась). Мы, дети, помогали изо всех сил, но это была только частичка нескончаемых дел.

И вот при такой-то нагрузке мама умудрялась устраивать для нас праздники: дни рождения, Новый год, майский день. Для ёлки она сама каждый год делала игрушки из ваты, бумаги, картона. Даже Снегурочку и Деда Мороза настоящих сделала. Какими красивыми они были! К столу стряпала пирожки, печенье, калачики из картошки с мукой и другую вкуснятину. Приглашали соседских ребят. Веселья было: пели, играли, чай пили. И эти ёлки помнятся до сих пор, как чудный сон. А к майским праздникам мама «из ничего» шила нам обновки, отмечая этим и нашу хорошую учёбу.

Было очень трудно. Но соседи выручали друг друга и по хозяйству, и с малыми детьми. У нас часто оставляли «на смену» соседского Женьку. Рос он капризным, даже в еде. А с нами – нормальный пацан. И однажды его мама спрашивает нашу: «Петровна, ты чем это Женьку кормила? Он говорит, что у тёти Кати вон какая вкусная картошка с молитвой». Улыбнулась мама: «Проще не бывает. Сварю картошку с солью. А раз заправить нечем, говорю ребятам, что опять на обед картошка с молитвой. Уплетают за обе щёки. И ваш за компанию».

Милосердными были наши матери. Последнее отдавали, чтобы собрать посылку на фронт. Во второй половине войны в городе было много пленных. Зимой после работы их на 2-3 часа отпускали «в город». Некоторые из них ходили по домам и просили милостыню. И не было случая, чтобы мама отказала. Последнюю картошину, предназначенную на текущий день, отдавала просящему, приглашая отогреться. На глазах некоторых даже выступали слёзы, ведь они враги, а она... Иногда мы не-

доумённо смотрели на маму. Но в ответ всегда слышали: «Он – человек. Не виноват он, что его заставили воевать. У него дома тоже мать с ума сходит, зная, что сын в плену».

А сколько читать успевала наша мама! В зимние вечера, устав «до смёртоньки», она ложилась на час-два и обязательно с книгой. Ночью снова работала: вставала так рано, чтобы перед школой был нам свежий горячий завтрак. Но книги любила samozабвенно. Недаром её речь наполовину состояла из пословиц, поговорок и шуток-прибауток. Вот такая мама! Далеко нам до неё...

Мама моей школьной подруги работала завмагом на улице Быстрых. Звали её все Фая (Чемоданова). Муж на фронте. Две дочери школьницы. И работа такая невезучая! Многие «косились» на работников магазинов - нахлебники они. Но совершенно другой была тётя Фая. Она организовывала женщин на доставку продуктов в магазин. Возила их вместе с другими. Зимой - на санках, в остальное время года – на тележках. Сама следила за первоочередным отовариванием многодетных и больных жителей посёлка. Поддерживала в магазине чистоту, не обманывала людей. Откровенно говорила: «Того, что по закону дают на провесы и утруску, хватит с лихвой всей семье». И действительно, её никогда не видели с сумками, всегда – налегке. А вот утешить попавших в беду, подбодрить добрым словом она умела любого и незаметно. Не имея своего подворья, не отказывала в помощи по хозяйству соседям. Она нутром понимала людей, т.к. к середине войны стала вдовой.

А ещё у нас была соседка Прасковья Афанасьевна Чернышова, которую и стар, и млад звал Афанасьевной. Она осталась без мужа ещё до войны с тремя дочерьми. Старшая к войне была уже, как говорится, на своих ногах. А двум бы ещё учиться, но среднюю война заставила работать. Младшая через год тоже пошла в госпиталь. Сама Афанасьевна работала в лудильном цехе с давних лет. «За мужика», – смеясь, говорила. Вредное производство, тяжёлая работа. Стахановка! Её руки были почерневшими и не отмывались даже при стирке. Но какие это были руки!

Она была природный костоправ. Благодарность ей за всё была скромной, чаще – словесной. А вот уважение – огромным. От природы Афанасьевна была шумливой, неунывающей, любила «солёные» шутки. А в хозяйстве – чудо! Лесных даров она всегда заготавливала больше всех соседок. Сама управлялась со всем хозяйством (куры да две козы всегда были неотъемлемой частью их семьи). Дочери помогали мало – уставали на работе. А вот Афанасьевна могла по 2-3 дня не спать, воротить хозяйство, помогать больным или в неотложных делах соседям. И бегала при этом «конём». Разные они были в каждой семье, мамы. Но и похожие в главном: раз общая беда и раз надо – безотказные, негибаемые, дружные в делах и в радости. Поклон им земной от нас, спасённых в лихую годину их самоотверженностью и великой человечностью.

В. Королёва

Искра. – 2000. – 15 июля. – С. 5.

НАДЕЖДА КАДОЧНИКОВА

ВКУС ТОЙ ПОХЛЁБКИ ПОМНЮ ДО СИХ ПОР...

Мне в 41-м было 14 лет. Мы, карпатские ребята, собирались кучками и рассуждали: «Только, чтоб жил Сталин, он спасёт нашу страну». Мы почему-то верили в него...

В семье нас, детей, было пятеро. Мама, помню, плакала, уговаривала папу – съездить в Пермь набрать мануфактуры (так называли в ту пору ситец, сатин) – в Лысьве с прилавков всё исчезло. Утром они уехали. Днём смотрим, по угору к нам скачет на лошади мальчишка. Мы уже знали, что это значит – папе повестка, явиться в военкомат.

Через неделю к нам пришёл мой классный руководитель Коротаяев Алексей Александрович. Сидели мы с ним на крыльце, и рассуждал он со мной, как со взрослой – как нам теперь жить и быть в такое трудное время.

– Тебе, Наденька, задание: обойти ребят нашего класса, чтоб они по звуку горна быстро бежали на линейку. Через два дня в 10 часов утра мы услышали звук горна и барабана. Ребята сбегались на линейку. Директор школы Давыдов Иван

Наумович (погиб на фронте, царствие ему небесное) познакомил нас с обстановкой. Тут же на линейке записывали ребят в РУ и ФЗО для обучения и замены на заводе ушедших на фронт отцов и старших братьев. Здание школы № 15 было передано под госпиталь. Туда уже поступали раненые. Нас перевели в помещение школы № 14. В школу к нам стали поступать эвакуированные дети из оккупированных районов. Мы их очень жалели. Они рассказывали, как страшно было, когда их бомбили. В классе жили дружно. Со мной за партой сидела Наташа Калиничева, я ей часто приносила варёной картошки.

Осенью мы ходили в Заимку, убирали морковь, свёклу. Картошку пололи и убирали на Откормочной. Там нас поддерживали питанием – давали вкуснейший суп, хлебушка по кусочку. В магазинах хлеб уже давали по «заборным книжкам» – норма на семью. Карточек пока ещё не было. Там, где сейчас детсад № 12, был детдом для сирот войны. Мы под руководством А. Д. Рязановой изготавливали игрушки и относили этим детям. Конечно, с фронта приходила печальная информация. Немец шёл и шёл на нас. Страшновато было. Мы даже у школы рыли зигзагообразные щели на случай... Шторы из газет клеили для затемнения. На случай... Мы надеялись, что этого случая не будет, но всё-таки... Гитлер с Геббельсом орали, что захватят через два месяца Урал. Мы уже поняли, что этому не бывать. И в ответ ему пели:

*Гитлер масленицу ищет,
А найдёт великий пост.
От советских от танкистов
Убежит, задравши хвост!*

Вот не помню, что это был за цех, куда мы ходили с учительницей по труду Л. Ткаченко. Очищали помещение от металлической стружки. Взрослые там что-то делали на станках, и им некогда было убирать стружку. Мы корытами вывозили её на улицу, потом на мартен, и нам казалось, что мы тоже помогали своим папам, которых с нами не было уже шесть месяцев. И учиться мы старались. Все окончили 7 классов и разлетелись – кто на работу, кто на учёбу. Был у нас и выпускной бал. Всё равно веселились, пели, танцевали. А в конце

нам с хлебозавода привезли пшеничного хлеба по 200 граммов – горяченького. Радости было!

Я пошла на работу. Но лето надо было дома работать – заготовить дров, сена корове. Сестре было 16 лет – она работала на заводе по 12-16 часов, у неё одна забота – завод.

– У меня личное клеймо «ГС – Галя Селетова». Я должна снаряды отправлять, – заявляла она. – А вы уж сами с сеном и дровами...

После меня было три брата: девяти, шести и полутора лет. Ничего, сена было заготовлено, как положено, а дров иногда не хватало, и зимой мы с санками ходили на болото – за сушняком. Так и жили.

Я поступила на чулочную фабрику. Она была эвакуирована из Витебска и поместилась в здании бывшего кинотеатра «Триумф». Работали мы в три смены. Особенно трудно приходилось в ночную смену: хотелось спать и есть. Но были очень хорошие мастера, например, Серафима Степановна Наугольных, Елизавета Гофман. Они нас жалели. «Девки, – говорили они, – до пяти утра сделайте норму, а там можете поспать час-другой». Мы и старались, а если не спим, значит, больше нормы давали чулок, носков. Нормы были разные – 11, 13, 16 пар за смену. Это всё ручная работа. Женщины старше нас давали по 20 и 24 пары. Мы им завидовали: как это они могут, а мы нет?..

За хорошую работу нам, не помню, к какому празднику, почти всем дали вязаные белые кофты в подарок. Мы ходили в них в кино, чтоб все видели, а мы гордились. Случалось, не было пряжи, вовремя иглы не приходили. Мы не гнушались никакой работой. Зимой чистить туалет – пожалуйста. Дают нам сани без лошади с коробом. Набивали из туалета глызки в короб, впрягались в оглобли и ехали по улице Кирова кверху, разгружались где-то за школой № 10. А обратно под гору с песней: «Удивительный вопрос, почему я...» – сами понимаете, кто. Бельё – стёганные брюки, ватники – кровавое, всё в дырах – стирать – пожалуйста. Чинили, стирали и обратно на фронт отправляли – поезжай с Богом. Лес рубить в Каменный Лог – пожалуйста. Всегда готовы. Ни охов, ни вздохов.

Запомнилась «командировка». У первой проходной есть на берегу пруда эстакада. Я вот знаю, как она строилась. Пруд близко подходил к проходной, и нужно было его отодвинуть, чтоб построить эту эстакаду, необходимую заводу позарез. Надо, значит надо. Дали на двоих две лопаты и тачку-одноколёску. Землю подвозили на лошадях, а мы перегружали её в тачки, по доскам подвозили к воде и высыпали – «отодвигали» воду от берега. Руководителем был строгий мастер по фамилии Волков. Здорово он с нас спрашивал, не щадил, хоть нам было по 14-15 лет. К концу смены руки-ноги гудели. А молодость своё брала. После работы бежали в столовую. Она находилась там, где теперь редакция «Искры». Вокруг стен были сделаны сплошные столы на ножках, сколоченных крестом. На столах алюминиевые чашки, кружки, ложки. Вот тут усталости не было – был восторг. Из кухни доносился такой аромат, что помнится до сих пор. Готовила повар тётя Вера. Запах той похлёбки я всё ещё помню, а вот сварить сама такую не могу... всё это вспомнила и решила написать. Чтобы знали, какая это была страшная, тяжёлая война. О солдатах, фронтовиках мы читаем книги, поём песни, а о тружениках тыла мало где что найдёшь. А без тыла не было бы и победы.

Н. Кадочникова

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 8.

АЛЕКСАНДР ПАНТЕЛЕВИЧ БАБИНЦЕВ

ДЛЯ ФРОНТА БЫЛ МОЛОД, НО И ДОМА НЕЛЕГКО ПРИШЛОСЬ

Когда началась Великая Отечественная мне было 13 лет. Отцу Пантелею Николаевичу Бабинцеву, пришла повестка из райвоенкомата явиться с вещевым мешком. Тяжело было матери Татьяне Павловне провожать мужа, а нам с младшим братом Михаилом – отца. Вместе с ним ушли два дяди, братья матери, два двоюродных брата – Герасим и Тимофей. А еще Данил, Карп, Яков, Герасим, Матвей – 9 родственников ушло на фронт. Сильно их жены переживали.

Сначала пришла похоронка на отца. Мать осунулась, слегла от переживаний и тяжёлой работы, а в 1948 году мы похоронили её в возрасте 43 лет.

В 1944 году пришли сразу три похоронки – на Данила, Карпа, Якова. Опять переживание. Дяди до войны работали в колхозе, сильные, красивые. Прекрасно играли на гармошках, балалайках. Один дядя, Матвей Гурьянович Рогулин, остался в живых, хоть и был сильно ранен в ногу и контужен на Курской дуге. Тяжело раненного, его взяли в плен, увезли в Германию. С ним был товарищ из Брянска, по имени Степан. Работали у богатого немца – обрабатывали землю, сеяли, ухаживали за коровами, лошадьми. Немец кормил их плохо, издевался, но они думали о доме, где у Матвея были жена Екатерина, два сына и дочь Люба. Когда война закончилась, представители Красного Креста отправили их в Россию – сначала в госпиталь, на лечение, а через несколько месяцев – домой. Был награждён орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны и семью медалями. В 1998 году, в возрасте 78 лет, дядя Матвей умер.

Я молод был для фронта, но и дома было нелегко. В 1941 году пришлось пахать на паре лошадей с двухлемешным плугом, убирать хлеб, возить корм для колхозного стада, дрова на лесоповале. Питание было плохое – на трудодень давали по 100-200 граммов хлеба. Весь урожай сдавали государству, даже на семена не оставалось. За утаённое зерно наказывали очень строго. Душили налогами: за тридцать соток – тридцать пудов картошки. Молока сдай 200 литров, шерсти килограмм, яиц 100 штук. Колхозники в войну обносились, не было одежды приличной, на ногах только лапти.

А ещё в 1944 году объявилась коварная болезнь – ящур. Много погибло рогатого скота, овец, свиней – во дворах стало пусто.

Потом было сильное наводнение. В огородах всё нарушила вода. Люди перешли, можно сказать, на подножный корм. Лебеду, жёлуди собирали, мололи на мельнице и ели лепёшки из них. Но народ не падал духом. Все думали о победе, все знали: наша Красная Армия непобедима.

И вот 9 мая 1945 года пришла Победа! Сколько было радости, слёз! Мало вернулось фронтовиков, а те, кто выжил, были изранены, искалечены.

*А. Бабинцев
Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 5.*

ГАБДРАХМАН ХУСНУТДИНОВ

ПОХОРОНКА НЕ ОБОШЛА НАШ ДОМ

Призвали его еще на финскую. Осталась наша мать с пятью детьми – мал мала меньше. Старшей было 9 лет, младшему – 3 месяца. Жили, как все многодетные семьи (а таких на Первых Карпатах было немало), очень тяжело. Поэтому и повзрослели мы рано.

В 1944 году мама от тяжёлой работы слегла. К тому времени у каждого в семье – от старшего до малого – были свои обязанности. Но основные легли на меня, 10-летнего «мужика», и сестру, которая мыла и обстирывала нас.

Держали мы тогда корову – без неё нам было бы не выжить. Покос находился за 12 километров. Ходили туда пешком, а нередко и ночевали в лесу. Так наработаешься – колени от усталости подкашиваются. Ещё труднее было рубить дрова, стоя в снегу, в ледяной воде. А вовремя сено, дрова не сумеешь вывезти – опять забота, как бы не украли. Приходилось бегать караулить.

Картофель сажали, копали все, кто мог держать в руках лопату. До 500 ведер накапывали его мы, малые дети! А сколько на тачках мы с братишкой перевезли дров, травы, а зимой, на санках, навоза на участок! Летом за ягодами в лес по два раза бегали. Вот так и выживали.

Помню, где-то в конце войны сестра потеряла все хлебные карточки. Как месяц без хлеба жить? Пошла мать к директору торгового И. Н. Чебыкину (отец до войны там работал). Он не только не отказал в выдаче других (а сделать это было тогда чрезвычайно трудно), но и просил мать не наказывать сестру. Вообще у нас сохранилась светлая память об этом человеке.

Торг постоянно заботился о солдатских семьях, помогая в вывозке дров, сена.

Иногда оказывали нам и материальную помощь.

Похоронку на отца мы получили уже после войны. Это совсем подорвало здоровье мамы. Чтобы не огорчать её, мы старались хорошо учиться, дома выполняли её поручения, свои обязанности. Не хватало одежды, обуви, мы сами их ремонтировали и очень берегли. Были моменты, когда один, вернувшись с уроков, передавал одежду другому, и тот бежал в школу.

Жизнь для нас оставалась трудной ещё долгое время. Рано, подростками, пошли работать сестра и братишка. Я после школы поступил в техникум. Кстати, позднее все мы получили среднее специальное образование.

Война закалила, приучила к труду, ответственности большинство моих сверстников. Сегодня, вспоминая их, я с гордостью думаю о том, что никто из нас не прослыл беспризорником, вором или хулиганом. Все стали трудягами, достойными людьми. И в этом, прежде всего, заслуга наших мам.

Г. Хуснутдинов

Искра. – 2000. – 25 марта. - С. 2.

АННА ЛИТВИНА

МЕЧТАЛИ ОБ ОДНОМ – ДОСЫТА ПОЕСТЬ

Отца у нас взяли на фронт, помню, когда уже был снег. Нас пятеро сирот – мал-мала меньше. И не было у нас родной матери. Не было и в то время справедливости: сколько на нашей улице Жарова мужиков остались на брони, а нашего от сирот забрали – и сразу на передовую! Мы бежали за эшелонами, сколько сил хватило, пока он не скрылся с глаз. А папа успел написать нам одно письмо... Мы впятером выли, как волки...

Пока был небольшой от отца запас, мы терпели, а потом ходили куски собирать – кто что подаст. Ходили по очереди. Кто-то откроет двери, увидя нас, а кто бросит в подворотню картофелину... Всё, что было к дому пристроено, мы истопили, даже баню. Стояли одни стены дома.

А немного подросли, стали работать. Старшая сестра Мария пошла в огнеупорный цех на Мыс. Там вырабатывали белый кирпич. Ох уж и поели мы его! Он казался нам таким вкусным, жирным. А после него болели, опухали. Средний брат, Федя, умирал, хотели его в покойницкую увезти, а я и старшая сестра не дали. Узнали, что лежит он ниже комсомольского магазина, будто бы мёртвый. Пришли. Пульс у него немного бился, и мы его повезли в посёлок Орджоникидзе – там дистрофиков восстанавливали. А у нас его не принимают! Говорят: «Зачем привезли сюда покойника?» Мы сняли его с телеги, положили к дверям и уехали. Едем, ревьём, думаем, хоть не нам его хоронить...

Но оказалось, что его всё-таки занесли в коридор, стали выхаживать, и он ожил. Через несколько месяцев он в нижнем полосатом белье идёт домой, держится возле домов и заборов – это был скелет, обтянутый кожей. А дома-то и накормить его нечем! И вскоре его схватил тиф. Положили в больницу, кормили хорошо, он поправился и опять пришёл домой. Пока совсем не исхудал, устроился на работу в ЖКО – учеником печника, получил 800 граммов хлеба, паёк, и стало ему полегче.

А старший брат Василий ушёл в ремесленное училище. Одели его там так хорошо, что не узнать было. Закончил учёбу и работал в цехе № 4. Там и спал, домой не ходил – тоже был весь опухший с голоду. Это был самый тяжёлый цех – там делали снаряды для фронта. Каким-то чудом брат выжил.

А я пошла в госпиталь. Мне не было 14 лет, и меня взяли мыть полы. Была я так рада! Помню хорошо, раненых привозили всегда ночью. Не ждали, чтобы кто-то позвал – берём носилки и несём по лестницам на второй этаж. Некоторые бойцы меня очень жалели: «Куда ты, ты же ещё сама ребёнок!» Заведовала госпиталем А. А. Бойко, и она меня перевела в детское отделение. Там было полегче. Но сколько умирало детей – ужас! И мы выносили их в покойницкую. Морг был рядом. Ох, и повидали мы там всяких! Бывало, принесёшь ребёнка, а положить-то его некуда – полно трупов. Почему-то в то время я их не боялась, а сейчас боюсь...

Так я доработала до конца войны. А младшую сестру мы отдали в детдом. Она всё время сбегала оттуда. А сколько

переели мы этой травы – разве опишешь? Надо писать целую книгу. И вот к чему я это всё вспоминаю. Из нас пятерых никто не был вором или пьяницей, хоть мы росли одни. В настоящее время столько безработных – не хотят работать и только пьют, воруют да колются. А мы рады были работе.

Помню, кончилась война в мою ночную смену. Вы представляете, что делалось в отделении?! Кто плясал, кто пел, а кто и ревел. А я только и думала о папе: так хотелось, чтобы он вернулся – мы всё время ходили на станцию встречать его, но так и не дождались. А мама от нас ушла, и мы остались совсем одни. Сядем, помню, на пол, и одна мечта – досыта поест хлеб. И когда пришло это время, не поверите – объелись мы его. И где только т. Сталин всё взял – всё появилось в магазинах, и было всё время снижение цен, стали восстанавливать разрушенное, все работали и боялись опоздать на 5 минут.

А. Литвина

Искра. – 2000. – 6 мая. – С. 11.

ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ ОСЕТРОВ

А ДРУГА НЕ БРОСИЛ...

Я хочу рассказать о трудном детстве моего мужа. Зовут его Олег Петрович Осетров.

Ему шёл двенадцатый год, когда началась война. Старшая сестра не успела закончить последний курс медучилища – её взяли в армию. Начался учебный год, и Олег пошёл в четвёртый класс. В Лысьву с фронта стали поступать раненые. Школы № 1, 2 (земская), 10, 16 и ДК ЛМЗ были преобразованы в госпитали. И ребята с руководителем хора при доме пионеров Ромашовой выступали перед ранеными.

Весной 1942 года Олегу пришлось бросить школу – есть было нечего, хлеба не хватало, и его устроили в артель «Стахановец» – в «жестянку». Там ребята делали формы для выпечки хлеба. Изготавливали печки-экономки: круглые – на трёх ножках; продолговатые – на четырёх; круглые и высокие – «опильные» (топились опилом). Все они обогревали квартиры. Делали тазики, вёдра, котелки, кружки. Когда поспели грибы,

ребят под присмотром женщины-мастера отправили в командировку на станцию Унь. Ребята собирали грибы, а женщины перерабатывали их – сушили, солили. А зимой в столовой из них варили грибовницу с домашней лапшой из ржаной муки.

Зимой 1943 года на Мысу (ныне Ленинский посёлок) жили эвакуированные. В квартирах было очень холодно. Однажды Олега попросили сделать «опильную» печку, а за работу дали буханку ржаного хлеба. Хлеб был чёрствый, его ломали на кусочки, заливали кипятком, немного солили и ели.

Отец его к тому времени опухал от голода. Когда принесли эту буханку, он заплакал и встал на колени. Работа у отца была очень тяжёлая и вредная – он был лудильщиком.

В марте ребят послали в село Новорождественское за картошкой для столовой. Каждый взял санки и должен был привезти ведро картошки. Вышли рано утром, к вечеру дошли до села. Переночевали, нагребли из ямы, что была прямо в поле, картошки и пошли обратно. Шли целый день. Под вечер заболел друг, но Олег не бросил его – вывалил картошку, а друга на санках довёз до города.

Хлеба в доме по-прежнему не хватало, а тут ещё заболела мама. И едва парню исполнилось 14, отец устроил его в лудильный цех учеником. Там давали хлебную карточку – 900 граммов. Зимой Олег работал на разных работах – тяжёлых и вредных, а с весны до зимы перекрывал крышу на цехе. В 1944 году умерла мама.

Остался он с отцом и младшим братом. Работал, норму делал на 120 процентов. Износил три пары колодок – ботинок на деревянной подошве, которая не гнулась. Начался 1945 год. 9 мая пришли на работу, а на заводе – тишина, и объявляют: «Победа!» Что тут было! Плакали, смеялись. Потом пошли на площадь – на митинг.

За труд мужа наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Есть у него и памятные медали к 30-, 40- и 50-летию Победы, медаль «Ветеран труда».

З. Осетрова

Искра. – 2000. – 29 июня. – С. 3.

А Я ВОТ НЕ БЫЛ НА ВОЙНЕ...

Майским вечерком прибежал ко мне закадычный дружок Лёнька. Загорелый, с облупившимся носом, худой, как и я. Мы с ним всё по лесу шастали да по речкам, гальянов ловили. Ему четырнадцать, а мне только-только тринадцать исполнилось. Шёл тяжелый сорок четвёртый военный год, и мы от голодухи буквально «доходили». Мне было стыдно даже раздеваться, до того костляв был, а руки и ноги стали, как соломинки.

– Слышь-ко, – сказал Лёнька, – в «жестянку», что по улице Сталина, пацанов набирают. Формы для выпечки хлеба делать. А обедать на хлебозавод водят. И хлеб дают бракованный, и квасом поят. Сыты будем.

Лёнька помолчал и предложил:

– Пойдем устраиваться?

– Айда, – согласился я.

Директором в те годы, если мне не изменяет память, был Преснецов. И вот я у него.

– Дядя директор, – говорю, – возьмите в «жестянку».

Он пытливо смотрит на меня и говорит:

– Взят бы, да больно ты мал.

– Возьмите, – канючу я, – я хоть и маленький, но выносливый. Справлюсь. А то отощал я совсем...

Директор встает из-за стола, гладит меня по голове и говорит:

– Ладно, малыш, пойдем оформляться.

И вот я в мастерской. Дали работу – резать из жести заготовки для форм. Резак, правда, тяжеловат, но освоился быстро. А мастер, раненный в колено красавец, моряк Михаил с линкора «Марат», сделал мне подставку под ноги.

В обед нас, ватагу ребятишек, Мишка-моряк ведёт на хлебозавод. Дали по куску развалистого хлеба да квасу сколько угодно. Какое это для изголодавшихся парнишек было блаженство – кусок чёрного хлеба! И сейчас всё помню.

Появились новые приятели и друзья, работали весело, а нередко и дрались – ребятня есть ребятня, всё было. Особен-

но подружился я с Борисом. Это был крупный подросток лет пятнадцати, рыжеватый, со светлыми, какими-то бегающими глазами. И вот однажды, отведя меня в уголок, он стал нашептывать:

– На хлебозаводе есть камера, где белые сухари сушат. Ну, знаешь, их раненым выдают. Так вот, там отверстие есть вытяжное, но маленькое очень. Я не пролезу, а ты тощий – пролезешь.

Ещё, говорил Борис, в заборе есть дыра, и сегодня ночью пойдем за сухарями. Он и мешок большой возьмет.

– Наедемся вволю, – закончил свое предложение приятель.

Поразмыслив, я твёрдо ответил:

– Брать чужое нельзя, а то Бог накажет.

Насчёт Бога я не знал, но моя бабушка Евдокия Григорьевна так меня воспитывала, говоря, что воровать нельзя – это большой грех.

– Будь, – говорила она, – беден, но честен!

Борис презрительно сжал губы и изрёк:

– Эх ты, бабушкин сынок!

Дружба у нас с ним распалась.

С тех военных лет много утекло воды. Редко, очень редко я встречаюсь с ребятами, с которыми работал в «жестянке». Это прокатчики Г. Рябов и В. Помазкин. Они давно на пенсии, а сойдемся, вспоминаем ту далёкую жизнь. Вспоминаем бравого Мишку-моряка, который был старше нас на пять-шесть лет, и который, защищая Родину, стал инвалидом. И не сетуем, что выпало нам такое тяжёлое детство.

Ю. Халтурин

Искра. – 1995. – 9 мая. – С. 10.

МЫ ЖИЛИ НЕПОДАЛЕКУ И МНОГОЕ ВИДЕЛИ...

В годы войны Лысьва находилась в глубоком тылу, но живых немцев – оттуда, с фронта – и нам довелось повидать. Вблизи речки Малой Запорной с довоенных времён стояли два барака. Года через два после начала войны бараки обнесли колючей проволокой. И вскоре в них разместили лагерь военнопленных.

Жили мы недалеко от лагеря, в бараках, поэтому колонну ведомых под конвоем пленных нам доводилось видеть ежедневно два раза: утром по пути в город, вечером – в бараки.

Много лет спустя, когда я уже работал в жестепрокатном цехе № 1, старые прокатчики рассказывали, что пленных использовали и на прямом производстве – у прокатных клетей. Об этом говорили, например, И. И. Пихтин и И. Х. Градобоев. Они вспоминали, что отношение наших рабочих к фрицам, трудившимся с ними рядом, было в общем-то дружеское. За редким исключением. Рассказывали про одного мастера, который «воспитывал» пленных только матом и кулаками.

В 1944 году я был пацаном, но хорошо помню, что летом в полусотне метров от наших бараков (поближе к пруду и железной дороге) немцы рыли какой-то котлован. Поговаривали, что в него хотели сливать мазут и НЗ, так как ёмкостей на заводе не хватало. Территория была огорожена колючей проволокой. Мы часто к ней подходили. Некоторым ребятам, кто побойчее, удавалось выменять у немцев то губную гармошку, то пилотку – за пару картошек или за спичечную коробку табака-самосада (курили его все мужики в бараках).

В конце войны немцы ходили уже свободно, без конвоя. Помню, однажды один забрёл в наш барак. Идя по коридору, стучал в двери и просил: «Ам-ам, эссэн, битте...». Постучал он и в дверь к нашей родственнице, к тёте Поле, получившей к тому времени казённую бумагу о том, что её муж пропал без вести. И эта женщина, которая по возрасту никак не годилась

ему в мамы, вдруг вынесла фрицу полный котелок (солдатский, изготовленный на нашем заводе) картошки:

– Ну и что? Где-то и Гребешку моему (так звала она мужа) так же достаётся, – оправдывалась она за свою доброту перед соседками.

Могу предположить, что немец тот, уехав в 49 м году в свой Дойчланд, на всю жизнь запомнил этот эпизод. Впрочем, мог и не уехать, а навсегда остался лежать в лысьвенской земле: пленные в лагере тоже умирали, как мухи...

В. Михайлов

Искра. – 2005. – 14 июня. – С. 4.

ОСТАЛИСЬ В ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

На юго-западной окраине города находилась огороженная колючей проволокой территория. Для лысьвенцев военной поры это тайной не было. Существование лагеря немецких военнопленных особых эмоций не вызывало. Колонны немцев в сопровождении конвоиров ежедневно ходили на работу на завод, где выполняли ремонт и подсобные операции. Подобные лагеря были в Березниках, Краснокамске, Губахе, Кизеле – городах, где крупные промышленные производства и шахты требовали дополнительной рабочей силы.

Тех, кто непосредственно соприкасался с жизнью спецконтингента, осталось в городе немного. Один из них Иван Иванович Костылев. После демобилизации с фронта по ранению он служил в охранном взводе 161-го отдельного батальона войск ОВД, охранял территорию и конвоировал пленных.

Иван Иванович рассказал, что среди пленных были и расконвоированные, которые ремонтировали и оформляли детские учреждения. В 1948 году военнопленные принимали участие в реконструкции здания Дворца культуры.

Были в лагере и побеги. Одного беглеца поймали в Кыну, другой бежал трижды и был захвачен в Восточной Пруссии. Что касается остальных вопросов лагерной жизни, то о них знал определенный круг лиц. От болезней, тяжелого труда и лагерного быта пленные умирали. Похоронами зани-

малась особая команда из самих заключенных, и о месте захоронения знали также немногие.

В 50-е годы, будучи на охоте, Иван Иванович случайно набрёл на ровные ряды холмиков с сохранившимися кое-где остатками деревянных крестов. Насчитал их около сотни. Точное же количество умерших, их имена, как и другие подробности лагерной жизни, хранят документы с грифом секретности в архивах соответствующих ведомств.

Сравнительно недавно в Государственном архиве Пермской области рассекречены документы спецгоспиталя, который базировался в школе № 15.

«Приказ № 109 18.10.45 начальника управления НКВД по Молотовской области: «Согласно распоряжению НКВД СССР № 147 и решения Молотовского облисполкома № 206 выделить в ведение НКВД эвакогоспиталь № 5939 станция Григорьевская, № 3952 г. Лысьва, № 5936 с. В. Муллы для обслуживания лагерей НКВД СССР № 207, 346. 366. . (Указанные лагеря находились в Краснокамске, Губахе, Березниках – Ф. Т.).

Один из приказов того же ведомства предписывал: «Эвакогоспиталь № 3952 г. Лысьвы на 200 коек, как наиболее подготовленный, принять в ведение НКВД к 1 ноября, закрепить за лагерями НКВД № 346, 366...»

Спецгоспиталь укомплектовали тремя врачами: хирург Гориславская, терапевт Белкина, невропатолог Марголина, 13 человек среднего и младшего медперсонала, группа больных в составе 9 человек выполняла хозяйственные работы; подвозку воды, топку печей. Они же готовили дрова.

Ежемесячно начальник спецгоспиталя А. Д. Тимкина высылала отчеты в облздравотдел: «...Загрузка спецконтингентом началась 12 декабря 1945 года. Поступили больные из лагерей 366 и 346 в количестве 113 человек. Характеристика больных: почти весь контингент больных поступил в тяжелом состоянии. Основная масса больных – дистрофики с I по IV степень, резко истощенные (47 процентов), обмороженные до 17 процентов, до 10 процентов – с обширными флегмонами. Большим злом в деле транспортировки больных является отправка всех без исключения больных пешком, несмотря на

состояние и заболевание, что увеличивает смертность по прибытию в госпиталь в первые дни».

В «Этапных списках» указаны мирные специальности пленных: кузнец, продавец пекарь, конторщик, автомеханик, крестьянин, воинские звания – от солдата до обер-ефрейтора.

Приказом № 301 от 04.10.46 начальника УМВД по Молотовской области спецгоспиталь № 3952 был расформирован. Здоровый контингент направлен в лагерь № 366, тяжелобольные – в эвакогоспиталь на станцию Григорьевская. Незадолго до этого вышел приказ начальника управления военнопленных и интернированных, помеченный грифом «Совершенно секретно»: «Прошу всех военнопленных: чехов, югославов, итальянцев, голландцев, бельгийцев, греков, шведов и англичан, за исключением лиц, служивших в СС, СД, СА, гестапо и других карательных органах, направить в лагерь военнопленных № 207 в г. Краснокамске для подготовки к отправке на родину». К этому приказу прилагается список военнопленных Лысьвенского госпиталя – 9 человек из войск СС и 1 – партии СА.

Десять месяцев действовал в Лысьве спецгоспиталь, в котором медики спасали жизни недавних врагов. По отчетам начальника госпиталя, за это время умерло 35 человек. В «Кладбищенской книге» имеются сведения о 24, из которых 19 были немцами, четверо – австрийцами и один мадьяр. Где покоится их прах – неизвестно, так как отводом земли для сих печальных мест также занимались специальные ведомства. Самому старшему из них было 50 лет, самому младшему 20.

Ф. Треногина

Искра. – 1995. – 4 мая. – С. 3.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ВРАГ – НЕ ВРАГ

Так и относились к пленным немцам
сотрудники этого госпиталя

Чем больше времени отделяет нас от войны, тем чаще приходится сожалеть о том, что многие живые свидетели тех событий ушли в мир иной, а мы не успели, а может, и не постарались сохранить их воспоминания. А ведь сколько ещё белых пятен осталось в истории войны, потому что были темы,

о которых говорить, а уж тем более писать в советское время было нельзя. Одна из них – лагерь для военнопленных немцев, что находился на юго-западной окраине Лысьвы, и спецгоспиталь, который в 45-46 годах базировался в школе № 15.

Госпиталь укомплектовали тремя врачами (хирург Гориславская, терапевт Белкина, невропатолог Марголина), 13-ю сотрудниками среднего медперсонала, и девять человек занимались хозяйственными работами. 12 декабря 1945 года они приняли 113 человек, поступивших из лагерей 346 и 366.

Перевязочная сестра – Л. Я. Андриянова вспоминает:

– В тот день мы не ожидали поступления немцев. Раненых нам привозили обычно ночью, а эти поступили поздно вечером. Повара наскоро сварили картошку в мундире и поставили на столы. Мы очень удивились: картошка остывает, а они сидят и не едят. Потом кто-то из наших хозработников очистил картофелину, разломил и стал есть. Глядя на него, и немцы потянулись к мискам.

Все немцы поступили в госпиталь с диагнозом «дистрофия». Истощены были настолько, что еле держались на ногах. До туалета добирались человека по 3-4, поддерживая друг друга. Было несколько лежачих. От них санитарочки впервые услышали слово «утка» – известный под таким названием предмет в наших госпиталях называли тогда «пропускник».

Нетребовательные, вежливые, немцы постепенно расположили к себе даже тех, кто вначале разговаривал с ними только криком да матом (за что им крепко попадало от начальника госпиталя Анны Давыдовны Тимкиной). Очень охотно они помогали санитаркам.

– Моят, бывало, женщины крашенные панели, так они подойдут, заберут у них тряпки и трут стену, пока она не заблестит. А самих только стена и держит, ведь сил никаких – кожа да кости, – до сих пор удивляется трудолюбую немцев Любовь Яковлевна.

Постепенно дистрофики пошли на поправку и... запели. Иной раз послушать их пение собирались все сотрудники госпиталя. А если немцы устраивали настоящий концерт, каждый получал от них персональное приглашение.

Как помнится моей собеседнице, никто пленных не охранял: мол, куда им бежать? Они свободно гуляли вокруг госпиталя, но никогда далеко не отходили. Не было с ними и переводчика, поэтому к концу их пребывания сёстры понимали язык весьма сносно.

Любовь Яковлевна не скрывает, что были у некоторых женщин с немцами и амурные дела.

– Я и тогда их не осуждала, а сейчас – тем более, – говорит женщина, у которой с войны не вернулся муж, а в 43-м от дизентерии умер единственный ребёнок.

За связь с немцами пострадала лишь одна эвакуированная из Днепропетровска, женщина лет тридцати, звали её Лида. Поплатилась за свой длинный язык и стопку подаренных ей фотографий. Однажды прямо в госпиталь за ней пришли сотрудники НКВД, увели с собой, и больше о ней никто не слышал.

О. Павлова

Искра. – 2005. – 24 мая. – С. 3.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аликина Марфа Афиногеновна	342-343
Аникин Василий Яковлевич	238-240
Анисимов Александр	185-187
Анисимов Александр Павлович	233-236
Анисимов Алексей	12-15
Астраханцев Николай Иванович	67-68
Бабинцев Александр Пантелеевич	361-363
Балабанов Николай Михайлович	92-94
Безматерных Валерий	86-89
Белоногов Виктор Дмитриевич	25-26
Бережнев Николай Михайлович	58-59
Богацкий Николай Григорьевич	163-164
Булатова Нина Васильевна	301-302
Вашляев Геннадий Васильевич	89-92
Волков Виссарион Демидович	178-180
Вотинов Алексей Петрович	165-166
Гладких В.	60-61
Горбунов Леонид Антонович	115-117
Грачёв Василий Терентьевич	121-122
Грачёв Иван Николаевич	207-208
Давыдов Николай	122-125
Евграфов А.	252-255
Елиозаренко Михаил Федорович	175-178
Елисеев Алексей Кириллович	47-48
Еремеева Анна Родионовна	344-346
Еремеева Надежда Михайловна	256-258
Ефимов Михаил Степанович	57-58
Желтовских Василий Иванович	51-52
Жуков Александр Иванович	29
Зыков Николай Филиппович	120
Иванов Евгений Нилович	141-146
Ивановская Зинаида	316-318
Исупов И.	27-28
Ишметов Мусраим	19-22
Ишмухаметов Ахмадулла Хозеич	128-129
Кадочникова Надежда	358-361

Калинина-Некрасова Анна Васильевна	132-133
Каракулов Николай Андреевич	41-44
Карягин Дмитрий Иванович	114-115
Карякина Вера Ивановна	226-228
Каюрина Людмила Петровна	331-332
Киселев Владимир Семёнович	250-252
Кичигин Сергей Фёдорович	8-9
Коноплёва Мария Степановна	213-214
Коньков С.	62-63
Коробова Нина	303-304
Коромылова Наталья Александровна	309-310
Коротаев Алексей Александрович	73-74
Корякин Александр Фёдорович	71-73
Косин Пётр Степанович	262-263
Котельников Александр Игнатъевич	225-226
Кошкина Мария Афанасьевна	215-216
Кошурников Пётр Николаевич	327-329
Куликов Владимир Петрович	16
Куликов Фёдор Иванович	56-57
Курганов Николай Андриянович	97-98
Латышев Василий Егорович	103-104
Лежанин Владимир Александрович	15-16
Лепихина Анна Филипповна	258-260
Леухин А.	108
Литвина Анна	364-366
Лысков В.	171-172
Лыхина Евгения Васильевна	310-311
Макаров Василий Иосифович	119-120
Максимов Константин Петрович	74-78
Максимова Степанида Александровна	329-330
Мальцева Анна Семёновна	196-197
Манин Иван Васильевич	173-175
Масленникова Мария Васильевна	241-242
Мелкумян Ашот	63-66
Мергалеева Валентина Михайловна	332-333
Миклин Алексей	99-102
Микрюков Николай Федорович	85-86
Михайлов Виктор	312-316

Моисеев Иван Иванович	181-182
Моргослепова Антонина Александровна	311-312
Мочалова Нина Ивановна	304-306
Неволин Александр Степанович	82-85
Нелюбин Александр Иванович	263-266
Нечаев Арсентий Алексеевич	94-97
Нечаев И.	61-62
Никитин Арсений Павлович	138-140
Новиков Алексей Александрович	6-8
Новорусов Александр	231-233
Новоселов Фёдор Степанович	35-39
Носачёв Иван Дмитриевич	306-309
Оборин Александр Васильевич	146-147
Одегова Антонина Кирилловна	216-217
Ожгихина Антонина Васильевна	198-200
Орлов Виктор Михайлович	217-224
Осетров Олег Петрович	366-367
Останин Яков Сергеевич	68-69
Паршёнок Клавдия	326-327
Пепеляев Дорофей Анисимович	134-136
Перевощиков Я.	136-137
Пермяков М.	158-162
Пирожников П.	40-41
Плишкин Иван Васильевич	26-27
Полейко (Стяжкова) Мария Степановна	249-250
Протасова Вера Гавриловна	53-54
Пчелинцева Александра Васильевна	192-194
Рачёв Л.	78-80
Русских Ирина Павловна	212-213
Рылова Александра Арсентьевна	247-249
Селиванов Сергей Александрович	54-56
Сергеев Николай Александрович	109-112
Сивцев Павел Алексеевич	125-126
Сикеев Александр Петрович	80-82
Скурихин И.	118-119
Соларева Тамара Ивановна	244-246
Соснина Валентина Мартыновна	209-210
Стародумов Петр Георгиевич	167-170

Столяров Николай Самойлович	17-19
Столярова Е.	336-337
Сунцев Игорь Леонтьевич	210-212
Суслопаров Борис	201-203
Теплоухова Зоя Ивановна	242-243
Тетерин Дмитрий Васильевич	104-108
Усанин Сергей Иванович	183-184
Устинов Василий Яковлевич	22-24
Фабрициус Георгий Петрович	49-50
Фёдорова Антонина Григорьевна	260-262
Халтурин Юрий Иванович	368-369
Хуснутдинов Габдрахман	363-364
Цылёв Павел Николаевич	203-207
Черных А.	190-192
Чикирев Михаил Александрович	29-31
Чиркова Федосья Николаевна	236-238
Чураков Николай Андреевич	9-12
Шабалина Антонина Фёдоровна	230-231
Шавшуков Григорий Ефимович	148-158
Шапилова Зоя Михайловна	50-51
Шестаков Георгий Евдокимович	184-185
Шестаков Поликарп Иванович	46-47
Шишигов П.	44-45
Шолохов Александр Андреевич	32-34
Шуклина Л.	190
Шулакова Нина Максимовна	228-230
Щербаков Иван Алексеевич	70-71
Щербакова П.	188-189
Ярославцев Николай Сидорович	112-113
Ярыгин А.	130-132
Ястребов Иван Павлович	300-301
Яцук Серафима	194-196

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ЧАСТЬ 1. НА ОГНЕННЫХ РУБЕЖАХ ВОЙНЫ	5
На страже границы	
С. Лямзина. Он первым из земляков сразился с врагом или одним из первых.....	6
О. Павлова. ...А на море больше не бывал	8
С. Голышев. От заставы до Берлина	9
В. Засухин. Как сложили песню.....	12
В. Кучумов. Пограничник. Танкист. Разведчик.....	15
В. Кучумов. На охране морских границ.....	16
«А мы с тобой, брат, из пехоты...»	
Н. Столяров. За нами столица родная.....	17
М. Ишметов. О победе мы узнали не сразу.....	19
А. Дедова. От Сталинграда до Вены.....	22
С. Голышев. Ротный снайпер.....	25
И. Демаков. Орденская летопись.....	26
И. Исупов. Огненные дни.....	27
Р. Жолобова. Он заслужил мирное небо.....	29
Е. Кожевникова. Сражался за Отечество.....	29
Н. Максаров. Дядьково.....	32
В. Новосёлов. Письма из сорок первого.....	35
П. Пирожников. Солдатская настойчивость	40
С. Голышев. В часы затишья.....	41
П. Шишигов. Это было 20 лет назад.....	44
А. Башарин. Поговорим, дед.....	46
Н. Лобанова. ...И к непогоде ноют раны.....	47
Артиллерия – бог войны	
Н. Лобанова. Солдату было 19.....	49
Н. Тишковская. Прошное не забывается	50
В. Желтовских. В бою и труде.....	51
В. Брек. Хотела быть педагогом – пришлось стать зенитчицей.....	53
С. Селиванов. От Киева до Берлина и Праги	54
В. Кучумов. Четыре часа длился тот кошмар	56
М. Ефимов. Сражений не забыть.....	57

Н. Бережнев. В боях за Родину.....	58
В. Гладких. Боевые дни.....	60
И. Нечаев. Ночью на берегу моря.....	61
С. Коньков. Этого не забыть.....	62
Н. Никольский. По приказу Родины.....	63
Л. Горшкова. Его награды.....	67
С. Голышев. Минометчик.....	68
Л. Горшкова. На безымянной высоте.....	70
С. Голышев. За охрану знамени.....	71
И. Якушев. Он штурмовал рейхстаг.....	73
К. Максимов. «Бои местного значения»	74
Л. Рачев. Незабываемые.....	78
С. Голышев. На Сандомирском плацдарме.....	80
Ю. Халтурин. Со своим орудием.....	82
П. Зороастров. Это было под Краславой.....	85
О. Шардина. Навечно в строю.....	86
На Тиссе	89
Н. Балабанов. Мой первый орден.....	92
У Берлинской ратуши.....	94
В. Кучумов. Мама плакала, а он смеялся.....	97
Кавалерия на марше	
В. Комаров. Только вперед.....	99
Боевой путь танковых бригад	
В. Волков. Пять сыновей из девяти воевали.....	103
С. Казанцев. Славной дорогой	104
Д. Тетерин. На огненной дуге	106
А. Леухин. Форсирование Днепра.....	108
Приказ выполнен.....	109
П. Ершов. Гвардии старшина.....	112
Д. Карягин. На сандомирском плацдарме.....	114
В. Горшков. Командир батальона.....	115
И. Скурихин. Мчались танки, ветер поднимая.....	118
Он был лысьвенским рабочим.....	119
Ветеран.....	120
К. Максимов. Плечо товарища.....	121
Н. Давыдов. По тылам врага.....	122
Радыгин А. Смерти смотрели в лицо	125
Красное знамя над Львовом.....	127

Морские служители

- А. Ярыгин. Балтийцы в битве за город Ленинград..... 130
А. Кириллова. «Шли по войне девчата похожие на парней...»..... 132

Летчики военной авиации

- Д. Пепеляев. «...А я остаюсь со своим любимым У-2»..... 134
Я. Перевощиков. Под свист бомб..... 136
Д. Глушков. Отчизны верные сыны..... 138
Боевой счет капитана Иванова..... 141
Н. Суслов. Герой Советского Союза А. В. Оборин – наш земляк..... 146

Боевые действия десантников в тылу врага

- Ефимов Н. Под куполом парашюта..... 148
С. Голышев. По тылам врага 158
Н. Богацкий. Сокрушительный разгром 163

Неизвестные герои, известной войны

- Г. Суслов. Он был разведчиком..... 165
А. Добрынин. Кавалер трех орденов Славы..... 167
В. Лысков. В разведке 171
Ю. Халтурин. Ночь разведчика Манина..... 173
В. Горшков. Разведчики Заполярья..... 175
М. Волков. «Жив сын. Произошла досадная ошибка»..... 178
И. Моисеев. Особое поручение 181
Е. Орлова. Считали пропавшим без вести 183
Боевой парень..... 184
Голышев С. Шрам на лице..... 185

Военно-полевая медицина

- П. Щербакова. В полевом госпитале..... 188
Л. Шуклина. В одном строю..... 190
А. Черных. Во имя детского смеха..... 190
Н. Лобанова. Помогала песня и на фронте..... 192
С. Яцук. У войны не женское лицо, но без женщин не было б Победы..... 194
О. Павлова. «До сих пор просыпаюсь от стона раненых...» 196

Сапёр на войне в особой цене	
Н. Шубенкова. С миноискателем в руках.....	198
С. Голышев. На пяточке у Днепра.....	201
А. Кипрянов. Герой Советского Союза Павел Цы- лёв	203
Кучумов В. На высоком берегу Амура.....	207
Позывные войны	
Н. Шубенкова. Фронтовые подруги	209
С. Голышев. Два ордена	210
И. Русских. И шли по войне девчата	212
М. Коноплёва. Навсегда останутся в памяти.....	213
А. Кириллова. Юность, опалённая грозой.....	215
И. Михайлов. Служила телефонисткой.....	216
И. Тюфяков. По следам фотографии	217
А. И. Котельников	225
А. Шеромов. Она помнит это горькое слово «бло- када».....	226
Т. Шулакова. В войну погибали не только от пуль.	228
А. Шабалина. Тогда я сказала: «Я и есть твоя дочь...».....	230
С. Голышев. На пороге Рейхстага.....	231
А. Дедова. От Курска до Берлина.....	233
С. Голышев. Связистка.....	236
Халтурин Ю. Геройства не совершал.....	238
Автотранспортные отряды	
В. Трошкова. По фронтовым дорогам.....	241
Г. Суслов. «А в сторону не свернешь – все зами- нировано».....	242
Охрана особо важных объектов	
З. Ивченко. Тамара.....	244
Партизаны принимают бой	
В. Трошкова. В партизанской бригаде.....	247
А. Стяжков. Отважная Мария	249
А. Маметьев. Он уходил добровольцем.....	250
А. Евграфов. Партизанскими тропами.....	252
Путь к свободе	
Е. Орлова. Дольше века длился год.....	256
В. Брек. Не верилось, что кошмар остался позади.	258

А. Фёдорова. «Надели полосатую робу и деревянные колодки...».....	260
С. Лямзина. И погнали пленных на Запад.....	262
В. Спиридонов. У каждого на войне была своя ноша.....	263
ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВОГО ПОДВИГА	267
Всё для фронта! Всё для Победы!	
Н. Максаров. Летопись военных лет. Год 1941. Листая страницы «Искры».....	268
Н. Максаров. Летопись военных лет. Год 1942. Листая страницы «Искры».....	271
Летопись военных лет. Год 1943. Листая страницы «Искры».....	273
Н. Максимов. Летопись военных лет. Год 1944. Листая страницы «Искры».....	275
Н. Лыкин. Летопись военных лет. Год 1945. Листая страницы «Искры».....	277
Е. Орлова. Всё для фронта, всё для Победы!.....	279
В. Вялых В глубоком тылу.....	281
Ф. Треногина. Золотой запас Лысьва у себя не хранила, ...но бойцов одевала-обувала, кормила!	283
Т. Хороманская. Марафон.....	288
Орденоносный завод № 700	
Легендарная лысьвенская каска.....	292
Н. Градобоев. Как один человек.....	295
М. Ферштер Для фронта, для победы.....	297
И. Литвина. 800 граммов – и баста!.....	300
Н. Булатова. «Только болело плечо от удара винтовки».....	301
Н. Коробова. Кровати стояли прямо в цехе.....	303
В. Никулин. В тревожное время.....	304
Н. Максаров. Отдыхать было некогда.....	306
Н. Лобанова. Глаза боялись – руки делали.....	309
А. Кириллова. О себе не думали.....	310
А. Моргослепова. И до сих пор бегу на проходную.....	311
В. Михайлов. Скоростные плавки были делом	

обычным.....	312
З. Ивановская. И никто не роптал.....	316
Тыловые эвакуогоспитали	
О. Павлова. Скальпель, шприц и... любовь.....	319
А. Бойко. В тыловом госпитале.....	321
Ф. Треногина. Судьбы их неизвестны.....	322
К. Паршёнков. Не смыкали возле раненых очей.....	326
Л. Вяткина. Он тоже был мобилизован.....	327
Л. Углицких. Повенчанные войной.....	329
Связующая нить между тылом и фронтом	
С. Лямзина. Свидетели людской радости и боли..	331
Будни швейной фабрики	
В. Кокшарова. Жили, работали, надеялись.....	334
Е. Столярова. Для блага народа, а не для войны.	336
Лысьвенское отделение госбанка	
В. Кокшарова. Золотой запас Лысьва у себя не хранила.....	338
Деревня в годы войны	
В. Кучумов. И никто не роптал. Понимали – на- до.....	339
Н. Ражиатуллина. «То были тяжелые годы».....	340
В. Кучумов. Такая она, Марфа Афиногеновна.....	342
Л. Еремеева. Хоть и не свистели над ними пули..	344
Культурная жизнь	
С. Ворожеин. В зале было холодно, но у дверей давка.....	347
К. Савина. У нас были свои высоты.....	349
Войной изломанное детство	
В. Королёва. Мы рано встали взрослыми.....	353
В. Королева. Картошка с молитвой.....	355
Н. Кадочникова. Вкус той похлёбки помню до сих пор.....	358
А. Бабинцев. Для фронта был молод, но и дома нелегко пришлось.....	361
Г. Хуснутдинов. Похоронка не обошла наш дом...	363
А. Литвина. Мечтали об одном – досыта поесть...	364
З. Осетрова. А друга не бросил.....	366
Ю. Халтурин. А я вот не был на войне.....	368

Судьба пленных немцев

В. Михайлов. Мы жили неподалеку и многое видели.....	370
Ф. Треногина. Остались в чужой земле.....	371
О. Павлова. Поверженный враг – не враг.....	373

Именной указатель.....	376
-------------------------------	------------

Победа ковалась в труде и в бою

Лысьва в Великой Отечественной войне

Сборник статей

Составитель – Е. И. Завьялова

Обложка, компьютерная верстка – С. И. Ёлохова

Фото на вкладках:

Страница 5 – Макс Альперт «Комбат», с сайта <https://aeslib.ru/istoriya-i-zhizn/velikie/bezymyannyj-kombat.html?source=subscribe>

Страница 267 – из фондов Лысьвенского музея